

МАРГИАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Т Р У Д Ы

Том 8

Москва 2021

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Институт истории материальной культуры РАН

Маргианская археологическая экспедиция

Алтайский государственный университет

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 8

Исследования Гонур-депе
в 2015–2019 гг.

Редакционная коллегия

В.А. Алёкшин, Е.В. Антонова,
Н.А. Дубова (главный редактор), Р.Г. Мурадов,
Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин, А.В. Фрибус

Москва
2021

УДК 05[902+572+599+391](31“636/637”/575.4)

ББК 63.4+63.3(0)31+63.5(5Тур)

Т 78

Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 8. Исследования Гонур-депе в 2015–2019 годах / Ред. В.А. Алёкшин, Е.В. Антонова, Н.А. Дубова (гл. ред.), Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин, А.В. Фрибус; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории материальной культуры РАН; Алтайский государственный университет – М.: Старый сад, 2021. – 292 с.

ISBN 978-5-89930-165-0

Данный выпуск Трудов включает значительный мемориальный раздел, посвященный ушедшим из жизни коллегам, основателям данной серии и друзьям Маргианской экспедиции — П.М. Кожину, М.Ф. Косареву и О. Леконту. Публикуется ряд неизвестных ранее работ П.М. Кожина. Приводится информация о раскопках 2015–2019 гг. на Гонуре и работах в музеях Туркменистана, дается архитектурный анализ ряда сооружений Гонура и описываются особенности технологии изготовления керамики, а также анализируются биоархеологические данные. Публикуются результаты изучения могильников в Восточном Иране и на территории Пенджикентского района Таджикистана, а также сведения о распространении разных форм мечей на территории Древнего Востока и долины р. Инд. Завершает книгу раздел о гордости Туркменистана — ахалтекинских скакунах.

Издание предназначено для археологов, антропологов и историков архитектуры.

DOI 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428

Transactions of Margiana Archaeological Expedition. Vol. 8. Study of Gonur Depe in 2015–2019 / Eds. V.A. Alyokshin, E.V. Antonova, N.A. Dubova (editor in chief), R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin, A.V. Fribus; N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS; Institute for the History of Material Culture RAS; Altai State University — M.: Staryi sad, 2021. — 292 p.

ISBN 978-5-89930-165-0

This issue of Transaction includes a large memorial section dedicated to the deceased colleagues, founders of this series and friends of the Margiana expedition — Pavel M. Kozhin, Michael F. Kosarev and Olivier Lecomte. A number of previously unknown works by Pavel M. Kozhin is publishing. Information on excavations in 2015–2019 is provided at Gonur and in museums of Turkmenistan, an architectural analysis of a number of structures of Gonur is given and the features of the technology of pottery making as well as bioarchaeological data are described. The results of the study of burial grounds in Eastern Iran and on the territory of the Pendjikent region of Tajikistan are published as well as information about the distribution of different forms of swords on the territory of the Ancient East and the valley of the river Indus. A section about the pride of Turkmenistan — Akhal-Teke horses ends the book.

The issue is intended for archaeologists, anthropologists and historians of architecture.

УДК 05[902+572+599+391](31“636/637”/575.4)

ББК 63.4+63.3(0)31+63.5(5Тур)

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 8

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ В 2015–2019 гг.

Подписано в печать 06/09/2021. Формат 90×60/8. Усл. печ. л. 21,75. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Старый сад»

Типография АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный университет»,

143000, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

ISBN: 978-5-89930-165-0

9 785899 301650

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2021

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Маргианская археологическая экспедиция, 2021

© Авторы статей, 2021

N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology
and Anthropology RAS

Institute for the History of Material Culture RAS

Margiana Archaeological Expedition

Altai State University

Transactions of the Margiana Archaeological Expedition

Volume 8

Gonur Depe Studies in 2015–2019

Editorial board

V.A. Alyokshin, E.V. Antonova,
N.A. Dubova (editor in chief), R.G. Muradov,
R.M. Sataev, A.A. Tishkin, A.V. Fribus

Moscow
2021

Content

EDITORIAL	8
IN MEMORIAM	
Dubova N.A. To the memory of Large Scientists and Friends.....	11
PAVEL MIKHAILOVICH KOZHIN	
Palaguta I.V. Pavel M. Kozhin – strokes for the portrait of the teacher	29
Kozhin P.M. Autobiography	45
Kozhin P.M. Scythian bowl «fallen from the sky»	46
Kozhin P.M. Short program of the course of lectures «History of ceramic production», delivered in 1992–1993 at the Department of Archeology of M.V. Lomonosov Moscow State University	53
Kozhin P.M. Formation of the State (Grounds for interdisciplinary research) (fragments).....	55
Kozhin P.M. The four original chariot centers that turned to horseback riding (fragment of the text)	62
MICHAIL FEDOROVICH KOSAREV	
Chindina L.A., Chernaya M.P. To the memory of Mikhail F. Kosarev – Scientist and Men.....	64
Vrtanesyan G.S. To the memory of mentors – Pavel M Kozhin and Mikhail F. Kosarev	68
OLIVIER LECOMTE	
Bendezu-Sarmiento J. To the memory of Olivier Lecomte (Saint-Raphael, 23-06-1949 / Paris, 15-01-2019)	77
Cordoba J.M. Remembering the Scientist, colleague and friend Olivier Lecomte	82

CONTINUATION OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AND RESEARCH AT GONUR DEPE

Dubova N.A., Mamedov M.A., Sataev R.M., Fribus A.V., Grushin S.P. Works of the Margiana archaeological expedition in 2018-2019 years	89
Artemiev V.I. Returning to the «embrasures» of the Kremlin (On the problem of architectural detailing of the structures of Gonur-Depe)	131
Gutkov A.I. Peculiarities of manufacturing techniques of the pottery originated from Temenos of Gonur Depe (South Gonur)	143
Kufterin V.V., Dubova N.A., Sataev R.M. Does the incidence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis correlate with high social status in Gonur Depe skeletal population?	180

BMAC AND SURROUNDINGS AREAS: CULTURAL AND TRADE TIES

Vahdati A.A., Biscione R. The Bronze Age necropolis of Chalow: insights into the funeral practices of BMAC people in northeastern Iran.	193
Vinogradova N.M., Kurbanov Sh.F., Bobomulloev S. Preliminary results of the study of the Mustafotepe burial ground in the Zerafshan valley.....	215
Attachment 1. Dubova N.A., Navruzbekov M.N. Human remains from the Mustafotepe burial ground	224
Semenenko A.A. «Sword argument» and origin of Indo-Arians.....	225

ON THE TURKMEN HORSE BREEDING

Ryabova T.N. From the history of the Akhal-Teke breed	259
---	-----

LIST OF ABBREVIATIONS .....

272

ABOUT AUTHOURS .....

274

Содержание

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	9
-----------------------------	---

IN MEMORIAM

Дубова Н.А. Памяти Больших Ученых и друзей.....	11
---	----

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ КОЖИН

Палагута И.В. Павел Михайлович Кожин – штрихи к портрету Учителя	29
Кожин П.М. Автобиография.....	45
Кожин П.М. Скифская чаша, «упавшая с неба»	46
Кожин П.М. Краткая программа спецкурса «История керамического производства», прочитанного в 1992–1993 гг. на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова.....	53
Кожин П.М. Становление государства (основания для интердисциплинарных исследований) (фрагменты)	55
Кожин П.М. Четыре первоначальных колесничных центра, перешедшие к верховой езде (фрагмент текста).....	62

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ КОСАРЕВ

Чиндина Л.А., Чёрная М.П. Памяти Михаила Фёдоровича Косарева – Учёного и Человека.....	64
Вртанесян Г.С. Памяти наставников — Павла Михайловича Кожина и Михаила Федоровича Косарева	68

ОЛИВЬЕ ЛЕКОНТ

Бендezu-Сармиенто Х. Памяти Оливье Леконта (Сан-Рафаэль, 23.06.1949 / Париж, 15.01.2019)	77
Кордоба Х.М. Вспоминая Ученого, коллегу и друга Оливье Леконта	82

ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК И ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОНУР-ДЕПЕ

Дубова Н.А., Мамедов М.А., Сатаев Р.М., Фрибус А.В., Грушин С.П. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018-2019 годах.....	89
Артемьев В.И. Возвращаясь к «амбраурам» кремля (К проблеме архитектурной детализации сооружений Гонур-депе)	131
Гутков А.И. Особенности изготовления гончарной керамики Южного Гонура (Теменоса).....	143
Куфтерин В.В., Дубова Н.А., Сатаев Р.М. Диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз у населения Гонур-Депе – показатель социальной дифференциации?	180

БМАК И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ: КУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

Вахдати А.А., Бишоне Р. Некрополь бронзового века Чалоу: Изучение похоронной практики населения БМАК в Северо-Восточном Иране.....	193
Виноградова Н.М., Курбанов Ш.Ф., Бобомуллоев С. Предварительные результаты исследования могильника Мустафотепе в долине р. Зерафшан	215
Приложение 1. Дубова Н.А., Наврузбеков М.Н. Палеоантропологические материалы из могильника Мустафотепе.....	224
Семенов А.А. Аргумент меча и происхождение индоариев	225

О ТУРКМЕНСКОМ КОНЕВОДСТВЕ

Рябова Т.Н. Из истории ахалтекинской породы.....	259
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	272
--------------------------------	-----

ОБ АВТОРАХ	274
-------------------------	-----

Editorial

Since the publication of the seventh volume of the Transactions of Margiana Expedition three great archaeologists, three friends of V.I. Sarianidi were passed away. Sarianidi was familiar with M.F. Kosarev and P.M. Kozhin for many decades, in fact, from the first years of his work at the Moscow Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (now the Russian Academy of Sciences). Archaeological excavations in the 2000s in Turkmenistan were brought together Olivier Lekomt and Viktor Sarianidi. Mikhail F. Kosarev and Pavel M. Kozhin were among the first organizers of this series of publications, they did a lot to ensure that their content was what it became. Olivier visited Gonur more than once and made great efforts to organize the restoration of the Gonur finds and their exhibition in France. Therefore, the next, eighth volume of the Transactions begins with a large block dedicated to the memory of these wonderful people. In addition to memorial articles, thanks to the efforts of Ilya Palaguta and Masha Milojkovich we have the opportunity to place here previously unpublished work by Pavel Kozhin that are of undoubted interest and pair of fragments of his unfinished texts.

This volume was planned for release in 2020, but for a number of reasons this did not happen. On October 26 this year one more great friend of the Margiana Expedition, the wonderful Italian archaeologist S. Salvatori passed away. Viktor I. Sarianidi and Sandro Salvatori met in the early 1990s, when the Giancarlo Ligabue Research Center (Venice)

allocated funds for excavations in Margiana. It was Sandro who carried out the first excavations of the now famous Great Necropolis of Gonur, he studied and published the first burials from there. He penned a whole series of works devoted to key issues of the Bactria-Margiana archaeological culture (BMAC) or the Oxus Civilization.

The rest of the sections of the next volume are traditional. This is primarily information about the work carried out during 2015-2019 excavations and study of collections of artifacts in the museums of the cities of Mary and Ashkhabad. This section includes an architectural analysis of the details of the fortifications of Gonur, the peculiarities of the technology of making pottery from the Temenos (South Gonur) as well as an discussion on a possible osteological indicator of the «social status». We also publish a very interesting work dedicated to the Chalow cemetery of Eastern Iran (Khorasan province), where the funeral rites have a significant similarity with the Margiana ones. The results of excavations of a newly discovered Bronze Age burial ground in the Penjikent region of Tajikistan are also presented. Continuing the study of analogies between South Asia and Turkmenistan, there is also an article on the distribution of different forms of swords in the territory of the Ancient East and in Indus River valley.

Considering the obvious presence of horse remains at Gonur, the book ends with a section about the pride of Turkmenistan — the Akhal-Teke horses.

От редколлегии

За время, прошедшее после выхода в свет седьмого тома Трудов Маргианской экспедиции, ушли из жизни три больших археолога, три друга В.И. Сарияниди. С М.Ф. Косаревым и с П.М. Кожиним он был знаком многие десятилетия, фактически с первых лет его работы в московском Институте археологии АН СССР (ныне РАН). С О. Леконтом Виктора Ивановича свели археологические раскопки в 2000-х годах в Туркменистане. Михаил Федорович и Павел Михайлович были одними из организаторов данной серии изданий, многое сделали для того, чтобы их содержание было таким, каким оно стало. Оливье не раз бывал на Гонуре. Он предпринимал большие усилия, чтобы организовать реставрацию гонурских находок и их выставку во Франции. Поэтому очередной (восьмой) том Трудов начинается с большого блока, посвященного памяти этих замечательных людей. Кроме мемориальных статей, благодаря усилиям И.В. Палагуты и М. Милойкович, мы имеем возможность разместить здесь не публиковавшуюся ранее, но представляющую несомненный интерес статью Павла Михайловича, а также пару фрагментов незаконченных им рукописей.

Данный том планировался к выпуску в прошлом году, но по ряду причин этого не произошло. 26 октября 2020 г. ушел из жизни еще один большой друг Маргианской экспедиции, прекрасный итальянский археолог Сандро Сальватори. В.И. Сарияниди и С. Сальватори познакомились в начале 1990-х годов, когда Научно-Исследовательский Центр Джанкарло Лигабуе (г. Венеция) выделил средства

на проведение работ в Маргиане. Именно Сандро осуществил первые раскопки ныне знаменитого Большого некрополя Гонура, изучил и опубликовал найденные там погребения. Его перу принадлежит целая серия научных трудов, посвященных ключевым вопросам Бактрийско-Маргианской культуры (БМАК) или Цивилизации Окса.

Остальные разделы очередного тома традиционны. Представлена информация о работах, проведенных во время прошедших в 2015–2019 гг. раскопках, и об изучении коллекций артефактов в музеях городов Мары и Ашхабада. В этот раздел включен архитектурный анализ деталей фортификационных сооружений Гонура, особенности технологии изготовления керамических изделий Теменоса (Южного Гонура), а также рассмотрение возможного остеологического индикатора «социального статуса» захороненных. Публикуются очень важные результаты коллег из Ирана и Италии, посвященные могильнику Чалоу в Восточном Иране (провинция Хорасан), где погребальные обряды имеют значительное сходство с маргианскими. Даны сведения о раскопках недавно обнаруженного могильника эпохи бронзы на территории Пенджикентского района Таджикистана. Продолжая изучение аналогий между Южной Азией и Туркменистаном, помещена статья о распространении разных форм мечей на территории Древнего Востока и долины р. Инд.

Учитывая явное присутствие остатков лошадей на Гонуре, завершает книгу раздел о гордости Туркменистана — ахалтекинских скакунах.

In memoriam

Н.А. Дубова

Памяти больших ученых и друзей

Небольшой очерк о трех выдающихся археологах, друзьях В.И. Сарияниди и всей Маргианской археологической экспедиции — М.Ф. Косареве, П.М. Кожине и О. Леконте. Приводятся эпизоды из личной жизни ученых, упоминаются совместные размышления над научными проблемами, описывается научная среда Института этнографии АН СССР 1970-1980-х

N.A. Dubova

To the memory of Large Scientists and Friends

A short essay about three outstanding archaeologists, friends of V.I. Sarianidi and the entire Margiana archaeological expedition — M.F. Kosarev, P.M. Kozhin and O. Lecomte. Episodes from the personal lives of scientists are given, joint reflections on scientific problems are mentioned, the scientific environment of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences of the 1970-1980s is described.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-11-28

Один из вышедших томов Трудов Маргианской экспедиции мы посвятили памяти ее основателя Виктора Ивановича Сарияниди (ТрМАЭ, 2016). К сожалению, поколение, к которому он принадлежал, теперь представлено единицами. В 2016–2019 годах ушли из жизни и три больших Ученых, с которыми не только Виктора Ивановича, но и значительное число участников Маргианской экспедиции связывали многие годы дружеских отношений и совместных исследований. Для достойной подготовки к выходу в свет всех выпусков «Трудов» очень много сделали Павел Михайлович Кожин и Михаил Федорович Косарев. Собственно именно с бесед с ними и началась сама серия, первым выпуском которой был сборник, посвященный 75-летию В.И. Сарияниди (У истоков цивилизации, 2004). Бесценные советы по содержанию, структуре, внимательнейшее редактирование статей всегда сопровождалось обстоятельными дискуссиями о текущих раскопках в Туркменистане, о проблемах археологической и антропологической наук, о науке в России в целом и еще по многим другим

вопросам текущей жизни. Все это в полной мере относится и к уже упомянутому шестому тому — последнему, в создании которого они также принимали участие. Какие-то беседы в последние годы из-за самочувствия обоих археологов мы вынужденно вели по телефону, но, если была только малейшая возможность, конечно, обсуждали все лично. Общение с большими учеными всегда дает бесконечно много. И дело даже не в том, что иногда находится какое-то решение конкретной проблемы, получаешь консультацию на интересующий тебя вопрос. Важнее другое, как и писал Антуан де Сент-Экзюпери: «Самая большая роскошь — это роскошь человеческого общения». Слушая внимательно и заинтересованно знающего человека, ты как бы соприкасаешься с тем миром, в котором он жил, размышлял, творил...

Павел Михайлович Кожин был одним из первых людей, с которыми я познакомилась в самом начале 1972 года, когда меня по распределению после окончания Биофака МГУ взяли на работу в Институт этнографии АН СССР. В один из при-

¹ Присутственными назывались пара дней в неделю, когда все сотрудники подразделения должны были приходить в здание института. Остальные дни недели назывались «библиотечными», т. е. сотрудники имели возможность работать дома или в библиотеках. Такой график вводился в связи с тем, что в двух комнатах, каждая площадью около 20 м², где располагался тогда Отдел антропологии, должно было работать 25 человек.

П.М. Кожин, 21 сентября 1960.

сутственных¹ дней, зайдя в комнату № 42 на четвертом этаже здания на ул. Дм. Ульянова, 19, где тогда располагался институт, за столом В.В. Бунака² я увидела слегка улыбающегося мужчину с усами и в очках. Присутствовавшие в той же комнате Валентина Куприяновна Жомова³ и Галина Михайловна Давыдова⁴ нас познакомили. Не могу сказать, что первое впечатление было особо положительным. Все, кто знал Павла Михайловича, помнят его острые высказывания и оригинальные прозвища, которые он давал многим. И мы с моей сокурсницей и подругой Галиной Викторовной Рыку-

шиной⁵, которая поступила в 1971 г. в аспирантуру Института, сразу же удостоились таких. Честно говоря, совсем не лестных.

Жизнь в институтах в те годы была совсем другой, мало похожей на современную, когда каждый исследователь существует почти сам по себе. Наши четыре академических института (Институт этнографии, Институт археологии, Институт всеобщей истории и Институт истории СССР), находившиеся по одному адресу, больше напоминали одну «большую неразделенную семью» или, по крайней мере, четыре «родственные большие семьи». Каждый из институтов занимал один этаж. Многие сотрудники были знакомы друг с другом, часто проходили совместные заседания. Нередко и в праздничных мероприятиях, которые устраивались не один раз в году, участвовали представители всех институтов.

П.М. Кожин работал в Институте археологии и, будучи общительным человеком с очень широкими интересами, был одним из тех, кто регулярно приходил в Отдел антропологии задолго до моего появления. Кроме чисто дружеских интересов, в отделе антропологии (как и в ряде других отделов) его, безусловно, привлекало обсуждение научных проблем. Здесь это в первую очередь касалось, конечно, все еще активно тогда работавшего профессора Виктора Валерьяновича Бунака, легенды антропологии XX в., одного из основателей советской антропологической школы. Отделом руководила тогда Татьяна Алексеевна Трофимова⁶. Коллегиальность отношений, регулярные заинтересованные обсуждения научных проблем, в которых Кожин принимал непосредственное участие, проходили

² О В.В. Бунаке см., например: Дубов, 2001; Васильев, Урысон, 2004.

³ См.: Валентина Куприяновна Жомова, 2001.

⁴ Г.М. Давыдова вместе с В.К. Жомовой была помощницей В.В. Бунака. Она защитила кандидатскую диссертацию по антропологии манси (Давыдова, 1989), вместе с В.В. Бунком изучала русских старожилов Сибири (Давыдова, 1973).

⁵ См.: Галина Викторовна Рыкушина, 2002.

⁶ См.: Аксянова, Яблонский, Ходжайов, 2012.

П.М. Кожин с любимой собакой, 2000-е годы.

не только в формальной обстановке заседаний, но и во время застолий. Фактически он был одним из членов этого дружного творческого коллектива, членами которого были тогда такие же юные, как он, Валерий Павлович Алексеев⁷, Генриетта Леонидовна Хить⁸, Ирина Михайловна Золотарева⁹, Александр Александрович Зубов¹⁰, Марина Святославовна Великанова¹¹ и другие антропологи. С В.П. Алексеевым и Г.Л. Хить у него именно тогда сложились дружеские отношения и научное содружество на всю жизнь. В последние годы жизни Павла Михайловича, когда мне довелось

общаться с ним намного чаще, чем ранее, он часто вспоминал эти беседы и многих их участников. Память у Павла Михайловича была прекрасная, и на события, и на научные факты. Как говорила его последняя супруга Нина Филипповна Богословская, вынесшая все тяготы забот о больном человеке с совсем непростым характером: «все книги, что в его библиотеке, он не просто хранил, но и все читал». Это красноречиво подтверждается его пометками на полях большинства изданий¹². Дополню, что нередко он помнил и страницы издания, на которых было написано важное.

Павел Михайлович не просто прекрасно ориентировался в антропологической проблематике, но и владел многими деталями, знал новейшие точки зрения в разных направлениях. Даже в те годы, когда он не имел возможности выйти из дома по состоянию здоровья, он был активным участником многих научных конференций, в том числе посвященных памяти В.В. Бунака и В.П. Алексеева. Практически то же самое можно сказать и о его владении знаниями по археологии, китаистике, искусствоведению, религиоведению, философии. Павел Михайлович умело сочетал точное знание деталей с возможностью взглянуть на явление в целом, образно говоря, «увидеть и деревья, и лес за ними».

Нельзя сказать, что все эти годы, начиная с 1972-го, наше общение было очень частым. Скорее наоборот. Но мысли об издании Трудов Маргианской экспедиции, знание того, что в 1950-х годах Павел Михайлович работал вместе с В.И. Сариа-

⁷ О В.П. Алексееве см., например: Золотарева, Арутюнов, 1992; ; Арутюнов и др., 1993; Валерий Павлович Алексеев, 2002; Алексеева, 2003 и др.

⁸ О Г.Л. Хить см., например: Халдеева, 2009а; Пежемский 2013 и др.

⁹ См.: Аксянова, 2003.

¹⁰ См: Халдеева, 2009б.

¹¹ См.: Марина Святославовна Великанова // <http://ethnotest.kunstkamera.ru/w/index.php?tit>

¹² Стараниями Нины Филипповны и при большой поддержке зав. кафедрой археологии и музеологии Алтайского государственного университета проф. А.А. Тишкина большая часть библиотеки П.М. Кожина, включающая прекрасные подборки по археологии, антропологии, этнографии всех регионов мира, множество теоретических и философских изданий, а также разнообразные словари была передана в Библиотеку этого учебного заведения в г. Барнауле (см.: <https://www.asu.ru/news/25095/>).

Одна из посиделок в лаборатории пластической реконструкции Института этнографии АН СССР. 1960-е годы. Павел Михайлович сидит рядом с Г.Л. Хить. Справа от нее — Михаил Михайлович Герасимов, далее — Таисия Сергеевна Сурнина и Марина Святославовна Великанова. На первом плане слева (спиной) — Наталья Николаевна Мамонова.

ниди на туркменском Геоксюре, был его другом, и, конечно, его огромный редакторский опыт (первой книгой, которую он редактировал вместе с Н.Я. Мерпертом, была «Археология Старого и Нового Света», изданная в 1966 г.) побудили меня обратиться за помощью именно к нему. И помощь эта оказалась бесценной. Павел Михайлович активно участвовал в рецензировании и редактировании всех текстов, оформлении структуры изданий, в форму-

лировке названий рубрик. Именно с ним мы обсуждали названия самих томов. Полученные от него редакторские навыки существенно дополнили и (как говорил известный политик) «углубили» мои собственные, наработанные в процессе составления и подготовки к изданию не одного десятка книг.

Пожалуй, еще более ценными были обстоятельные беседы, которыми сопровождалась наша конкретная работа. Кожи-

Мозаичные вставки с условным названием «Головы барсов» из гробницы 3210 Гонур-депе (Туркменистан, 2300-2200 до н.э.).

на интересовало все: и результаты наших текущих раскопок на Гонуре, и отклики зарубежных коллег на выступления В.И. Сарияниди на международных конгрессах, и открытия ранее неизвестных предметов, установление новых связей, формулировка концепций и многое другое. Помню, как однажды (в 2012 г.) он специально позвонил мне домой, чтобы высказать свое восхищение искусством древних маргушцев. Несмотря на то, что читал все тексты того, 4-го тома «Трудов» (2012) и видел черно-белые распечатки фотографий, он был поражен разнообразием и высоким художественным мастерством их изготовления. Касательно мозаик его особое внимание привлекли две каменные вставки — так называемые условно «голова барсов». Павел Михайлович обратил внимание на манеру изображения глаз этих животных, сказав, что надо бы ими заняться искусствоведам, т.к. похоже, что некоторые китайские приемы рисования, которые появляются позже, сильно напоминают гонурские.

В ряде других бесед, в том числе по причине моего слабого знакомства с археологией андроновской культуры, в частности специфическими особенностями свойственной ей керамики, родились две его статьи. В первой из них Павел Михайлович подчеркивает важность изучения изменения функциональных комплексов керамических изделий на протяжении времени существования Гонур-депе, о необходимости изучения периферии памятника с целью выявления гончарных производственных центров и специфики технологии изготовления изделий на них и отмечает значительную подвижность населения и наличие, а также постоянное развитие крупных обменно-торговых операций (Кожин, 2008, с. 191–192).

Именно в этой работе он подчеркивает, что «в культуре местного гончарства определенно сохраняются реминисценции оформления керамических изделий, присущие еще производству керамики неолитического и энеолитического вре-

мени. Но основные формы не восходят к соответствующим прототипам, а являются в данном памятнике в уже окончательно сложившемся виде, что подтверждает концепцию В.И. Сарияниди о пришлому характере культуры эпохи бронзы данного региона» (Кожин, 2008, с. 192).

И, что представляется очень важным, он говорит о том, что «керамическая продукция, встречающаяся в Маргиане на стоянках и могильниках кочевого населения, не обнаруживает близости с изделиями городских центров. Есть случаи, когда формально она приближается к видам посуды андроновских памятников Казахстана и Сибири, но заметны технические отличия по особенностям выделки (высокая уплотненность черепка за счет использования техники «наковальни и лопатки», а как следствие измельчение примесей) и более скругленные формы тулова сосудов» (Кожин, 2008, с. 192). Добавить мне здесь что-то сложно, но более углубленное изучение маргианской керамики, найденной как на городских, так и скотоводческих поселениях, просто необходимо. Зарубежные коллеги, уделяют этому вопросу значительное внимание, но они до сих пор в любых изделиях сделанных не на гончарном круге, стараются увидеть следы только «андроновского влияния» (см., например: Rouse, Cerasetti, 2014; Luneau, 2015; Rouse et al., 2019 и др.). Они полагают, что главной проблемой является дифференциация «степной скотоводческой» и «земледельческой кухонной» лепной керамики, упуская из виду, с одной стороны то, что кроме «степных скотоводов» в Маргиане были свои местные; с другой, что сама андроновская общность характеризуется разнообразием и форм и технологий изготовления сосудов; а с третьей, что некоторые редкие типы андроновских сосудов, в частности на узкой ножке-«поддоне», связаны своим происхождением с «келлелийско-гонурскими» вазами (Кожин, 2008, с. 192-193).

О далеко не прямолинейности, а сложности этих взаимоотношений, П.М. Кожин

рассуждает во второй своей работе. В качестве вывода он полагает, что «активная миграционная волна, которая наступает на земледельческие оазисы Закаспия в связи с резкой аридизацией климата, могла состоять из двух основных компонентов, имеющих родственную основу. Это — северные группировки андроновцев и их сибирско-казахстанских предшественников, проникавшие сюда из Зауралья и достаточно отдаленных районов юга Сибири и Казахстана и местных кочевников <...>, которые уже в течение длительного периода широким поясом поселений охватывали среднеазиатские земледельческие оазисы». Но автор также отмечает, что подвижное население из более южных, преимущественно иранских областей, также смещалось из обширных древневосточных империй в бактрийско-маргианский регион, где и продолжило свое тесное сосуществование с утвердившейся там молодой мощной цивилизацией (Кожин, 2012, с. 220).

Привожу здесь только два примера, хотя интереснейших мыслей Павлом Михайловичем было высказано в десятки раз больше. Очень сожалею, что не соображала и не записывала эти беседы на диктофон... Сейчас в памяти всплывают лишь отдельные эпизоды. Но они отрывочны... «К сожалению, никто не мог (и теперь уже не сможет никогда) сформулировать и аргументировать эти идеи так, как умел он сам — выверенной, почти балетной прозой фехтовальщика» (Дмитриев, 2016, с. 621). Хочу полностью поддержать другую мысль коллег Павла Михайловича, что его важнейшей чертой была интеллектуальная щедрость. Он всегда был готов прийти на помощь, посоветовать что и где прочитать, подсказать актуальный подход к проблеме.

Никогда не прощал он научной и человеческой недобросовестности, непорядочности (Дмитриев, 2016, с. 621).

О биографии и научном творчестве П.М. Кожина имеется немало работ. Все они, так же как и его практически полная библиография и интервью с ученым приведены в специальной публикации, подготовленной М.Г. Глушатовой (Павел Михайлович Кожин, 2019, с. 176–178). Здесь эти ссылки и тексты не повторяются. Отмечу лишь, что его характер и судьбу, как и многих людей, во многом определили родители и историческая эпоха, когда он рос. Как он сам рассказывал в интервью 26 сентября 2012 г. в Москве (записано М.Е. Кузнецовой-Фетисовой), что он «родился в Москве 18 сентября 1934 г., в семье старых большевиков, принадлежавших к составу Красной Армии. Отец¹³ по болезни был уже в запасе. <...> Родители мои были военными, и отец в то время был давно в отставке, болел. Он был намного старше матери, родился в 1886 г. Поэтому работала в это время в основном мать¹⁴» (Интервью, 2019, с. 111–112). В возрасте 10 месяцев Павел с матерью попал в китайский Харбин, откуда вернулся в Москву в 1937 г. Но сознательный интерес к Китаю проявился у ученого намного позже. Отметив эти моменты, все же остановлюсь, отослав интересующихся более подробным сведениям к указанным источникам, большая часть которых есть и в Интернете.

Здесь мы размещаем ряд ранее не публиковавшихся материалов Павла Михайловича. В частности, это его Автобиография, составленная в 2013 г. Она, видимо, явилась основой для более подробной информации в упомянутой био-библиографической книге. Но представилось небезынтересным

¹³ Кожин, Михаил Владимирович (1886–1966) — советский партийный, государственный и военный деятель, художник, заслуженный деятель искусств РСФСР.

¹⁴ Кожина Клеопатра Константиновна (1905–1985) по своей деятельности также была связана с военной службой, получила диплом Московского университета по специальности инженера-химика. Есть сведения, что она была активной участницей комсомольского подполья, разведчицей и связной Крымского подпольного областного комитета РКП(б).

поместить здесь этот, краткий вариант, т.к. в нем сам П.М. Кожин расставил акценты, подчеркнул то, что он считал для себя наиболее важным. Далее публикуется его материалы к докладу для международной научной конференции «Эволюционный континуум рода Ното», посвященной 125-летию со дня рождения В.В. Бунака (VIII Бунаковские чтения)¹⁵. К сожалению, он ушел из жизни, не успев полностью завершить его и даже оформить в цельный текст. Остался только ряд фрагментов, продиктованных им и тщательно записанных М.Г. Глушатовой.

С Михаилом Федоровичем Косаревым меня попросил связаться В.И. Сарияниди году в 2003. До этого времени мне были известны только его работы. Да и то в самом общем виде, поскольку детальное знакомство с литературой по археологии Западной Сибири не требовалось. Но Виктора Ивановича и Михаила Федоровича связывала многолетняя, буквально с первых лет их появления в Институте археологии, дружба. Их объединил, в том числе и факт, что оба закончили не престижные МГУ им М.В. Ломоносова или СПбГУ, а региональные университеты: Сарияниди — Ташкентский, а Косарев — Томский¹⁶. Жили они в последние годы в Москве неподалеку друг от друга: Косарев — около станции метро «Юго-Западная», а Сарияниди — около «Беляево». Как раз до 2003 г. они оба были сотрудниками отдела археологии бронзового века. Но, будучи безусловными фанатами поля, и любившие каждый свой регион, старались именно там проводить большую

Михаил Федорович Косарев.

часть времени. Поэтому даже в здании института они встречались не часто. В свои 70 с лишним лет Михаил Федорович был более мобилен, чем Виктор Иванович, поэтому именно он приехал к другу. Убеленные сединами ученые с упоением вспоминали свои молодые годы, говорили о тех изменениях, которые произошли в археологии. Михаил Федорович и в этот, первый, раз и в несколько последующих встреч неоднократно с болью говорил о том, что их любимая наука, которой они посвятили всю свою жизнь, переживает не лучшие времена. Он, подчеркивал, что она становится все более описательной. Практически нет обобщающих, аналитических работ. Есть примеры, когда границами археологических культур

¹⁵ Конференция состоялась 17–20 октября 2016 г. в Москве. Информацию о ней см.: Герасимова и др., 2017.

¹⁶ Можно было бы не обращать на это внимания, но, как ни странно, и до сих пор в ряде научных институтов Москвы и Санкт-Петербурга сохраняется мнение, что «настоящее образование» могут дать только два упомянутых в тексте вуза. Так, например, известный археолог А.А. Формозов пишет «Начальство заметило, что легче повелевать серыми провинциалами, чем выпускниками Московского и Ленинградского Университетов. В штат Института брали в основном людей из периферийных ВУЗов. Подготовленные из рук вон плохо, они, зато, помимо жилплощади и чинов, ни на что не претендовали» (Формозов, 2011, с. 72). Конечно, это частное высказывание относится к давним годам, но оно достаточно характерно. И отношение к ним как к «провинциалам» М.Ф. Косарев и В.И. Сарияниди прочувствовали в полной мере. Вспоминали они об этом и в те годы, которые я стараюсь описать.

становятся современные административные границы. То есть археологи, работающие в близко друг к другу расположенных регионах страны, одному и тому же или очень близким археологическим комплексам присваивают разные названия, не соотносят имеющийся набор предметов, особенностей культуры с соседними. Мало внимания уделяется исследованиям, реконструкциям духовной культуры народов прошлого. Недаром в посвящении своей статьи в первом выпуске «Трудов Маргианской экспедиции» отмечает, что она навеяна беседами с другом о состоянии российской археологии и ее дальнейших судьбах (Косарев, 2004, с. 68).

Среди прочих, обсуждались и вопросы миграций эпохи бронзы. Но Михаил Федорович, даже во время дружеской беседы, был очень осторожен в выводах, говоря, что неважно знает среднеазиатский материал. Хотя его первое впечатление о фрагменте лепной керамики с Гонур-депе, происходившего из верхних слоев на восточном фазе памятника, который они с Виктором Ивановичем обсуждали, оказался верен. М.Ф. Косарев обратил внимание на состав теста и отметил, что, скорее всего, он похож на таковой из районов Прикаспия. Эту особенность подтвердил и коллега из отдела бронзового века Лев Леонидович Галкин¹⁷.

Михаил Федорович очень сильно отличался характером и от П.М. Кожина и от В.И. Сарияниди. Пожалуй, их объединяло всего несколько моментов: бесконечная любовь к тому делу, которому они посвятили свои жизни, честность и бескомпромиссность в отстаивании научной точки зрения и в общем-то незначительная заинтересованность в личных материальных благах. Ни один из них не нажил «палат каменных», но каждый создал богатейший запас как археологиче-

ских фактов, так и оригинальных концепций, которые еще долго будут осваиваться и осмысляться будущими поколениями.

Когда вспоминаются эти несколько встреч с М.Ф. Косаревым, кроме его богатой эрудиции и глубокого знания материала мое внимание обращало то, что он не любил внешне ярко показывать свои эмоции. Складывалось впечатление, что он все встречает спокойно, не равнодушно, а именно спокойно. Радостью светились его глаза только тогда, когда он рассказывал о Западной Сибири, ее людях, природе, тех археологических памятниках, которые там известны или сам ученый раскапывал. Эта богатейшая внутренняя жизнь, наверное, в наибольшей степени раскрывается в его художественных произведениях, например, в книге «В поисках Великой Венгрии», которая (как отмечено в аннотации) написана «в необычном для ученого литературно-художественном стиле. При этом автор стремится не отступать от исторической правды». Скорее всего, именно глубокой любовью к родному краю было обусловлено внимание Михаила Федоровича к мировоззрению древнего населения, что дало ему возможность проникнуть в глубину, если можно так сказать, души, духовного мира людей, живших столетия назад. Возможно, в этом помогло то, как он сам отмечает, что он проводил свои исследования в том числе и в труднодоступных, малоисследованных таежно-болотных районах Сибири, где местное население сохранило многие элементы традиционной культуры, и где связь времен выражена особенно ярко и зримо. Немногие археологи выходят за границы археологического времени, немногие этнографы — за границы исторического. М.Ф. Косарев, конечно, видел эти границы, но более ценным считал связь времен, в явлениях, как современности,

¹⁷ Л.Л. Галкин (1927–2016) окончил школу юнг Северного флота (см., например: Рассказывает..., 2004), участник Великой Отечественной войны. В 1964 г. после окончания кафедры археологии исторического факультета МГУ работал в Институте археологии АН СССР, специалист по археологии эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия (Ким, 2017).

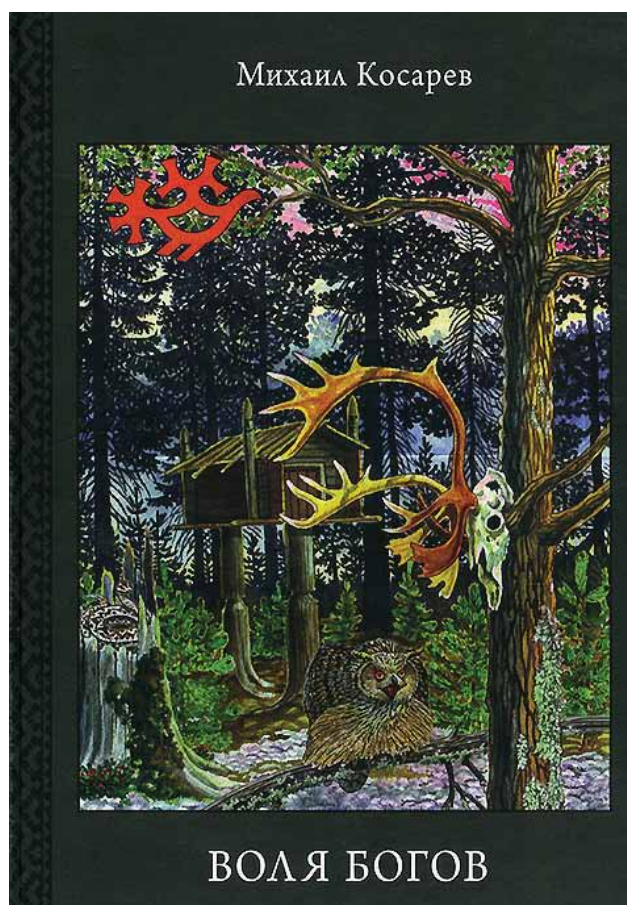
Рекламный буклет книги М.В. Косарева
«В поисках Великой Венгрии».

так и древности старался увидеть общие закономерности. Иными словами, как справедливо отмечают в кратких заметках о его биографии, размещенных в Интернете, он был сторонником палеогеографического и палеоэтнографического подхода к изучению древней и средневековой истории Западной Сибири. Он увязывал развитие археологических культур региона с изменениями географической среды обитания.

Увы, я не так долго знала этого Большого Ученого и Большого Человека, не так хорошо знакома с его научным творчеством. Посему здесь поставлю точку. Но хочу привести цитату из его уже упомянутой книги «В поисках Великой Венгрии», которая касается представлений древних жителей Западной Сибири о жизни и смерти: «Смерть человека на земле есть его рождение в стране мертвых, но не в младенческом состоянии, а в том возрасте, в каком завершилась земная жизнь. Достигнув Нижнего мира, тень становится живую, земной мир теперь мыслится ею как мир теней. Далее начинается обратная жизнь, так как время там

течет не в будущее, а в прошлое. Тень все более молодеет: старец постепенно превращается в зрелого мужа, тот — в молодого человека, потом наступает юношеский возраст, юноша становится отроком, последний — младенцем. Тень продолжает уменьшаться и наконец исчезает из нижнего пространства в лоно земной женщины, где прорастает в виде внутриутробного младенца. В миг рождения Небесная Пугос посылает ему ждущую своей очереди лил — душу-дыхание». Душа человека не уходит навсегда, она живет до тех пор, пока мы помним...

Профессор Оливье Леконт, руководивший Французской археологической миссией в Туркменистане и работавший тогда на Улуг-депе, приехал на Гонур 9 октября 2005 года. Кроме непосредственных участников французской экспедиции, с ним приехали реставратор Эстелла Оттенвельтер, которая приезжала на Гонур и полгода

Обложка книги М.Ф. Косарева «Воля Богов».

назад, будучи в составе другого отряда миссии в Туркменистане, а также известных археологов — сотрудников Лувра Ани Кобье (в то время она занимала пост руководителя Отдела Древнего Востока этого всемирно известного музея; она сменила ушедшего по возрасту с этой должности выдающегося специалиста по древнему искусству региона Пьера Амье) и Анъез Бенуа (главного реставратора того же Отдела). Правильнее было бы сказать, что впервые нас с Оливье познакомила известный археолог Туркменистана Эджегуль Атаевна Мурадова. Это произошло в 2000 году, когда была проведена масштабная Международная конференция «Культурное наследие Туркменистана: глубинные истоки и современные перспективы» в Ашхабаде. Сила убеждения Вадима Михайловича Массона¹⁸ в необходимости сохранять и изучать культурное наследие всех народов оказала позитивное воздействие на первого Президента Туркменистана. После почти десятилетнего разрыва связей между учеными разных регионов бывшего СССР в только что отстроенном дворце «Рухыет» в центре Ашхабада с его струящимися водопадами настоящей воды в фойе, золотом и хрусталем люстр в большом зале собрались ведущие археологи из независимых государств — бывших республик почти всего СССР, а также коллеги со всего мира, которые только в 1990-е начали изучать древнее прошлое Средней Азии. Французская археологическая миссия к тому времени провела уже не один

полевой сезон в Туркменистане, и, конечно, ее руководитель был приглашен. Эджегуль Атаевна работала во Франко-Туркменской экспедиции несколько сезонов в Дехистане, т.к. именно на материалах памятников той территории была построена ее кандидатская диссертация (Мурадова, 1991). Кроме того, она была членом Оргкомитета научного форума. В 2000 г. мы познакомились с ней и подружились на Гонуре, где она была одним из руководителей раскопок. Мы же (три антрополога — Т.К. Ходжайов¹⁹, С.В. Васильев²⁰, Н.А. Дубова и египтолог А. Крол), получили приглашение на участие, т.к. многие годы занимались разными аспектами истории Средней Азии, и приняли его, учитывая, что наша, можно сказать, разведывательная поездка на Гонур по приглашению В.И. Сарияниди и содействию туркменского антрополога О. Бабакова, проходила почти в то же время. Виктор Иванович был одним из главных участников той конференции. Ему и В.М. Массону в рамках той же конференции были вручены паспорта почетных граждан Туркменистана, и оба они были назначены советниками Президента. Но это — другая тема.

В первых числах октября мы всей большой командой «приглашенных» уехали с Гонура и на самолете из Мары долетели в Ашхабад. Конечно, нам, гонурским гостям сильно повезло, т.к. Виктор Иванович был почетным гостем, и поэтому его встречали в аэропорту официальные лица. «За-

¹⁸ В.М. Массон (1929—2010) выдающийся советский и российский учёный-археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН Туркменской ССР, академик АН Туркмении и Национальной АН Киргизии, член-корреспондент Германского археологического института (Берлин), Института Среднего и Дальнего Востока (Италия), почётный член Королевского общества древностей (Великобритания), член Датской королевской академии наук и литературы; советник по культуре первого Президента Туркменистана, председатель научного совета Международного института культурного наследия народов Туркменистана. В 1982-1998 гг. руководитель Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Ему принадлежит ряд важнейших открытий на юге Туркменистана (Джейтун, проторгородская цивилизация Алтын-депе, ранний железный век в Мервском регионе), обобщающие исследования по археологии Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока эпохи неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века и античного периода. Подробнее см., например,; Вадим Михайлович Массон, 2002; Кирчо, 2006, 2019; Березкин, 2014; Алексин, 2015; Усманова, 2015 и др.

¹⁹ См.: Тельману Касимовичу Ходжайову..., 2008.

²⁰ См: Сергею Васильеву..., 2013

одно» и нас с ним отвезли в ту же гостиницу «Ак Алтын». В холле этого, в то время недавно построенного современного здания нас встретила большая организационная суета: множество известных археологов, большую часть которых я или не знала вообще или знала тогда только по фотографиям или фамилиям, радостно общались после длительного перерыва между собой, с членами Оргкомитета, с сотрудниками туркменских институтов. Кстати, именно тогда мне посчастливилось «вживую» познакомиться с правой рукой В.М. Массона, одной из важных членов Оргкомитета с Российской стороны Любовью Борисовной Кирчо, а также с представителем туркменского Оргкомитета Байрамом Атаевым. Он сам подошел к нам, как и к другим участникам, поинтересовался, как добрались, как устроились в гостинице. Больше всего меня поразило тогда, что он мог помнить все про всех участников — кто какое учреждение представляет, откуда и с кем приехал сейчас, когда выступает, чем занимается и проч., проч., проч. Многие в блестящей организации конференции, как я поняла, обеспечил именно он, благодаря своим незаурядным организационным способностям.

Вот в этом бурлящем радостью сообществе Эджегуль, узнавшая меня, и «выловила» Оливье. Ей было приятно познакомиться меня с руководителем Французской археологической миссии, рассказать, что она работала в их экспедиции. Знакомство тогда ограничилось вежливым пожатием рук и улыбками. В то время я совершенно не собиралась заниматься археологией (на Гонур-депе мой приезд был связан исключительно с интересом к антропологии), мое имя для Оливье ничего не говорило, т.к. до этого научные публикации касались современного населения Средней Азии, а вокруг были специалисты, действительно всю свою жизнь занимавшиеся близкими ему проблемами археологии. Несмотря на то, что на той конференции были не только заседания, но богатая культурная

программа, мы с Оливье больше и не пересекались. Думаю, прежде всего, потому, что в тот год я еще не была включена в круг общения В.И. Сарияниди.

Судьба сложилась так, что с 2001 года я уже была одним из постоянных участников Маргианской экспедиции. Существовала тогда очень хорошая традиция — посещать раскопки коллег. Это очень помогало не только молодым, начинающим археологам расширить свои представления о памятниках региона, но и давало возможность ведущим специалистам обсудить прямо в момент обнаружения очень часто непонятные на первый взгляд находки, обсудить вопросы методики раскопок, реставрации. А вечерние застолья и по-человечески сближали людей, позволяли установить дружеские отношения, наладить научные контакты. Очень жаль, что в последнее десятилетие эта традиция оказалась прерванной. Хорошим поводом для таких экскурсионных поездок были дни рождения руководителей экспедиций. Особенно юбилейные даты. 75-й день рождения Виктора Ивановича Сарияниди пришелся на 23 сентября 2004 г. Археологические находки весеннего и осеннего сезона оказались знаковыми — своеобразным подарком судьбы выдающемуся археологу за его самоотверженный труд: именно тогда были найдены гробницы «царского некрополя» с их сложными конструкциями, четырехколесными повозками, уникальными мозаиками и, конечно, выдающимися ремесленными изделиями, включая ювелирные, в том числе из золота, серебра и слоновой кости. Несмотря на то, что публикация этих материалов появилась в конце того же, 2004 г., конечно, ознакомиться с находками сразу археологи не могли. Но вот юбилейная дата, как раз и явилась тем катализатором, который позволили не откладывать приезд коллег на другое время. Тогда, в сентябре 2004 г., на Гонур-депе приехало много туркменских друзей Виктора Ивановича, в полном составе Туркменско-Британская экспедиция под ру-

ководством Тима Вильямса из Лондонского университетского колледжа (UCL) (она работала на памятниках Древнего Мерва) и также почти в полном составе Французско-Туркменская миссия, проводившая раскопки на Улуг-депе. Но в тот сезон работами Французской миссии руководил Анри-Поль Франкфор из Национального Центра научных исследований (CNRS), ныне академик, который был уже хорошо знаком с В.И. Сарияниди по работам в Афганистане в 1969–1979 гг.

Собралось более 30 человек. После подробных экскурсий для нескольких групп гостей, показа и обсуждения заинтересовавших всех находок, которые по окончании сезона были переданы на хранение в музей, состоялся праздничный ужин. Из камышовых циновок мы специально соорудили навес со стенами, в середине которого и был накрыт богатый дастархан, за которым поместились все. Тосты и поздравления произносились на всех языках — русском, туркменском, французском, английском и даже шотландском. Несмотря на то, что часть французской экспедиции была вегетарианцами, а главным блюдом был запеченный в песке по традиционному туркменскому способу целый баран, нафаршированный овощами, за столом все остались довольны. На следующий день гости разъехались и повезли свои рассказы о тех замечательных находках. Не только в быту цыган, но и в научной среде «сарафанное радио» распространено достаточно широко. Именно поэтому уже на следующий год о сенсации в Каракумах знали многие археологи — и в Европе, и в мире. Соответственно, на полевой сезон 2005 г. Оливье Леконт специально запланировал поездку на Гонур-депе.

Виктор Иванович заранее стал готовиться к приезду друга. Он купил ему в подарок настоящий туркменский халат *дон*, замечательный туркменский мужской головной убор *тельпек*, которые до прибытия французских археологов перемеряли все участники экспедиции, устроив целую

фотосессию. Именно тогда была сделана уже ставшая знаменитой фотография руководителя Маргианской экспедиции, которая помещена в 6-м томе «Трудов» (2016). Кроме этих, туркменских подарков, Виктор Иванович еще зимой привез для друга из Афин греческий сувенир — знаменитый коньяк Метакса в красивой керамической, расписанной бутылке. Кроме того, Мухаммед Беглиев (водитель и помощник Виктора Ивановича) сходил специально на охоту, результатом которой был красивый фазан, тушка которого была одним из праздничных блюд. Шкурку его умелые руки Алексея Ивановича Нечвалоды превратили в чудесное украшение стола.

Я понимаю, что все выше сказанное — это некое отступление. Но мне оно показалось возможным, т.к. характеризует взаимоотношения двух больших ученых, а также дает представление о быте большой экспедиции, затерянной вдалеке от мест обитания современного человека. Но вернусь к событиям 9–10 октября 2005 г. Профессор О. Леконт приехал на Гонур не один. С ним был антрополог и археолог Хулио Бендесу-Сармиенто, теперь уже несколько лет заменяющий Оливье на посту руководителя Французской миссии в Туркменистане. Но, кроме него, Оливье специально пригласил в тот сезон в свою экспедицию двух упомянутых выше сотрудников Лувра — Ани Кобье и Анъез Бенуа. И это приглашение не было просто желанием показать и этим уважаемым специалистам чудо Гонур-депе. Узнав от коллег, бывших на Гонуре в 2004 г., а также из уже вышедших к осени публикаций о «царском некрополе», профессор Леконт провел специальные переговоры в этом одном из крупнейших музеев мира о возможности проведения там временной выставки некоторых из найденных находок, а также об изучении современными неразрушающими методами и реставрации уникальных изделий оттуда. С той же целью он пригласил и Эстеллу Оттенвельтер, которая могла бы помочь с реставрацией металлических изделий на месте, обучая

параллельно и туркменских мастеров этому непростому делу. И в этом был весь Оливье! Он не мог оставаться равнодушным, молча созерцать или просто восхищаться (или завидовать, как делают некоторые), находками, пришедшими из глубины тысячелетий. Он понимал, что необходимы специальные усилия для их сохранения для потомков. Причем неважно, сделали ли эти открытия французские, туркменские, российские или какие-либо другие исследователи. Он очень хорошо понимал, что все эти находки — достояние всего человечества, и делал все, что от него зависело, использовал все свои связи, чтобы изучить и сохранить найденные шедевры. Добавлю, что именно благодаря его усилиям на базе Французской миссии в пос. Душак Ахалского велаята Туркменистана была создана и до сих пор действует уникальная реставрационная лаборатория, оснащенная прекрасной аппаратурой. В ней во время работы французских археологов Эстелла проводит специальные школы реставрации, на которых могут обучаться молодые работники музеев страны.

Те два октябрьских дня на Гонуре были наполнены интересными беседами, шутками, рассказами, воспоминаниями. Конечно, экскурсиями по разным объектам, обсуждениями находок, истории БМАК, разнообразных культурных аналогий. Тогда же выяснилось, что, благодаря авторитету Оливье, коллеги из Лувра нашли спонсоров для подготовки специальной упаковки, транспортировки и страховки небольшой части находок из царского некрополя Гонура. В те же дни мы все вместе обсудили, учитывая все пожелания и мнения, какие из погребений можно представить в экспозиции, какие серебряные сосуды надо реставрировать и исследовать в первую очередь. Выбор в первую очередь пал на погребение 3220, на набор из 17 серебряных, двух золотых и 5 бронзовых сосудов, а также яркие находки из других гробниц.

В качестве развития проекта по организации выставки гонурских находок, в 2006 г. Президент Лувра пригласил В.И. Сарияниди прочитать в Аудиториуме лекцию о последних находках. Она состоялась в начале

А. Бенуа (слева), О. Леконт и А. Кобье около «Погребения тайчанаха» (№ 3340) на Гонур-депе. 9 октября 2005 г.

А. Шайимова (слева) и М. Джуманазаров демонстрируют некоторые новые находки французским коллегам. В центре — О. Леконт, справа от него — А. Кобье и А. Бенуа. Крайний справа — директор историко-культурного заповедника «Абиверд» А. Халмурадов. 9 октября 2005 г.

декабря. Зал был полон. На этом событии присутствовали и выдающиеся французские археологи-специалисты по Древнему Востоку. Среди них Пьер Амье и Поль Бернар, многие сотрудники Отдела Востока Лувра.

Оливье сам встретил Виктора Ивановича в аэропорту, довез до гостиницы Коллеж де Франс, где по любезности проф. Жерара Фуссмана был заказан номер, оказывал ему очень много внимания все две недели, что мы были в Париже. Он сделал все возможное, чтобы показать лучшее и создать очень теплую атмосферу вокруг нас. По его просьбе Хулио Бендезу на своей машине несколько дней возил нас по городу. В один из вечеров Оливье устроил замечательный прием в своей уютной квартире в центре Парижа, где мы познакомились с его замечательной женой, тоже археологом, которая работает до сих пор на памятниках Древней Месопотамии, Кристин Кепински. Оливье показывал свои любимые вещи, в том числе небольшие русские иконы. Поскольку в тот год,

проблемы с ногой у Виктора Ивановича усиливались, и он вынужден был ходить с палочкой, проф. Леконт подарил ему замечательную деревянную трость с серебряной ручкой. Сарияниди ее бережно хранил, даже показывал как реликвию некоторым друзьям, но, жалея, использовал очень редко. В 2014 г. мы передали ее вместе с рядом других личных вещей археолога в Марыйский краеведческий музей... В тот вечер при приглушенном освещении опять на французском, английском, испанском, русском и смешанном языках говорили про археологию, рассказывали забавные случаи из экспедиционной жизни, свои впечатления о разных странах. Все вместе пытались петь песни, в том числе революционные... По всей видимости, между Оливье и Виктором Ивановичем давно наладилась какая-то невидимая связь. Неважно, на каком языке каждый говорил, но большей частью они понимали друг друга, фактически не особо обращая внимания на слова, как бы читая мысли друга.

В гостях у О. Леконта. Крайний слева — Х. Бендезу-Сармиенто, В.И. Сарияниди в центре, О. Леконт — справа.
Париж. 16 декабря 2006 г.

В другой день Оливье с Кристин устроили нам двоим прекрасную экскурсию в Шантийи в предместьях Парижа с его замечательным замком и парком, которые в тот декабрьский день были окутаны лег-

ким туманом. Как оказалось потом, в поместье находится большой водоем. Благодаря хранителям замка, близким знакомым Оливье и Кристин, это посещение не стало обычной экскурсией, а скорее встречей

Историко-культурный заповедник «Абиверд», на территории которого находится памятник Улуг-депе. Душак. Ахалский вেলাят Туркменистана. Здание Французской археологической миссии. Слева направо — О. Леконт, М.А. Мамедов, Е. Отенвельтер. Фото Ж.-П. Луазона.

Археологическая миссия на Улуг-депе. Душак. Ахалский вেলাят Туркменистана. О. Леконт и президент Фонда Леона Леви около входа в Реставрационную лабораторию, созданную Фондом.

друзей, которая завершилась приятным французским обедом в одном из флигелей замка. Там же замечательный фотограф Жан-Пьер Луазон, часто и до сих пор принимающий участие в работе французских археологических миссий, на большом телевизионном экране показал один из своих прекрасных фотоальбомов. Не могу не выразить ему сердечную благодарность за те фото Оливье, которые он прислал специально для этого издания.

Несмотря на все усилия французской стороны, и в первую очередь проф. О. Леконта и А. Бенуа, по ряду обстоятельств, выставка гонурских находок в Лувре не состоялась. Возможно сейчас, по прошествии уже более 15 лет после открытия на Гонуре «царского некрополя», современных доброжелательных отношений между Туркменистаном, Францией и Россией, а также положительного опыта организации выставки в Германии, подобный проект, возможно, будет вновь организован. Так же как и проведение подобной выставки в России — в стране, которая вместе с туркменскими коллегами нашла и изучает все эти ценности.

Французская миссия во главе с Оливье еще не раз приезжала на Гонур. Те встречи носили уже более рабочий характер, но всегда были очень теплыми и дружескими. Оливье не раз помогал В.И. Сарианиди найти финансирование для разных, в том числе консервационных и реставрационных работ, неоднократно он направлял Э. Оттенвельтер для работы с нашими металлическими изделиями, как в поле, так и в музеях Ашхабада.

Когда Виктора Ивановича не стало, Оливье был одним из первых, кто прислал небольшое письмо. Вот его основной текст, который дышит той близостью, которая существовала между ними.

Я только что узнал самую страшную новость за последний год — смерть моего дорогого друга и мастера Виктора Ивановича, которого я любил и уважал.

Среди всех советских и постсоветских археологов он единственный, кто смог увидеть на юге Центральной Азии маленькую Месопотамию: он обнаруживал и раскапывал крупные и впечатляющие памятники, где бы он ни работал, благодаря своей невероятной интуиции и знаниям во всех областях. Я начал скучать по нему в последние перед тем событием годы, когда не мог вернуться в Улуг-депе, и, увы, буду скучать по его доброте и жизнерадостности еще больше, теперь, когда я знаю, что он ушел навсегда. Как сказали бы вы, русские, у меня болит душа, но я продолжаю думать о Викторе с нежностью, восхищением и ностальгией. Я горжусь тем, что смог узнать его ...

Эти пропитанные болью слова заканчивались добрыми фразами в мой адрес, за что я не могу не быть безмерно благодарна Оливье. Так же как и за все, что он сделал для Виктора Ивановича, для всей Маргианской экспедиции. Надо сказать, что друзья Оливье профессор Автономного университета Мадрида Хоакин Мария Кордоба Зоило, Кармен дель Серро и Хулио Бендезу-Сармиенто подготовили специальный выпуск ежегодника ISIMO с большим блоком текстов и фотографий, посвященным Оливье Леконту (Olivier Lecomte, 2019).

Когда уходят такие Большие Ученые, невольно оглядываешься вокруг и ужасают образовавшиеся лакуны. Хочется верить, что мы все же не всегда сразу видим «пророков» в своей отрасли знания, и быстро текущее время «отделит зерна от плевел», оставив и в будущем Ученых, которые, несмотря ни на что, будут уважать достижения своих предшественников, думать не о числе статей, «опубликованных в рейтинговых изданиях», а о сути и важности для науки обсуждаемых проблем, и, конечно, будут стремиться постичь закономерности как биологии, так и истории. Ну, конечно, и других наук.

Н.А. Дубова

ЛИТЕРАТУРА

- Аксянова Г.А. Ирина Михайловна Золотарева (21 февр. 1931 — 3 июня 2002) // ЭО. 2003. № 1. С. 165-169.
- Аксянова Г. А., Яблонский Л.Т., Ходжайов Т.К. Жизнь и творчество антрополога Т.А. Трофимовой (по материалам Учёного совета ИЭА РАН в честь 105-летия д.и.н. Татьяны Алексеевны Трофимовой) // ЭО On-line. 2012. № 5.
- Алексеева Т.И. Научные интересы академика В.П. Алексеева // Горизонты антропологии. М. : Наука, 2003. С. 14–15.
- Алѣкшин В.А. Вадим Михайлович Массон и его вклад в развитие первобытной археологии Средней Азии // Ред. Никоноров В.П., Алѣкшин В.А. Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура. [ЗВОРАО. Т. 3 [XXVIII]; Тр. ИИМК РАН. Т. 45]. СПб., 2015. С. 679–690.
- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Тернер К.Г., Лафлин В.С. Академик Валерий Павлович Алексеев и мировое сообщество антропологов // ВДИ. 1993. № 4. С. 5–6.
- Берѣзкин Ю.Е. В.М. Массон и социальная антропология (вторая половина XX — начало XXI в.) // А.В. Культурогенез и культурное наследие / Ред. Бондарев. М.; СПб., 2014. С. 64–79.
- Вадим Михайлович Массон: биобиблиографический указатель. 2-е изд. Бишкек, 2002.
- Валентина Куприяновна Жомова // ВкА. Вып. 7. 2001. С. 10–11.
- Валерий Павлович Алексеев (1929–1991). М.: Наука, 2002 [Материалы к биобиблиографии учёных. Сер. истории. Вып. 23].
- Васильев С.В., Урысон М.И. В.В. Бунак: патриарх отечественной антропологии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М. Наука, 2004. С. 233–260.
- Галина Викторовна Рыкушина // ВкА. Вып. 8. 2002. С. 18–20.
- Герасимова М.М., Година Е.З., Лейбова Н.А. VIII Бунаковские чтения // ВкА. Вып. 1(37). 2017. С. 4–11.
- Давыдова Г.М. Антропологические типы русских старожилов Сибири // Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк / Отв. ред. В.В. Бунак, И.М. Золотарева; М.: Наука, 1973. С. 69–120.
- Давыдова Г.М. Антропология манси. М.: ИЭ, 1989. 128 с.
- Дмитриев С.В. Павел Михайлович Кожин. 18.09.1934—18.07.2016 // 46-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLVI. Ч. 2 [Учёные записки отдела Китая. Вып. 21]. М.: ИВ РАН. 2016. С. 619–636
- Добровольская М.В. Валерий Павлович Алексеев // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 214–217.
- Дубов А.И. Профессор В.В. Бунак — выдающийся антрополог XX в. (К 110-летию со дня рождения) // ЭО. 2001. № 5. С. 118–131.
- Золотарева И.М., Арутюнов С.А. Валерий Павлович Алексеев (1929– 1991) // ЭО. 1992. № 2. С. 168–171. Интервью // Павел Михайлович Кожин. Библиография. М.: ИД «Форум», 2019. С. 110-164.
- Ким А. Забытый археолог Прикаспия // <http://pricom.kz/obshhestvo/zabyityy-arheolog-prikaspiya.html>; 31.03. 2017.
- Кирчо Л.Б. В.М. Массон: первооткрыватель, исследователь, организатор науки (опыт периодизации научной деятельности) // ЗВОРАО. Новая серия. СПб., 2006. Т. 2 (27). С. 35–40.
- Кирчо Л.Б. В.М. Массон и ленинградская/санкт-петербургская школа изучения древностей Центральной Азии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 7–10.
- Кожин П.М. Керамика Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 2. С. 180–195.
- Кожин П.М. Лепная керамика кочевников развитого бронзового века в Средней Азии // ТрМАЭ. Т. 4. М., 2012. С. 199–220.
- Косарев М.Ф. О факторах и движущих силах развития древних и традиционных обществ (по сибирским археолого-этнографическим материалам) // У истоков цивилизации. М. Старый сад, 2004. С. 68–82.
- Косарев М.Ф. В поисках Великой Венгрии. Сибирская былинная повесть. Палеоэтнографическая реконструкция. Кн. 1–3. М.: Ладога-100, 2011.
- Косарев М.Ф. Шайтан-река. Из цикла «Таежные были» // <https://ok.ru/anomaliim/topic/67723546889192> (12.01.2018).

- Мурадова Э.А. Поселения архаического Дахистана. Ашхабад: Ылым, 1991. 147 с.
- Павел Михайлович Кожин. Библиография. / сост. М.А. Глушатова. М.: ИД «Форум», 2019. 180 с.
- Пежемский Д. Генриетта Леонидовна Хить: аксиология профессии // ВкА. Вып. 2(24). 2013. С. 15–17.
- Рассказывает Галкин Лев Леонидович // Соловецкие юнги. Сборник документов и рассказов о юнгах / Сост., ред. Ю.К. Комаров. СПб.: Монолит, 2004 [<http://www.nordflot.ru/pages/1554.php>]
- Сергею Васильеву – 50! // ВкА. Вып. 23. 2013. С. 9–19.
- Тельману Касимовичу Ходжайову – 70 лет // ВкА. Вып. 16. 2008. С. 5–10
- ТрМАЭ. Т.4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. 340 с.
- ТрМАЭ. Т.6. Памяти Виктора Ивановича Сариниди. М.: Старый сад, 2016. 580 с.
- У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сариниди. М., 2004. 470 с.
- Усманова З.И. В память о Вадиме Михайловиче Массоне // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Под ред. В.П. Никонорова, В.А. Алёкшина. [ЗВОРАО. Новая серия. Т. III [XXVIII]; Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XLV]. СПб.: ООО «Контраст», 2015. С. 906–909.
- Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М.: Гриф и К, 2011. 289 с.
- Халдеева Н.И. Юбилей Генриетты Леонидовны Хить. Антропология и жизнь // Российская антропология [Электронный ресурс], [2009a].
- Халдеева Н. Четыре эпохи профессора Зубова // Российская антропология. Содружество физических антропологов России [Электронный ресурс] [2009b].
- Luneau E. A new assessment of the end of the Oxus civilization (Southern Central Asia, CA, 1750-1500/1400 BCE). Overview of the transformation of the society // Broadening Horizons 4. [BAR International Series. 2698]. London, 2015. P. 303–308.
- Olivier Lecomte. In memoriam // ISIMU. Revista sobre Oriente Próximo y Egipto en la Antigüedad. Vol. 22. 2019. P. XVII-LXIII.
- Rouse L.M., Cerasetti B. Ojakly: a Late Bronze Age mobile pastoralist site in the Murghab region, Turkmenistan // Journal of Field Archaeology. 2014. Vol. 39 (1). P. 32–50.
- Rouse L.M., Grillo K.M., Piermartiri R., Rotondaro E., Cogo-Moreira H., Bargossi G.M., Cerasetti B. Not just “nomadic jars”: The Late Bronze Age ceramic assemblage from the mobile pastoralist site of Ojakly, Murghab region, Turkmenistan // Archaeological Research in Asia. 2019. Vol. 18. P. 100–119.

Павел Михайлович Кожин

И.В. Палагута

Павел Михайлович Кожин – штрихи к портрету учителя

Спектр научных интересов Павла Михайловича Кожина (1934–2016) был достаточно широк. Его книги, статьи, заметки касались как различных областей истории, культуры, религии Китая, где он был признан одним из лучших в России специалистов, так и археологии, и этнографии, охватывая проблемы изучения древней керамики и других производств, орнамента, реконструкции процессов этногенеза и культурогенеза и др. В очерке рассмотрены важные замечания П.М. Кожина относительно развития искусства, а также ряд его взглядов на глобальные проблемы развития человечества.

Ilya V. Palaguta

Pavel M. Kozhin – strokes for the portrait of the teacher

The range of scientific interests of Pavel Kozhin (1934–2016) was quite wide. His books, articles, notes related both to various areas of history, culture, religion of China, where he was recognized as one of the best specialists in Russia, but also to archeology and ethnography, covering the problems of studying ancient ceramics and other industries, ornament, reconstruction of the processes of ethnogenesis and cultural genesis etc. The essay also considers important remarks of P.M. Kozhin regarding the development of art, as well as a number of his views on the global problems of mankind.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-29-44

Наше знакомство произошло осенью 1989 года. Тогда я был студентом 2-го курса истфака МГУ. Специализироваться собирался по кафедре археологии. Мой бывший научный руководитель, Наталия Вадимовна Рындина, предложила мне заняться керамикой из раскопок поселения энеолитической культуры Триполье-Кукутени Друцы I, которое она исследовала в Молдавии в 1982–1984 гг. Материал лежал в подвале учебного корпуса и пока еще никого не прельстил. Сама Н.В. Рындина — известный специалист в области исследования древнего металла, но мне нужно было заниматься керамикой, которая, хотя и давала хорошую базу для фундированной студенческой работы, требовала своих подходов. Пришлось обращаться за помощью к ее однокурснику Павлу Михайловичу Кожину, а также к Екатерине Константинов-

не Черныш — автору «трипольских» глав «Энеолита СССР» и крупнейшему специалисту по данной тематике.

К тому времени я уже имел опыт полевой работы и интересовался бронзовым веком, готовил первые публикации по результатам своих разведок и раскопок курганов в районе города Черкассы на Украине, откуда я родом. Но, если кто-то знаком с керамикой из трипольских памятников, то может представить себе объём материалов: в горе ящиков лежали завернутые в крафтовую бумагу несколько десятков тысяч черепков, которые нужно было разобрать и обработать. Признаюсь, меня испугало это обилие.

Сомнения разрешил только Павел Михайлович, аргументировав это тем, что на таком материале можно научиться работать с керамикой. Так с тех пор он и стал *de*

Павел Михайлович Кожин. 1970–1980-е годы.

facto моим учителем, хотя и заявлял потом в своем интервью М.Е. Кузнецовой-Фетисовой, что *de jure* — «формально я никого не выучил» (Российское китаеведение..., 2015. С. 258). Я в этом интервью фигурирую как «коллега по одной из профессий, прошедший всё своё научное становление при моём участии» (Российское китаеведение..., 2015. С. 259).

По сути, наши отношения были дружбой, которой суждено продлиться почти 27 лет. За эти годы были и горячие обсуждения различных проблем не только научных (истории и археологии, политики, религии и экономики), но и чисто человеческих, связанных с личными отношениями и с тем, что называется повседневным бытом. Мы пережили несколько защит моих диссертаций, на одной из которых он был оппонентом, а на другой — научным консультантом. Мои книги изданы с его предисловиями. Переехав в Петербург, я звонил ему почти каждую неделю, делаясь впечатлениями, сомнениями и прося сове-

та в различных ситуациях. Он был для меня тем авторитетом, на который можно опереться. Казалось, что Павел Михайлович, обладавший колоссальной научной эрудицией и богатым жизненным опытом, все знал, легко переходя в разговоре от археологии, например, к проблемам семиотики или современной политики Китая. При этом его мнение всегда можно было оспорить, но главное нужно доказать свою точку зрения.

Пожалуй, лирическое отступление стоит закончить. Цель этой статьи не в том, чтобы произносить «заздоровно-мемориальные тосты». Как «коллега по одной из профессий», считаю необходимым обозначить те основные моменты в работе П.М. Кожина, которые имеют важное значение для развития гуманитарной науки. В сферу наших общих научных интересов входило прежде всего исследование древнего производства (в частности, керамического, которым нам много пришлось заниматься), закономерностей его развития, роли в реконструкциях процессов культурогенеза и этногенеза. Кроме общих направлений, затрону и ряд

П.М. Кожин у себя дома. Август 2000 г.

частных проблем, которые поднимал П.М. Кожин, и которые, к сожалению, оказались без должного внимания коллег. Круг научных интересов Павла Михайловича был гораздо шире того, чем занимаюсь я. Сюда, например, не входит обширная область китаеведения, которой посвящены его многочисленные работы, в том числе вышедшая уже после его смерти обширная монография о религиях Китая (Кожин, 2018).

Его уже нет, и согласиться или не согласиться с написанным он не может. Поэтому это уже, скорее всего, мой взгляд на те вопросы, которые мы вместе обсуждали и над которыми вместе размышляли. Главное, что в основе этого лежала общая цель — поиск истины, базовая аксиома любого исследователя. И не столь важно, в какой области науки он осуществляется. Поэтому позволю себе привести пространную цитату из одной работы

Павла Михайловича, в которой это, на мой взгляд, обозначено наиболее четко:

«В своем увлечении словами, определениями, смелыми «новаторскими» идеями мы часто не отдаем себе отчета в том, что наука — это прежде всего систематизация знаний, размещение этих знаний в логически непротиворечивой системе, которая должна оказаться возможно более устойчивой и ненарушимой при включении в нее новых (и даже многочисленных) фактов.

Конструктивная логика принятой исследовательской системы в идеале не должна деформироваться от избытка новых фактических данных, а лишь, вмещая их, создавать возможности для устрожения, уточнения терминов, классификационных подразделений, разграничений в пограничных областях смежных понятий и т.п. Только при указанных условиях приложимо

П.М. Кожин на одном из заседаний в Институте археологии РАН. 31 августа 2012 г.

к системе, для которой не существует эмпирической возможности определения генеральной совокупности, использование статистических методов, включая и установление статистической достоверности результатов.

Кроме того, следует задуматься и о том, что прошлое человечества уже состоялось, и каждый факт, относящийся к нему, имел место. Причем он находился в системе фактов, причинно-следственные связи которых уже осуществились, а все события прошлого проходили по определенному сценарию, который уже нельзя изменить и переписать — он был реализован однозначно.

Отсюда следует, что произвольная поливариантность, ставшая неизбежным следствием и даже символом постмодернистской науки, неприменима к наукам о прошлом, если это, конечно, не ретроспективное гадание, обосновываемое вероятностной статистической процедурой, опирающейся на практически произвольный выбор исходных показателей. Таким образом, гуманитарные исследования, посвященные прошлому человечества, окончательно должны быть возвращены в сферу, связанную с поиском истины»

(Кожин, 2011, с. 210).

Еще одно предварительное замечание для тех, кто будет обращаться к научному наследию П.М. Кожина. Язык работ Павла Михайловича подчас бывает сложен для быстрого чтения. Многие из них являются тезисами конференций. Так получилось, что большие работы в те времена — в 1970–1990-е — сложно было напечатать, тем более, когда непростые отношения складывались в научной среде (об этом подробнее — в интервью самого П.М. Кожина: Российское китаеведение..., 2015). В результате получались небольшие, но ёмкие тексты с огромными предложениями, загруженными дополнениями. Это результат того, что их автор хотел, в пределах за-

данного объема, одновременно взглянуть на проблему с нескольких сторон. Развернутые тексты, в которых можно это сделать, в том числе используя примечания, воспринимаются совсем по-иному.

Многие из печатных работ Павла Михайловича доступны в Интернете на его странице <https://ifes-ras.academia.edu/KozhinPavelM>. Полный список его работ недавно опубликован в виде отдельной книги (Павел Михайлович Кожин, 2019; Глушатова, 2019).

Керамика

Как я уже отметил, исследование древней керамики стало одним из основных предметов нашего внимания. Главный принцип ее рассмотрения — «как продукции определенных исполнителей, изготовлявших керамику по единым или же различным правилам» (Кожин, 1989, с. 55–56). Это звучит банально, но за этим стоит строгий научный подход к исследованию керамической продукции и ремесла как производственной системы. Все это было продемонстрировано нам, студентам, в курсе П.М. Кожина «История керамического производства», прочитанном им на кафедре археологии МГУ в 1992 г. Программу этой дисциплины он впоследствии передал мне, чтобы я ориентировался на нее при подаче материала в своих лекционных курсах. Она опубликована в настоящем сборнике и, надеюсь, тоже станет ориентиром для тех, кто пойдет по пути исследования керамики — самого массового, многообразного, а потому и самого трудоемкого в процессе исследования археологического материала.

Что касается коллекций керамики из поселений культуры Триполье-Кукутени, то я уже не помню, кто из нас первым отметил соответствие форм и орнаментов трипольской посуды, позволившее систематизировать материал тех памятников развитого периода Триполья (VI, по периодизации Т.С. Пассек), с которыми я работал. В итоге керамические комплексы трипольских поселений стало возможным рассматривать как некое структурное единство, где соотношение

керамических форм обусловлено как конкретными потребностями населения, так и спецификой «археологизации» материала.

Павлом Михайловичем, на основе его богатого опыта работы с керамикой различных эпох и регионов мира, были сформулированы понятия «функционального комплекса» и «археологического комплекса» (Кожин, 1991а). Функциональный комплекс — это тот набор изделий, который использовался в хозяйственно-бытовом цикле и для культовых нужд, а археологический комплекс — то, что мы получаем в процессе раскопок. Последний формировался в течение периода существования памятника, и его состав зависит от степени фрагментированности материала и сроков использования различных категорий посуды. Этноархеологические исследования, проведенные рядом зарубежных специалистов, это подтверждают.

Таким образом, объемный трипольский материал, которым я занимался, приобрел «форму» керамического комплекса, обусловленную определенными закономерностями. И именно комплексы, а не отдельные их аспекты, легли в основу сопоставления материалов памятников (см.: Palaguta, 2007; Палагута, 2016). Метод формального статистического анализа керамики по категориям, выделенным на основании только лишь разновидностей орнамента, традиционно применяемый к трипольским коллекциям с 1930-х гг., по сути, уходит в прошлое. О его неудачном использовании при попытках построения новых локально-хронологических схем мне пришлось недавно написать отдельную критическую статью (Палагута, 2019).

Павел Михайлович научил рассматривать керамическое производство как системный процесс, в котором применение определенных операций на каждой из производственных стадий взаимосвязано. Так, рецептура керамической массы зависит и от качества наличного сырья, и от того, как исполнители привыкли работать с глиной, что они умеют и как намереваются достичь конечного ре-

зультата. То же можно сказать и об остальных этапах процесса. Это наглядно видно в работе современных мастеров-керамистов, с которыми меня свела судьба в ходе моей работы в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица. Идея связать практикующих художников-керамистов и исследователей — археологов, этнографов, архитекторов, искусствоведов, — собрать их на одной конференции, принадлежала П.М. Кожину. Правда, реализовать ее удалось только тогда, когда его уже не стало (От ремесла к искусству, 2018).

Большинство археологических исследований керамики останавливается на каком-либо одном ее аспекте. Под технологией часто понимается не весь процесс во взаимосвязи его отдельных этапов, а преимущественно состав керамической массы. Это заметно у многих отечественных исследователей, а также в ряде работ европейских специалистов. В частности, пока только в этом аспекте освещены материалы ранней культуры линейно-ленточной керамики, чрезвычайно важные для реконструкции процесса «неолитизации» Европы (хотя для решения первоначально поставленных задач этого вполне хватило см.: Kreiter, Pető, Pánczél, 2013; Kadrow, Rauba-Bukowska, 2017). Таких проблем мы едва лишь коснулись в нашей первой, и, к сожалению, единственной совместной работе (Кожин, Палагута, 2016). Жаль, что продолжить вместе эту работу уже не сможем...

Общее направление исследований керамики было обозначено еще в 1950-е гг. в работе Анны Шепард «Керамика для археолога» (Shepard, 1956), которую П.М. Кожин оценивал как ключевую в этой области. У нас была идея написать книгу о керамике. После А. Шепард и нескольких аналогичных монографий, вышедших уже в 1990–2000-х гг. ее можно сделать в виде подборки примеров — комплексных исследований, проведенных на основе материалов различных культур. Этот замысел тоже пока остался нереализованным.

Если обратиться к современным исследованиям в области керамических технологий, то похожий подход, правда, несколько более формализованный, основанный на анализе «операционных цепочек» или «цепочек операций» — «*chaîne opératoire*», — стал популярным в последние десятилетия во французской археологии под влиянием исследований каменных индустрий. Он также реализуется некоторыми отечественными исследователями (см., например: Долбунова, Кулькова, Мазуркевич, 2013, с. 31) и позволяет ставить вопросы гораздо шире, чем сравнение особенностей технологий в рамках памятников или их группировок (Květina, Gomart, Thér, Neumannová, 2017). Однако следование этому подходу требует также рассмотрения керамики в контексте формирования производственного комплекса в целом, взаимосвязи различных его отраслей, уровня технической культуры, а также в контексте общей культурной среды — в рамках той области исследований, которую Павел Михайлович обозначил как палеокультурология.

Орнамент

Область исследований, непосредственно примыкающая к изучению керамики, — орнамент. Именно орнамент древней посуды является одним из ключевых признаков, на которых строятся как хронологические параллели, так и типологические ряды, отражающие диахронное развитие материала.

Обращаясь к истокам становления типологического метода, Павел Михайлович неоднократно обращался к работе Г. Земпера «Практическая эстетика» (Semper,

1860—1863; неполный русский перевод см.: Земпер, 1970). В отличие от О. Монтелиуса, сопоставлявшего типологические изменения вещей с эволюцией живых организмов, известный архитектор и родоначальник дизайна Готфрид Земпер (1803—1879), указал на то, что «в действительности, изменение вещей, их типология полностью подчинены особенностям развития технической культуры коллектива, проявляющимся в организованной ремесленной производственной практике» (Кожин, 2011, с. 13—14). Именно Г. Земпер обозначил взаимосвязи различных областей производства, предопределившие использование аналогичных технологий и перенос форм декора в пределах обширного комплекса ремесел, определяющих облик материальной культуры: плетения, ткачества, металлургии, деревообработки, гончарства, строительного дела и т.д.

Так получилось, что работы Г. Земпера оказались не замечены археологами (Кожин, 2007а, с. 7—8). Направление исследования орнамента, которые обозначены в его публикациях, тоже не были полностью реализованы. Отчасти здесь негативную роль сыграла полемика, развернутая в последующей работе А. Ригля (1858—1905), объяснявшего изменение декоративных стилей не столько в рамках развития производств, сколько изменявшейся во времени экспрессией художественного восприятия, художественной волей — «*kunstwollen*» (Riegl 1893). Введенный Земпером термин «технический орнамент» в немецких работах использовался вплоть до 1930-х (Scheltema 1929), потом ушел вместе с поколением, его употреблявшим¹.

¹ В ходе рассуждений боюсь упустить один важный момент, на который неоднократно указывал П.М. Кожин: о роли историографии в исторических, шире — гуманитарных исследованиях. Он неоднократно поднимался, но несмотря на это, особенно в последнее время, исследователи ориентируются на последние работы, следуя «модным» направлениям. Однако, суть даже не в том, что зачастую приходится «изобретать велосипед»: истоки многих теорий лежат в полемике XVIII—XIX вв., и, как ни крути, для кардинальной постановки вопроса необходимо вновь к ней обращаться. Значительные сдвиги здесь привязаны к событиям XX в., прежде всего — к мировым войнам, из-за которых в ряде направлений уходило поколение исследователей, исчезали научные школы, и процесс начинался с другой точки отсчета. Так получилось и с орнаментами, где после Второй мировой войны типологические исследования уступили место интерпретациям, подчас субъективным (см.: Палагута, 2011).

Орнамент был одним из наших общих интересов. При всем обилии археологической, искусствоведческой, этнографической литературы, посвященной орнаментам, среди них трудно найти такие, которые выходили бы за рамки их формальных классификаций и описаний. С точки зрения формирования теории орнамента в XX столетии важную роль сыграли работы А. Шепард, где на основе анализа археологического и этнографического материала, собранного у индейцев пуэбло Юго-Запада США, впервые был разработан вопрос о видах симметрии, используемых при построении орнаментов (Shepard, 1948). Импульс изначально исходил из работы Ф. Боаса «*Primitive Art*» (Boas, 1927), и в дальнейшем получил развитие в американской культурной антропологии (Symmetries of Culture, 1991). С этими материалами П.М. Кожин был хорошо знаком, в течение многих лет читал курс «Этнология северо-американских индейцев» на кафедре этнографии МГУ им. М.В. Ломоносова (Кожин, 1994).

Работы П.М. Кожина об орнаменте сыграли важную роль в разработке этой темы в отечественной историографии. Он выделил основные направления исследования орнамента: формальное, основанное на классификации его элементов и мотивов; технологическое; этнокультурное; семантическое; искусствоведческое, базирующееся на изучении эстетического восприятия орнаментов как древними художниками, так и современными зрителями (Кожин 1981; также см.: Кожин 1991б).

Идея «технического орнамента» в ряде статей как самого П.М. Кожина, так и автора этих строк (под его руководством) получила новое развитие (Кожин, 2014; Палагута, 2009а). Обратимость орнамента, представленная на многочисленных образцах археологического и этнографического материала (Кожин, 1981, с. 136; Палагута, 2009б), — это один из важных аспектов изучения керамики². Таким образом, орнамент является разновидностью художественного формотворчества, неотделимого от конструирования предмета, а, следовательно, его рассмотрение неотделимо от общего процесса создания предметов материальной культуры.

В заметках на полях статьи 1981 г. (Кожин, 1981) в авторском экземпляре сборника³ рукой Павла Михайловича обозначен еще один аспект исследований орнамента — культурологический, «т.е. изучение орнаментации в контексте того комплекса условий, который определялся средой обитания древнего человека и степенью её сознательного и бессознательного освоения, ибо культура представляет собою не только набор знаний и способность к их практическому воплощению, но определенную форму адаптации к природной и социальной структуре»⁴. Такие заметки делались после 1989 г., к которому относятся последние публикации, отмеченные в этих комментариях. Потом указанный текст был зачеркнут, но уже другой ручкой. Тем не менее, этот аспект орнамента выводит нас на более широкое осмысление процессов развития человеческой культуры.

² Помимо разработки целого спектра вопросов в рамках технологического и этнокультурного аспектов изучения орнаментов, важный результат работ П.М. Кожина — доказательство того, что орнамент не является основой для формирования письменности (Кожин, 1981. С. 134).

³ Благодарю супругу П.М. Кожина Нину Филипповну Богословскую (1937–2018) за то, что передала данный сборник мне. С этого авторского экземпляра сделана электронная копия на странице П.М. Кожина <https://ifes-ras.academia.edu/KozhinPavelM>

⁴ Ср.: «Культура — система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» (Степин 2010. С. 341). Лично у меня слово «программа» в определении культуры из «Новой философской энциклопедии» сразу вызывает ассоциации с тем, что программа обычно бывает кем-то составлена. Понимание культуры, как способа адаптации к природной и социальной среде, исключает все иные внешние факторы, кроме изменений самой среды.

Вопросы производства, палеокультурология и этногенез

Закономерности производственных процессов, возникновения новых форм в ходе напряженных творческих поисков или консервация старых, знакомых и опробованных форм орудий, оружия, строений, предметов быта, одежды и т.д. — основа для понимания развития материальной и духовной культуры, ее связи, с одной стороны, с экологией, а, с другой стороны, — с определенными группировками людей, этническими группами. Это процессы нужно рассматривать в системе, где одни компоненты взаимосвязаны с другими. Проблемы развития производства детально рассмотрены П.М. Кожиным на китайском материале и позже были собраны в книгу (Кожин, 2011). Этому посвящены и его многочисленные работы по евразийской тематике в целом (Кожин, 1984; Кожин, 2007б; Кожин, 2007в).

Ограничусь рассмотрением нескольких конкретных моментов, представленных в работах П.М. Кожина, периодически становящихся предметом живой дискуссии на протяжении последних десятилетий.

Так, в частности, можно рассуждать о том, что катакомбы в одноименной культуре бронзового века появились как «следствия изменения концепции погребального обряда» (Бочкарев, 2016, с. 22), и далее пытаться вообразить себе эту «концепцию». Например, интерпретируя сосуды-курильницы из катакомбных погребений «как сосудики для кормления и поения птиц, в которых хоронившие видели души покойников» (Клейн, 2011а, с. 622).

Однако, с другой стороны, возникновение такой специфической формы погребального сооружения, как катакомба, было связано с наличием определенных технических навыков, позволявших создавать подземные проходы и камеры. Такие навыки и знания применяются в горных разработках: «устройство шахт, и выполнение прочных сводов указывают на гигантский опыт подземных землекопных работ, которые имели строители катакомб» (Кожин, 2007в, с. 49, 78–79).

Идея о прототипах курильниц — «лампах рудокопов» со специальным отделением для удобства переноски — как нельзя лучше вписывается в такую концепцию (Кожин, 2007в, с. 75–80). Очевидно, что катакомбы были связаны с населением, имевшим навыки горных разработок и, соответственно, с добычей сырья (руды) и его обработкой.

Учитывая кавказское происхождение части металла катакомбной культуры, можно предположить и миграции групп его добытчиков. Понятна и концентрация памятников катакомбной культуры в донецком регионе, где есть месторождения меди. В этом ключе не является чем-то необычным появление аналогичных сооружений в разное время в других культурах. Например, самая ранняя катакомба в степной зоне Евразии обнаружена в энеолитическом могильнике Джурджулешты в Нижнем Подунавье, исключительно богатом находками балканского металла (Наheu, Kurceatov, 1993), добывавшегося, в том числе, и в горных выработках — типа рудников в Рудной Главе или Аи-Бунаре (Черных, 1978).

Исследование основ производства и системы культурных взаимосвязей — именно та база, на основе которой возможна реконструкция процессов, обусловивших появление на исторической арене во II тыс. до н.э. индоевропейских народов — хеттов, греков и ариев. Дебаты на тему происхождения индоевропейцев ведутся уже два столетия. К сожалению, здесь часто вместо тщательной проработки материала присутствует стремление выдать желаемое за действительное. Пути миграций с легкостью очерчивается по отдельным культурным признакам. Быстро выстраиваются разные цепочки с появлением каких-либо новых данных или концепций в смежных дисциплинах, таких как лингвистика либо физическая антропология, а теперь уже и анализ ДНК. К ее периодическому пересмотру приводят и часто меняющиеся результаты естественнонаучного датирования.

Так, на эфемерных аналогиях с легкостью можно построить, например, тохар-

скую миграцию из лесов Восточной Европы в глубины Азии, где археологические обоснования связей фатьяновской и карасукской культур сводятся лишь к схожести форм сосудов и к тому, что навершия карасукских бронзовых кинжалов напоминают обухи некоторых фатьяновских каменных топоров (Клейн, 2000, с. 183, табл. 1; см. также: Клейн, 2011б). Видимое сходство керамических форм без анализа специфики технологии создает иллюзию сходства (Кожин, 2011, с. 266). Но похожие сосуды со сфероидным туловом есть и в Меланезии. Это же не свидетельствует об индоевропейских миграциях в тот регион? Указанная форма часто образуется вследствие использования техники «наковальни и лопатки» при изготовлении посуды (Кожин, 1964; Кожин, Иванова, 1974). Вывод: выстраивание аналогий и поиск их связей с миграциями требует более широкой доказательной базы и более веской аргументации.

Для реконструкции процессов культуро- и этногенеза, отстоявших от нас на дистанции тысячелетий, важную роль играет привязка явлений культуры к определённым хронологическим реперам, выстраивание относительной последовательности событий. Во второй половине XX в. главной панацеей, призванной раз и навсегда решить проблемы хронологии в археологической науке, стал радиоуглеродный метод датирования. За более 70 лет с его изобретения датировки образцов и археологических памятников уже несколько раз менялись, с учетом новых факторов, влияющих на физико-химические процессы, каждый раз вызывая очередные «радиоуглеродные революции» (по выражению К. Ренфрю). Появление способа датирования, не зависящего от археологического исследования, пришедшего из области естественных («точных») наук,

создает иллюзию, что получив несколько определений дат, можно с уверенностью расположить тот или иной памятник в пространственно-хронологической шкале.

В реальности шкала радиоуглеродных дат, используемая для исследования доисторических культур, — лишь одна из шкал хронологии, к сожалению, существующая независимо от других: исторической, глоттохронологии, ДНК-хронологии, приобретшей популярность в последние годы, и, наконец, археологической (относительной). Проблема в том, насколько они соответствуют друг другу? Пренебрежение археологическим материалом ведет к тому, что в реальности сравниваются даты, а не материалы памятников⁵. Относительно материала неолитической эпохи — Триполья и окружающих культур — эта проблема недавно была вновь поставлена (Palaguta, Starkova, 2018). Проблему многократно поднимал и П.М. Кожин (Кожин, 2002а; Кожин, 2010). Но поиск легких путей приводит к тому, что она по большей степени продолжает игнорироваться. Дело не в том, что П.М. Кожин и автор этих строк являются «противниками» радиоуглеродного метода, — как раз наоборот, **радиоуглеродные даты очень важны**, просто результаты анализов должны использоваться более корректно и соотноситься с тщательной проработкой археологических материалов.

«Думаю, что дело ученых, одна из самых актуальных для них задач — остерегать людей от ложных истин, демагогических призывов, болтовни о том, что якобы можно получить что-то без затруднений, без усилий, без затраты труда и серьезной аналитической работы разума»

(Российское китаеведение..., 2015, с. 272).

⁵ Это еще дает возможность делать публикации, избегая трудоемкой работы с материалами, но повышая свои «наукометрические» показатели. Мне недавно пришлось рецензировать исследовательский проект, автор которого намеревался за период двухнедельной командировки обработать объемную коллекцию керамики из раскопок трипольского поселения. Естественно, что качество работы, выполненной за такой короткий срок, сомнительно. Однако, еще одна задача проекта — отобрать образцы на радиоуглеродный анализ. Из этого можно быстро подготовить отчет и оправдать выделенные на работу средства.

Обращение П.М. Кожина к теме происхождения колесного транспорта — закономерно: вопросы реконструкции процессов этногенеза, миграций населения и установления контактов между его удаленными группами, напрямую связаны с развитием транспортных средств, обеспечивающих передвижение людей, вещей и идей. Эта тема развивалась им с 1960-х годов, легла в основу докторской диссертации, защищенной в 1990 г. Издать рукопись возможности не было, она оказалась депонирована в ИНИОН еще в 1980-е гг., и только в 2007 г. опубликована в виде отдельной книги (Кожин, 2007в). Несмотря на разрыв между временем написания и издания этой работы, она до сих пор является наиболее полным, логически выстроенным трудом по обозначенной тематике.

Рецензия Л.С. Клейна на эту книгу (Клейн, 2011а) (при всем научном авторитете ее автора) выглядит малообоснованной: объективны только претензии к качеству верстки, редактуры и корректорской работы, что во многом зависело от издателей и сжатых сроков подготовки рукописи к печати. Сама книга не претендовала на выстраивание очередных гипотетических путей распространения индоевропейцев и реконструкции гипотетических превращений археологических культур, как «Время кентавров» (Клейн, 2010), выдержанная в жанре научно-популярной литературы. Развернутый ответ на рецензию от П.М. Кожина не последовал. Был ли смысл отвечать на нее, когда вместо аргументированной критики и вопросов излагалась лишь эмоционально раздраженная реакция читателя, не увидевшего в книге стрелок и карт, как на планах операций генштаба? Впрочем, кратким резюме по данной тематике стала статья П.М. Кожина, к которой и отсылаю читателя этого текста (Кожин, 2015).

В рассматриваемой проблематике остается еще много «белых пятен», связанных

с ограниченным объемом материала. Хотя Л.С. Клейн в своей рецензии и заявляет, что «по археологии транспорта и проблемам одомашнивания коня за последние два десятилетия появились очень значительные материалы и исследования» (Клейн, 2011а, с. 621), многие из них обыгрывают давно известные факты. Считать ли значительной работу Д. Энтони (Anthony, 2007), выдержанную в том же духе научной беллетристики (см. рецензию: Кайзер, 2012), что и бойкие построения Марии Гимбутас (Gimbutas, 1956), еще в 1960-е гг. оцененные Б.А. Латыниным как «“комикс” на археологические темы»?⁶ Стоит ли в решении этих сложных проблем предлагать однозначные решения и чертить стрелки маршрутов миграций, когда данные достаточно ограничены, а качество их осмысления все еще оставляет желать лучшего?

Например, данные о древнейших повозках в Европе до сих пор ограничены глиняными моделями, найденными еще в 1950–1960-е гг. в могильниках Баденской культуры в Венгрии Будакалас и Пилисмарот-Басахарк, которые полностью были опубликованы только лишь в минувшее десятилетие (The Copper Age cemetery, 2009; Bondár, 2015).

Изображения «повозок» на сосуде культуры воронковидных кубков, обнаруженном еще в 1970-е гг. в Броночице в Польше (European Prehistory, 2002. P. 204, fig. 7.4), с таким же успехом можно интерпретировать как иллюстрации домов. Следы от веревки на роге быка из того же поселения указывают на возможное использование упряжи, но не на наличие колеса. Таким образом, эти данные даже с привязкой к радиоуглеродным датам, отнюдь не указывают на то, что колесный транспорт появился в Европе на пару столетий раньше, чем на Ближнем Востоке.

Не увенчались успехом и поиски повозок в Триполье-Кукутени, где предположе-

⁶ Пометки на полях книги М. Гимбутас, принадлежащей Б.А. Латынину (1899–1967), сделанные им в 1960 г.

ние об использовании колеса базируется на сомнительной реконструкции зооморфной фигурки на колесиках из Ворошиловки (Гусев, 1998). Зато там массово обнаруживаются модели саней (Балабина, 2004), синхронные широкому распространению на Балканах и в Анатолии еще одного из прообразов колесного транспорта — молотильной доски (Кожин, 1985, с. 169–182; Кожин, 1986, с. 185–189).

Что же говорить о том, чтобы увязать такие отрывочные данные с расселениями и миграциями крупных масс населения, связать их с сегодняшними ареалами языковых семей и групп?

То же можно сказать и о последующем периоде бронзового века, где решение проблемы выявления конкретных следов движений и взаимодействий этнических групп многократно усложнялось за счет влияния целого ряда факторов, связанных с совершенствованием (и, соответственно, усложнением) как производственной и технической базы обществ, так и их социальной структуры (Кожин, 2007в). К сожалению, пока можно только констатировать факт, отмеченный П.М. Кожиним, что «для полноценной реализации ...масштабной идеи прослеживания реальных без хронологических пробелов взаимодействий крупных человеческих коллективов от доисторических эпох до наших дней, ныне ещё не достигнут уровень практических возможностей» (Кожин, 2015, с. 5). Главное сейчас — создать базу для синтеза данных археологии и смежных наук, выявив последовательность технологических новаций и пути их распространения.

Искусство

Моя исследовательская судьба сложилась так, что с 2003 г. мне пришлось уйти от сугубо археологической проблематики в сторону исследования доисторического искусства. Я стал преподавать на кафедре искусствования сначала в СПбГУП, потом — в СПГХПА им. А.Л. Штиглица. Курс «Первобытное искусство» оказался на сты-

ке проблематики искусствоведческой, археологической и этнографической наук. Опыт, почерпнутый у Учителя, позволил легко оторваться от археологии, науки историковедческой (в этом я полностью согласен с Л.С. Клейном; см.: Клейн, 1978), дающей для воссоздания истории искусства «тщательно собранный, критически проверенный и основательно проработанный материал» (Жебелев, 1923, с. 154–158, 161–165). Вскоре я начал работу над книгой, посвященной искусству ранних земледельцев Европы, к которой, как и к предыдущим, Павел Михайлович написал предисловие (Палагута, 2012).

В изучении доисторического искусства за последнее столетие было «наломано немало дров». В первую очередь, потому что эта область неизбежно попадает в междисциплинарные. Отсюда неизбежное привлечение материалов и идей из смежных научных областей. Ряд этих идей, в том числе универсализм матриархата и изначального почитания богинь, сформировался еще в XIX в. Впоследствии «мыльный пузырь» был раздут стараниями дилетантов, таких как Мария Гимбутас, добившаяся популярности за счет спекуляций в области «палеомифологии» (критика ее построений представлена в целом ряде статей, вышедших в 1990-е гг., см., например: Meskell, 1998).

Сейчас я сам не очень доволен своей работой, которая получилось чересчур описательной. Но иначе было нельзя, так как нужна платформа для последующих построений. Материал стоит предварительно собрать и систематизировать, то есть подготовить для того, чтобы отойти от мифотворчества, господствовавшего в науке второй половины XX века. Только на такой основе можно было выйти на уровень новых интерпретаций, касающихся раннеземледельческой пластики, которые были развернуты в цикле статей, вышедших в ряде отечественных и зарубежных изданий (Палагута, 2013; Палагута, 2017; Palaguta, 2018 и др.). В этой работе существенную

роль тоже сыграли советы, критика (подчас жесткая) и поддержка П.М. Кожина⁷.

«Искусство — это всегда часть сложной системы духовных представлений, складывающихся на определенном, освоенном человеком жизненном пространстве. Причем это пространство бывает освоено в этнокультурном, производственном, социальном, семейно-бытовом отношениях. И только сложное переплетение всех связей, складывающееся в таком пространстве, создает плодотворную почву для формирования искусства, обладающего как устойчивым смысловым содержанием, так и стойкой эмоционально-чувственной составляющей»

(Кожин, 2012, с. 270).

Несомненно, что искусство, представляющее важнейшую составляющую духовной культуры человека (Кожин, 2016), тесно связано с процессом материального производства. Здесь творческий процесс также развивается от замысла (не только архетипа, но и фантазии автора) к его материальному воплощению (Кожин, 1998; Кожин, 2011, с. 33–34). В то же время это не исключает и рассмотрения искусства как технологии, не только в смысле способов технического исполнения замысла, но и как одной из важнейших коммуникативной технологий, изобретенных человечеством — «одной из форм идейного управления обществом» (Кожин, 2012, с. 10; ср.: Rubin, 1989).

С искусством П.М. Кожина связала сама жизнь. Его отцом был известный театральный художник Михаил Владимирович Кожин (1886–1966). Проблемы изучения изобразительного и прикладного искусства оказывались в фокусе работ Павла Михайловича, связанных с творчеством палеоли-

тического человека, петроглифами, орнаментом, древними китайскими бронзами, скифо-сибирским звериным стилем и т.д. (см.: Глушатова, 2019). Обращу внимание читателя на две из них, посвященные портрету. В одной обозначены подходы к исследованию древних портретных изображений — сохранению исторической памяти, а также высказан ряд соображений по поводу систематизации его видов, функций, развития форм (Кожин, 2007 г). В другой отдельно рассмотрены находки портретных изображений в Южной Сибири (Кожин, 2013). Обе эти статьи вполне могут составить методологические основания для дальнейшей разработки темы ранних форм портрета в искусствоведческой науке.

Прошлое — настоящее — будущее

В плане, намеченном П.М. Кожиним в июне 2016 г., обозначены основные направления его деятельности: антропология; культурология; производство; духовная, политическая и хозяйственная культуры; мышление, язык, искусство, начала политики; методология (Глушатова, 2019, с. 7). Широта интересов объективно проистекает из стремления понять закономерности исторического развития: «То, что меня интересует, это законы — частные, общие, конкретные и обобщающие. Законы развития человека как общественного существа» (Российское китаеведение..., 2015, с. 249).

В набросках проскальзывает и тема истоков Нового времени, которая неизбежно заставляет размышлять о причинах тех кризисов, которые угрожают современному человечеству. Ведь «наше время оказалось наглядным примером того, что понятия здравого смысла, научной доказательности, истины, непредвзятости могут оцениваться как сугубо относительные представления, не имеющие в своем основании никакой рациональной не-

⁷ Пользуясь случаем, выражу благодарность и другим специалистам, поддержавшим мои исследования: В.М. Массону, А.К. Филиппову, Т.Е. Шехтер, Л.С. Клейну, Ю.Е. Березкину.

оспоримой идеи. Уже сам по себе такой подход лишает правомерности все неоспоримые культурно-цивилизационные установления прошлого, обесмысливает те постулаты, на которых, хотя бы частично, продолжает базироваться современная политическая, правовая, духовная общечеловеческая культура» (Кожин, 2002б).

По мнению П.М. Кожина, неоднократно высказанному в наших беседах, есть серьезная опасность глобального кризиса, который может угрожать нам уже в ближайшие десятилетия, и этот кризис может стать переломным в развитии человечества. Конечно, подобные суждения делаются в меру нашей осведомленности, в меру того объема информации, которая нам доступна. Мы обсуждали и ограниченные возможности таких прогнозов. Проблемы не только в развитии экономики⁸, но и в состоянии дел в науке и образовании.

«Я не могу сказать, будто считаю, что у нас, да и вообще в целом, наука может повлиять на политические пертурбации. Но небольшую нишу в образовательном процессе и познавательном развитии она имеет. Сейчас эта ниша резко сужается за счёт двух обстоятельств. Во-первых, это ужасно глупое изменение нашего образования, системы. Но тут уже никуда не денешься. И второе — это, конечно, невероят-

ное, совершенно противоестественное в XXI веке возвышение церкви, которое не оправдано состоянием общественного сознания. ... И расхождение между реальной жизнью и церковными установлениями, касающимися истории человечества, с каждым годом растёт всё больше»

(Российское китаеведение..., 2015, с. 250).

Кризис в современной отечественной науке отмечен гигантским объемом плагиата и сфальсифицированных «научных» трудов (см.: <https://www.dissnet.org/>), однако он является лишь частным выражением общемировой тенденции, образовавшейся в связи с введением для оценки научной работы «наукометрии», с ее чисто количественными показателями. Особенно это ощущается в гуманитарных исследованиях как в российских, так и в зарубежных.

Здесь, даже при самых неблагоприятных экономических и политических прогнозах, необходимо сохранить научную традицию, основанную на тщательном и всестороннем, системном осмыслении материала, прежде всего основанную на идее науки, чистой от грязи чьих-то сиюминутных потребностей и личных вождлений. Одним из носителей этой традиции был Павел Михайлович Кожин.

⁸ В одной из рецензий, затрагивая тему распада СССР и предлагая рассматривать этот процесс на общемировом фоне, П.М. Кожин отмечал, что «конечной целью этой геополитической акции был именно раздел общенародной собственности удачливыми представителями политических элит» (Кожин, 1997). Усиление неравенства и концентрация капитала, как негативные тенденции последних десятилетий, были обозначены в фундаментальной работе Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» (Пикетти, 2016), русский перевод которой вышел уже после смерти Павла Михайловича. Интересно, что бы он сейчас сказал об этой работе?

ЛИТЕРАТУРА

- Балабина В.И. Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. М.: ИА РАН, 2004. С. 180–213.
- Бочкарёв В.С. Гипотезы Л.С. Клейна и С.Н. Братченко о происхождении донецкой катакомбной культуры: *pro et contra* // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.); Материалы. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 18–24.
- Глушатова М.А. Предисловие // Павел Михайлович Кожин. Библиография / сост. М.А. Глушатова. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. С. 5–9..
- Гусев С.А. К вопросу о транспортных средствах трипольской культуры // РА. 1998. № 1. С. 15–28.
- Долбунова Е.В., Кулькова М. А., Мазуркевич А.Н. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // РАЕ. 2013. № 3. С. 27–109.
- Жебелев С.А. Введение в археологию: в 2 частях. Ч. II. Теория и практика археологического знания. Петроград, 1923. С. 154–158, 161–165.
- Земпер Г. Практическая эстетика / Перевод В.Г. Калиша. М.: Искусство, 1970. 320 с.
- Кайзер Э. [Рец.]: Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007 // Stratum plus. №2. 2012. С. 325–333.
- Клейн Л.С. Археологические источники. Учебное пособие. Л.: Издательство ЛГУ, 1978. 120 с.
- Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.
- Клейн Л.С. Колесный транспорт и философия исследований (Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (Палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 428 с.) // РАЕ. №1. 2011а. С. 620–624.
- Клейн Л.С. Еще раз к вопросу о тохарской миграции // Stratum plus. 2011б. №2. С. 183–186.
- Клейн Л.С. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum Plus, 2000, №2. С. 178–187.
- Кожин П.М. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА. Вып. 101. 1964. С. 55–58
- Кожин П.М. Значение орнаментации керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследований этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: ГРВЛ, 1981. С. 131–161.
- Кожин П.М. Типология древней материальной культуры Евразии (Неолит – Железный век) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 201–220.
- Кожин П.М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 169–182.
- Кожин П.М. Первые повозки // ВИ. 1986. № 7. С. 185–189.
- Кожин П.М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М.: Наука, 1987. С. 80–107.
- Кожин П.М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. С. 54–70.
- Кожин П.М. Изучение бронзового века в Приморье: [рец. на кн.: В.В. Дьяков. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток, 1989. 238 с.] // Известия Дальневосточного отделения АН СССР. Владивосток. 1991а. №1 (40). С. 118–121.
- Кожин П.М. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991б. С. 129–151.
- Кожин П.М. Этнология северо-американских индейцев [программа спецкурса кафедры этнологии исторического факультета МГУ]. М.: МГУ, 1994.
- Кожин П.М. [Рец.]: С.В. Чешко. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. 310 с. // ЭО. 1997. № 5. С. 170–172.
- Кожин П.М. Архетип и материальное воплощение идей // Архетипические образы в мировой культуре. Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов. СПб.: Издательство «Государственный Эрмитаж», 1998. С. 35–37.
- Кожин П.М. Система представлений в археологии: хронология, этногенез, производство, структура общества // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.). Материалы III Международной конференции, Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г. Тирасполь, 2002а. С. 13–16.

- Кожин П.М. Выработка принципов межкультурного взаимопонимания [тезисы доклада]. МГИМО — Дипломатическая академия МИД РФ, декабрь 2002 г. Москва, 2002б // http://www.sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/garmonya/Kozhin_princip_wzaimoponimania.htm (дата обращения 18.10.2019 г.)
- Кожин П.М. Предисловие // Палагута И.В. Искусство Древней Европы: Эпоха ранних земледельцев (VII—III тыс. до н.э.). Учебное пособие. СПб: СПбГУП, 2007а. С. 3–9.
- Кожин П.М. Расселения, переселения, миграции в культурологическом освещении // Аспекты компаративистики, 2 (Доклады конференции памяти В.М. Иллич-Свитыча, 17–18 октября 2004 г.) / *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XI. М.: РГГУ, 2007б. С. 29–40.
- Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007в. 428 с.
- Кожин П.М. Дарующий вечность (портрет в евразийской истории) // Вта. Вып. 15. Ч. 1. 2007г. С. 31–36.
- Кожин П.М. Объективные законы древнего производства // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова). М.: МГОУ, 2010. С. 28–35.
- Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. 368 с.
- Кожин П.М. Предисловие // Палагута И.В. Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII—III тыс. до н.э. СПб.: Алетей, 2012. С. 5–12, 270–271.
- Кожин П.М. Древнейший портрет на Енисее // Научное обозрение Саяно-Алтая. №1 (5). 2013. С. 28–34.
- Кожин П.М. Происхождение и развитие керамического производства и расписной орнаментации глиняной посуды // ТрМАЭ. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011–2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 112–126.
- Кожин П.М. Древний колёсный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 1 (9). 2015. С. 2–18.
- Кожин П.М. Основные составляющие духовной культуры древнего человечества // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, 19 февраля 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 60–64.
- Кожин П.М. Социально-культурные проблемы религий в Китае. М.: Синосфера, 2018. 415 с.
- Кожин П.М., Иванова Л.А. Океанийская керамика в собраниях МАЭ // Культура народов Австралии и Океании / СбМАЭ. Вып. XXX. Л.: Наука, 1974. С. 112–126.
- Кожин П.М., Палагута И.В. Линейно-ленточная керамика: технологии изготовления и орнаментация // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы Международной научной конференции. 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 248–251.
- От ремесла к искусству. Керамика: технология, декор, стиль. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции 22–25 мая 2018 года, Санкт-Петербург / Науч. ред. Т.В. Горбунова, И.В. Палагута, Е.Г. Старкова, С.Е. Сухарев. СПб: СПГХПА им. А.Л. Штиглица, 2018. 144 с.
- Павел Михайлович Кожин. Библиография / сост. М.А. Глушатова. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 180 с.
- Палагута И.В. «Технический орнамент» в декоре керамики трипольской культуры // АЭАЕ. Т. 38. № 2. Новосибирск, 2009а. С. 85–91.
- Палагута И.В. Явление обратимости и основные направления развития композиций орнаментов трипольско-кукутенской керамики // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Материалы 9 и 11 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2009б. С. 411–418.
- Палагута И.В. Орнаменты Триполья-Кукутени: направления исследований и возможности интерпретации // РАЕ. Вып. 1. СПб., 2011. С. 245–261.
- Палагута И.В. Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII—III тыс. до н.э. СПб.: Алетей, 2012. 336 с.
- Палагута И.В. Первобытное общество в зеркале искусства: новый взгляд на интерпретацию антропоморфной пластики эпохи неолита // Вестник СПбГУ. Сер. 15. Искусствоведение. 2013. Вып. 2. С. 130–148.
- Палагута И.В. Антропоморфная пластика неолита — медного века Европы: проблемы и перспективы исследования // *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 179–202
- Палагута И.В. О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI — Кукутень А // *Revista Arheologică. Serie nouă. Vol. XV. N 2*. 2019. P. 29–40.
- Палагута И.В. Трипольская культура в начале развитого периода (VI): относительная хронология и локальные варианты памятников. Киев: Видавель Олег Філюк, 2016. 410 с.

- Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
- Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2015. 572 с.
- Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд. М.: Мысль, 2010. С. 341–347.
- Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Болгарская академия наук, 1978. 387 с.
- Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007. 554 p.
- Boas F. Primitive Art. New York: Dover, 1955 (1927).
- Bondár M. The Late Copper Age cemetery at Pilismarót-Basaharc. István Torma' excavations (1967, 1969-1972). Budapest: Hungarian Academy of Sciences, 2015. 380 p.
- The Copper Age cemetery of Budakalász / Eds. Bondár M., Raczky P. Budapest: Pytheas, 2009. 664 p.
- European Prehistory. A Survey / Ed. Milisauskas S. NY: Springer, 2002. 449 p.
- Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe. Part I: Mesolithic, Neolithic and Copper Age Cultures in Russia and the Baltic Area [American School of Prehistoric Research, Harvard University Bulletin No. 20]. Cambridge, MA: Peabody Museum, 1956. 241 p.
- Haheu V., Kurceatov S. Cimitirul plan eneolitic de lângă satul Giurgiulești (considerente preliminare) // Revista Arheologică. 1993. N 1. P. 101–114.
- Kadrow S., Rauba-Bukowska A. The selection of ceramic raw material: convenience or a technological idea? A case study of the Danubian cultures north of the Carpathians // Archeologické rozhledy. LXIX (2). 2017. P. 261–280.
- Kreiter A., Pető Á., Pánczél P. Materialising tradition: ceramic production in Early Neolithic Hungary // The Early Neolithic in the Danube-Tisza Interfluvium, Southern Hungary / Ed. E. Bánffy [BAR, IS 2584. Archaeologia, CES 7]. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 127–140.
- Květina P., Gomart L., Thér R., Neumannová K. Beyond the technological chain. Neolithic potters in social networks // Archeologické rozhledy. LXIX (2). 2017. P. 163–171.
- Meskell L.M. Oh my goddess! Archaeology, sexuality and ecofeminism // Archaeological Dialogues. Vol. 5/2. 1998. P. 126–142.
- Palaguta I. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites / British Archaeological Reports: International series, 1666. Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2007. 182 p.
- Palaguta I.V. “Group Portrait” of the Early Agricultural Era: A Set of figurines of Vinča culture from Stubline (Serbia) in the context of the European Neolithic and Copper Age societies // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 626–645.
- Palaguta I.V., Starkova E.G. Problems of the relative chronology of the Tripolye-Cucuteni and neighbouring cultures in the Balkan-Carpathian area: 14C dates and archaeological materials // Principles and Methods of Dating in Archaeology (Neolithic — Middle Ages): collective monograph / Eds. E.N. Nosov et al. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2018. P. 97–123.
- Riegl A. Stilfragen: Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik. Berlin: Siemens, 1893. 346 s.
- Rubin A. Art as technology: The arts of Africa, Oceania, Native America, and Southern California. Beverley Hills: Hillcrest, 1989. 184 p.
- Scheltema F.A., von. Technisches Ornament // Reallexicon der Vorgeschichte / Hrg. M. Ebert. Bd. 13. Berlin: Walter de Gruyter, 1929. P. 244–245.
- Semper G. Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten oder Praktische Ästhetik. Bd. 1. Frankfurt am Main: Verlag für Kunst und Wissenschaft, 1860. 525 s. Bd. 2. München: Bruckmann, 1863. 589 s.
- Shepard A.O. Ceramics for the archaeologist. Carnegie Institution of Washington publication, No. 609. Washington, D.C.: Carnegie Institution, 1956. 414 p.
- Shepard A.O. The symmetry of abstract design with special reference to ceramic decoration // Contributions to American anthropology and history. 9(47). Washington: Carnegie Institution of Washington, 1948. P. 211–293.
- Symmetries of Culture: Theory and Practice of Plane Pattern Analysis / Ed. D.K. Washburn, D.W. Crowe. Seattle: University of Washington Press, 1991.

П.М. Кожин

Автобиография

Pavel. M. Kozhin

Autobiography

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-45

- 1959 г. — окончил исторический факультет МГУ.
- 09.1959 — 1.05.1976 г. — работа по распределению — Институт истории материальной культуры (Институт археологии) АН СССР.. До 1968 — лаборант, старший лаборант. Далее младший научный сотрудник.
- 1963—1966 г. — публикация статьи «Кносские колесницы». Поставлен вопрос о состоянии исследований древних текстов, касающихся данной тематики.
- 12.05.1967 г. — защита в ИА АН СССР кандидатской диссертации «Происхождение фатьяновской культуры». — 414 с., илл. и вынужденное прекращение работ по евразийской проблематике амфорных культур и европейских культур шнуровой керамики.
- 1966—1969 гг. — публикации статей по истории колесного транспорта и наскальным изображениям эпохи бронзы, в том числе «Гобийская квадрага» (Сов. археология, 1968, №3), «К вопросу происхождения иньских колесниц» (Сб. Музея Антропологии и этнографии, 1969, вып. 25)
- 1974 г., октябрь-ноябрь — закончил первый вариант монографии о колесном транспорте (евразийские находки остатков реальных средств передвижения), 25 п.л.
- 1.05.1976 г. — перевод по решению Президиума АН СССР в Институт Дальнего Востока АН СССР.
- 1982 г. — публикация монографии «Проблемы изучения традиций КНР», 243 с.
- 1982 г. — депонирование в ИНИОН АН СССР (№ 13481 от 30.06.1983) сокращенного варианта монографии «Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тыс. до н.э. по первые века н.э.», 273 с.
- 1984 г., осень — завершение монографии «Социально-культурные проблемы религий в Китае» (с дополнением краткого обзора «Религии в КНР»). Более 30 п.л. Не опубликована.
- 22.10.1990 г. — защита докторской диссертации «Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи энеолита — раннего железного века (палеокультурология и колесный транспорт)». Новосибирск, 1990.
- 1994 г. — в энциклопедическом словаре «Китайская философия» опубликовано 68 статей о ведущих западных синологгах и заметка о христианстве в Китае (большинство текстов сокращены при редактировании). Это завершение периода интенсивных занятий религиями Китая.
- 1994 г., октябрь — переход из Отдела сравнительного изучения философии Востока и Запада в Центр Научной информации и документации на должность ответственного редактора информационных изданий, ведущий научный сотрудник.
- 1998 г. — утверждение на должности главного научного сотрудника, XVII разряд.
- 2007 г. — издание монографии «Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке. Палеокультурология и колесный транспорт». Владивосток. 428 с. + 43 рис.
- 2007 г. — начало работы по подготовке к изданию первого тома 10-томной «Истории Китая». Под общей ред. акад. С.Л. Тихвинского (первый том под ред. акад. А.П. Деревянко, зам. ред.: акад. В.И. Молодин, П.М. Кожин).
- 2011 г. — монография «Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана» 368с.
- 2012 г. — биографические размышления на фоне профессии. Или может быть. наоборот размышление над профессией в связи со спецификой биографии (или личности). Любопытно, что при начале опроса я не представлял себе общего смысла этой международной инициативы, лишь ознакомившись с биографиями коллег, понял какую сложную многообразную и нестандартную среду мы представляем. Почему-то легко и изначально формируется вопрос о твоей собственной роли в этой среде. А главная мысль об этой среде как передающем механизме для продолжения и совершенствования востоковедных исследований в Стране. Проблемы эти стали вызывать серьезный интерес, но при их рассмотрении хотелось бы больше серьезности и меньше азарта.
- С 2013 г. — продолжил разработку тем исторических традиций, ремесленных производств и транспорта в связи с совершенствованием системы государственной власти в Китае, начиная с бронзового века.

П.М. Кожин

Скифская чаша, «упавшая с неба»

Скифский «логос» Геродота более трехсот лет подвергается анализу специалистов. Нет проблемы, по которой ученые и дилетанты не готовы поспорить. Текст — прекрасное нарративное повествование, где авторская речь монтирует сюжеты, составленные из отредактированных цитат многих информаторов, различающихся по уровню, глубине и достоверности знаний. Кое-где отклонение от автографа при неоднократном копировании создает неустранимые двусмысленности. Тема — «чаша на поясе», как идентификационный знак «скифа», проходит в главе дважды (IV, 5; 9; 10; 66). Вначале как «общескифское» достояние, затем в составе скифских традиций, ее связывают с ежегодными «номовыми» празднествами, где вино из специального кратера особым киликом черпают и пьют скифы, убивавшие врагов. Убивший многих пьет сразу из двух сосудов. Здесь килик выполняет функцию наградного знака в некоей «древнейшей государственной наградной системе» (теорию и практику подобных современных систем, отличных от ранговых знаков средневековых религиозно-светских орденских объединений, разрабатывает д.и.н. О.Н. Розанов). Среди разновидностей чаш на «общескифском ареале» выявился тип черпака из капа с рукоятью в виде конской ноги с копытом и отверстием для прикрепления к поясу, обернутой золотой фольгой (Алтай, Тува, Монголия). Изначальное средоточие таких обыкновений должно было совпадать с ареалом военных действий ахеменидской армии Кира II (530 г. до н.э.).

Pavel M. Kozhin

Scythian bowl «fallen from the sky»

The Scythian «logos» by Herodotus has been under expert investigation for over three hundred years. There is no issue that will not arouse both scientific and amateur disputes. The text is a superb literary narrative in which the author assembles plots by combining them from edited quotations by many informants, whose knowledge varies in its level, depth and reliability. The occasional deviation from the autograph due to repeated copying causes unavoidable ambiguities. In the chapter, the theme of the «bowl on the belt» appears twice (IV, 5; 9; 10; 66). First it emerges as a general Scythian property, and then as part of Scythian traditions, where it is linked to yearly regional celebrations, at which Scythians who have distinguished themselves by killing enemies drink wine from a particular crater, drawing it by a special cylix. He who has killed many, drinks from two vessels. The cylix here has the function of a reward in a certain «most ancient state system of rewards» (the theory and practice of similar modern systems, which differ in the signs of rank from those found in medieval orders, subsisting as formations at once religious and secular, is being developed by O. N. Rozanov). Among the diversity of bowls found in the «general Scythian area», we notice the type of ladle made of outer growth on birch bark. Its handle, in the shape of a horse's leg with a hoof, contains an opening through which it is attached to the belt, and is wrapped in gold foil (Altai, Tuva, Mongolia). The original centre of these customs must have overlapped with the area of military operations of the Achaemenid army of Cyrus II (530 B.C.). (Translated by Marija Milojkovic, University of Belgrade, Serbia).

10.33876-978-5-89930-165-0-1-428

Текст этой работы был обнаружен в переписке П.М. Кожина по электронной почте с Марией Милойкович, которая переводила резюме статьи на английский язык. Он не был опубликован, и Павел Михайлович сетовал на издателей, что сборник не выходит. Судя по отсутствию этого текста в РИНЦ и упоминаний о нем в Интернете, планируемый сборник (юбилейный или памятный, посвященный Герману Ивановичу Медведеву¹) так и не увидел свет. Мы решили опубликовать статью, снабдив ее несколькими примечаниями.

Здесь же приведем и письмо Павла Михайловича, написанное 20 января 2016 г. М. Милойкович, сопровождавшее публикуемый текст:

«Дорогая Маша! Концовки этой процедуры мне бы попросту не перенести. Так что спасибо вдвойне. ... Странно, я твердо знаю, что это событие в антично-варварской истории, но оно, наверное, только будет когда-то. Досмотришь, пошлешь весточку в пространство: да, состоялось! Так или иначе дойдет, хотя разницы между человеком и муравьем, или муравьедом, углядеть не могу. Дай бог, чтобы много чудес тебе бы удалось увидеть, тогда и у меня останется надежда узнать о них. Посмотрим, что нам этот текст придумает сделать. Подумать, что он начат 54 года назад. Конечно, перед годами самого Геродота это ничто, но мы-то живем не по вселенским законам, а по примитивным правилам нормальной людской термодинамики, доступной каждому водопроводчику... Павел».

Мария Милойкович, Илья Палагута

Наше знакомство с Германом Медведевым случилось на первой же международной студенческой конференции истфака МГУ в середине 1950-х годов. Меня он порадовал какой-то уже взрослой самостоятельностью, очень ответственным отношением к будущей профессии и своей экспедиционной работе. Потом были встречи на археологических мероприятиях и при командировках Германа в Москву. Мы стали друзьями, обмениваясь мыслями, планами, обретая большой круг общих знакомых, в числе которых был уникальный скульптор-антрополог М.М. Герасимов и его семья. Встречались в Новосибирске, где Герман обретал и как преподаватель, и как ученый-первооткрыватель все более высокий авторитет.

После середины 1970-х годов я вынужденно покинул Институт археологии и был переведен в Институт Дальнего Востока АН СССР. Московские археологические коллеги стадно отвернулись от меня в страхе перед «гневом» академика Б.А Рыбакова. Сибирские коллеги, и Герман среди них, не меняли наших отношений. Тогда он предложил подготовить несколько публикаций для сборников Иркутского ГУ (1980–1984).

Последняя встреча была на 100-летнем мемориале М.М. Герасимова в Дарвиновском Музее в Москве (ноябрь 2007 г.). Герман был озабочен проектом по археологии Сибири. Трудность возникла в связи с рассмотрением проблем начала железного века. Мы надеялись всесторонне обсудить этот вопрос, но обстоятельства сложились иначе. Я с очень представительными соавторами принял участие в разработке этой темы в рамках китайской древности². Но

¹ Герман Иванович Медведев (1936–2015) — известный специалист в области изучения каменного века Сибири. Заведовал кафедрой археологии и этнографии в Иркутском государственном университете, руководил НИЦ «Байкальский регион» Иркутского ГУ и Сибирского отделения РАН (см.: К 80-летию Германа Ивановича Медведева, 2016). — *Прим. ред.*

² Результатом этой работы стала совместная с В.И. Молодиным и С.А. Комиссаровым статья и глава в многотомнике «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» (Молодин, Кожин, Комиссаров, 2015; Молодин, Кожин, Комиссаров, 2016). — *Прим. ред.*

вопросы, поставленные Германом, четко отпечатались в сознании. С ними связан этот небольшой, но значимый в древней евразийской истории сюжет.

«Скифский логос» труда Геродота более трехсот лет подвергается осмыслению и переосмыслению в широчайших научных кругах европейских, а затем и североамериканских исследовательских центров. Повествование Геродота охватило весь огромный регион Евразии, доступный наблюдателям эллинских и иранских стран. Понятно, что Геродот использовал весь объем наличной письменной информации, созданной к его времени. Но, кроме этого, он широко пользовался устными сообщениями многочисленных представителей иранской, греческой, скифской, египетской и других культур, которые касались прошлого этого огромного региона и его современного состояния. Конечно, далеко не полностью сохранившийся труд воспроизводит первоначальный автограф. Какие-то пробелы, сшивки и часто наивные дополнения бросаются здесь в глаза. Однако, основные линии исторического развития греческого мира, с одной стороны, а с другой — становление иранской государственности в ее ахеменидском варианте, представлены очень ярко, выпукло и увлекательно. При составлении текста Геродот строго следил за тем, чтобы все согласования определенных линий развития были последовательны. Но, естественно, при большом количестве информаторов и многолинейности создававшихся «историй», сказать, что все части рассказа Геродота можно считать вполне достоверными, и, как некоторые даже считают научными описаниями, вряд ли было бы справедливо.

Здесь мы имеем достаточно простой и увлекательный литературный рассказ, касающийся прошлого народов данного региона, их настоящего и их отношений друг с другом. Отношения двух культур — иранской и греческой — не могли быть полностью положительными и идеальными. Противоречия постоянно существовали. Международ-

ная жизнь региона в тот период была очень сложной и развивалась крайне динамично. Поэтому, естественно, очень многие линии развития не получали завершения или завершались какими-то достаточно фантастическими ситуациями. В течение очень долгого времени этот нарративный письменный материал был единственным источником знаний и памяти о региональном прошлом.

Возникновение научной археологии, ее расширяющиеся возможности и пересмотр целого ряда исторических соображений и положений в свете археологических находок, относившихся к тем самым историческим периодам, в которые жил, писал и размышлял Геродот, постепенно стали вносить все больше уточнений и поправок в созданные им картины. Материал, поступающий из раскопок, все расширялся, и надо сказать, что каждая новая крупная находка обязательно вносила в представление о прошлом какие-то специфические коррективы.

В связи с этим приходится признать, что тот подход к соотношению археологического и исторического материала, который возник первоначально, был, как минимум, не корректен. Дело в том, что археологический материал однослойного памятника отражает какой-то момент жизни общества, тогда как любое историческое сообщение — это в некотором роде обобщение во времени и пространстве. Но, на примере работ Г. Шлимана, пожалуй, наиболее ярко проявилась, я бы сказал, даже некоторая комичность в такого рода сопоставлениях. Шлиман пытался видеть в вещах, которые он находил, непосредственное подтверждение ситуаций, которые описывались в «Илиаде» и «Одиссее». Естественно, такой подход не мог продержаться долго, и в основном, когда речь идет о сопоставлении вещевых комплексов и исторических описаний, возможность выявления прямых соответствий сводится к минимуму и даже почти что к нулю. Специалисты-практики в основном поняли это обстоятельство и стали более обобщенно представлять исследуемый археологический материал.

Однако одна область изначально оказалась угрожаемой в этом отношении — когда сопоставление археологического материала и исторических данных производилось очень напрямую. Это коснулось всей литературы, связанной с духовной жизнью древности, и прежде всего, таких крупных, монументальных сочинений, как «Илиада», «Одиссея», «Ригведа», «Авеста» и ряд других. Здесь нарастанию произвольности сопоставлений способствовало то, что все эти памятники были написаны на древних языках, которые, как считали исследователи, были распространены именно в тех самых районах, где находились археологические объекты соответствующих культур. Отсюда естественно было перейти к поискам через археологический материал определенных видов языковых единств. В ряде случаев такого рода поиск мог быть положительным. Но редко удается вывести его из уровня гипотез. Допустим, попытки огульного сопоставления скифских древностей археологического происхождения с описаниями, данными в скифском логосе Геродота, дает далеко не прямые и часто оспариваемые возможности этнологических констатаций. Здесь приходится, скорее всего, искать какие-то особенности культуры, которые, несомненно, характеризовали народности, описанные в исторических сочинениях, и, в то же время являясь какими-то особенными вещами, могли, проявляясь в археологическом материале, указывать на прямые соответствия этнической и археологической характеристик.

Мое внимание, в связи с подобными соображениями, привлек один небольшой сюжет. Он описан в 66 параграфе IV, «скифской», главы повествования Геродота. Я процитирую его, сверив с оригиналом, в переводе, данном нашими наиболее авторитетными для своего времени специалистами в области эллино-скифских исследований: «Один раз в год каждый начальник округа в своем округе наполняет вином кратер, из которого пьют скифы, убившие врагов, а те, кто этого не совершат, не вкушают этого

вина, но, презираемые, сидят отдельно. Это у них величайшее бесчестие. А все те из них, кто убили очень многих мужей, имеют по два килика и пьют из обоих» (Herod., IV, 66) (Доватур и др., 1982. С. 122, 123).

Итак, в ежегодном празднике, проводимом властителем определенной скифской территории (номархом), для его участников выставлялся крупный сосуд (кратер), наполненный вином. И каждый скиф, убивший врага, мог зачерпнуть это вино и пить его. А, если ему удавалось убить много врагов, то он пил из двух сосудов, которые носил с собой. Естественно, этот сюжет заставляет обратить внимание на два варианта этногенетической легенды скифов (другие варианты можно пока не затрагивать, ибо они требуют совсем иного подхода и с ними связаны серьезные сложности расшифровки).

В первом из рассматриваемых вариантов история скифского народа начинается с того, что с неба падают золотые предметы: плуг с ярмом, секира (сагарис) и чаша (фиала). После сложной системы взаимных испытаний (фактически, соревнований) между крупными скифскими родственно-общественными подразделениями, которые воплощены в легенде тремя братьями, устанавливается четкая иерархия в социально-политической структуре скифов. Младший из братьев получает право на владение священным золотом. Можно считать, что это право дает ему то самое Небо, которое сбросило на землю указанные священные предметы (Herod., IV, 5–7). В другом варианте этногенетической легенды, определенно связанном с предыдущим, сообщается, что Геракл, оставляя свой боевой пояс, к которому также привешены чаша и лук, своим несовершеннолетним «скифским детям», рекомендует их матери провести состязания между ними, чтобы определить место каждого из них в социально-политической иерархии скифского мира (Herod., IV, 9, 10). Но, не отвлекаясь на большой круг проблем, которые возникают в связи с этой достаточно сложной

повествовательной конструкцией, отмечу лишь основное. Всюду присутствует чаша — чаша, прикрепленная к поясу; чаша, которая высоко значима в определенных ежегодных ритуалах скифов. И здесь возникает вопрос о том, а может ли быть выявлена такая чаша, которую легко и удобно было вешать на скифский **воинский кавалерийский пояс** (Кожин, 1997. С. 52; прим. 21 на с. 58).

Подчеркивая эти слова о кавалерийском поясе, фактически я вношу ограничения в понимание соотношений человека с этими предметами. Пожалуй, прежде всего необходимо было попытаться найти какой-то образец чаши, который был бы удобен для подобного размещения. Первая такая чаша — сосуд из капа (березовый нарост) с боковой ручкой, выполненной из рога, завершающейся изображением конского копыта (копыто, как эпохальный символ, в скифо-сибирских материалах начинает доминировать в конце VI в. и особо характерно для последующих двух веков (Кожин, 1982. С. 102), в ручке сделано отверстие для продевания ремня, с помощью которого чашу могли подвешивать. Он происходит из захоронения воина-вождя в кургане № 2 Пазырыкского могильника в Горном Алтае (Руденко, 1953. С. 366, Табл. XX1, 1, 3 (рукоять от подобного сосуда)). От такого же сосуда из Второго Башадарского кургана сохранились только обломки (Руденко, 1960. С. 63).

Долгое время пазырыкский сосуд оставался уникальным. Новые находки были сделаны в Туве, и прекрасный образец такой чаши был обнаружен в «царском» захоронении Аржана-2. Здесь ручка чаши была обернута слоем золотой фольги и поверхность ее напоминала чешую (Чугунов и др.,

2004. С. 12). Есть еще находки в могильнике Кокэль (Вайнштейн, Дьяконова, 1966. С. 219, 225 (КЭ—9; КЭ—32), Табл. II, 6, 10, 7, 8, 13; С. 279). Теперь подобные находки известны в Монголии в захоронениях «пазырыкского типа».

Необходимо упомянуть, что способ подвешивания чаши сам по себе подчеркивает ее принадлежность к кавалерийскому поясу, ибо в ином случае при пешем хождении она бы сильно мешала воину-скифу. Ясно, что здесь проявилась древнейшая форма награжденной системы, где награждения производились властями данного объединения. Это не было основанием для организации какого-то локального коллектива, который имел знаки различия, отражающие место каждого участника в конном строю, то есть это не была система ранговых различий, используемых в средневековых военных орденах (проблема разрабатывается для современности д.и.н. О.Н. Розановым³). Однако, рассматривая скифские культуры соответствующего времени, приходится заметить, что и тувинские, и алтайские находки обнаружены в местностях, куда скифские племена определенно попали вынужденно, и где явно отсутствовали условия для прогрессивного коневодства (Витт, 1952. С. 177, 178, 202—205). Таким образом, возникает необходимость поиска такого ареала скифской культуры, который бы мог отражать рассмотренный обычай в его динамике и подъеме.

Вопрос об изначальном расселении этой группы скифских (?) племен предположительно можно было бы решить с учетом той войны, которую начал вести с *massagetaми* Кир II (530 г. до н.э.) (Herod., I, 201—215) (Доватур и др., 1982, с. 84—93)⁴.

³ П.М. Кожин неформально консультировал Олега Николаевича Розанова в период подготовки им докторской диссертации (см.: Розанов, 2001; Розанов, 2007; Розанов, 2008; Розанов, 2016). — *Прим. ред.*

⁴ Палеоэтнографическая и этнологическая литература в целом (буквально с первых эпизодов) еще в III-ем тыс. до н.э., когда она стала робко описывать случаи взаимодействия племен и народностей различного происхождения, стала создавать для специалистов будущих времен сложнейшие загадки, связанные с названиями и самоназваниями вступающих в контакты народов. С одной стороны, чужак всегда оставался чужаком и это необходимо было отражать в его наименовании, но по мере сближения, более тесных контактов, наименования «чужого» могли уточняться, а то и вовсе изменяться.

Полагаю, вслед за некоторыми проницательными историками, что именно им, аральским скифам, мстил царь Дарий после прочного утверждения на троне. К ним мог принадлежать «скиф Скункха», упомянутый в конце Бехистунского текста.

Перенесение же «скифских эпизодов» в Причерноморье связано было с политической ситуацией военной опасности и развития событий великой Отечественной войны, когда русские, героические наследники скифов, завлекали врага на свою территорию, чтобы там его безоговорочно победить (мне запомнились эпизоды подобной пропаганды, особенно яркой в 1942–1943 гг.)⁵. Характерно, что «скифские» могильники близ Амударьи и Сырдарьи в их низовьях оказались полностью безо всяких исключений «ограблены». Но, вероятно, в этом проявилась забота «скифов» о своих древних сородичах, чей прах и ценности они уносили с собой «за море» (Аральское), отступая под давлением персидских армий. Однако сохранившиеся

в могилах случайно предметы свидетельствуют о высоком уровне сходства культурных комплексов горных и равнинных кочевников. Последние занимали благодатный край, раздолье для конского поголовья и его выучки. Это были районы Центрального и Северного Казахстана, Севера Туркмении, Каракалпакия. Там формировались неразъемные двухштанговые удила с условно стремевидными внешними концами, с которыми жестко сочленялись узкопластинчатые псалии с отверстиями в разных плоскостях (Кожин, 2015. С. 2–18). Золотые профильные фигурки кошачьих сопровождали многие комплексы конской фурнитуры, будучи вечным напоминанием о вереницах тигров, идущих вдоль бортов Пазырыкского саркофага, в котором владыка горных скифов скользил по склонам своих прижизненных владений, «навешая» в последний раз подданных и сородичей, влекомый впрягшимися в упряжной канат саркофага тройками, четверками, парами всадников.

Представить какие-то абстрактные, определенные принципы наименований «чужаков» из разных народов в исторической перспективе вряд ли даже возможно. Но некоторые причины для разных наименований можно детерминировать. Итак: 1) у народа было самоназвание, которым он мог обозначать свое единство, но отдельные его генетические, территориальные, социальные, политические и т.п. группировки могли в определенных условиях выступать как самоназвания; 2) народу различные соседи могли давать разные наименования в зависимости от физических особенностей, нарядов, поведения, образа жизни и т.п.; 3) наименования могли меняться в зависимости от соотношения народов в географическом пространстве (горные, равнинные, низинные, южные, северные, приморские, материковые и т.д.); 4) все это имеет место в нашем «скифском» материале; 5) именованья могли быть ироничными, презрительными, порочащими, враждебными и т.п. Но здесь еще не удастся приблизиться к границам возможного разнообразия. А одновременно необходимо указать, что всем этим, и более широким, спектром наименований может быть охарактеризован любой из народов, известных нам по историческим описаниям, а не, что называется, «по личному знакомству». Да, ономастика сложная дисциплина. Но нам, как специалистам по палеоэтнографии и палеоэтнологии, необходимо настойчиво искать средства для ограничения ее «произвола». А в случае с массагетами нельзя исключить, что одна группировка скифов жестоко боролась с другой, а затем обе пострадали от иранского нашествия (ср.: Доватур и др., 1982. С. 181–185, прим. 37, 38).

⁵ Впрочем, так можно говорить и о кампании Отечественной войны 1812 года. Первое упоминание о «скифской тактике» заманивая противника вглубь своей территории приписывается Наполеону Бонапарту (см.: Тарле, 1959. С. 605). — *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П.. памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. — первых веков н.э. // ТрТКАЭЭ. Т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. С. 185–291.
- Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. Вып. XVI. М.; Л., 1952. С. 163–205.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1982. 455 с.
- Кожин П.М. К проблеме хронологии азиатских петроглифов // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов к региональной конференции 7–9 апреля 1982 г. Иркутск: ИГУ, 1982. С. 100–103.
- Кожин П.М. Показатели кочевого быта культур Причерноморско-Прикаспийских степей эпохи бронзы // Труды ГИМ. Вып. 97: Степь и Кавказ (культурные традиции). М.: ГИМ, 1997. С. 47–61.
- Кожин П.М. Древний колесный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1(9), 2015. С. 2–18.
- Розанов О.Н. Япония: история в наградах. Москва: РОССПЭН, 2001. 128 с.
- Розанов О.Н. Япония: награды и политика. Москва: РОССПЭН, 2007. 263 с.
- Розанов О.Н. Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 365 с.
- Розанов О.Н. Азия и Африка в Первой мировой войне: история в наградах. М.: ЛК Медиа, 2016. 248 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. 403 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Л.: Издательство АН СССР, 1960. 360 с.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. 16 с.
- К 80-летию Германа Ивановича Медведева // Известия ИГУ. Т. 15. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. С. 99–102.
- Молодин В.И., Кожин П.М., Комиссаров С.А. Особенности перехода к раннему железному веку на территории Северного Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, Вып. 4: Востоковедение. С. 5–12.
- Молодин В.И., Кожин П.М., Комиссаров С.А. Начало железного века в Китае // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 1. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 751–755.
- Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Собр. Соч.: в 12 томах. Т. VII. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 435–738.

П.М. Кожин

Краткая программа спецкурса «История керамического производства»,

прочитанного в 1992–1993 гг. на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова

P.M. Kozhin

Short program of the course of lectures «History of ceramic production»,

delivered in 1992–1993 at the Department of Archeology
of M.V. Lomonosov Moscow State University

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-53-54

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. Цели изучения древнего керамического производства и его продукция. Палеоэтнографическое значение керамики. Этногенетическое её значение. Роль керамики в производственно-экономической деятельности древних коллективов, эволюция в сфере её применения и в культурно-хозяйственной значимости. Социальная детерминированность керамического производства. Значение её исследований для историко-культурных реконструкций. Ритуальные, познавательные и эстетические функции древней керамики.

2. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. Первоначальные наблюдения над развитием и техникой керамического производства древнейшего населения, народов ранних цивилизаций, популяций раннего железного века. Описание производства в письменных источниках.

А. Этапы развития исследований:

- 1) изучение античных и древневосточных образцов гончарства;
- 2) выявление первобытного гончарства, исследование гончарства дописьменных и бесписьменных народов;
- 3) этнографическое изучение гончарства;
- 4) реконструкция производственных процессов, инструментальное исследование, моделирование изготовления и употребления гончарных изделий;
- 5) экспертиза подлинности коллекционных и музейных экспонатов как одна из мощных основ в развитии исследований древних технологий;
- 6) изучение места гончарных техник в общих процессах развития производства и протонауки.

Б. Основные современные перспективные направления исследований:

- 1) накопление документированного археологического материала;
- 2) сбор информации о реликтах древних гончарных техник в современных ремесленных и домашних производствах;
- 3) изучение гончарства как системы технологий, обусловленной функциями продукции, этнокультурными традициями хозяйства, техническими возможностями определённых обществ и эпох;
- 4) реконструкции древних производственных процессов по наблюдениям над образцами и сериями древней керамики;
- 5) моделирование этих процессов на основе реальных знаний о технике древних производств;
- 6) изучение взаимодействия древнего гончарства с другими видами древних производств и их технологиями.

3. КЕРАМИКА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ:

- 1) изделия из единых комплексов;
- 2) сосуды и их фрагменты в культурном слое;
- 3) материалы из производственных комплексов: орудия, инструменты, техническое

- снаряжение, заготовки, отходы, сырьё, экспериментальные образцы, стандартные формы;
- 4) свалки «керамического брака и мусора».
4. ИССЛЕДОВАНИЕ УСЛОВИЙ, необходимых для организации функционирования и развития гончарного производства:
- 1) сырьё;
  - 2) производственные навыки;
  - 3) производственная технологическая база;
  - 4) организация производственных комплексов;
  - 5) потребность в керамических изделиях и обусловившие её специфические особенности быта и хозяйства;
  - 6) имитационные формы гончарства, связанные с контактами культур;
  - 7) эстетическая и ритуальная роль керамических изделий.
5. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ гончарных бескруговых технологий.
6. СОСУД (шире — гончарное изделие) как этнокультурный феномен.
7. СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ И МЕТОДЫ изучения археологических керамических изделий:
- 1) визуальный осмотр;
  - 2) инструментальное исследование;
  - 3) сравнение материалов определённого памятника с эталонными сериями по данной культуре, региону, этнокультурной общности, хронологическому периоду;
  - 4) выделение разновидностей, серий и типов;
  - 5) построение типологических рядов:
    - а) на основании внутренних данных керамических серий;
    - б) с помощью сопровождающего материала, имеющего собственную самостоятельно разработанную типологию;
    - в) посредством привязки керамических серий к объектам, имеющим физико-химические и иные естественно-научные датировки;
    - б) построение таблиц для серийной обработки массового материала.
8. ПЕРИОДИЗАЦИЯ (всеобщая и регионально-локальные) керамического производства в связи с развитием его технологий и навыков (неолит, бронза и ранний железный век, средневековье).
9. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КЕРАМИКИ.
10. ФОРМЫ ПОСУДЫ, её назначение и употребление.
11. ОРНАМЕНТ. Формальный анализ. Геометрия. Построение. Цвет. Система терминологии. Плоский, рельефный и скульптурный орнамент. Семантика и её этнокультурная специфика. Знак (орнаментальный элемент) и символ. Формы и степени взаимосвязи орнамента, графики, рисуночного и идеографического письма.
12. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ, культурно-исторические и хозяйственные зоны Евразии по данным гончарства и его технологий.
13. Гончарный круг и его место в начальном техническом прогрессе: первые шаги технической цивилизации.
14. КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО в хозяйственно-культурной деятельности древнего населения Евразии.
15. ЗНАЧЕНИЕ ГОНЧАРСТВА для изучения языковых и социальных процессов. Культурные контакты и выявление пограничных зон культур по керамическим материалам. Керамика в ритуалах и обрядах.
16. ГОНЧАРСТВО И ЭТНОГЕНЕЗ.
17. ОБЩИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ дальнейших исследований керамических материалов. Место гончарства в систематике материальной культуры человечества и в его научно-техническом и культурном прогрессе в древности.

Доктор исторических наук

*П.М. Кожин
04.07.92.*

П.М. Кожин

Становление государства

(Основания для интердисциплинарных исследований)

Текст представляет собой фрагменты размышлений П.М. Кожина, записанных М.А. Глушатовой с его слов под диктовку, над логикой исторического развития человеческих коллективов от первобытности до создания государств. Определяющую роль в этом процессе, по мнению автора, играют два фактора – степень соответствия природной среды жизненным потребностям данного вида и достижение уровня перенаселенности территории самим видом. Отмечается несколько пороговых состояний, которые привели к важным поворотным моментам в истории человечества, среди которых появление первых человеческих орудий, создание одежды и искусственных укрытий – домов, способность к коллективным согласованным действиям, переход после стабилизации послеледниковой обстановки к новым условиям и видам труда. Наиболее перспективным началом пути создания первоначальных государств автор видит образование в результате расселения смешанных родственных и соседских коллективов, чья сложная и многообразная среда легче поддавалась объединению под руководством разнородной по своему происхождению элиты.

P.M. Kozhin

Formation of the State

(Grounds for interdisciplinary research) (fragments)

This text contains fragments of reflections by P.M. Kozhin, recorded by M.A. Glushatova from his words under dictation, over the logic of the historical development of human collectives from primitiveness to the creation of states. A decisive role in this process, according to the author, is played by two factors - the degree of compliance of the natural environment with the vital needs of a given species and the achievement of the level of overpopulation of the territory by the species itself. Several thresholds are noted that led to important turning points in the history of mankind, including the appearance of the first human tools, the creation of clothing and artificial shelters - houses, the ability for collective concerted action, the transition after the stabilization of the post-glacial situation to new conditions and types of activity. The author sees the most perspective beginning of the path of initial states creating as a result of the resettlement of mixed kin communities and communities of place, whose complex and diverse environment was easier to unite under the leadership of an elite that was heterogeneous in origin.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-55-61

I. Преодоление пороговых трудностей на пути исторической эволюции вида *Номо*.

Я обозначил эту тему как «преодоление барьеров», начиная с самого главного — с того момента, когда человек начинает не просто «хватать и есть что ни попадя», а ведет то, что называется «присваивающим хозяйством». Человек, как биологический вид резко выделяется среди других животных видов тем, что он стал не только потребителем «даров природы», в основном тех благ, которые щедрая земля предоставляет всем

населяющим ее живым существам, но и активным созидателем своего достатка. Это очень ответственное различие прошло между человеком и всеми остальными животными видами. В существовании любого из видов животного мира решающую и определяющую роль играют два фактора — это состояние природной среды, степень соответствия ее жизненным потребностям данного вида в определенный период времени, и достижение уровня перенаселенности самим таким видом. Оба эти фактора с очень

большими трудностями бывают преодолены лишь некоторыми из видов животных.

Трудно переоценить тот урон животному миру, который был нанесен ему последними оледенениями, даже при медленном распространении неблагоприятных природных факторов. Многие виды не смогли пережить этот рубеж. Некоторые из них, учитывая длительность перехода к ледниковому периоду, сумели выработать защитные реакции и целые системы защиты от тех свойств природы, которые не действовали во время широкого распространения и господства данных видов на земле. Отсюда происходит ряд «природных странностей» типа сохранения поголовья слонов только в тропических краях, а существование поголовья пингвинов исключительно в местах, едва пригодных для естественного обитания животных видов и т.п.

Человек же, столкнувшись с неблагоприятными условиями для жизни своего вида, сумел найти средства защиты, которые он выбрал и создал для себя сам, в ряде случаев вопреки природе. Существовало несколько пороговых состояний, которые могли уничтожить нарождающееся человечество на ранних стадиях его эволюции. Прежде всего, очевидно, это сложные периоды добывания пищи, когда человеку (как виду) потребовались специальные, способствующие получению необходимого пищевого рациона приспособления. Так появляются первые человеческие орудия, которые укрепляют его физическую мощь и оперативные возможности. Здесь важно, во-первых, то, что человек приходит ко всеядности, а, во-вторых, что он научается более эффективно «извлекать» из природы пищевые ресурсы.

Наступление ледников, по всей видимости, явилось первопричиной овладения человеком свойствами огня. Это кажется особенно удивительным, учитывая тот обычный, изначальный страх, который всякое живое существо испытывает перед огнем, ожогами и т.п. обстоятельствами. Человек обуздал огонь, и стал его исполь-

зовать в своих целях, что значительно облегчило ему начало выживания в условиях похолодания.

Следующий момент на том же пути был связан с созданием одежды. Это тоже рубеж, который надо было неизбежно перейти, так как в ином случае выжить в условиях резко усилившегося похолодания человек бы не сумел. Более того, привычная жизнь на открытом воздухе становилась в условиях нарастающих холодов практически невозможной. Количество естественных убежищ в окружающей человека природе вряд ли давало ему достаточные возможности для укрытия. Отсюда ведет свое начало создание искусственных укрытий — домов.

Надо отметить, что древнейшие культуры достаточно однообразны. Вы имеете вещи, имеете отдельные захоронения, в позднее время — постройки (точнее не постройки, а однообразные полуземлянки), которые по-разному могут быть устроены. Здесь передо мной встал вопрос, который вообще ранее никогда и в голову не приходил: ранняя культура настолько проста, что в ней «не за что зацепиться», чтобы показать, что она выросла из одного корня. Видимо, действительно, это тот случай, когда одинаковые явления, вещи могли создаваться разными коллективами самостоятельно...

Следующее — это огромный комплекс изменений, которые связаны с наступлением ледника. Потому что, когда человек жил в Африке, люди ходили «совсем без ничего». Но, когда постепенно начало холодать (во-первых, всюду, а во-вторых, людей все-таки становилось больше), человечество должно было расселяться, и оно расселялось уже в местах не очень удобных. То есть одежда тогда оказывается одним из таких приоритетных направлений культуры. Потом за нею следует определенное количество простейших производств. Причем, это производства разного направления...

Но одежда требует огромного количества подсобных материалов. Конечно, первоначально было жилище. Но я его не ставлю в первый ряд. Ну прятались люди где-то

под навесами. Не в пещерах, потому что в пещерах жить нельзя — большая влажность, тьма — масса разных «дефектов». Хотя, думаю, если бы человек был в безвыходном положении, может быть, он бы и это освоил. А вот деятельность по производству одежды обрастает большим числом всяких дополнений: кройка, шитье... Что заставляет человека постепенно набирать какой-то специфический инструментарий, часть которого нужна во всех областях, а другая только в конкретных. Поэтому из производства одежды мы в какой-то мере начинаем видеть мотивы производства. Также позже в строительстве важны именно не сами постройки, а именно строительный инструментарий. Усложнение, конечно, идет постепенно. Отмечу специально, что каждая новая задача определяется двумя моментами: с одной стороны, — природными изменениями, а, с другой, — приспособлением человека (точнее того существа, которое позднее превратится в человека). И в результате каждое открытие ведет за собой огромные преобразования.

Уже этот краткий список показывает, насколько широки в условиях ледниковья оказались созидательные возможности человека и его еще слабых, но достаточно стойких по биологическим параметрам групп. Эти группы, с одной стороны, начинали последовательно осваивать определенные виды созидательной деятельности, но также сохранять и накапливать опыт работы с различными материалами, а, с другой, — укреплять опыт самого труда, который становился понемногу реальной защитной потребностью человеческого общества.

Однако равноценная изменениям природных условий опасность подстерегала нарождающееся человечество и во внутренних условиях самого коллектива. Опасность эта может быть названа перенаселенностью. Только к этому понятию необходимо обязательно добавлять определение *относительная перенаселенность*. Человек в своем «стадном варианте» очень рано научился определять потребности для существования

стада средние объемы пищевой продукции. Собственно для их определения существовали и природные факторы, такие как количество производимой пищевой продукции на определенную площадь, качество этой продукции, допустимой для выращивания или разведения на определенной площади. Дело в том, что повышение нагрузки на природный или земельный участок возможно не беспредельно. Как только такая нагрузка начинает превышать естественно допустимую, качество продукции начинает резко ухудшаться. Естественно, недостаток питательных веществ отражался и на состоянии здоровья популяции и индивидуумов в ней. Возникло две возможности: попытки расширить естественный биологический коллектив стада и тем самым, увеличив количество рабочих рук, получать с больших площадей большее количество пищи. Но этот путь имел и негативные последствия, так как количество особей в каждой человеческой группе первоначально регулировалось природой. И эта регуляция, естественно, имела свои предельные объемы. Другой путь мог быть связан с делением коллективов, что, создавая новую крупную биологическую ячейку, ставило вновь созданный коллектив в равноценную ситуацию по сравнению с другими синхронными и подобными им. Однако и этот путь имел свои природно-биологические пределы.

Сама по себе географическая среда показывает насколько разнообразны могут быть условия того или иного осваиваемого участка земли. И здесь опять же сбрасывается обычное правило, связанное с преодолением пороговых возможностей. Человек, обретший способность к труду, научившийся его интенсифицировать и организовывать в пределах своей естественной биологической группы, начинал испытывать все те же трудности, связанные с нехваткой определенных веществ и природных ингредиентов. Выход мог намечаться лишь в переходе к новым условиям и видам труда, когда человек, не довольствуясь тем географическим пространством, которым его коллектив владел

для неугнетенного проживания, начинает искать способы изменения качества этого пространства. Наиболее естественным видом создания таких качественных изменений после стабилизации послеледниковой обстановки стало начало аграрного труда.

С охотой, например, дело не так просто, как кажется. Одно дело, когда ты зверя только разделяешь, как эскимосы. А организовывать охоту на крупное животное — довольно сложное дело. Преодоление следующего порога — это как раз способность к коллективным согласованным действиям. Это очень важно. Это огромное поле для создания и использования новых инструментов. Еще один аспект: животные могут быть огромные, и возникает вопрос хранения забитой туши. Мы не забываем, что полученное мясо ели, но процесс хранения все равно возникает. Кроме того еду можно разнообразить: например, — соль, поджаривание и т.д. Соль — один из важнейших минералов, потребляемых живыми существами, вообще всеми.

Собиратель, охотник, рыболлов — все и зависели от того или иного природного распределения необходимой им продукции. Человек брал на себя ответственнейшую функцию именно этого распределения естественного аграрного продукта. Он разводил поля в окрестностях своих поселений, создавал эти поселения таким образом, чтобы выращиваемый урожай мог быть им убран своевременно и возможно без потерь. А потери могли быть очень велики, даже не говоря о таких обстоятельствах, как различные природные бедствия. Здесь могли быть и нашествия диких животных, и появление больших масс зерно- и травоядных насекомых и масса других, сейчас уже и не заметных нам бедствий.

Появление полеводства, огородничества, а может быть и плодоводства, потребовало упорядочения самой структуры поселений. Обычная схема, основанная на изучении сохранившихся сырцовых фундаментов в поселениях ранних земледельцев (например, в районах Западной Азии) позволяет наметить определенное движение от однокомнатных жилищ к жилищам с большим числом помещений, и, в частности, с определенным возрастающим внутренним благоустройством их. Можно допускать, что жилища подразумевали проживание одной семейной пары, имеющей детей.

Проблема воспроизводства — одна из самых сложных в отношении раннего человеческого быта. С одной стороны, упорядочение половых отношений — это далеко не первоначальный момент общественной организации. Но, учитывая длительные и все возрастающие сроки роста и взросления детей в человеческом обществе, этот вопрос требует очень серьезного и тщательного рассмотрения. Разновидностей возможной структуры ранних семей немало: это и воспитание подрастающих поколений распределяется по очень сложным схемам, и воспитания детей парной семьей обособленно, и воспитания детей подростковых возрастов в своих организованных коллективах, которые так или иначе подчинялись общему руководству сельской кровно-родственной общины. Здесь нельзя не упомянуть такие примеры как воспитание спартанцев-мальчиков в определенных объединениях-отрядах разных подростковых возрастов, а также описанные Геродотом специальные подростковые лагеря как для юношей, так и для девушек¹. [Здесь автор не успел закончить текст. Он планиро-

¹ Картина, нарисованная Геродотом в связи с так называемыми «организациями амазонок», в общем-то сближается именно с такими разнополюсными группами взрослеющего населения, проходящими определенный процесс инициации, то есть фактически это является посвящением во взрослую жизнь путем целого ряда практических упражнений (иногда достаточно сложных и даже опасных, но необходимых в силу того, что юное поколение должно быть подготовлено к любым возможным трудностям, возникающим на пути существования человека).

вал добавить свои мысли о подвижной форме обитания. *НД*].

Деятнадцатый век создал несколько жестких последовательных моделей развития семейных структур. Однако получить какие-то данные о последовательности их переходов из одной формы в другую мы не можем. Для этого не существует никаких материалов, и к тому же в разновидностях предполагаемых семейных связей, представления о которых заимствованы из этнографических данных, не дают никаких прямых указаний на функциональную обоснованность перехода от одной формы предполагаемого родственного коллектива к другой. Единственная доказуемая сторона этих наблюдений связана с тем, что стадный характер отношений не переходит в человеческом раннем обществе в образование гаремных семей. Можно считать, что В.В. Бунаком доказано, что гаремная семья очень резко подавляет все формы коллективной инициативности. Таким образом, «мертворожденная схема», восходящая буквально к Средневековью, — классификация семей по ложной «степени совершенства» — вряд ли может служить каким-то обоснованием эволюционного развития семейных отношений. Скорее всего, можно предполагать многообразие форм семьи и постепенное их численное уменьшение с учетом степени рациональности и соответствия семейной структуры функциональной специфике коллективной жизни и производства в каждой данной общине.

Распространение земледельческих коллективов фактически имеет два основных варианта — это сегментация крупных коллективов, которые перешли определенный порог численности, допустимый в аграрном людском образовании (обслуживание полей, посевов, уборка урожая в соотношении с размерами используемой площади: потери времени на передвижения от крайних полей к общинным хранилищам). То есть здесь имеет место кровнородственный коллектив, который при наличии свободных аграрных площадей может без огра-

ничений делиться и отделять от основного массива дочерние группы, сохраняющие при этом определенный характер отношений со своими центрами и исходными поселениями, от которых они ведут свое происхождение. Второй вид может быть связан с распространением нескольких независимых волн расселения, которые в процессе этого расселения могли вступать в какие-то определенные связи, обогащающие взаимно их техническую, аграрную, бытовую и социальную культуры.

II. Ранние государственные образования, их функциональная и организационная специфика

Именно этот последний путь представляется наиболее перспективной возможностью для создания на почве смешанных родственных и соседских коллективов сложной и многообразной среды, которая легче поддавалась объединению под руководством разнородной по своему происхождению элиты. Фактически, последнее заключение как раз и делает весьма перспективными такого рода объединения как путь создания первоначальных государств. По всей видимости, такого рода объединения отличались достаточно свободной проницаемостью своих границ и возможностями различного рода вариаций в формах коллективной жизни. Собственно, начиная рассматривать популяции Месопотамии, с ее рано определившимися «городскими (священными) центрами», уже представляющими в виде достаточно сложных родственных и соседских объединений, можно видеть реальные формы реализации этого пути. Таким образом, мы имеем следующие, достаточно устойчивые и имеющие тенденцию к монолитному развитию, формы объединений, пучки кровнородственных коллективов, распространяющиеся на свободном от иного населения географическом пространстве. Независимые, неродственные друг с другом группы, которые расселяясь на том же пространстве, могли, в конце концов, преодолев типичный груп-

повой инстинкт соперничества, вступать в контакты, образуя сочетания соседских и родственных отношений. Пожалуй, такая среда и является предпосылкой для создания ранних государственных объединений. Вопрос о том, какие именно черты обретает раннее государство, какие формы коллективной жизни присущи такому объединению, изначально приобретает особое значение в связи с новыми структурными особенностями расселения коллективов, разделением аграрных коллективов и центров объединений может быть уже рассмотрен на сравнительно представительном материале. Опять же в пределах ближневосточных западно-азиатских объединений.

Практически, какую бы сторону жизнедеятельности человека мы не изучали, все равно естественно приходится к проблеме государства как к проблеме структурообразующей в человеческой общественной среде. Человек, выходя из состояния биологической организованности вида, обретает массу возможностей решать отдельные свои организационные вопросы, совершенно не оглядываясь на чисто биологические проблемы. Собственно в наше время этот вопрос стал особенно актуален, когда проблемы биологии человека отступают под воздействием различных достижений развития человеческой духовной культуры. Но эти проблемы мы не будем рассматривать. Важно рассмотреть вопрос, как человек, освобождаясь от многих сторон давления природы на коллектив, начинал строить свою общественную, индивидуальную, семейную и прочую жизнь, сочетая возможности разума с теми новообретенными свойствами и качествами, которые этот разум ему давал. Фактически в жизни человечества не оказалось ни одной структурной составляющей, которая бы не преобразовывалась под давлением проблемы соотношений государства и личности, государства и разных уровней коллективов (от семейных и кончая крупными этническими коллективами, выделенными

в своем собственном географическом пространстве).

Если мы начнем анализировать проблему биологической природы человека, то здесь перед нами оказывается совершенно явная картина, определяющая, как и для всех видов животного мира, несколько важнейших моментов, на которых организуется человеческое общество, и которые в пределах этого общества эволюционируют. Ранее я уже уделил достаточно внимания проблеме первоначального пищевого обеспечения. К ней остается только добавить, что помимо растительной пищи и ее получения человек достаточно широко пользовался возможностями получения большей части своего пищевого рациона из животного мира. При этом характерно, что животная пища становится преобладающей на высоких широтах в связи с угнетающей природной средой, которая требует от человека очень больших энергетических затрат. Таким образом, по распределению пищевых рационов можно составить в некотором роде для Евразии картину, которая может быть и не вполне соответствует практической ситуации, но указывает основные направленности организации хозяйственной жизни человеческого общества. В основе любого хозяйства неизбежно лежит вопрос о пропитании. Все остальные вопросы всегда оказываются второстепенными, ибо отсутствие пропитания перечеркивает возможности человеческой жизни и фактически говорить о каких-то организованных процессах общественного характера здесь не приходится. Собственно и вопрос государства как таковой имеет достаточно жесткие географические широтные пределы. Прежде всего, это возможности становления государства, которое становится неизбежной необходимостью в условиях нарастающего перенаселения, которое связывается в основном с широтным поясом субтропического и умеренного климата, причем тяготение к субтропикам здесь более ясно выражено. Любое состояние перенаселения — вещь для обще-

ственной структуры резко угрожаемая. И поэтому проблеме перенаселения придется противопоставлять проблему организацию общественной жизни. Именно эту организацию и обеспечивают разные виды государственных образований очень разнообразных в пределах Старого Света. Я подчеркиваю это, потому что фактически государственные образования Нового Света для нас — область попросту говоря неведомая. Здесь все строится на гипотезах. И гипотезы чаще всего далеки от разумных оснований. В Старом Свете мы наблюдаем картины достаточно последовательные, достаточно обозримые, позволяющие в ряде случаев оценивать эволюционные процессы в общественных структурах, их скорость, динамику и направленность. Фактически все основные структурные основания существования животного вида в человеческом обществе сохраняются. Это ясно при рассмотрении проблемы пищевого обеспечения, это ясно при оценке форм расселения, при изучении структур, возникающих и утверждающихся в крупных популяционных массивах организованных для совместного проживания больших масс человечества. Разнообразия конкретных решений, конкретных видов организаций того или иного государственного образования, все равно не может скрывать от нас ту здоровую основу, на которой зиждется государственная власть.

Человек, выйдя из состояния мелких коллективов, основанных на кровном родстве, находит пути, допускающие буквально беспредельный рост единых государственных образований. Это происходит за счет очень высокого уровня достигнутого человечеством в подъеме и развитии его

духовной культуры. К сожалению, как и во всяком процессе, в этой области возникают элементы переразвития, когда человек чрезмерно полагается на возможности своего ума и веру в свою рассудительность. Сообразовывать многие проявления человеческой культуры с возможностями биологической природы человека становится по мере усложнения общественных структур все труднее. Отсюда и происходят очень многие срывы и затруднения в развитии общества и, естественно, все общественные катаклизмы, которые все чаще и глубже потрясают человечество. Пока ясно, что на современном уровне никаких возможностей для замены самостоятельных и самобытных государственных образований какой-то общеглобальной единой структурной культурной системой, попросту говоря, не может произойти без полного распада существующих отношений. Все попытки реконструкции национальных государств через включение их в различного рода глобальные и региональные системы отношений фактически завершаются либо резким сужением целей таких организаций, что произошло с ООН и целым рядом региональных союзов, либо с распадом этих интернациональных систем. Устойчивость системы национальных государств заставляет нас более строго просмотреть ее первоначальные шаги и формы и уровни эволюции государства как организующей системы оптимизирующей возможности человеческой жизни в условиях невероятного прогресса разума и совершенно не ограниченного технического прогресса, который начинает подавлять здоровые основы мировой самоорганизация человеческих масс.

П.М. Кожин

Четыре первоначальных колесничных центра, перешедшие к верховой езде

(Фрагмент текста)

В работе, являющейся фрагментом неоконченной статьи, рассматриваются проблемы происхождения узды для верховой езды, предполагается несколько центров их сложения и рассматриваются возможные ее прототипы.

Pavel M. Kozhin

The four original chariot centers that turned to horseback riding

(Fragment of the text)

The paper, which is a fragment of an unfinished article, considers, contains assumptions as to the several centres where it took shape and considers its possible prototypes. The problems of the origin of the riding bridle, contains assumptions as to the several centres where it took shape and considers its possible prototypes.

DOI: 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428-62-63

Мой старинный друг Виктор Сариа-ниди обладал очень широким и ясным археологическим кругозором. Именно благодаря этому, работа, посвященная его памяти, должна отражать это редкое для специалиста качество.

В 1953 г. А.А. Иессен, работая над изучением Северо-Кавказских кладов раннего железного века, рассмотрел уздечки, применявшиеся в этих центрах для колесничной упряжи. Они стали выглядеть как символы, эти знаки. Каждый из них отражал какую-то наиболее характерную особенность узды, применявшейся для упряжных лошадей. Один из первоначальных колесничных центров располагался где-то на юге, возможно даже и вне пределов Закавказья. Для этого центра оказались характерны два обстоятельства: во-первых, небольшая пластина на уздечке, выпукло представляющая несколько параллельных

линий, которые выходят на лошадиную щеку. Эти линии являются реминисценцией изображения правой руки возничего. Важность этой детали трудно переоценить. Дело в том, что прямого контакта у возницы с упряжной лошадью никогда не бывает. Во всех случаях все эти контакты приходятся на технические возможности такой упряжки. Данные упряжные лошади участвовали в Севанских и прочих похоронах. Это южный поток, связанный с одним из центров. Другой поток у нас связан с трехдырчатыми псалиями, где отверстия расположены в один ряд и различными скобами для прохождения ремней, являющихся достаточно выразительными представителями «кимерийского» искусства, а вся конструкция может завершаться сверху и снизу двойными отверстиями.

В кургане Мечет-Сай было исследовано парное... [? Мысль не завершена]¹

¹ Возможно, имеется в виду какое-то из погребений из могильника Мечет-Сай в Поволжье (Смирнов, 1964). — *Прим. ред.*

К сожалению, в кургане Уашхиту в Адыгее был плохой способ раскопок. Здесь, как обычно считается, захоронена парная колесничная упряжка. Раскопки были проведены с недостаточной тщательностью. Вместо того, чтобы проследить положение и особенности соединения разных деталей, что было возможно при работе с данными комплекса, все детали были размещены группами, передающими исключительно наборы одинаковых изделий. То есть никакой помощи исследователям от такого способа размещения не возникло. В то же время К.Ф. Смирнов, раскапывая курган 5 Мечет-Сая, здесь буквально обнажил каждую деталь комплекса, который складывался вокруг упряжной лошади. Удивительным было то, что здесь не было ярма. И вообще сам по себе упряжной комплекс, очень тесно связанный со среднеазиатским караванным путем, идущим из Средней Азии в Оренбуржье, отражает линию, которую долго не удавалось уловить в живом материале. Это именно савроматско-сарматский способ запряжки, резко отличный от привычных нам форм запряжки в ярмо. По всей видимости, и указанный ранее комплекс, и данный принадлежат к одной колесничной традиции. Здесь тоже, как и в первом варианте, была безъярмовая запряжка. Но проработать этот материал, благодаря неправильной его подборке и недостаточного внимания к деталям раскопок, не представляется возможным. Этот второй вид

жесткой конской узды имел распространение в основном в области степных Северо-Причерноморских территорий. Наиболее важный для нас — третий из комплексов, представляет собой двухштанговые удила с наконечниками в виде маленьких стремян, которые продеваются в центральное отверстие псалия и прочно скрепляются со всей конструкцией. В то же время каждый из псалий обладает двумя отверстиями, выходящими на оголовье. Это конструкция очень жесткая и очень удачная с точки зрения ее выполнения. Она наиболее распространена и хорошо зафиксирована в тасмолинской культуре Казахстана и окружающих ее ранних кочевых. Четвертая схема для нас безынтересна.

Главное, что происходит с этими первоначальными колесничными упряжками, это то, что только всадник может непосредственно контактировать с конем. И его контакт позволяет значительно ослабить конструкцию жесткой узды и фактически обратиться к возможным вариантам упрощенной узды и ее невероятно обширного опыта разнообразной эволюции. Предполагаемые центры далеко не ясно и определенно могут быть картированы. Проще всего в этом отношении работать со стремечковидными удилами. Их разнообразие по мере свободной эволюции просто поражает. И многие из материалов, происходящих из этого центра, очень далеко заглядывают в Западную и Восточную части нового мира.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. Москва: Наука, 1964. 379 с.

Михаил Фёдорович Косарев

Л.А. Чиндина, М.П. Чёрная

Памяти Михаила Фёдоровича Косарева – учёного и человека

Статья представляет собой краткий биографический очерк специалиста по археологии Западной Сибири, внесшего выдающийся вклад в изучение древнего мировоззрения и многих других проблем эпохи бронзы Евразии.

L.A. Chindina, M.P. Chernaya

To the memory of Mikhail F. Kosarev – Scientist and Men

The article is a short biographical sketch of a specialist in the archaeology of Western Siberia, who made an outstanding contribution to the study of the ancient worldview and many other problems of the Bronze Age of Eurasia.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-64-67

Михаил Фёдорович Косарев — профессор, доктор исторических наук, крупный и авторитетный учёный, внёсший выдающийся вклад в отечественную науку. Его научная и личная судьба отражает значительный этап развития российской археологии, когда упрочиваются её позиции как самостоятельной науки, формируется система подготовки профессиональных кадров, укрепляются сложившиеся и появляются новые центры археологических исследований по всей стране. Вместе с тем на рубеже 1950–1960-х гг. со всей очевидностью обозначилась недостаточность, неравномерность археологической изученности историко-культурного пространства Сибири. Логично, что М.Ф. Косарев — коренной сибиряк, выпускник старейшего в Азиатской России Томского государственного университета, закончивший аспирантуру Института археологии АН СССР — стал заниматься в столичном институте проблемами археологии Сибири, вошел в нем в группу урало-сибирской археологии ИА, а с 1981 г. её возглавил. В 1989–1994 гг. Михаил Фёдорович был

заведующим Отделом каменного и бронзового веков, с 1990 г. — организатором и руководителем семинара «Проблемы изучения и реконструкции древнего мировоззрения».

С начала творческого пути М.Ф. Косарев комплексно подошел к изучению древних культур и народов Сибири, успешно интегрируя археологические и этнографические исследования, а также рассматривая историю жизни людей в системе «человек и природа», что имело для того времени новаторский характер. Убежденность учёного во взаимосвязи природно-климатических условий и человеческих сообществ нашла отражение в его палеоклиматических реконструкциях, сопряжении археологически выявленных миграций населения с периодами усиления увлажнения Западной Сибири, обозначении роли речной сети на расселение человека и географической среды на выбор тех или иных форм хозяйственных занятий, установлении пределов адаптивных возможностей коллективов в различных ландшафтно-климатических ситуациях.

М.Ф. Косарев на Первом возрождённом Археологическом съезде в Новосибирске 2006 г. с томичками Л.А. Чиндиной, Л.М. Плетнёвой и М.П. Чёрной.¹

М.Ф. Косарев разработал концепцию историко-культурного развития обширного западносибирского региона от верхнего палеолита до Средневековья во взаимосвязи этнического, социально-экономического, мировоззренческого, экологического аспектов, что нашло отражение

в серии блестящих монографий (Косарев, 1981, 1984, 1991 и др.) и обеспечило Михаилу Фёдоровичу особое место в археологии Западной Сибири.

Исследования М.Ф. Косарева составили основу двух томов фундаментальной серии «Археологии СССР»: по неолиту Се-

На пути к раскопкам памятника: студент Михаил Косарев и научный руководитель раскопок и практики В.И. Матющенко (1953? г.).

На раскопках в студенческие годы.

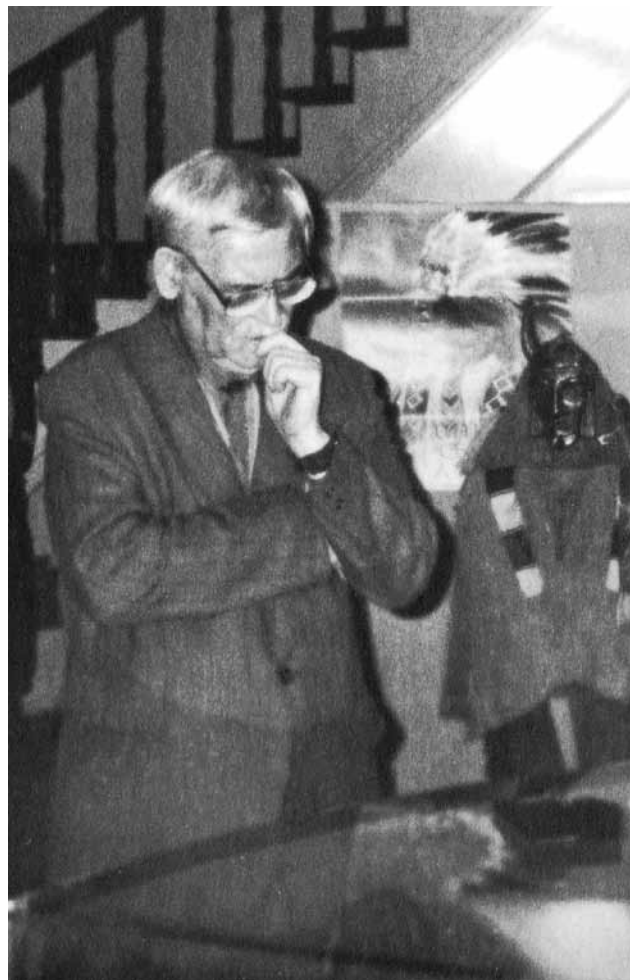
¹ Эта и все последующие фотографии в этом разделе предоставлены авторами — Л.А. Чиндиной и М.П. Чёрной.

М.Ф. Косарев и Л.А. Чиндина
на разведке в Кулундинских степях
(Карасукский р-н, Новосибирской обл., 1971 г.)

верной Евразии (1996) и эпохе бронзы лесной полосы (1987), в котором им написано 200 страниц из 400 (Молодин, 2001, с. 7–8).

В 2000-х гг. М.Ф. Косарев особенно много внимания уделил проблемам мировоззрения древних сибирских народов, прежде всего их языческих верований. Он обозначил проблему исторической интерпретации таких фундаментальных категорий, как пространство, вмещающее

М.Ф. Косарев в Музее археологии и этнографии Западной Сибири Томского госуниверситета, 2001 г.

М.Ф. Косарев и В.И. Матющенко (справа от него) с участниками XII Западносибирской археолого-этнографической конференции (ЗСАЭК). Томск, апрель 2001 г.

исследуемый социум и всю систему его жизнедеятельности, движение, как исторический процесс, и время, как меру его поступательности. Изучение фольклора, ритуалов и обычаев сибирских народов, в которых преломляются представления о пространстве, времени, движении и покое, приближают нас к пониманию названных категорий, не имеющих чётких границ, а в ряде случаев взаимопроникающих друг в друга (Чёрная, 2010, с. 172–173).

Труды учёного, а это более 200 работ, в том числе семь монографий², являются настольными для археологов-сибиреведов и учебными пособиями для студентов исторических факультетов страны.

Очень важное нравственное, научно-познавательное значение имеют историко-художественные произведения М.Ф. Косарева, его этнографические рассказы о социо-культурной и бытовой жизни сибирского населения (1960–1990-е гг.), созданные на основе собственных наблюдений и изысканий и его коллег. Они дают возможность современному человеку окунуться в мир прошлого народов Сибири. Гражданскую миссию своих художествен-

ных произведений Михаил Фёдорович видел так: «Может быть исторический образ прошлого... предостережёт живущих сегодня от ошибок, допущенных нашими предками, и сделает нас более мудрыми. Во имя выживания!» (Косарев, 2011, с. 13).

Михаил Фёдорович — достойный сын сибирской археологии, которой он был верен всю жизнь. Живя с 1959 г. в Москве, в душе он оставался сибиряком. Своим служением делу и масштабом личности он воплощал процесс «прирастания России Сибири».

Для М.Ф. Косарева археология была делом жизни, он понимал её не просто как историческую науку, но и как «средство, позволяющее вывести из забвения спасительную человеческую память, вобравшую в себя удачу и неудачу человечества на путях его становления и развития» (Косарев, 2011, с. 33).

Михаил Фёдорович Косарев был неутомимым старателем по обогащению исторической памяти и сам является её неотъемлемой частицей, заняв достойное место в плеяде блестящих учёных, высоко поднявших авторитет и уровень отечественной науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева / Ред.: Чёрная М.П., Чиндина Л.А. Томск: Аграф-Пресс, 2012. 284 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 246 с.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Косарев М.Ф. В поисках Великой Венгрии. Воля Богов. М., 2011. 304 с.
- Молодин В.И. К семидесятилетию Михаила Фёдоровича Косарева // Мировоззрение древнего населения Евразии / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: Старый Сад. 2001. С. 4–9.
- Чёрная М.П. XV Юбилейная Западносибирская археолого-этнографическая конференция в Томске // Вестник РГНФ. 2010. № 4 (61). С. 172–178.
- Чиндина Л.А. Люди, наука, время // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева / Ред.: Чёрная М.П., Чиндина Л.А. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 5–8.

² Список работ М.Ф. Косарева опубликован: Археолого-этнографические исследования Северной Евразии, 2012. С. 22–28.

Г.С. Вртанесян

Памяти наставников – П.М. Кожина и М.Ф. Косарева

Мне выпала тройная удача в начале своей работы по календарным мифам народов Северной Евразии: встреча и ненавязчивое наставничество трех великих ученых и людей — В.И. Сарияниди, П.М. Кожина и М.Ф. Косарева, идеи и пожелания которых до сих пор автор пытается развивать в своей работе. Глубина их идей, касающихся развития цивилизационного процесса в Евразии, к сожалению, не вполне оценена современниками. Остается надеяться, что когда-нибудь это время придет.

G.S. Vrtanesyan

To the memory of mentors – Pavel M. Kozhin and Mikhail F. Kosarev

I had a triple stroke of luck at the beginning of my work on the calendar myths of Northern Eurasia people. It was a meeting and unobtrusive mentoring of three great scientists and people – Victor I. Sarianidi, Pavel M. Kozhin and Mikhail F. Kosarev, whose ideas and wishes the author is still trying to implement in his work. The depth of their ideas concerning the development of the civilization process in Eurasia unfortunately is not fully appreciated by contemporaries. We can only hope that this time will come someday.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-68-76

Павел Михайлович Кожин

Сотрудничая с В.И. Сарияниди, я постепенно стал знакомиться с его окружением. В первый же мой визит к нему я был представлен Надежде Анатольевне Дубовой, а затем по мере своего «научного роста» уже и другим его коллегам. Впервые П.М. Кожина и М.Ф. Косарева я увидел на запоздалом чествовании В.И. Сарияниди в Московском доме национальностей в феврале 2008 г., однако представлен не был. Им было совсем не до меня, поскольку Виктор Иванович с трудом оправлялся от перенесенного инсульта. Это случилось позднее, когда Виктор Иванович долго колебался, включать или нет в очередной том мою статью по календарно—числовым особенностям маргианских древностей.

Павел Михайлович вместе с Виктором Ивановичем и Михаилом Федоровичем входил в редакционную коллегию Трудов Маргианской археологической экспедиции. Он ушел из жизни послед-

ним, ненадолго пережив своих коллег (18 июля 2018 года, Москва). Познакомились мы с ним благодаря В.И. Сарияниди, который не стал вникать в тонкости моих счетно-календарных «опусов», сказав: «Я ничего не понимаю в математике, иначе пошел бы на физмат», и решил пропустить меня через «молотилку» Павла Михайловича. Звоню по сообщенному мне телефонному номеру. После долгого ожидания, тогда, когда уже хотел положить трубку, сквозь поток кашля, появился несколько хрипловатый и тягучий голос: «Слушаю Вас». В его «слушаю» было и внимание, и требовательность, и своеобразное обаяние. Оно обязывало и зачаровывало, обволакивая со всех сторон. Он без малейшего удивления объясняет маршрут и добавляет: «Не опаздывайте, я все время занят». Жил он рядом с метро «Университет», в кирпичном добротном доме (высокие потолки, удобная планировка), в двухкомнатной квартире на первом этаже, вдвоем с супругой Ниной

Филипповной. Квартира была полутемная, он не любил яркого освещения, как, впрочем, и красный цвет. Последнее я выяснил, когда подчеркивал важные места или замечания в рукописях красным. Он очень рассердился, отругал, и не велел больше ему это показывать. Из-за полутьмы в квартире, обилие книг и журналов просто поражало. Книги были уложены даже на полках между входными дверьми, где в городских квартирах, до эпохи массового производства холодильников обычно хранились продукты. Дело было в середине лета, я ему отдал гостинец — бутылку очень дорогой водки, и объяснил, что в Армении давно не был, поэтому пришлось заменить традиционный коньяк этим напитком.

Специально заказанный для него коньяк я принес потом, очень хороший, достойной выдержки. Павел Михайлович немного растерялся, и сказал: «Я такой никогда не пил». Он принял меня с порога, и отвел к себе в большую комнату, которая, судя по размерам, была столовой, к большому столу с зеленой роскошной (в прошлом) скатертью, на котором были уложены стопками книги и журналы высотой, не меньше полуметра. Книги были и на полу, на подоконнике, на диване и полках. Был ещё один письменный стол, с настольной лампой, заставленный бумагами, и несколькими книгами. На стенах висели небольшие картины кисти его отца, на одной из них был изображен театральный занавес с актером за кулисами, кажется один из эскизов к спектаклю «Весна священная».

В связи с этим уместна пара слов о его родителях. Павел родился 18 сентября 1934 г. и был поздним сыном Михаила Владимировича Кожина. М.В. Кожин несмотря на свое происхождение из монархически настроенной семьи, принял деятельное участие в событиях 1905 года, где, будучи командиром рабочей дружины, охранял похороны большевика Н.Э. Баумана. Его мать, Клеопатра Константиновна была на 19 лет моложе мужа, родилась и выросла в семье крымских татар (Бахчисарай), учи-

лась на химика в МГУ. После событий 1905 года М.В. Кожин оказался в Европе. Будучи человеком разносторонних интересов и дарований, обучался в Германии, работал в Швеции, был театральным художником в Париже на Дягилевских сезонах, знал восемь(!) европейских языков. Поскольку Михаил Владимирович был сов.служащим (военспец), семье пришлось поколесить по стране, и даже оказаться в Китае (Харбин), с десяти-месячным Павлом на руках. Семья вернулась в Москву в 1937 году, где их поселили вначале в гостиницу «Москва». Многоязычие, как семейная традиция (его мать владела ещё французским и немецким) дали возможность П.М. Кожину выучить немецкий, английский, французский, голландский, а затем итальянский, латынь, древнегреческий, польский, узбекский, и наконец уже китайский.

Всего этого я, конечно, не знал, садясь на предложенный мне стул, находившийся в небольшом свободном пространстве, где мы оказались почти лицом к лицу. Когда мы уселись, он просто, без пышных предисловий, сказал: «Ну рассказывайте, что бы Вы хотели узнать». Я спросил, сколько у меня времени, он улыбнулся глазами, и сказал: «Это зависит от вас». Я не очень понял, о чем речь, и начал немного сбивчиво рассказывать об одном кольцевом календаре, который нашелся в месопотамских древностях. Это его заинтересовало. Судя по его реакции, он не ожидал такого поворота событий. Павел Михайлович слушал, не перебивая, около часа, и когда я вдруг смущенно посмотрел на него (не перебор ли?), он, сказал, откашлявшись, это интересно, продолжайте. Потом, немного увлекшись, я перешел на архаические счетные процедуры, но было видно, что он уже устал. Взглядом остановив меня, он в завершение беседы сказал: «Я поддержу вашу работу, и буду рекомендовать её включить в 4-ый том Трудов Маргианской экспедиции». Я тогда ещё не знал, что к проблеме календаря и чисел, у него был стойкий интерес. Это уже потом, получив в подарок

сигнальный экземпляр его книги (Кожин, 2007) с дарственной надписью, я стал методично знакомиться с его работами.

Во время наших последующих встреч, мы очень подробно обсуждали проблему числового облика архаичных текстов, и в частности проблему парности, и её влияние на особенности вигезимального счета¹ в языках Северной Европы. Реалии оказались намного сложнее наших выкладок, поэтому тезисы по этой теме, непрерывно дорабатывались, и были опубликованы почти 12 лет спустя (Вртанесян, 2018. С. 23–31). Его интерес к числам и календарю, нашел свой выход в юбилейной статье с блоковским названием «Жар хладных чисел» подготовленной к семидесятилетию В.Е. Ларичева (Кожин, 2002).

Круг интересов П.М. Кожина — история, сравнительное языкознание, история философии, культурология, археология, демография, антропология, этнология — поражал своей широтой. При этом его работы отличались основательностью, учетом мельчайших деталей, вполне соответствуя тому первому впечатлению, которое производила его коренастая основательная фигура. Сергея Владимировича Киселева², он называл своим Учителем. Проведя с ним летний сезон на археологических раскопках в Хакасии в 1955 г., П.М. Кожин вместе с бесценным опытом полевой археологии, приобрел на всю жизнь интерес к культуре Китая. Одной из тем, которая красной нитью прошла через всю жизнь Павла Михайловича была проблема возникновения и развития колесного транспорта. Первая его статья по этой проблеме была опубликована ещё в 1966 году (Кожин, 1966), и он оставался ей верен до конца своих

дней. Ещё одним своим учителем он считал Валерия Николаевича Чернецова³, с которым познакомился в Институте археологии АН СССР.

Трудно назвать какую-либо важную проблему антропологии, археологии или языкознания, которая была бы обделена его вниманием. Это могло быть исследование культурных особенностей палеогенеза языковых общностей (Кожин, 1986), анализ особенностей керамических традиций Евразии начиная с неолита (Кожин, 1991. С. 129–151), окуневские древности (Кожин, 1980, с.199–210), особенности архаичного счета (Кожин, 2014. С. 323–344), особенности маркировки пространства в неолите (Кожин, Фролов, 1973. С.10–22) и многое другое. Высочайшая планка требований к уровню работ как коллег, так и своих, конечно не всегда находила понимание, особенно в последние годы, что вынудило его дать горькую, но к сожалению, обоснованную оценку («в наше невежественное время») многих работ современников.

Особое место в научном творчестве П.М. Кожина занимали работы по культурной атрибуции маргианских древностей и месту Маргианы в цивилизационной картине Евразии (Кожин, Дубова, 2016. С. 59–79). Именно он обратил внимание на поразительные сходения формы узора на палочках из слоновой кости с узором «ко-сой крест», найденных на Гонуре и в афанасьевских погребениях Южной Сибири. Тоже самое он писал о составных женских статуэтках БМАК и куколках (эгэмендер) в Сибири (Кожин, 2004. С. 90; 2010. С. 139).

В интервью, данном по случаю своего 80-летия, он назвал главное условие успеха: «Самое важное в любой профессии

¹ Вигезимальная или двадцатеричная система счисления — позиционная система счисления по целочисленному основанию 20. Вторая по распространённости после десятичной.

² С.В. Киселев (1905—1962) — член-корреспондент АН СССР, автор фундаментальной монографии «Археология Южной Сибири», многолетний главный редактор журнала «Вестник древней истории», многогранный энциклопедист.

³ В.Н. Чернецов (1905—1970) — выдающийся советский ученый, специалист по угорским народам. Был одновременно археологом, историком, этнографом, фольклористом и лингвистом, в своих исследованиях активно использовал данные естественных и технических наук, знания по истории искусств — *Прим. ред.*

— добиться адекватного понимания того, что происходило». Осенью 2014 г. я позвонил и поздравил его с юбилеем, пожелал долгих лет, успехов. Он слушал молча, с трудом сдерживая мучивший его кашель. Поблагодарил и сказал: «Попробуйте дожить до моих лет». Ехать к нему домой с поздравлениями он не разрешил. Конечно, я не обиделся, понимая какое это напряжение для него. К, сожалению это был наш последний разговор.

Михаил Федорович Косарев

Ещё при жизни В.И. Сарияниди занимаясь изучением числовых и календарных аспектов в материалах БМАК и сопредельных территорий, у меня появились вопросы, относящиеся к сибирским археологическим культурам. Основанием для этого, послужила поразительная близость некоторых типов культовой символики в Маргиане и культур бронзового века как Южной Сибири (круг окуневских культур), так и Восточной (Улан-Хада, глазковская культура). Он порекомендовал мне встретиться с М.Ф. Косаревым. Во время телефонного разговора, Михаил Федорович не очень понял, какое к нему отношение могут иметь числа и календарь, но сказал: «Хорошо, приходите. Со мной вместе в одном кабинете сидит Тамилла Михайловна Потемкина⁴. Возможно она вам что-нибудь подскажет».

В то время они вместе занимали кабинет на четвертом этаже правого крыла здания Институт археологии РАН на ул. Кржижановского. Убранство кабинета было весьма скромным. Кроме книг и мебели, комнату украшала модель ритуального жезла из рога из Оленеостровского могильника с изображением лосиной головы и с весьма выразительными треугольными насечками на нем, которые вполне внятно можно трактовать как годичный календарь. Поскольку оба ученых проработали с В.И. Сарияниди бок о бок не один год и очень уважали друг друга,

и как ученые и по-человечески, то меня встретили, что называется на высочайшем уровне. В этот день Т.М. Потемкина задержалась, и наша беседа затянулась на целых три часа. Михаил Федорович сказал: «Предмет ваших интересов — числа и календарь — достаточно необычное сочетание. Но чтобы судить о ваших мыслях более или менее внятно, дайте мне что-нибудь в виде тезисов». Я рискнул, и принес через неделю два десятка рукописных страниц. Через полмесяца я опять ему позвонил, и он разрешил мне приехать.

Снова оказавшись в том же кабинете, я внутренне был очень напряжен, и был готов к разносу, имея опыт общения со «светилами» разного «калибра». Однако всё произошло очень неожиданно быстро. Хотя глаза Косарева сохраняли полную серьезность, он улыбнулся, и сказал: «Я принял ваши доводы». Это меня очень окрылило, так как первая реакция моих визави, были либо неподдельное удивление («что за чушь, а вроде серьезный человек»), либо плохо скрываемая скука. И вот этот его вердикт, поддерживает меня и по сей день. Мне повезло, так как у М.Ф. Косарева появился стойкий интерес к календарным мифам. Возможно, он увидел в них развитие своего экологического подхода, для реконструкции идеологии (мировоззрения) носителей древних археологических культур. Поэтому наши встречи в Институте археологии приняли достаточно регулярный характер, до тех пор, пока он не ушел на пенсию. Но и затем я продолжал с ним часто созваниваться и получал советы по телефону. На вопрос «Как самочувствие?», он отвечал всегда, с понятным смешком: «В соответствии с возрастом». При этом, почти до последнего своего года он проводил весь теплый сезон на даче.

Мемориальные доклады имеют свои сложившиеся каноны, поэтому приходится их придерживать, даже когда речь идет о таком человеке и ученом, как Михаил

⁴ Т.М. Потёмкина (род. 1937) — археолог, специалист по культурам Зауралья. Ею открыты и исследованы памятники от палеолита до средневековья. Под ее руководством были организованы конференции по астроархеологии.

Федорович Косарев. Наверно сразу можно задаться вопросом, почему мы отдаем ему здесь долг памяти, ведь он не открыл ни новую древнюю цивилизацию, ни богатых кладов с изделиями из драгоценных металлов или внушительные собрания наскальной живописи, — находки, которые сразу ставят ученого в особое положение среди его коллег. Он написал всего восемь монографий, сравнительно мало и статей (менее двух сотен научных и три десятка научно-популярных статей), если сравнивать с некоторыми нашими коллегами «ударниками», число публикаций которых переваливает за тысячу. Но в отличие от них он сделал, наверно, намного более важное: он переработал и осмыслил результаты археологических и этнографических исследований Западной Сибири, разработав универсальный способ реконструкции облика и мировоззрения носителей древних культур, основанный на учете и анализе природных реалий.

Родился Михаил Федорович 3 декабря 1931 года в селе Ярок Карасукского района Новосибирской обл., в многодетной семье (пять братьев и сестра). Его отец Федор Иванович погиб на фронте, и всех шестерых поднимала его мать Устинья Михайловна. Поступив в Томский государственный университет вместе со своими двумя братьями, он не сразу специализируется в археологии. Вкус к ней у него появляется, лишь после полевого сезона, проведенного на раскопках знаменитого Самусьского могильника, где он работал вместе с Владимиром Ивановичем Матюшенко⁵. После окончания университета ему не удается сразу заняться наукой, он попадает по распределению в свой родной район, где становится директором школы-семилетки, и затем инспектором РОНО. Причина

этого, как выясняется, была тривиальна. Рецензент его дипломной работы, посвященной столыпинской реформе, видимо не сумев проникнуть в её суть, оценил её на «хорошо» и тем самым вызвал законное возмущение Михаила Федоровича, который не сдержался, и предложил рецензенту указать(!) конкретные причины такой оценки. Тот, потрясенный отпором, замаялся, и дипломник разнес его доводы в пух и прах, — неслыханная вещь в те времена. Итог: дипломника М.Ф. Косарева отчислили из ТГУ. Но его брат с друзьями (будущие юристы) собрали объемистое дело, и доказали незаконность этого решения, и руководству университета не оставалось ничего кроме как восстановить его. Как никак, это было начало «хрущевской оттепели».

Проработав на ниве народного образования почти пять лет, он решает поехать в Москву в аспирантуру Института археологии АН СССР, и, победив в конкурсе, попадает к В.Н. Чернецову, одному из самых известных исследователей сибирских древностей, автора одного из первых мансийско-русских словарей, рассказчика, актера, и самое главное человека, имевшего врожденный дар адаптации к окружающей среде. Видимо, поэтому этот комплексный подход к изучению антропологии, которым в совершенстве владел В.Н. Чернецов, стал и основой деятельности Михаила Федоровича. Он сконцентрировался на двух основных направлениях: первобытной истории Урала и Сибири, органично сочетаемой с изучением древнего мировоззрения. Для этого пришлось осваивать смежные науки (климатологию, географию и др.). Это ему удалось настолько глубоко, что этим были поражены даже профессиональные географы⁶.

⁵ В.И. Матюшенко (1928—2005) — советский и российский историк, археолог, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета. Основатель томской и омской школ археологии. Внес большой вклад в изучение памятников археологии Западной Сибири эпох от палеолита до средневековья — *Прим. ред.*

⁶ Мнение Алексея Михайловича Малолетко (1929—2018), доктора географических наук, профессора Томского и Алтайского государственных университетов, исследователя Алтайского края.

В своей первой монографии «Древние культуры Томско-Нарымского Приобья» (1974), М.Ф. Косарев весьма убедительно вскрыл причины миграций на Васюганье (оз. Тух-Эмтор) носителей федоровской археологической культуры (скотоводы, середина II тыс. до н.э.), в связи с потеплением и формированием обширных луговых ландшафтов (пастбищ). Он и потом успешно использовал созданный им подход: анализ артефактов, экологической ситуации, сочетаемый с этнографическими материалами, и затем реконструкция хозяйственно-культурного типа, социальных отношений и идеологических представлений населения бронзового века Западной Сибири. В связи с этим, заметим, что проблема рыболовства у древнего и средневекового населения Западной Сибири, как основы хозяйства, в отечественной науке была впервые полноценно поднята именно Михаилом Федоровичем.

М.Ф. Косарев создал концепцию развития археологических культур эпохи бронзы на территории Западной Сибири, которая была защищена в виде докторской диссертации. Затем эти материалы легли в основу монография «Бронзовый век Западной Сибири» (1981). В первой части этой книги он рассмотрел древности Нижнего и Тюменского Притоболья, лесостепного и таежного Прииртышья, Верхнего и Томско-Нарымского Приобья. Затем последовал анализ самусько-сейминских древностей Приобья, лесостепной Барабы, Тюменского Притоболья и Среднего Урала. Затем шло описание андроновской эпохи и завершающего этапа бронзы — переход к железному веку. Надо сказать, что эта монография, как по охвату проблем, так и глубине сделанных выводов, до сих пор не превзойдена. Свое понимание тончайших нюансов взаимосвязи экологии и особенностей социального устройства древних обществ и мировоззрения их населения (от эпохи палеолита до позднего Средневековья), в завершённом виде М.Ф. Косарев изложил в монографии «Древняя история Запад-

ной Сибири: человек и природная среда» (1991), которая оказалась последней в этой серии. Там подробно изложены представления автора об этнической идентификации носителей археологических культур Западной Сибири. Он показал (Косарев, 1991. С. 16), что представители ямочно-гребенчатой орнаментальной традиции были самодийцами, обозначив первоначальный ареал самодийского генезиса в лесной части Восточно-Европейской равнины. Это положение подтвердилось спустя почти 20 лет анализом генетических данных (Волков, 2013. С. 80). Исходя из тезиса о самодийской принадлежности носителей ямочно-гребенчатой орнаментальной традиции, М.Ф. Косарев делает вывод, что «для носителей самусьской культуры остается, по существу, учитывая топонимическую стратиграфию и планиграфию Западной Сибири, лишь один вариант этнической идентификации: связь их с предками современных кетов или, вернее, с каким-то южным этническим элементом, участвовавшим позднее в сложении кетоязычных народностей» (Косарев, 1991. С. 20). Как крупнейший специалист по археологии бронзового века лесной полосы Северной Евразии, он фактически стал основным автором тома «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» (1987) в двадцати-томной серии «Археология СССР», написав более половины глав и разделов, посвященных бронзовому веку Сибири. Особое положение, которое Михаил Федорович занял среди коллег, прекрасно характеризуют слова его друга, коллеги и вечного оппонента В.И. Матющенко, сказанные в 1995 году: «Книги Косарева, по глубине анализа, всесторонности подхода к изучаемым явлениям, не имеют себе равных среди публикаций подобного рода в археологии Сибири 80-х годов».

Оценивая взаимоотношение человека с природой, он считал, что человек, всегда находил или создавал среду своего существования, спасавшую его от физического уничтожения. Он писал, что «зависимость человека от природы в древности, была

не более сильной чем сейчас, а более прямой и непосредственной. Развитие производительных сил, сделало эту связь более сложной и опосредованной, рождая иллюзию независимости человека от природы». Переходя далее к будущему этой системы, он сформулировал условия нарастания экологического кризиса. 1. Разрыв между высокими темпами научно-технического прогресса и очень низким уровнем наших знаний в области экологии и её практического использования, доминанта сиюминутной выгоды в ущерб долгосрочным интересам общества, в плане сохранения окружающей среды. К этому прибавляется затухание и полное исчезновение исконного чувства единства человека с природой». Конечно сейчас, эти положения настолько привычны, что кажутся наивными. Но если вспомнить, что им уже более 40 лет, то можно лишь, поражаться глубине его предвидения. О реальном бережном, а не декларируемом отношении к природе (по свидетельству современников), можно судить по такому его невольному признанию: что больно было раскапывать археологический памятник, снимая землю, деревья и кусты, разрушая культурные слои, которые складывались веками. Обобщая локальные проблемы западносибирской археологии, М.Ф. Косарев переходит к их анализу. Особенно интересны в этом плане, его работы «Скот, как эквивалент меновой стоимости в степных обществах Среднего региона» (2000. С. 63–65), «Идея триединства в сибирском язычестве» (2001. С. 236–238), «Пространство, движение, время в исторической ориентации» (2010. С. 10–12) и др. Независимо от уровня сложности затрагиваемой проблемы, эти работы таковы, что читаются на одном дыхании, как занимательный бестселлер. Представления о миропонимании населения Сибири по археолого-этнографическим материалам Косарев изложил в ряде монографий (2001, 2008), одна из которых (Язычество Сибири, 2001) была издана в США. Широта его кругозора поражает.

В монографии «Основы языческого миропонимания» (2008), выдержавшей два издания, основной материал традиционно предваряли главы «Природа и жизнь», «Мироздание», «Пространство», «Время». Здесь отметим, что М.Ф. Косарев одним из первых, и весьма убедительно подверг сомнению выкладки некоторых коллег, которые при работе с сибирскими материалами, маркировали пространство, оперируя привычными для современного европейца понятиями — юг, север, запад, восток — что в традициях народов Сибири и Севера было неизвестно. Кочевые народы ориентировались по рекам и хребтам, оседлые по ветрам, точкам восходов и заходов Солнца и Луны, которые существенно смещались по линии Север — Юг, в течение года. Его правоту лишней раз подтверждают включение в программу нынешнего конгресса докладов соответствующей тематики. В своей монографии, в числе остальных, он рассмотрел проблему трикстера и культурного героя, и затем шаманизма в Северной Евразии, дав подробнейший анализ этих явлений.

Проследив генезис шаманизма почти со времен раннего Средневековья, он пришел к выводу что, символом сибирского шаманизма является вселенское дерево (фактически в полном согласии с таёжными реалиями), именно оно или его часть в виде шаманского посоха, является главным его атрибутом. Идейная основа сибирского шаманизма — «признание равноправности и равной необходимости добра и зла, ведущая роль среднего мира в поддержании равновесия вселенной и диалектической противоречивости всего сущего, как главного условия развития и циклического обновления Вселенной». Он полагал, что шаманизм как развивающаяся система вобрала в себя (так и не освоив до конца) все пласты сибирских языческих верований. Он также сопоставил сибирский шаманизм с североамериканским, который на фоне сибирского, представлялся более простым по ритуально-обрядовому

оформлению (Косарев, 2008. С. 359, 360). Основание для этого — отсутствие связи с шаманизмом, в таких обрядах как инициация, культ личных духов-покровителей, тотемизм, которые в институте сибирского шаманства являются одними из основных, фактически смыкаясь с положением, высказанным М. Элиаде (1998. С. 19).

Надо обязательно отметить, с какой осторожностью он подходил к вопросам датировки памятников. Как-то я, рассказывая о миграции очень важного календарного символа (змеедержец), спросил можно ли считать Улан-Хада (Прибайкалье, глазковская археологическая культура) древнейшим памятником эпохи бронзы Восточной Сибири? Его ответ меня поразил: «Раньше я вам ответил бы без колебаний, по всем признакам, да», — тут он немного замялся: «А сейчас, не уверен. Может, впереди ещё новые открытия».

Если оценивать другие грани личности М.Ф. Косарева, то это был видимо тот случай, когда талант исследователя и аналитика, сочетался в нем с выдающимися человеческими качествами. Воспоминания доцента Омского государственного университета, археолога С.С. Тихонова, бывшего с ним в Чебургинской разведочной экспедиции, выявившей следы рыболовства в раннем бронзовом веке (оз. Юргаркуль, южнее Тобольска), Рисуют его как умелого органи-

затора работ, способного находить контакт и понимание и у коллег, и у окружающего населения, неистощимого рассказчика, прекрасного кулинара, и мастера на все руки.

Написанная им художественная трилогия («Воля богов», «На перепутье миров» и «Сибирь сокровенная») поражает читателя реализмом, как исторических реконструкций, так и передачей тончайших нюансов поведения героев, его современников, которые всегда предстают рельефными, живыми людьми, и все это пропитано тонким юмором, и настоящим, не показным человеколюбием. Как-то в разговоре, Михаил Федорович спросил меня, поеду ли в Томск на конференцию. Когда я признался, что обычно избегаю авиа-перелетов, тем более длинных, он понимающе улыбнулся, и сказал, «да, что-то противоестественное в этой птице есть».

Таким он останется в моей памяти: живым, с понимающими глазами мудреца, со своей улыбкой сквозь усы человека, видящего этот мир как на ладони, как бы со стороны и может быть несколько отстраненно, но весь, и в мельчайших деталях сразу. Мир его праху, победу его мыслям и вечная память.

М.Ф. Косарев похоронен далеко от своей малой родины, на Перепечинском кладбище, на 32-й км Ленинградского шоссе (Солнечногорский р-н, Московской обл.).

ЛИТЕРАТУРА

- Вртанесян Г. С. Календарно-числовые особенности эпических текстов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Амосова: Сер. Эпосоведение. 2018. № 3 (11). С. 20–41
- Волков В.Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. № 1(1). С.79–96.
- Кожин П.М. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового света. М., 1966. С. 76–81.
- Кожин П.М. О каменных изваяниях хакасско–минусинских степей // Первобытное искусство. Звери в камне. Новосибирск, 1980. С. 199–210.
- Кожин П.М. Воздействие культурологических концепций на реконструкции древнейших языковых состояний // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. (проблемы междисциплинарных исследований). Ч. 2. М., 1986. С. 25–34.
- Кожин П.М. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 129-151.
- Кожин П.М. Цивилизация, угонувшая в песках великой пустыни // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75 летию В.И. Сариниди. М., 2004. С. 83-91.

- Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке. Палеокультурология и колесный транспорт. Владивосток, 2007. 428 с.
- Кожин П.М. Новый этап первобытной и раннеисторической археологии Средней Азии // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарияниди [ТрМАЭ. Т. 3]. СПб, 2010. С. 135-145.
- Кожин П.М. Древнекитайский счет и некоторые новации в духовной жизни эпохи Чжоу // Китай на пути возрождения. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2014. С. 323-344
- Кожин П.М., Дубова Н.А. Маргиана в среднеазиатской археологии // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти В.И. Сарияниди. М., 2016. С. 59–79.
- Кожин П.М., Фролов Б.А. Представление о пространстве в творчестве населения палеолитической Европы // СЭ. 1973. № 2. С. 10–22.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 245 с.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М., 1991. 302 с
- Косарев М.Ф. Скот как эквивалент меновой стоимости в степных обществах // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000. С. 63-65.
- Косарев М.Ф. Идея триединства в сибирском язычестве» // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Томск, 2001. С. 160-163.
- Косарев М.Ф. Язычество Сибири. Lewiston, 2001. 359 с.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. 2 изд. М., 2008. 415 с.
- Косарев М.Ф. Пространство, движение, время в исторической интерпретации // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 10–12.
- Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев, 1998. 480 с.

Оливье Леконт

Х. Бендезу-Сармиенто

Памяти Оливье Леконта

(Сан-Рафаэль, 23-06-1949 / Париж, 15-01-2019)

Краткая биография Оливье Леконта — директора Французской археологической миссии в Туркменистане (MAFTUR; 1994-2013), ответственного за несколько миссий на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Объединенных Арабских Эмиратах, директора Центра археологических исследований Индии, Белуджистана, Центральной и Восточной Азии (UMR 9993) Национального Центра научных исследований Франции (CNRS) с 2009 по 2015 гг. Это — несколько штрихов к портрету высокого, многоязычного джентльмена в бежевой шляпе, с длинными характерными усами, в длинном пальто и с тростью в руке, который любил открывать «новые миры» и однажды исследовав их, он стремился поделиться своими новыми открытиями.

J. Bendezu-Sarmiento

To the memory of Olivier Lecomte

(Saint-Raphael, 23-06-1949 / Paris, 15-01-2019)

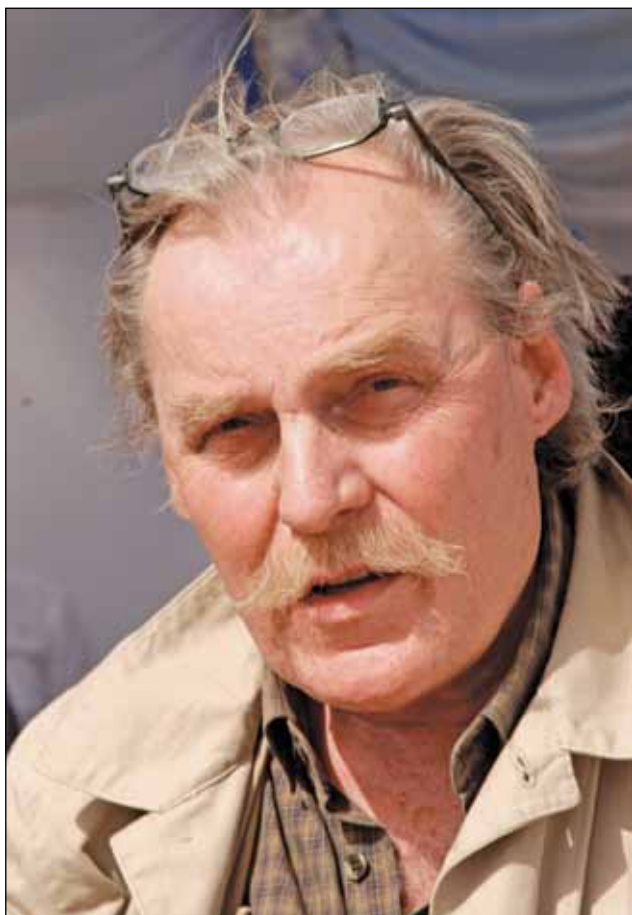
The short biography of Olivier Lecomte – the director of the French Archaeological Mission in Turkmenistan (MAFTUR; 1994-2013), responsible person for several missions in the Middle East, Central Asia, and the United Arab Emirates, the director of the Center for Archaeological Research of the Indus-Baluchistan, Central, and Eastern Asia (UMR 9993) of the CNRS from 2009 to 2015. This is a few touches to the portrait of a tall, polyglot gentleman with a beige hat, a long and distinctive mustache, a long coat and a cane in the hand, who liked to discover «new worlds» and once explored, he enjoyed to share his new discoveries with simplicity.

DOI: 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428-77-81

В ночь с 14 на 15 января 2019 г. в Париже в возрасте 69 лет ушел из жизни известный французский археолог Оливье Леконт. Он был специалистом по археологии эллинистического, парфянского и сасанидского периодов. С 1994 по 2013 гг. проф. Леконт был директором Французской археологической миссии в Туркменистане (MAFTUR). Он также отвечал за несколько миссий на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в Объединенных Арабских Эмиратах, а с 2009 по 2015 гг. был директором Центра археологических исследований Инда-Белуджистана, Центральной и Восточной Азии (UMR 9993) в Национальном Центре научных исследований Франции (CNRS).

После изучения грузинского, китайского и русского языков в Национальном институте восточных языков и цивилизаций (1974, INALCO) он специализировался

по восточной археологии в Парижском университете I (1975—1978) и в 1983 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Сасанидская керамика из Туренг-тепе, Иран». Одновременно с подготовкой диссертации, в 1975—1980 гг. он принимал участие в археологических раскопках и исследованиях на этом памятнике и в Сузах. В 1981 г. Оливье был назначен научным представителем в Тегеране, но неблагоприятная международная ситуация привела к переводу его должности в Багдад, где он и оставался в течение пяти лет (1981—1985), участвуя в исследованиях нескольких археологических памятников (Ларса, Хайт-Касем (1977), Хирбет эд Динье (1981—1984), Харадум (1981—1984) и Ибабар (Сиппар) (1981, 1983)). В 1985 г. он присоединился к Национальному центру научных исследований Франции (CNRS) в качестве исследователя

Октябрь 2008 г. Фото Ж.-П. Луазона.

и вскоре заинтересовался Аравийским полуостровом. Затем он руководил миссиями в эмирате Умм аль Кувейн, где начал раскопки на острове Галла. Одной из его самых запоминающихся миссий там была таковая на Эд-Дуре (1987—1991 гг.).

По поручению ЮНЕСКО он участвовал в экспертной оценке памятников Центральной Азии. Там он подружился с несколькими коллегами, которые в 1990 г. пригласили его возглавить раскопки в Казахстане на памятнике Орнек (1990—1991), затем в Туркменистане на Геокчик-депе (1994—1997) и, наконец, на Улуг-депе¹. На этом памятнике, расположенном около Душака в Ахалском велаяте между знаменитыми Намазга-депе и Алтын-депе, он руководил обширными раскоп-

ками с 2001 по 2013 гг. Затем, за два года до своего ухода на пенсию, из-за состояния здоровья, он передал организацию работ мне (2014). К январю 2019 г. он вынужден был постепенно прекращать всю свою профессиональную деятельность, так как здоровье стремительно ухудшалось.

Проводя раскопки и работая в миссиях за границей, О. Леконт публикует много исследований о раскопках в Иране, важные статьи о раскопках Ларсы в южном Ираке, а также вносит серьезный вклад в публикацию материалов спасательных раскопок в Ираке. Исследования, которыми он руководил в Туркменистане, привели к появлению нескольких докладов и статей, в которых нашли отражение его глубокие знания не просто материальной культуры древних насельников Туркменистана, но и их души.

В более личном плане я хотел бы добавить, что Оливье любил жизнь, потому что он был современным исследователем, который стремился открывать «новые миры». Исследуя что-то, он с радостью и искренне делился своими новыми находками. Мы встретились с ним более 20 лет назад. Высокий господин, говоривший на многих языках, с пронзительным взглядом, характерными длинными усами, в бежевой шляпе, в длинном пальто, удлиненной тростью в руке и в легких хлопковых брюках, стрелки которых двигались то вправо, то влево с ритмичной грацией во время его музыкальной походки. Он выглядел как английский лорд, производивший впечатление некоторого кокетства, которое его только украшало. Такой характерный персонаж как сэр Мортимер Уилер, которого я воображал, читая книги по истории...

Он был просвещенным ученым, чья страсть к науке отразилась в элегантности его исторических и археологических сочинений. Будучи сам критиком собственных

¹ В первые годы (2001—2004 гг.) из-за состояния здоровья проф. О. Леконта был организован триумвират с Реми Бушарля и Анри-Полем Франкфором. Совместное руководство с туркменской стороны было поручено сначала Егону Атагарыеву (Институт истории АН Туркменистана), а затем Мухаммеду Мамедову (Национальное управление по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана).

На базе Французской археологической миссии в Туркменистане, пос. Душак Ахалского веляята с послом Франции в Туркменистане Пьером Лебовичем. Фото Ж.-П. Луазона.

исследований, он хорошо знал гипотетически-дедуктивные пределы своей работы. Будучи археологом, он постоянно делился результатами своих самых сокровенных исследований, новыми идеями и неопубликованными полевыми данными. В 2001 г. я был в составе первой группы, которая сопровождала его в Улуг-депе в Туркменистане, где мы многому у него научились, многое переняли из знаний советской археологической литературы, из полевого

опыта, из методики раскопок. Мы учились у него человеческому управлению, подбору команды и ее горизонтальной иерархии.

Ему поклонялись рабочие на раскопках, его также высоко ценили археологи из Средней Азии и России. В нем всегда преобладала человечность. Есть много тех, кого он сумел всецело поддержать.

Без сомнения, он был верным другом, духовным отцом для других и для меня. Он всегда оказывал материальную, моральную и научную поддержку всем, кто был близко и далеко от него. Оливье Леконт был человеком левых политических убеждений, этичным и мужественным. Он был великим человеком, уникальным и исключительным по своему благородству и своим устремлениям. Его бросающаяся в глаза чувствительность шла рука об руку с чрезвычайной щедростью и скромностью. Он не хотел, чтобы другие были похожи на него, но чтобы он был лучше их. Его карьера знаменует собой работу, которая уже сейчас и навсегда принадлежит истории восточной и среднеазиатской археологии.

Исследования Оливье Леконта были нацелены на изучение среды обитания древних коллективов и межкультурных взаимодей-

Французская археологическая миссия на Улуг-депе. Фото Ж.-П. Луазона.

Французская археологическая миссия в гостях у Маргианской экспедиции на Гонур-депе. 22 октября 2006 г.
Фото Н. Дубовой

ствий кочевых и оседлых коллективов с начала железного века до появления ислама.

Археолог был удостоен нескольких наград Академии письменности и изящной словесности (*Académie des inscriptions et belles lettres*): Приз Хираямы (2006), Приз Фонда Гарнье (2006), Приз Фонда Принца Луи де Полиньяка (2009) и Гран-при по археологии Фонда Симоне и Чино дель Дука (2012).

Он был страстным исследователем и полиглотом, вероятно, слишком скромным, честным и прямым коллегой, который всегда оказывал поддержку многим молодым исследователям. Его работы навсегда останутся в истории археологии Восточной и Центральной Азии.

В памяти коллег и друзей профессор Оливье Леконт навсегда останется сильной и щедрой личностью. Мы помним его чувство юмора, глубокие знания и увлечен-

ность мировой литературой, искусством, архитектурой и музыкой. Он любил играть на духовых инструментах, особенно на волынке. Но среди других ему очень нравилась и Андская квена² сопровождающая «*bailecitos*³»...

Мне бы хотелось рассказать небольшую историю индейцев Америки, которая напоминает его человеческую чуткую душу. История, которая убеждает нас, что смерть — это ложь и имя Оливье Леконта навсегда останется в наших сердцах.

«The woman and the man dreamed that God was dreaming about them. God was singing and clacking his maracas as he dreamed his dream in a cloud of tobacco smoke, feeling happy but shaken by doubt and mystery. The Makiritare Indians know that if God dreams about eating, he gives fertility and food. If God dreams about life,

² Квена (от кечуа слова *кхена*) — духовой музыкальный инструмент типа флейты, характерный для населения Анд. Делается из различных материалов: тростника или дерева, кости, а также из тыквы, кости пеликана, камня, металла и даже глины. Обычно имеет семь отверстий и длину около полуметра. Использовалась в доколумбовых и даже доинкских культурах.

³ *Bailecitos* — танец смешанного испано-колониального и аборигенного происхождения. Его исполняют в Аргентине, Боливии и в части Перу.

he is born and gives birth. In their dream about God's dream, the woman and the man were inside a great shining egg, singing and dancing and kicking up a fuss because they were crazy to be born. In God's dream happiness was stronger than doubt and mystery. So dreaming, God created them with a song: — I break this egg and the woman is born and the man is born. And together they will live and die. But they will be born again. They will be born and die again and be born again. They will never stop being born, because death is a lie.»

(«The Creation», in E. Galeano, *Genesis*, 2010, Nation Books)

«Женщине и мужчине снилось, что Бог видел их во сне. Бог видел их, когда пел и потряхивал маракасами⁴, окруженный та-

бачным дымом. И он был счастлив, но его также обуревали сомнения и неизвестность. Индейцы макиритаре знают, что если Богу снится еда, то появятся фрукты, и все будут накормлены. Если Богу снится жизнь, человек рождается и рождает. Женщине и мужчине снилось, что во сне Божьем появилось большое светящееся яйцо. Внутри яйца они пели, танцевали и шумели, потому что безумно хотели родиться. Им снилось, что во сне Бога радость была сильнее сомнений и неизвестности. И Бог во сне сотворил их, и, воспевая, он сказал: я разбиваю это яйцо, и рождается женщина, и рождается мужчина. И вместе они будут жить, и вместе умрут. Но они родятся снова. Родятся и умрут снова, и снова родятся. И они никогда не перестанут рождаться, потому что смерть — это ложь».

⁴ Маракасы — разновидность погремушки, издающей при потряхивании характерный шуршащий звук. Считается древнейшим ударно-шумовым инструментом коренных жителей Антильских островов — индейцев таино.

Х.М. Кордоба

Вспоминая Ученого, коллегу и друга Оливье Леконта

Текст про ушедшего друга подготовлен автором не только от себя, но и от имени коллег и от автономного университета Мадрида. Художественными мазками описывая встречи и сотрудничество с О. Леконтом, автор пишет, смешивая воспоминания и чувства, о том, что где бы ни проходил Оливье, охватывал своим сочувствием и дружбой других, и возвращался к друзьям, чтобы передать многое из того, что он нашел. О своей и всего университета благодарности к нему за постоянную помощь и поддержку, которая ощущается и до сих пор.

J.M. Cordoba

Remembering the Scientist, colleague and friend Olivier Lecomte

The text about a departed friend was prepared by the author not only on his own behalf, but also on behalf of his colleagues and the Autonomous University of Madrid. Describing meetings and cooperation with O. Lecomte with artistic strokes, the author writes, mixing memories and feelings, that wherever Olivier passed, he embraced others with his sympathy and friendship, and returned to friends to convey much of what he found. It emphasizes his personal and the whole university's gratitude to him for his constant help and support, which is still felt.

DOI: 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428-82-87

Автономный университет Мадрида, все коллеги, работающие в нем, стипендиаты, докторанты и студенты, которые много лет назад объединились, чтобы посвятить себя исследованиям на Древнем Среднем и Ближнем Востоке, мы хотели бы высказать слова благодарности, дружбы и восхищения Оливье Леконтом. Поэтому я не могу не написать здесь в память об одном из лучших европейских археологов, коллеге и друге. Мне будет трудно поддерживать официальный тон, так как я был связан с ним чувствами, вкусами, близостью мыслей гораздо сильнее, чем общий для нас 1949 год рождения. Он ушел до того, как ему исполнилось семьдесят. Я тот, с кем произойдет это именно тогда, когда этот текст памяти будет опубликован. Мне удивительно вспоминать, насколько я был близок к нему и сколько мы ему должны. Странно, потому что я никогда не думал, что мы уйдем таким

образом, так внезапно и быстро поднимаясь в высь, как ангел в поэме Михаила Лермонтова, которую Оливье¹ так любил. Тот Ангел-победитель после ожесточенной битвы с Демоном, которую он выиграл, поднялся в вечность на вершины Кавказа, намного выше Казбека, забрав с собой освобожденную душу Тамары. Но на этот раз Ангел забрал нашего Оливье...

Я возвращаюсь на землю. В его день напишу то, что идет от моего сердца, хотя я не хотел бы, чтобы в этих строках чувствовалось бы близкое знакомство. Впервые мы встретились двадцать пять лет назад, и с тех пор нас связывала взаимная симпатия и дружба, которыми он всегда делился с теми, кого отличал своей любовью. Но правда и в том, что мы не могли уделять так много времени, которое мне бы хотелось проводить с ним. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то подумал, что я пытаюсь на-

¹ «И Ангел строгими очами / На искусителя взглянул / И, радостно взмахнув крылами, / В сиянье неба потонул» (Фрагмент знаменитой поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»; см: Лермонтов М. Стихи. Лирическая поэзия. Двухязычное издание Михаила Чикликова. Мадрид; Ediciones Cátedra, 2014. С. 130–131).

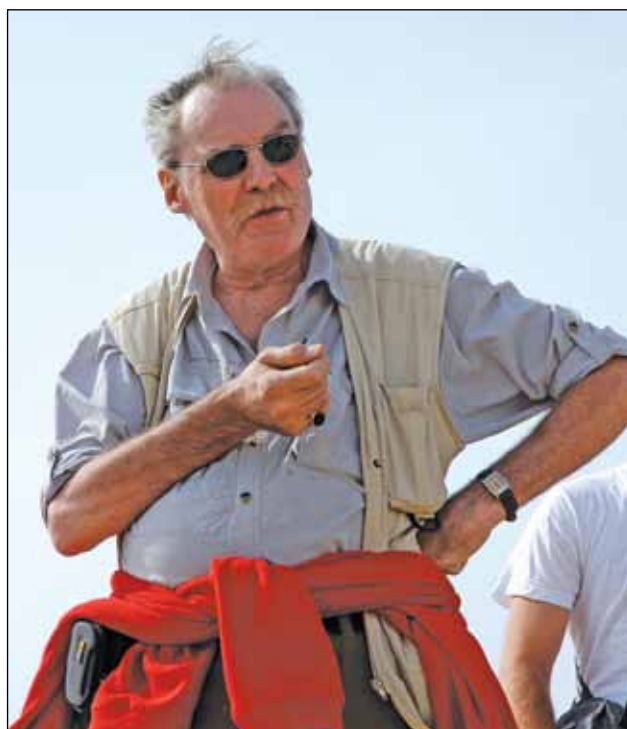

Объединенные арабские эмираты. Вади эль Бирдж. 1994 г. Слева от Оливье Леконта — Кармен дель Серро, справа — Хоакин Мария Кордоба Зоило.

вязать всем свое личное, предназначенное для ближайших друзей. Поэтому я буду стараться смягчать выражения, но должен заявить, что восхищался Оливье, что я чувствовал искреннюю дружбу с ним, настоящую привязанность и глубокую, подлинную и бессмертную благодарность за его щедрость. Он открыл чудесный мир не только для меня, но и для моего Автономного университета и нашей науки. Поэтому, в конце концов, мы все ему должны: я, мои студенты и коллеги, мой университет, наша наука. Теперь, смешивая воспоминания и чувства, я пишу от имени моих коллег, моего университета, себя, в память Оливье Леконта.

Мы были вместе с Мишелем Мутоном во время первого сезона раскопок в Объединенных Арабских Эмиратах. Именно там встретились мы и встретили Оливье. Это были первые месяцы 1994 г. Мишель отвез нас в эмират Умм-эль-Кувейн, чтобы посетить памятник в Эд-Дуре и штаб-квартиру французской миссии во главе с Оливье Леконтом. О нем и его работах я едва знал из опубликованного в книге, посвященной археологии селевкидов и парфян в Месопотамии и Персидском заливе (Lecomte, 1993a). Я действительно читал эту книгу

в предыдущем году, но с большим интересом к месопотамским проблемам, чем к Персидскому заливу. Больше внимания, я уделил другой статье Оливье, посвященной Ларсе (Lecomte, 1993b). Однако когда мы достигли Эд-Дура и посетили это место и его раскопки в форте или укрепленной башне, я утвердился в своем восхищении

Гонур-депе, Туркменистан. 22 октября 2006.

Улуг-депе, Туркменистан, 2006.

старой культурой Оманского полуострова, которая раньше открылась моим глазам благодаря Мишелю Мутону. Но я встретил также человека с исключительной научной квалификацией, дружелюбного и просто: Оливье Леконта. В тот или другой день, помимо посещения памятника и беседы о результатах его работ, нам также посчастливилось насладиться экскурсией по знаменитому *вади аль-Биху*². Я храню фотографию, которая, за исключением ее автора³, представляет всю испанскую и французскую экспедицию, которую мы тогда сформировали. Я боюсь создать анекдотичную картину, которые я ненавижу, но скажу, что тогда Оливье с его большим ростом, поразительной симпатичностью и большими усами показался мне воплощением веселого Верцингеторикса⁴ или храброго кирасира кавалерии Наполеона. Нить дружбы и растущей близости, которая нас объединила тогда, никогда не разрывалась.

Некоторое время спустя, оставляя в стороне другие заботы, он всегда был готов ответить на мои вопросы или руководить мо-

ими студентами, которые в Париже искали совета по учебе. В то время, когда Оливье закончил свои работы в Аравии и его интересы переключились на Казахстан и Туркменистан, я попросил его помочь организовать одно из наших традиционных педагогических мероприятий: V семинар по Древнему Востоку, посвященную «Повторному открытию Центральной Азии» (9–2 декабря 2003 г.) (*la V Semana Didáctica sobre el Oriente antiguo, dedicada a «El redescubrimiento del Asia Central»*, 9 a 2 de diciembre de 2003). Тогда группа по организации учебной выставки и цикл выступлений ведущих специалистов воспользовались его советами и поддержкой. Кроме того, он, не колеблясь, принял мое приглашение прочитать лекцию о французских исследованиях в Автономном университете Мадрида (Lecomte, 2003–2004). Хорошо помню ту неделю. Выступления Оливье и других коллег стали открытием для наших студентов первых курсов разных специальностей. В то время мой интерес к региону был обусловлен программами моих занятий и мероприятий, подобных тому, что проводилось на той неделе, но тогда я не знал, что Центральная Азия скоро станет последней областью моих профессиональных интересов, благодаря щедрости Оливье.

Всего три года спустя Оливье Леконт председательствовал на сессии V ICAANE (2006)⁵, на которой я представил результаты, полученные в ходе работ Испанской миссии в Мадам (Шарджа, ОАЭ). Оливье не очень «дружил» с такого рода массовыми конгрессами, но он хотел помочь нам и присутствовал в Мадриде, поддерживая меня, поддерживая всех нас, чтобы эта на-

² Вади Бих (или Вади Би) — грандиозный каньон в Ходжарских горах на высоте 1000 м над у/м — *Примеч. Ред.*

³ Это фото было сделано Мигелем Анхелем Нуньесом Вильянуэвой, членом Испанской археологической миссии.

⁴ Верцингеторикс (или Верцингеториг, лат. Vercingetorix) — вождь кельтского племени арвернов в центральной Галлии, противостоявший Юлию Цезарю в Галльской войне. Его имя на галльском означает «повелитель над» (*ver-gix*) «воинами» (*cingetos*). Упомянут в книге императора «Записки о Галльской войне» — *Примеч. Ред.*

⁵ ICAANE — Международный конгресс по археологии Древнего Ближнего Востока. О конгрессе 2006 г. см: *Proceedings...*, 2008.

31 октября 2010 г.

учная встреча прошла так, как она должна была бы быть на самом деле.

Возможно, Автономный университет так и не осознал, что не только работа и усилия профессоров и студентов института были решающими для достигнутого успеха. Конгресс не был бы столь удачным без дружеского сотрудничества множества коллег, тесно связанных с нашим университетом, среди которых был и Оливье. Кроме того, в ходе деятельности этого конгресса, зная, что я хочу оставить проект в ОАЭ в руках молодого врача, прошедшего там обучение⁶

и открыть работы в новой области, Оливье предложил отправить одного из моих учеников в его следующую экспедицию на Улуг-депе (Туркменистан). Он также пригласил меня посетить его там и узнать с ним о возможностях нового для меня региона. Так и случилось. Молодой аспирант Алехандро Гальего принял участие в этой кампании, узнав все возможное об особенностях работы в регионе. И я сам в ноябре 2006 г., благодаря поддержке Французской миссии и ее директора Оливье Леконта, смог попасть в Туркменистан и познакомиться с Ахалским вельятом этой страны и его памятниками, получить от него советы и предложения и даже отправиться в отдаленный Дехистан с отрядом Хулио Бендесу-Сармиенто. Та разведка стала для меня новым открытием, возможно, последним в моей профессиональной жизни. И я остаюсь в долгу перед Оливье.

Помню, что во время моего пребывания в штаб-квартире Французской миссии в Душаке⁷ я обнаружил еще одну грань Оливье — нежелание красоваться своими столь разнообразными и обширными знаниями

На Улуг-депе. 24 октября 2010 г.

⁶ Через несколько лет за проект «МАДАМ» стала отвечать профессор, доктор Кармен дель Серро из Департамента древней и средневековой истории, палеографии и дипломатии Автономного университета г. Мадрид.

⁷ Душак — населенный пункт в Ахалском вельяте, рядом с которым находится археологический памятник Улуг-депе — *Прим. Ред.*

На любимом транспорте около Улуг-депе.
24 октября 2006 г.

— добродетель, едва уловимая в деталях, пойманная почти на лету. Он был человеком богатейшей культуры, имел обширные познания по любому предмету или области знаний. Я понял это, сидя в его комнате, разговаривая с ним о предстоящем проекте, когда обратил внимание на том престижных «Плеяд»⁸, лежавший на его столе. С любопытством пролистав его, я увидел, что это был первый том «Памятных записок» Рене де Шатобриана. Я был удивлен, потому что не так часто среди немногих возможных отвлекающих факторов у археолога, затерянного в пустыне или в других самых удаленных уголках Востока, таковым является спокойное чтение лучших образцов классической литературы. Позже я узнал о его глубоких знаниях литературы в целом и его особой любви к русскому языку. И, честно говоря, это открытие заставило меня почувствовать себя еще ближе к нему, усилив причины моего восхищения им и симпатии к нему.

После этого пребывания Оливье в Мадриде, его поддержка стала решающей для моего

университета в деле получения поддержки туркменских властей: только непредвиденная смерть Первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова задержала разработку Соглашения о сотрудничестве, которое, наконец, было подписано три года спустя. Это позволило нам открыть проект Автономного университета в Дехистане: первый испанский проект в Центральной Азии. Спустя столетия мы пошли по стопам нашего старого предка Рюи Гонсалеса де Клавихо⁹, честь, которой мы обязаны нашему коллеге и другу. И вот, в 2010 г., в конце нашей первой кампании в Геокчике¹⁰, мы установили обычай (а затем сохранили его, насколько это было возможно) посещения штаб-квартиры французской миссии в Улуг-депе во время каждого нашего пребывания в Туркменистане. В ходе этих всегда интересных визитов, помимо обмена часами и опытом работы, мы наслаждались радостью дружеского общения и ценными советами¹¹. Вместе с ним я прояснял свои сомнения и неожиданности, которые всегда бывают при изучении сложной и проблемной области по самой своей природе — равнины Мисриана, где испанская наука начинает раскрывать великолепную историю Туркменистана на памятниках Геокчик-депе и Иззат-Кули. И мы остаемся в долгу перед ним.

В те годы и несколько позже возможности встреч с неизменным удовольствием от его дружеского участия появлялись в разных местах по случаю конгрессов и семинаров или в самом Париже, где я несколько раз пользовался его гостеприимством.

В последние три года, нам приходилось держать эту близость на расстоянии по разным причинам: частично из-за моих собственных проблем и приближения прекра-

⁸ «Плеяды» (La Pléiade) — группа из семи французских поэтов XVI в. Своими поэтическими и теоретическими текстами они старались обновить и усовершенствовать французский язык, с помощью которого они хотели участвовать в объединении Франции — *Прим. ред.*

⁹ Рюи Гонсалес де Клавихо — испанский дипломат и путешественник XV в., посетивший двор Тамерлана в Мавераннахре. В свой Дневник, который он вел все три года, находясь там, он занес все свои впечатления, в том числе с редкой наблюдательностью подметил местные обычаи и живо описал их. — *Прим. ред.*

¹⁰ Геокчик-депе — археологический памятник, расположенный на территории Дехистана (Юго-Западный Туркменистан).

¹¹ Эти братские отношения впоследствии поддерживались Хулио Бендезу-Сармиенто.

шения моей академической жизни, что все усложняет. И в этой ситуации 15 января 2019 г. Оливье умер. Сначала это казалось мне невозможным. Несмотря на его проблемы со здоровьем в последние годы, думалось, что, в конце концов, его мужество и духовная сила одолеют любую болезнь. Оливье всегда будет рядом со мной. Потому что он, со своим огромным ростом, физической и умственной силой, большими усами и интересом к истории начала XIX в. со временем превратил меня в одного из тех смелых французских кирасиров, представленных на многих картинах сражений и в вымышленных историях, таких, например, как выживший герой в «Полковнике Шабер» Оноре де Бальзака, или всадники, брошенные на смерть и славу в битве при Ватерлоо, про которых рассказал Виктор Гюго в «Отверженных», или те, которых описал Стендаль в «Пармской обители», когда они нанесли свой последний удар по врагу во главе с маршалом Неем. Я думал, что он должен быть всегда впереди, и даже сейчас мне кажется невозможным, что он просто ушел. Но я знаю, что Ангел Лермонтова унес его «в сиянье неба».

Поскольку Оливье очень любил поэзию, он наверняка хотел бы знать, что, на-

чиная эти строки, я вспомнил стихи сонета Иоахима дю Белле (1522–1560). Это те, в которых поэт называл себя счастливым, т.к. подобно Улиссу он совершил прекрасное путешествие, а затем вернулся домой, полный опыта и разума (Bellay, 1985. P. 42–43¹²). Намного позже, много веков спустя создано и было весьма популярно другое стихотворение, написанное Константином Кавафисом в память о странствующем Улиссе, поэте французского Ренессанса. Оно больше подходит мудростью и дружеским соучастием к Оливье Леконту. Он также путешествовал по далеким землям, открывал неожиданные горизонты и миры. Где бы он ни проходил, он охватывал своим сочувствием и дружбой других, и возвращался к нам, чтобы передать многое из того, что он нашел. Он подарил мне почти двадцать пять лет дружбы, советов, поддержки моих идей и инициатив. Я никогда не смогу должным образом отблагодарить его за ту Вселенную, которая открылась для меня в Центральной Азии. Вот почему я, мои коллеги, мои студенты, мой университет всегда будем ему благодарны. Пожалуйста, примите это в качестве моей дани, нашей благодарной дани Вашей памяти, дорогой друг и коллега, Оливье Леконт.

БИБЛИОГРАФИЯ

- du Bellay J. Sonetos. Edición bilingüe // Traducción, prólogo y notas de Luis Antonio de Villena. Madrid: Visor Libros, 1985.
- Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (3-8 April 2006) / Eds. Córdoba J.M., Molist M., Pérez M.C., Rubio I., Martínez S. Vol. 1-3. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 2008. Vol. 1. 810 p.; Vol. 2. 808 p.; Vol 3. 783 p.
- Lecomte O. Ed-Dur, les Occupations des 3e et 4e s. ap. J.-C.: Contexte des trouvailles et matériel diagnostique // Materialien zur Archäologie der Seleukiden und Partherzeit im südlichen Babylonien und im Golfgebiet / Ed. U. Finkbeiner. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag, 1993a. S. 195-217.
- Lecomte O. Stratigraphical analysis und ceramic assemblages of the 4th-1st centuries B.C.E. babbar of Larsa (Southern Iraq) // Materialien zur Archäologie der Seleukiden und Partherzeit im südlichen Babylonien und im Golfgebiet / Ed. U. Finkbeiner. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag, 1993b. S. 39.
- Lecomte O. Entre Irán y el Turán. Investigaciones francesas en el Turkmenistán meridional // Cuadernos del Seminario Walter Andrae. Madrid, 2003-2004. Vol. 6. P. 3-14.

¹² Имеются в виду вот эти строки: “*Heureux qui, comme Ulyse, a fait un beau voyage, / Ou comme celui-là qui conquit la toison, / Et puis est retourné, plein d’usage et raison, / Vivre entres ses parents le reste de son âge!*”. Vid. 42. (Счастлив, кто, как Улис, отправился в путешествие, / Или как тот, кто побеждает руно, / А потом возвращается, полный пользы и разума, / Живи рядом с родителями до конца своих лет!»)

**Продолжение
археологических
раскопок и исследований
на Гонур-депе**

Н.А. Дубова, М.А. Мамедов, Р.М. Сатаев,
А.В. Фрибус, С.П. Грушин

Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018-2019 годах*

Кратко описываются работы Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции, проводившиеся весной и осенью 2018 и 2019 гг. В статье представлены преимущественно результаты археологических раскопок на северо-востоке (северная часть раскопа 18), юго-западе (северный могильник Раскопа 12) Гонур-депе и на новом раскопе спутникового поселения Гонур-20. Было продолжено уточнение стратиграфического положения и особенностей устройства стен внутреннего пространства дворца Гонура.

N.A. Dubova, M.A. Mamedov, R.M. Sataev,
A.V. Fribus, S.P. Grushin

Works of the Margianan archaeological expedition in 2018-2019 years

The works of the Russian-Turkmen Margiana archaeological expedition, carried out in the spring and autumn of 2018 and 2019, are briefly described. The article presents mainly the results of archaeological excavations at the northeast (northern part of Area 18), southwest (northern burial ground of Area 12) of Gonur-Depe and at the new excavation area of the satellite settlement Gonur-20. The clarification of the stratigraphic position and features of the structure of the walls of the inner space of the Gonur palace was continued.

DOI: 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428-89-130

Исследования Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции проводятся в рамках Соглашения о проведении раскопок на Гонур-депе между Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (далее – ИЭА РАН) и Министерством культуры Туркменистана. После небольшого перерыва в 2016-2017 гг. были возобновлены раскопки на отдельных участках памятника, продолжено изучение находок и проведение реставрационно-консервационных работ во дворце Гонура.

Соруководителями экспедиции были Н.А. Дубова (д.и.н., главный научный сотрудник, руководитель Центра антропологии ИЭА РАН, г. Москва) и М.А. Мамедов (д. арх., начальник Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана, г.

Ашхабад); их заместителями – Р.М. Сатаев (к.б.н., старший научный сотрудник ИЭА РАН, г. Уфа), Р.А. Джелбаров (директор Государственного историко-архитектурного заповедника «Древний Мерв» (далее – «Древний Мерв»), г. Байрамали), А.В. Фрибус (к.и.н., доцент Кемеровского государственного университета, г. Кемерово), и А.А. Тишкин (д.и.н., зав. кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (далее – АлтГУ), г. Барнаул).

В состав экспедиции, учитывая специфику работы сезонов, были включены: С.П. Грушин (д.и.н., профессор АлтГУ, г. Барнаул), Н.Н. Скакун (к.и.н. старший научный сотрудник ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург), Л.В. Сатаева (к.б.н., доцент Башкирского государственного аграрного университета, г. Уфа), Я. Тиркишева (зам. директора Марыйского ве-

* Публикуется в соответствии с планами научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН и Института истории материальной культуры РАН.

ляятского историко-краеведческого музея), В.Г. Турик (зав. отделом археологии того же музея), М.Ы. Беглиев (инспектор Историко-культурного заповедника «Древний Мерв», г. Байрамали); А.Т. Оразов (зав. отделом того же заповедника, г. Байрамали); В.Н. Орлов (директор Ростовского историко-археологического бюро, г. Ростов Ярославской области), В.В. Куфтерин (научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова), Н.Н. Серегин (докторант АлтГУ, г. Барнаул), В.В. Терехина (научный сотрудник ИИМК РАН), С.В. Шнайдер (научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск), В.А. Агаханова (научный сотрудник Музея минералогии им. Ферсмана, г. Москва), В.О. Сайберт (лаборант кафедры археологии АлтГУ, г. Барнаул), Т. Алланазарова (сотрудник Фондохранилища Государственного музея Государственного культурного центра Туркменистана, г. Ашхабад), М. Рзаков (художник-реставратор Марыйского веляятского историко-краеведческого музея), П. Велиев (заведующий хранилищем того же музея), О. Какагельдыева (зав. филиалом того же музея в г. Байрамали), А. Иллиева, М. Овезова (сотрудники того же музея), С. Реджепов (мастер «Древнего Мерва», г. Байрамали).

Работы проходили во время весеннего и осеннего сезона 2018 г. и весной 2019 г. Здесь мы характеризуем лишь часть работ, проведенных в 2019 г. Более полная информация будет представлена позднее. В каждый сезон привлекались 10-20 рабочих – жителей ближайших населенных пунктов. Большую помощь в организации и проведении исследования фондов Государственного музея в г. Ашхабаде оказала его администрация в лице директора О. Маметнурова, Музея изобразительных искусств (г. Ашхабад) в лице его директора С. Мередова, заместителей директора Д.С. Карановой и К.Н. Овезбердыева, сотрудников Марыйского веляятского кра-

еведческого музея в лице Т.Н. Набатова, Я.К. Тиркишовой и В.Г. Турика, многих других сотрудников упомянутых Музеев, а также зам. руководителя Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана А.К. Нурбатова.

Зарисовки погребений, отдельных предметов выполняли В.О. Сайберт и М. Рзаков; топографические работы – С.П. Грушин, А.В. Фрибус, Р.М. Сатаев, В.Н. Орлов, А.Т. Оразов; полевую реставрацию, описание и зарисовку керамики – М. Рзаков, В.Н. Орлов, Я.К. Тиркишова; полевую реставрацию металлических, костяных и хрупких изделий – М.Ы. Беглиев.

Работы, проводившиеся в 2018 – 2019 годах велись в трех основных направлениях:

1. Полевые исследования: а) археологические раскопки памятника; б) уточнение стратиграфического положения и особенностей устройства стен внутреннего пространства дворца Гонура.

2. Изучение и систематизация материалов из раскопок памятника: а) палеоантропологические и археологические (археоботанические и зооархеологические) исследования; б) изучение петрографии и минералогии каменных предметов; в) составление каталога находок, сделанных в процессе всех лет раскопок Гонур-депе.

3. Сохранение объекта историко-культурного наследия – консервация и частичная реставрация помещений дворцово-храмового комплекса.

В статье, преимущественно, представлены результаты первого из озвученных направлений.

Результаты археологических раскопок.

В указанные периоды археологические раскопки проводились на северо-востоке памятника (раскоп 18, северная часть), на юго-западе памятника (северная часть раскопа 12) и сателлитном поселении Гонур 20 (раскоп 2) (Рис. 1).

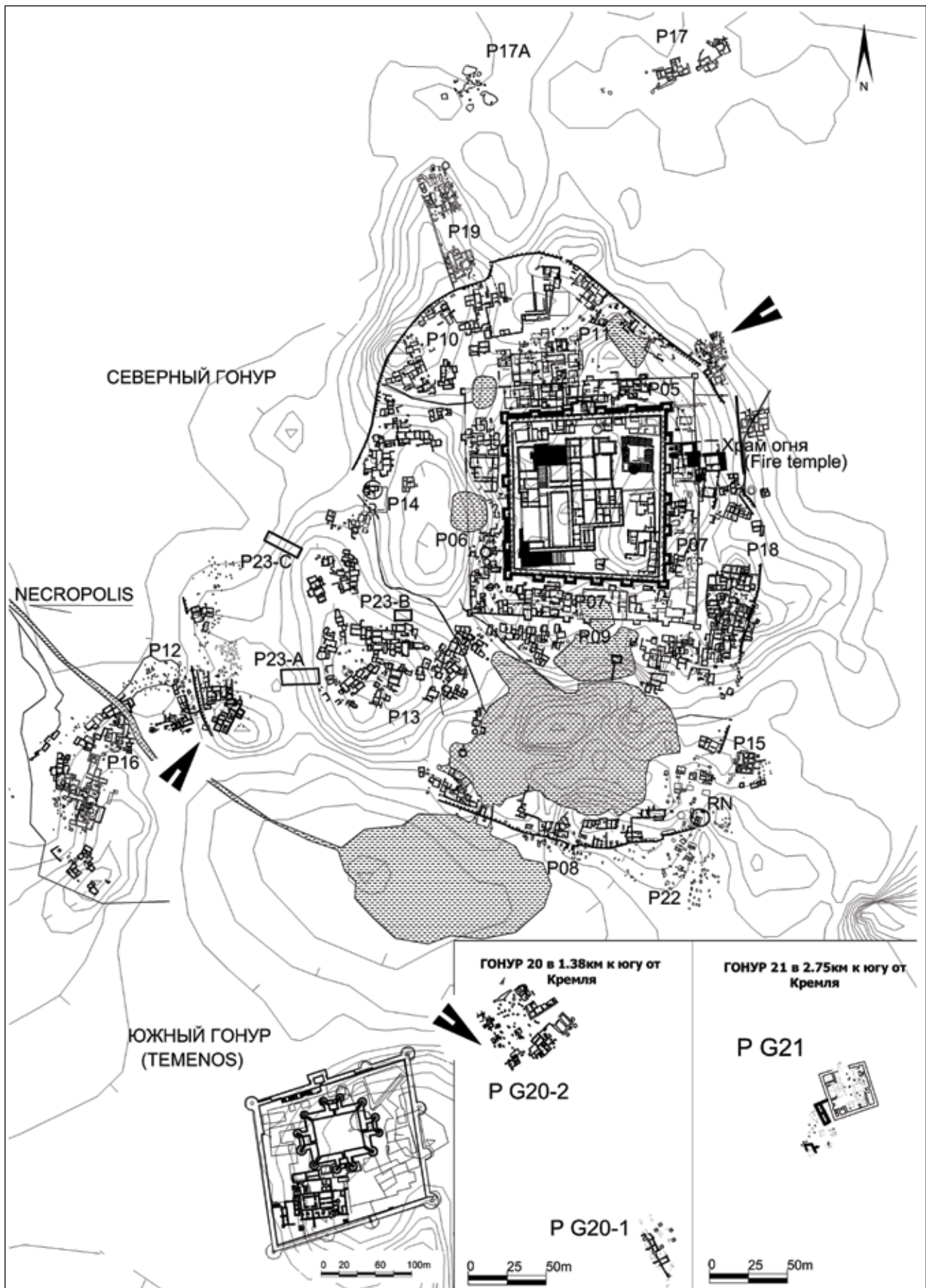

Рис 1. Генеральный план Гонура.
Стрелками показаны раскопы, где проводились раскопки в 2018 и 2019 гг.

Рис. 2. Общий вид территории, где проводились раскопки весной 2018 в северной части раскопа 18.

Исследования на раскопе 18 весной 2018 г.

Раскопки проходили к северо-востоку от участка, освобожденного от отвально-го грунта и расчищенного в предыдущие годы (руководил работами С.П. Грушин; в них принимали участие А.В. Фрибус, Р.М.

Сатаев, М.Ы. Беглиев, В.О. Сайберт и А.Т. Оразов). Весной 2018 г. здесь был заложен раскоп размером 8×4 м, к которому затем с севера был прирезан участок 2×4 м, а с юга — еще 8×4 м (Рис. 2, 3).

Вопреки ожиданиям, фундаментов стен помещений на данном участке выявлено не было. Здесь зафиксированы в основном ямы различных размеров и 27 погребений (3 в цистах, 9 в подбойных могилах, 11 в грунтовых ямах, 1 в хуме и 3 полностью разрушенные), в которых были захоронены дети и молодые женщины, 4 печи и 4 ямы, с заполнением в виде золы или с обожженными стенками, которые могут быть условно отнесены к обожженным ямам. Только в западной части раскопа обнаружена площадка четырехугольной формы, выложенная кирпичом, имеющая размеры 210×170 см. Верхняя по-

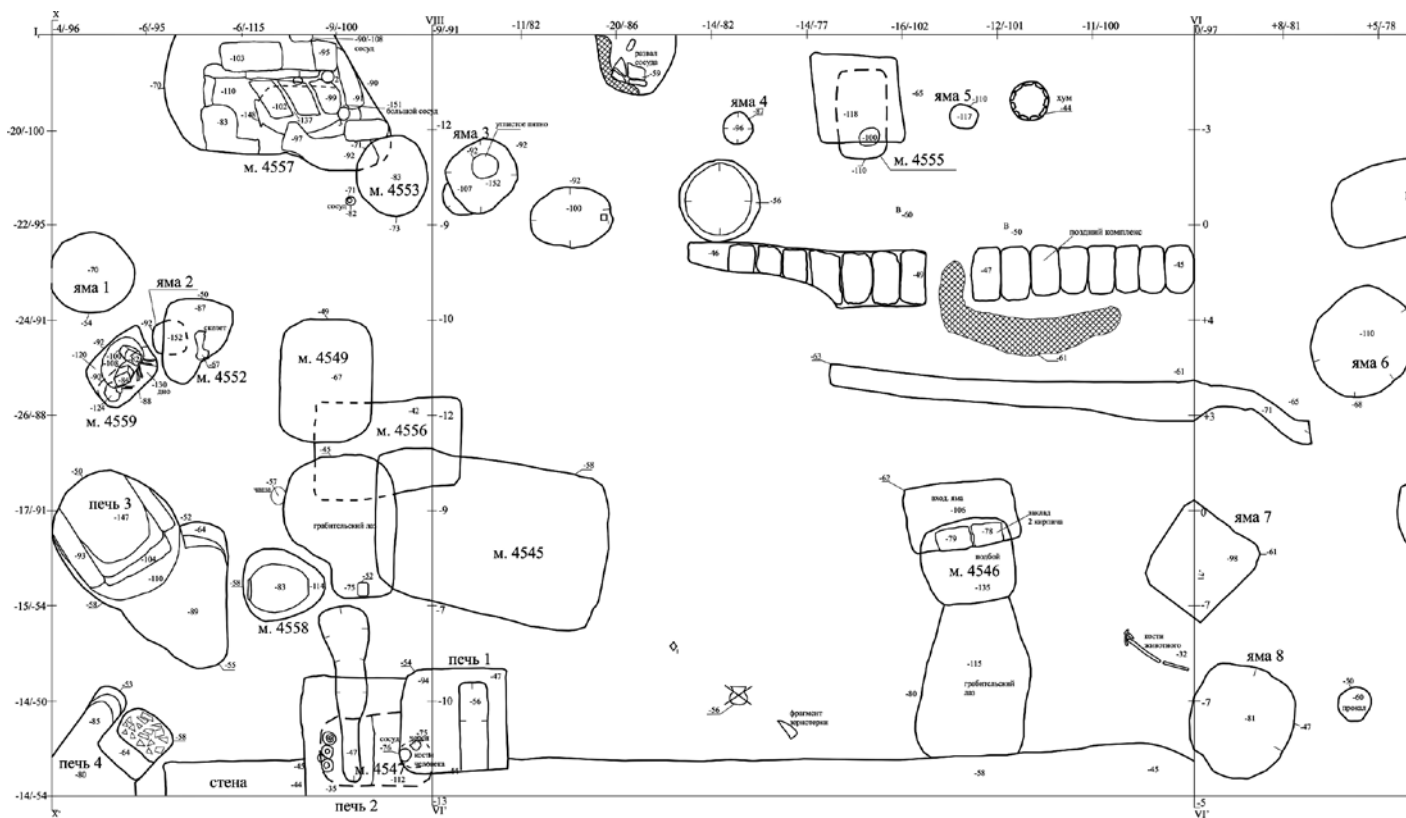

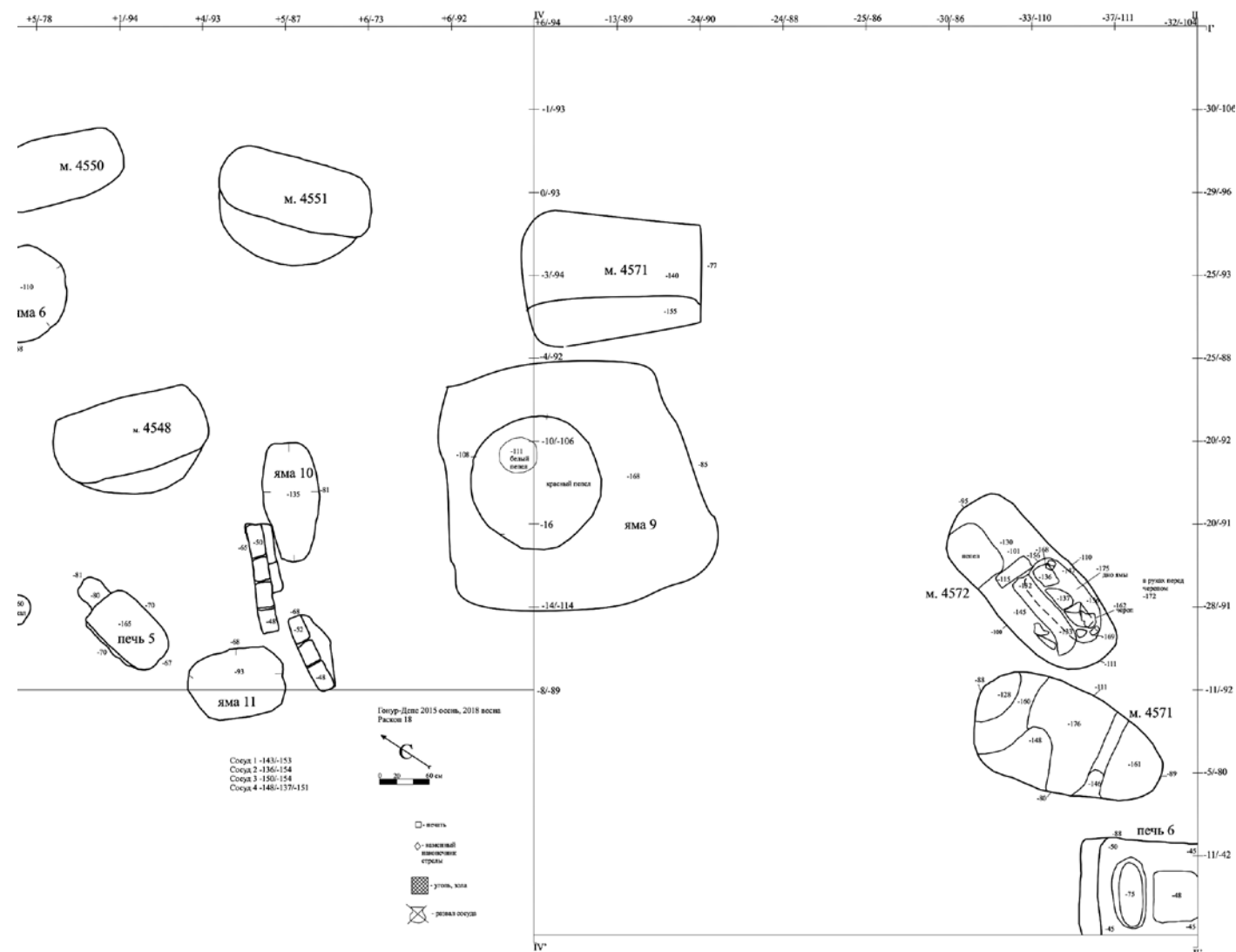
Рис. 3. Схема раскопанной весной 2018 г. территории в северной части Раскопа 18.

Рис. 4. Общий вид погр. 4545 с запада.

верхность площадки располагалась на уровне -66 см. В 320 см к югу от этой площадки зафиксированы остатки стены, идущей по линии ЮЗ-СВ, длиной 120 см, верх кирпичей находился на уровне -25 см.

Погребение 4545 (Рис. 4, 5). Циста квадратная в плане, размеры 120×120 см, глубина 85 см, сооружена из уложенных плашмя сырцовых кирпичей. С южной стороны цисты имелась отдельная камера размерами 120×50 см, глубиной 65 см. В северной стенке цисты устроено две ниши, одна из которых (узкая, прямоугольная) примыкала непосредственно к северному углу цисты и имела размеры 50×30×30 см. Вторая ниша овальная, размеры 40×25×20 см. Обе ниши – пустые, не содержат каких-либо предметов или остатков органики, на восточной стенке узкой ниши имеются следы коפותи. Последнее позволяет предположить, что во время погребения здесь мог находиться светильник. В северной части сохранился фрагмент свода, образованного двумя стандартными кирпичами 45×20×12 см,

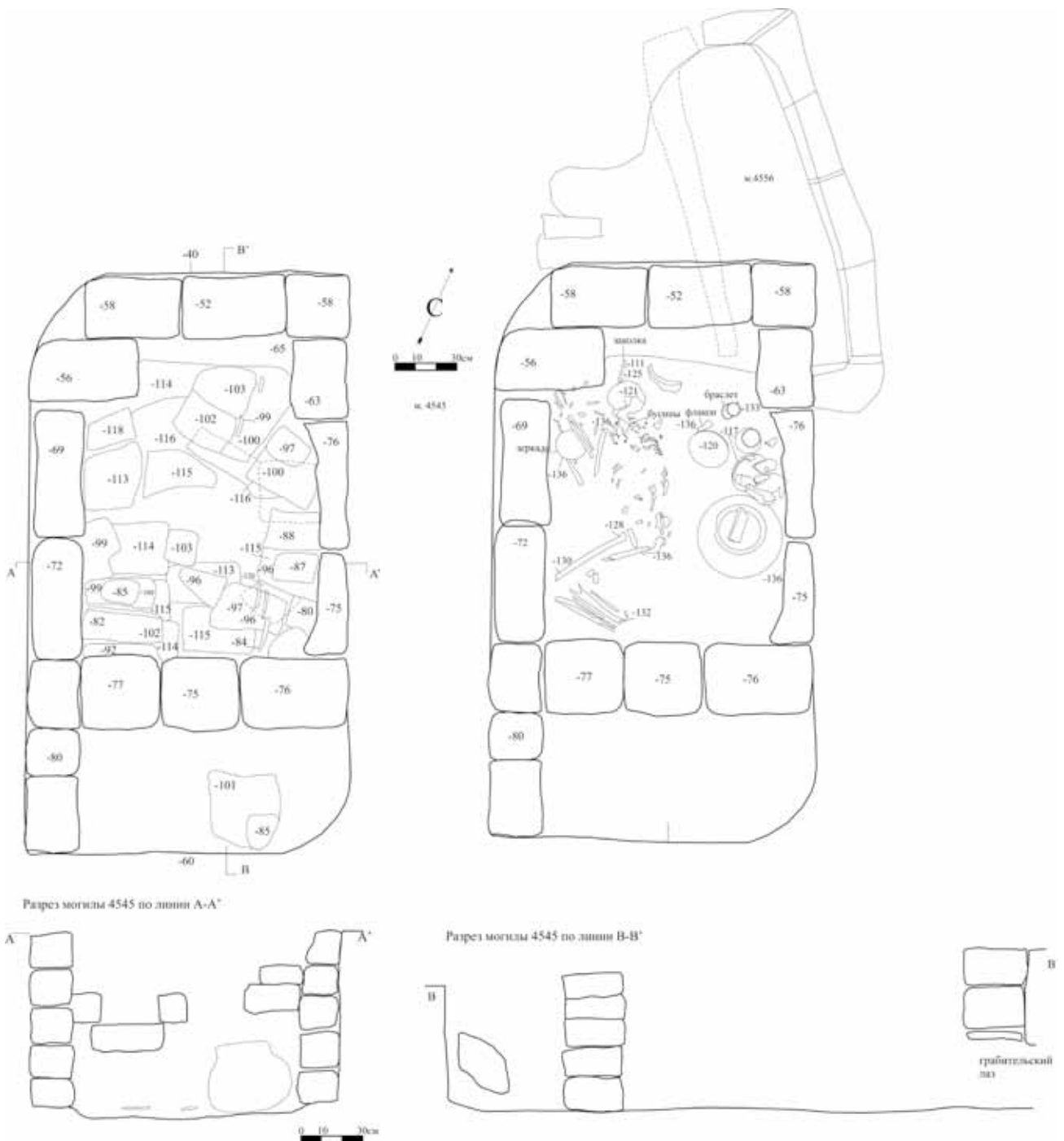

Рис. 5. План и разрезы погр. 4545.

поставленными под углом друг к другу. По всей видимости, эта часть свода в процессе разрушения цисты сместилась вниз. Фрагменты кирпичей от свода также найдены в заполнении.

В малой, южной камере найдено несколько фрагментов костей овцы. Погребенный был уложен в западной части цисты на правом боку и ориентирован головой на северо-запад. Вдоль восточной стенки было установлено четыре сосуда: один крупный

круглодонный, покрытый красным ангобом, в его устье вставлен фрагмент керамики; один расширяющийся и округлый снизу, украшен «пальчиковыми» защипами по венчику; один баночный средних размеров и один малый конический (Рис. 10). За головой погребенного находился фрагмент венчика большого круглого сосуда.

В области шеи погребенного были обнаружены 73 каменные бусины, в основном бочонковидной формы (материал:

Рис. 6. Каменные бусы из погр. 4545.

Рис. 9. Бронзовое зеркало *in situ* в погр. 4545.

Рис. 7. Бронзовые браслеты из погр. 4545.

Рис. 9а. Бронзовый предмет, лежащий *in situ* у лопатки погребенного в погр. 4545.

Рис. 8. Бронзовая заколка для волос из погр. 4545.

Рис. 10. Керамические изделия из погр. 4545.

сердолик, лазурит, стеатит), а также бисер и одна бусина в виде конической пуговицы (Рис. 6). На левом предплечье найдены бронзовые браслеты (Рис. 7). Над теменем черепа погребенного находилась бронзовая заколка для волос с рифленным округлым навершием (Рис. 8). Около керамических сосудов лежало

бронзовое зеркало (Рис. 9), а также (за лопаткой погребенного) остатки бронзового предмета неясной формы (небольшой флакончик со вставленным в него аппликатором или же рукоятка чего-то (?)) (Рис. 9а).

Погребение 4546. Погребение устроено в подбое с уступом. Яма размерами 110×65

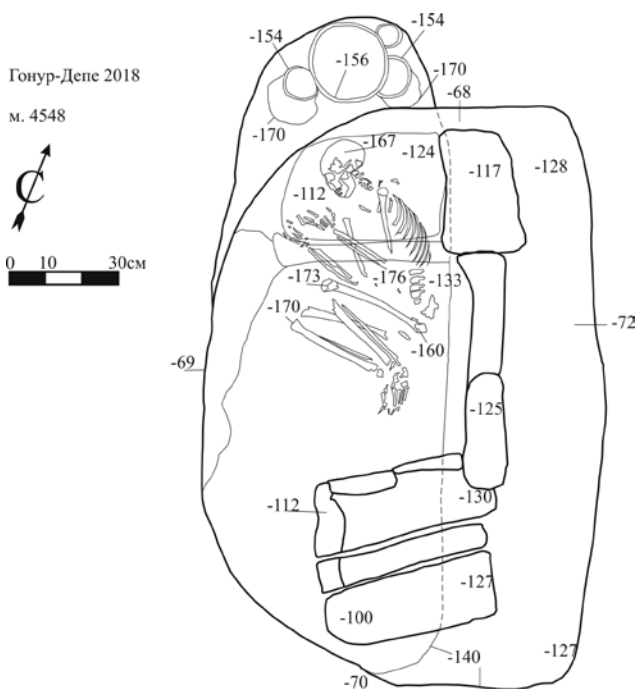

Рис. 11. План погр. 4548.

см, глубиной 20 см от поверхности до уступа (ширина уступа 40 см), 20 см от уступа до дна подбоя. Подбой (173×90 см) располагался в западной стенке могильной ямы. Он разрушен грабительским лазом в виде овальной ямы диаметром около 60 см. И в грабительском лазе, и в подбое обнаружены фрагменты костей человека.

Погребение 4547. Располагалось между печами № 1 и № 2. Погребальная конструкция сочетала признаки подбоя без уступа и удлиненной ямы. Погребение, по-видимому, было впущено в духовку двухкамерной печи, которая была разрушена при его устройстве. Об этом может свидетельствовать разнообразие фрагментов керамики (вероятно происходящие от бывшей выстилки духовки), которые концентрировались в северо-западном углу ямы.

Подбой имел размеры 160×90 см и глубину 60 см. Здесь находились останки женщины и ребенка. Скелет, принадлежащий взрослой женщине, располагался на правом боку, головой на северо-запад. Кисти рук находились перед лицом, а локти в области талии. Пятки были подтянуты к тазу, бедра лежали перпендикулярно позвоночнику, колени упирались в стенку подбоя. Среди костей были найдены два пряслица (из обожженной глины и ка-

менное, с кружковым орнаментом), а также небольшая округлая капля бронзы.

Ребенок был помещен поверх таза и левого тазобедренного сустава женщины. Положение тела строго не определяется, но голова его была ориентирована на северо-запад. Тело ребенка было перекрыто крупным фрагментом керамического сосуда, одна из стенок которого была плотно закреплена в западной стенке могильной ямы. Под ним находился второй фрагмент от того же сосуда. Оба фрагмента перекрывали таз и бедра ребенка.

Погребение 4548 (Рис. 11). Располагалось в 2,5 м к западу от погр. 4551. Погребение устроено в подбое с уступом. Яма имела размеры 155×75 см и глубину 90 см. Продольная ось – северо-запад – юго-восток. Подбой (135×70 см) был устроен в западной стенке ямы. Уступ (ширина 40 см, высота 30 см) находился на глубине 60 см от уровня древней дневной поверхности. Вход в подбой был закрыт двумя сырцовыми кирпичами стандартного размера: один стоял на уступе около северо-восточного угла подбоя, второй – у юго-восточного. Между этими кирпичами, как другие кирпичи, так и их фрагменты или какая-либо обмазка отсутствовали.

Погребенный был уложен на правом боку, головой ориентирован на северо-запад. Ноги согнуты в коленях таким образом, что пятки находились под тазом, колени – около предплечий, а локти – на талии. Кисти рук размещены перед лицом. Все сохранившиеся эпифизы на длинных костях или приросли совсем недавно или, в некоторых

Рис. 12. Керамические изделия из погр. 4548.

случаях, свободны, что говорит о возрасте индивида около 25 лет или моложе.

Сопроводительный инвентарь: за головой погребенного в северо-западной части подбоя стояли 4 керамических сосуда: 2 банки, 1 ваза на ножке, покрытая красным ангобом и кубок на ножке с округлым резервуаром (Рис. 12).

Погребение 4549.

Располагалось в 1 м к северу от северо-восточного угла погребения 4545. Ямное погребение, ограблено. Яма ориентирована длинной осью по линии запад – восток, размеры 130×90 см. Все костные останки человека концентрировались в юго-западной части могильной ямы, образуя скопление мощностью 15 см. Над костями обнаружен обломок кубка на ножке. В юго-восточном углу ямы найден нижний эпифиз большой берцовой кости. В северо-западном углу ямы находился фрагмент венчика крупного сосуда.

Погребение 4550.

Подбой с уступом, нарушено. Яма имела размеры 150×80 см, глубина 100 см. Уступ (ширина 55 см, высота 10 см) был устроен на глубине 90 см. Погребенный был уложен на правом боку, головой ориентирован на северо-запад. Ноги согнуты таким образом, что пятки находились у таза, колени у локтей. Кисти рук располагались у лица. В заполнении найдены фрагменты двух керамических сосудов, один из которых ар-

Рис. 13. Кирпичный заклад подбоя в погр. 4551. Вид с востока.

Рис. 14. Вид на подбой в погр. 4551 после снятия кирпичного заклада.

хеологически целый – лепной с широким горлом и вертикальными стенками. Кроме того, в заполнении найдены кость молодого ягненка и керамический «токин».

Погребение 4551.

Подбой с уступом и с обкладкой подбоя сырцовым кирпичом стандартного размера (40×25×15 см) (Рис. 13-15). Яма имела раз-

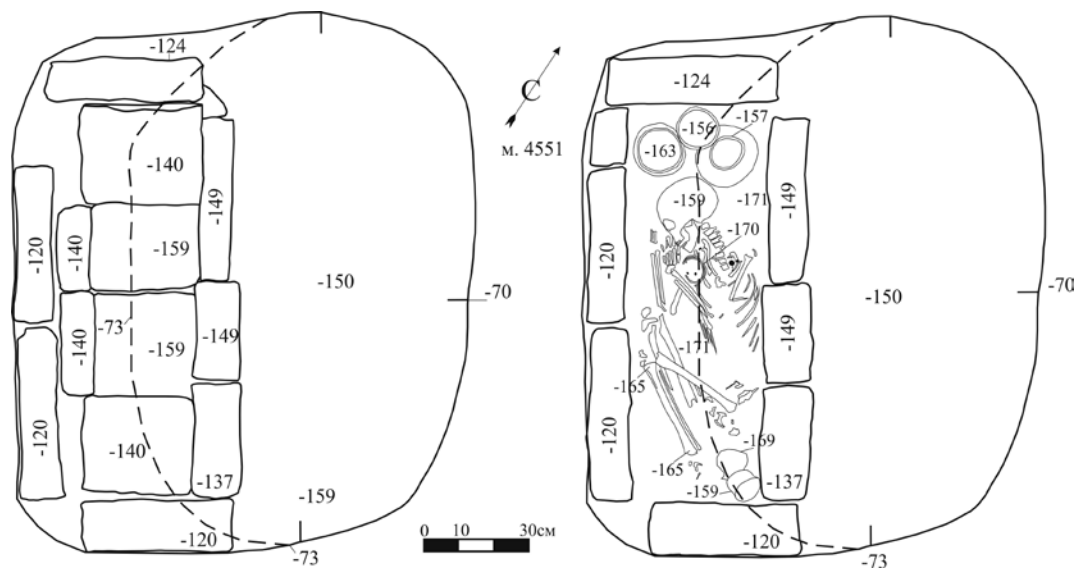

Рис. 15. План погр. 4551.

меры 150×90 см, глубина 105 см. Подбой (140×60 см) был сделан в западной стене ямы. В подбое был сооружен ящик из сырцовых кирпичей, установленных на ребро. Сверху ящик был перекрыт кирпичами, уложенными плашмя.

Погребенная молодая женщина была уложена на правом боку, головой на северо-запад. Ноги были согнуты в коленях так, что пятки находились под тазом. Кисти рук лежали перед лицом. За головой погребенной стояли 3 керамических сосуда: 1 лепной с расширением в середине, 1 красно-глиняный гончарный и 1 лепной цилиндрический. Два миниатюрных сосуда — один круглый, второй — цилиндрический найдены в районе таза (Рис. 16). Между плечами и предплечьями обнаружены два разомкнутых бронзовых браслета (Рис. 17). В области грудной клетки найдено несколько каменных бусин: одна в виде 8-ми лепесткового цветка, 2 круглые (одна из горного хрусталя и одна из сердолика), 3 плоские чечевицеобразные из зеленова-

Рис. 16. Керамические изделия из погр. 4551.

Рис. 17. Бронзовые браслеты из погр. 4551.

того камня, 1 шайбовидная (по-видимому, из стеатита) и 2 цилиндрические из лазурита (Рис. 18, *здесь и далее рисунки, отсутствующие в тексте, находятся на цветной вклейке.*). Там же были найдены мельчайшие фрагменты от серебряного украшения, скорее всего серьги.

Погребение 4552.

Располагалось в 2 м к востоку от печи № 3. Яма неправильной формы (размеры 75×70 см, глубина 30 см), длинной осью ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Заполнение ямы — зольно-мусорное с включением фрагментов сильно обожженных кирпичей. Скорее всего, захоронение производилось прямо на выгреб из печи. Младенец лежал компактно в южной части ямы на левом боку, головой на запад. Кисти рук были размещены около лица, ноги согнуты так, что пятки находились под тазом.

Погребение 4553.

Располагалось в 1 м к востоку от погребения 4549. Погребение совершено в округлой яме (диаметр 80 см, глубина 15 см). Заполнение ямы — зольно-мусорное, встречены многочисленные фрагменты керамики. Погребенный младенец был уложен сильно скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Под нижней челюстью обнаружена небольшая керамическая бита.

Погребение 4554.

Погребение устроено в подбое без уступа. Яма имела размеры 170×135 см, глубина 50 см. Подбой (100×70 см) был устроен в западной стенке непосредственно около северо-западного ее угла. Погребенный был уложен на правом боку, головой ориентирован на северо-запад. Ноги согнуты так, что пятки находятся под тазом. Левое плечо лежало вдоль туловища, предплечье перпендикулярно талии. Права рука согнута в локте так, что кисть лежит у подбородка. Находки: в районе шеи найдена белая каменная бочонковидная бусина.

Погребение 4555.

Ямное погребение (размеры 90×50 см, глубина 30 см). Погребенный был уложен на правом боку, головой на север-восток. Ноги

Рис. 19. Общий вид погр. 4557.

Рис. 20. Положение останков погребенного в погр. 4557.

согнут так, что пятки находятся под тазом, кисти рук располагались у подбородка. Около кистей обнаружен небольшой продолговатый фрагмент дерева, возможно, остаток от какого-то деревянного изделия.

Погребение 4556.

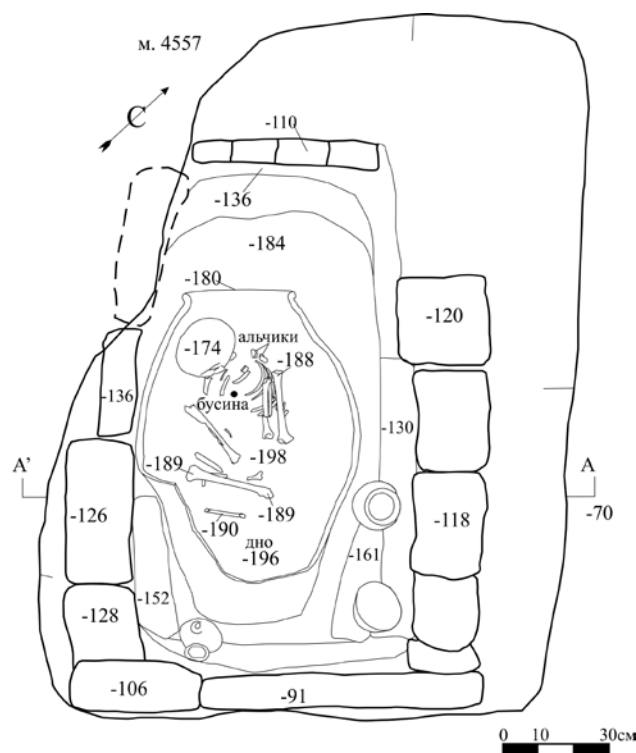
Располагалось с северо-востока от погр. 4545. Циста, размеры 180×100 см, глубина 60 см (два ряда стандартных сырцовых кирпичей, поставленных на ребро) ограблена и частично разрушена. Около восточной стенки зафиксирован овальный грабительский лаз (размеры 110×100 см, глубина 75 см). На древней дневной поверхности в северной части грабительского лаза найдена керамическая ваза на ножке(?), в которой находился бараний альчик. На дне цисты найдена круглая сердоликовая бусина. В заполнении обнаружен фрагмент золотой фольги и маленькая плоская бусина из красного камня с прожилкой. В северо-восточном углу цисты, на полу находилось скопление сильно фрагментированных костей взрослого человека. Кости

встречались также в заполнении и в северо-восточной части цисты.

Погребение 4557.

Погребение в хуме, помещенном в цисте (Рис. 19-21). Циста (160×130 см) устроена в яме размерами 180×150 см, глубина 120 см., ориентированной длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ. Стенки ямы были выложены сырцовыми кирпичами, уложенными плашмя. С западной и южной стороны ямы на древней дневной поверхности зафиксированы следы глиняной обмазки.

На расстоянии 290 см от северо-восточного угла ямы был установлен ке-

Разрез могилы №4557 по линии А-А' (снято с СЗ)

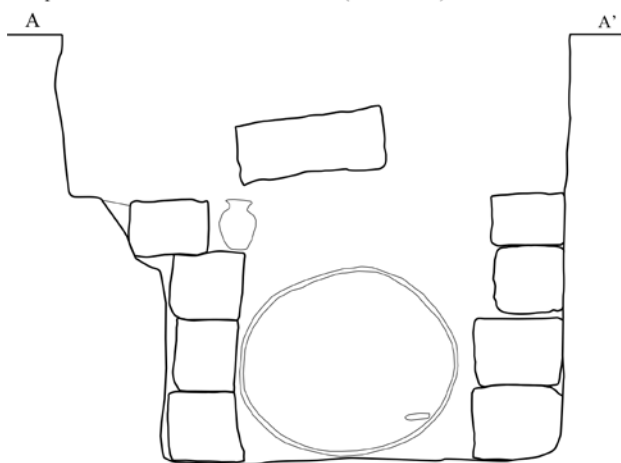

Рис. 21. План и разрез 4557.

раммический сосуд с полой ножкой конической формы средних размеров. Около восточной стенки цисты на уровне древней дневной поверхности, в стенке раскопа зафиксирован лепной сосуд с широким горлом и почти вертикальными, слегка расширяющимися к низу стенками, имеющий сильные следы копоти. Возможно, оба сосуда имеют отношение к комплексу погребения.

Внутри южной части цисты на специально сделанном уступе (высотой от уровня пола 50 см) около восточной стенки стоят два керамических сосуда: 1 светло-глиняная банка, а в юго-восточном углу — красно-ангобированный кубок на ножке. Около юго-западного края хума на том же уровне — миниатюрный красно-ангобированный круглый сосуд со сломанным носиком (Рис. 22).

Стенки цисты имели высоту 70 см от уровня пола. На них был сооружен свод из двух стоящих под углом друг к другу сырцовых кирпичей, большая часть которого обрушилась под давлением земли вниз. Частично сохранился только один ряд кирпичей около северо-восточной стенки. Сверху свод были обмазан толстым (до 5 см) слоем глины, а затем засыпан землей. Пространство внутри цисты имело общие размеры 140×80 см. Ближе к северо-восточной стенке на боку был размещен крупный керамический сосуд (90×60 см) (Рис. 22).

Внутри хума находились костные останки ребенка (подростка), уложенного на правый бок, головой к устью хума, обращенного на северо-запад. Ноги ребенка согнуты в коленях, но правая голень лежала в необычной позе — почти параллельно плечевой кости (руки также были согнуты в локтях, кисти находились перед лицом). Около шеи ребенка найдены три каменные бусины: бочонковидная из белого камня, цилиндрические сердоликовая и лазуритовая (Рис. 23). За затылком находилось скопление золы с мелкими угольками.

Погребение 4558.

Устроено непосредственно к востоку от

печи № 2. Погребение совершено в хуме, помещенном в яму. Яма овальная (размеры 90×70 см, глубина 75 см), продольная ось СЗ-ЮВ. В яму на боку устьем на северо-запад был помещен толстостенный, очень хорошего качества хум (диаметр 60 см, высота 70 см). Устье хума было закрыто дном лепного сосуда со следами копоти. Внутри хума, около устья (остальная часть пустая) найден скелет младенца в эмбриональной позе. Голова ребенка направлена на северо-запад, к устью хума.

Погребение 4559.

Погребение устроено в подбое с уступом. Размеры ямы: 90 на 80 см, глубина 40 см, продольная ось ориентирована по линии З-В. Подбой устроен в южной части ямы. Размеры 80×40 см, ширина уступа 35 см, высота 20 см. Уступ был устроен на глубине 20 см от древней дневной поверхности. Погребенный был уложен на правом боку головой на запад. Ноги согнуты так, что пятки находятся под тазом, кисти рук около расположены у лица. Инвентарь отсутствовал. У восточного края ямы, напротив подбоя была устроена яма 35×30 см, глубина 50 см, обмазанная толстым (до 9 см) слоем глины. Находки в заполнении отсутствовали.

Погребение 4570.

Располагалось около печи №6 и погребения 4572. По всей видимости, разрушенная циста. В зольном слое (вероятно, происходящем из печи) ямы выявлены несколько нижних кирпичей цисты, которая была, по всей видимости, разрушена во время сооружения печи. В заполнении найдены кости крупного рогатого скота (*далее КРС*) (корова), зуб собаки, головка от терракотовой статуэтки, 3 небольшие керамические биты, глиняный «токин» с плоским основанием и без отверстий, а также 4 изолированных бараньих астрагала.

Погребение 4571.

Подбой с уступом, полностью ограблен. Яма размерами 180×140 см, глубина 90 см, продольная ось — СЗ-ЮВ. Подбой (160×35 см — в южной части и 50 см — в северной) устроен в юго-западной части

ямы. Уступ находился на глубине 65 см от древней дневной поверхности, ширина 80–85 см, высота 25 см. В заполнении найдены несколько фрагментов костей человека, фрагменты лепной и гончарной посуды, а также небольшое число костей КРС.

Погребение 4572.

Подбой с уступом *in situ*, располагалось рядом с погр. №4570. На древней дневной поверхности прослеживался контур ямы с размерами 260×110 см. На глубине 30 см от верхнего контура стал прослеживаться второй с размерами 170×80 см. Подбой был устроен в СЗ части котлована и имел размеры 135×50 см. Перед уступом была устроена ступень высотой 35 см и шириной 25 см, сам уступ располагался на глубине 15 см и имел ширину 40 см и высоту 20 см.

Погребенный был уложен на правом боку, головой на юго-запад. Ноги согнуты в коленях таким образом, что бедра были уложены перпендикулярно позвоночнику. Кисти рук находились у лица. У темени вертикально стоял лепной, грубо сделанный цилиндрический сосуд, в ногах – второй сходный. Между лицом и кистями рук лежали россыпью 18 астрагалов овцы. У затылка находилось еще 2 астрагала и 2 миниатюрных лепных сосудика. Находки: в заполнении на разной глубине найдено 5 керамических бит, бараний альчик, 4 глиняных «токина» разных форм и размеров и 1 пресноводная ракушка.

Среди погребений, исследованных на этом участке раскопа весной 2018 г. по своей конструкции резко выделяются два погребения – №4551 и №4557. Погребение 4551 представляет собой подбойную могилу с уступом, в которой была размещена погребальная конструкция из сырцовых кирпичей. Погребенный был уложен в некое подобие сырцового ящика. Несмотря на то, что захоронения в подбойных могилах составляют подавляющее большинство известных могил на Гонур-депе, подобный тип погребальной конструкции был встречен на памятнике лишь дважды: здесь, на Раскопе 18 и на Большом некрополе Гону-

ра (погр. 1212). В таком виде он не известен и на других синхронных памятниках.

Погребение № 4557 было устроено в яме, стенки которой были выложены сырцовыми кирпичами, лежащими плашмя. Внутри цисты был размещен крупный керамической сосуд, в котором находилось погребение ребенка. На Гонур-депе было встречено несколько десятков погребений детей в хумах (все организованные в обычных небольших грунтовых ямах в руинах дворцово-храмового комплекса). Однако размещение погребения ребенка в хуме внутри цисты встречено впервые. Подобные типы захоронений также не известны на других синхронных памятниках.

Полученная новая информация о погребальных сооружениях страны Маргуш существенно дополняет наши представления о мировоззрении ее жителей. Можно предположить, что дети, подростки и часть молодых женщин, возможно, умерших в каких-то особых случаях (например, при родах), захоранивались в определенных местах. По-видимому, данная группа могил и является таким местом.

Еще одним обстоятельством, обратившим на себя особое внимание на данном раскопе, является значительное число керамических фишек («бит»), часто обработанных бараньих астрагалов и своеобразных глиняных изделий, имеющих плоское основание и небольшое возвышение в центре. Они встречены в культурном слое, покрывающем вскрытую территорию, и в заполнении погребений. Некоторая их часть вполне может являться глиняными пломбами, т.к. имеет характерные сквозные отверстия, но большинство таковыми быть не может, т.к. или не имеет отверстий вообще или имеет одно или несколько не сквозных (Рис. 24, 25). Подобные изделия из необожженной глины были встречены на разных раскопах Гонур-депе (Р 9, 12, 13, 14, 19 в виде небольших скоплений и в единичных случаях на других раскопах). По всей видимости, подробный анализ этих невзрачных изделий также даст новую информацию о жизни и мировоззрении древних маргушцев.

Рис. 24. Керамические биты, обработанные бараньи альчики и глиняные изделия с северной части раскопа 18.

Рис. 25. Керамические биты, обработанные и необработанные барани альчики и глиняные изделия с северной части раскопа 18.

Среди индивидуальных находок из слоя необходимо также отметить керамическую печать с оттиском в виде цветка (Рис. 26), глиняную печать с оригинальным изображением (Рис. 27), фрагменты керамики с изображениями и отпечатками ткани (Рис. 28), а также фрагменты металлических перегородчатых печатей (Рис. 29).

Рис. 26. Керамическая печать из культурного слоя северной части раскопа 18.

Рис. 27а,б. Глиняная печать из культурного слоя северной части раскопа 18.

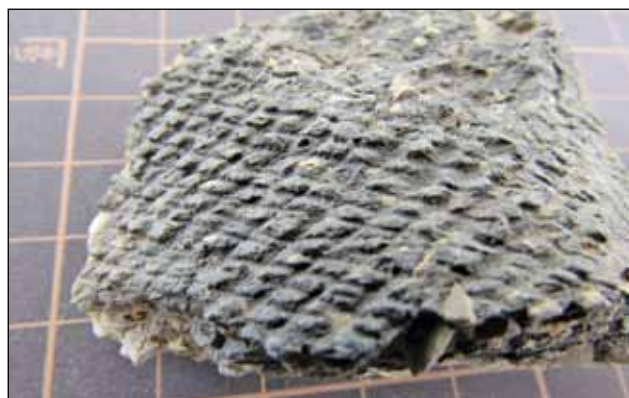

Рис. 28. Фрагмент керамики с отпечатком ткани из культурного слоя северной части раскопа 18.

Рис. 29. Фрагмент бронзовой перегородчатой печати. Подъем на территории кремля Гонура около большой гончарной печи.

Продолжение исследований на Раскопе 12.

Весной 2019 г. раскопки проводились на территории к северу от ранее исследованных участков (руководила работами Н.А. Дубова; в них принимали участие М.Ы. Беглиев, А.Т. Оразов и О. Какагельдыева). Как показали магнитометрические исследования, проведенные в 2014-2015 гг. коллегами из компании «GGH-Solutions GmbH в землеведении» из г. Фрайбург (Германия) на обширной территории западного фаса комплекса (Winkelmann, 2014; Winkelmann-Witkowsky, 2015; Дубова и др., 2018), здесь можно было ожидать находок значительного числа погребений, в том числе занимающих большую площадь (Рис. 30). Всего весной 2019 г. зачисткой была охвачена площадь 47,5 (запад-восток)×20,0 (север-юг) метров или 950 кв². На данном участке было выявлено 33 погребальных сооружения, а также своеобразный объект.

Объект № 1

При зачистке такыра в северо-западной части раскопа 12 («Северный могильник») производимой в целях выявления контуров могильных ям, на уровне древней дневной поверхности было вскрыто локальное возвышение в виде пятна неправильной формы, получившее название Объект 1 (Рис. 31). Размеры объекта 5,50×4,50 м. В разрезе «Объект № 1» (*Поскольку объект до конца не докопан, здесь мы не приводим пока его разрез*). имеет линзовидную форму – в центре мощность заполнения несколько больше (до

Рис. 31. Общий вид Объекта № 1 на северном могильнике на Раскопе 12.

Рис. 32. Погр. 4610 на северном могильнике на раскопе 12. В его южной части хорошо видна мощность грунта, формирующего «объект 1»

35 см) (Рис. 32), чем на периферии (до 25 см). Материал заполнения плотный, грубо шероховатый. Цвет заполнения серый, в северной части более темного оттенка. Одно из предположений о происхождении «Объекта» заключается в том, что его заполнение образовано уплотненной под действием природных процессов, печной золой. Вероятнее всего, зола помещалась на участке с естественным углублением, что частично препятствовало ее развеиванию. Учитывая наличие в заполнении пятна «капель» металла не исключено, что материал заполнения – это выбросы из печей, использовавшихся при литье бронзовых изделий. Взяты образцы для проведения химического и минералогического анализов.

В центральной части «Объекта», была вскрыта яма диаметром 80 и глубиной 45 см. В ее заполнении, а также рядом на поверхности, найдены мелкие разрозненные фрагменты керамики, в том числе сероглиняной, с отверстиями и с процарапанным рисунком (Рис. 33) и капли бронзы, а также фрагмент тигля с остатками этого сплава. С западной стороны верхнего контура ямы располагает-

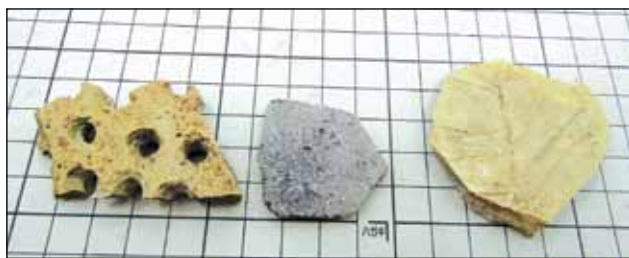

Рис. 33. Фрагменты изделий, найденные в центре Объекта № 1.

ся вкопанный в грунт хум (диаметр 40 см), забитый уплотненным песком. При расчистке содержимого сосуда в верхней четверти его заполнения были обнаружены две половинки биконических керамических бусин небольших размеров, керамическая «бита» и белого цвета материал минерального происхождения (возможно гипс).

В одном метре к северу от ямы, на границе «Объекта 1», было расчищено частично разрушенное погребение 4613. Могильная яма имеет овальный контур, размеры 110×90 см, глубина — 30 см. Рядом с могилой, на уровне верхнего контура ямы находился крупный обработанный камень.

К востоку от погребения 4613 располагается двухкамерная печь. На поверхности печи с южной стороны топки фиксируется грубая выкладка из фрагментов керамики (Рис. 34). Здесь же находились несколько крупных камней. Внутри «духовки» печи найден фрагмент мужской терракотовой статуэтки с подчеркнутыми ягодицами и анальным отверстием (Рис. 35а,б). С юго-востока к печи примыкает яма с прямоугольным контуром, ориентированная длинной стороной с запада на восток. Размеры ямы 170×80 см. Заполнение ямы — мусорные отложения. На дне у южной стенки ямы устроена лунка (диаметр 30 см, глубина 20 см), заполненная обугленными костями животных (Рис. 36).

В 2,5 м к югу от двухкамерной печи у края «Объекта» вскрыто погребение 4595. У восточного края контура погребения на уровне

Рис. 34. Разрушенный двойной ритуальный очаг на Объекте № 1.

Рис. 35а,б. Фрагмент мужской терракотовой статуэтки, найденный около двухкамерного ритуального очага на Объекте № 1.

Рис. 36. Лунка с обугленными костями животных, находящаяся на Объекте № 1.

древней дневной поверхности находится керамический сосуд небольших размеров.

Из мусорного слоя у восточной оконечности «Объекта» были извлечены разрозненные кости двух детей, по-видимому, происходящие из разрушенных детских погребений, кости животных и фрагменты керамики.

Непосредственно под заполнением «Объекта», в его западном секторе, располагалось подбойное погребение 4610 (см. описание ниже). У южного края верхнего контура могильной ямы находился вкопанный в грунт фрагментированный хум (диаметр

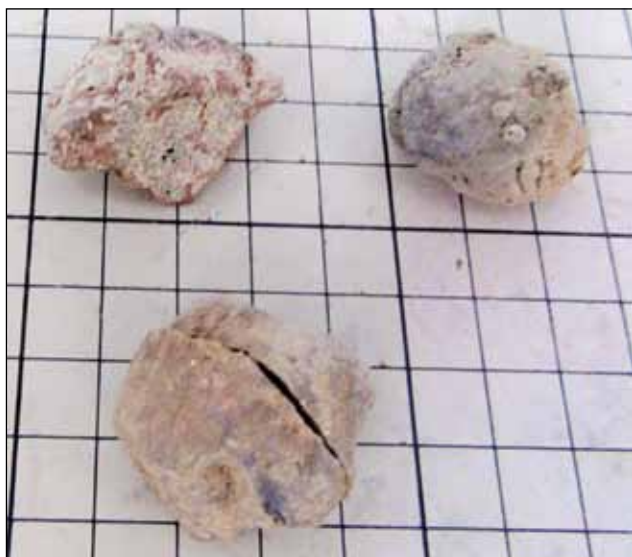

Рис. 37. Глиняные предметы из заполнения хума, вкопанного около погр. 4610.

45 см). В заполнении хума были обнаружены изолированный овечий астрагал и 2 глиняных предмета округлой формы неясного назначения (Рис. 37) С западной стороны хума в районе его стенки найден фрагмент керамики с процарапанным рисунком.

До настоящего времени остается невыясненным точный состав заполнения «Объекта 1». Обращает на себя внимание концентрация здесь фрагментов бронзы и небольших камней. К тому же, учитывая, что в погребении 4610, устроенном уже после заполнения «Объекта» (см далее), находились специфические приношения — бронзовая лопаточка (в форме цифры восемь), бронзовое шило, фрагменты изделия неясного назначения, выполненного из свинца и крупного абразива, можно предположить, что здесь был похоронен человек, связанный с обработкой металла. Работы на Объекте 1 и окружающей территории будут продолжены.

Из выявленных на данной части раскопа 12 погребальных конструкций — 7 захоронений в подбоях и 9 — в грунтовых ямах (в том числе 1 погребение собаки). Остальные 17 сооружений — грунтовые ямы, расположенные как группами, так и одиночно. По-

скольку раскопки территории и отдельных объектов будут продолжаться, план раскопа будет также опубликован позднее. Ниже приводится описание наиболее характерных объектов. Нумерация погребений и других, сопровождающих их объектов была сплошной для всего памятника.

Погребение 4594.

Подбой с уступом, ограблено. Устроено в яме с размерами 180×80 см. на глубине 60 см (Рис. 38). С востока подбой перерезает яма (грабительский лаз?) диаметром 85 см, глубиной 60 см, в которой найдено незначительное число фрагментов керамики. Кости человека¹ находились в беспорядке. Вероятно, ограбление происходило по прошествии значительного времени, когда мягкие ткани полностью разложились. Их основная часть лежала на уступе, как в его северной, так и в южной части. В северной части подбоя (по-видимому, *in situ*) лежало ребро крупного животного. В заполнении верхней части могилы найдены 1 фрагмент золотой фольги и 1 золотая застежка от бус (Рис. 39), каменная тонкая дисковидная и

Рис. 38. Погр. 4594.

Рис. 39. Фрагменты золотых изделий из погр. 4594.

¹ Поло-возрастные определения погребенных как здесь, так и в других могилах будут проведены в следующие полевые сезоны.

Рис. 40. Каменные бусины из погр. 4594.

Рис. 41. Фрагментированный костяной косметический флакончик(?) из погр. 4594.

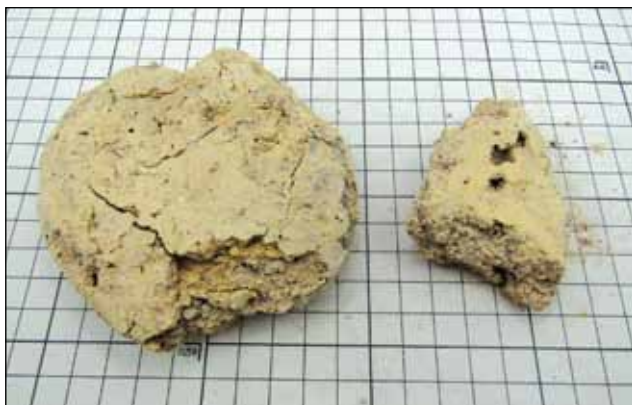

Рис. 42. Диск из слабо обожженной глины и сегмент от второго аналогичного из погр. 4594.

цилиндрическая бусины (Рис. 40), керамическая биконическая бусина и маленькая керамическая бита (фишка), а также фрагментированный косметический флакончик из кости (Рис. 41). Среди человеческих костей находился диск (диаметр около 10 см, толщина 2 см) из слабо обожженной глины и сегмент от второго аналогичного (Рис. 42). В момент обнаружения диск имел желтый цвет, который при соприкосновении с воздухом быстро исчез.

Погребение 4595.

Яма трапециевидной формы. Продольная ось СЗ-ЮВ. Погребение располагалось к северо-западу от «Объекта 1» (Рис. 43). Размеры: 140×140×100 см, глубина 30 см. Погребенный лежал на животе в северной части ямы, головой ориентирован на запад. Ноги слегка согнуты в коленях, правая рука неестественно согнута в локте так, что кисть находилась под грудной клеткой. находки: у затылка найден миниатюрный сосуд. Перед головой установлены ваза на ножке, баночный сосуд и один сосуд, расширяющийся в средней части. Около ног найдена биконическая бусина и фрагмент согнутого бронзового стержня. В верхнем слое заполнения найдена агатовая бусина (Рис. 44).

Погребение 4596.

Ямное, размеры и форма не фиксируются. Поверх могильного пятна лежало два стандартных сырцовых кирпича. В западной части могилу разрушило погребение

Рис. 43. Общий вид погр. 4595. Вид с юга.

Рис. 44. Агатовая бусина из погр. 4595.

Рис. 45. Погр. 4596 и 4598. Вид с севера.

Рис. 46. Миниатюрный сосуд из погр. 4596.

собаки № 4598 (Рис. 45). В заполнении погребения обнаружены фрагменты не менее двух керамических сосудов (один крупный толстостенный, второй – также толстостенный на ножке, которая не сохранилась) и 1 целый миниатюрный сосудик. Положение скелета не определяется. Разрозненные кости встречены по всей глубине заполнения.

Погребение 4597.

Подбой с уступом, ограблено. Располагалось в 1 м к западу от погр. 4594 и в 0,5 м к северу от погр. 4596. Устроено в яме размерами 170×140 см, глубиной 60 см (Рис. 47). Продольная ось – С-Ю. Подбой размером

160×70 см был сделан с западной стороны. Уступ шириной 70 см и высотой 40 см сооружен на глубине 20 см. В центре уступа зафиксировано угольное пятно диаметром 50 см. В верхнем слое заполнения найдено 2 кремневых наконечника (Рис. 48), верхние фрагменты двух бронзовых булавок (Рис. 49), 2 каменные биконические бусины, верхняя часть костяной заколки с гравировкой (Рис. 50).

Рис. 47. Погр. 4597. Вид с юга.

Рис. 49. Бронзовые булавки из погр. 4597.

Рис. 50. Фрагмент костяной булавки из погр. 4597.

Погребение 4598.

Устроено с запада от погр. 4596, перерезая его. Ямное погребение собаки. Грунтовая яма диаметром 110 см и глубиной 88 см. Скелет собаки был уложен по центру могильной ямы, на спине, головой на СВ (Рис. 51). Череп располагался нижней челюстью вверх, шея была вытянута, передние конечности завалились вправо, задние раскинуты в стороны. Скелет принадлежит самцу, в возрасте от 2 до 4 лет. Размеры животного крупные ≈ 60 см в холке. Нужно отметить, что по своим размерам эта собака несколько крупнее представителей морфотипа рабочих «охотничье-сторожевых собак», наиболее распространенных у древнего населения, но мельче элитных «бойцовых» собак. Судя по сохранившимся зубам (череп и нижняя челюсть очень плохой сохранности), они стерты незначительно и не несут прижизненных повреждений, что характерно для зубов крупных элитных собак. Кроме того, хотя хвост у собаки был купирован, он был обрезан не коротко, как у рабочих собак, и достигал в длину около 20 см (сохранились 10 хвостовых позвонков). В целом можно резюмировать, что в могиле была захоронена собака, имевшая сравнительно хорошие условия содержания и принадлежавшая состоятельному хозяину (возможно, относилась к храмовому хозяйству).

Погребение 4599.

Располагалось в 1 м к северу от погр. 4601, примыкало с востока к погр. 4605.

Подбой с уступом. Ограблено. Погребение было устроено в яме размерами 190×150 см. Подбой (ширина 75 см, глубина 65 см) сделан в южной части ямы (Рис. 52). С запада уступ перерезает яма 4605. Уступ (ширина 80 см, высота 45 см) был устроен на глубине 20 см.

От скелета человека *in situ* остались длинные кости ног, кости руки, несколько зубов найдены в заполнении. Можно говорить о том, что погребенный лежал на правом боку, головой на запад. Ноги согнуты, пятки подтянуты к тазу, положение

Рис. 51. Общий вид погр. собаки 4598.

Рис. 52. Общий вид погр. 4599. Вид с востока.

рук не определяется. В погребении найдено 4 керамических изделия. В западном углу подбоя находилось два, лежащие на боку керамических сосуда — баночный и чашевидный. Около южной стенки подбоя на высоте около 30 см от пола — миниатюрный сосудик. Еще один миниатюрный цилиндрический сосуд лежал рядом с костью голени, отброшенной грабителями. В верхнем слое заполнения могилы находилась бракованная ножка от керамического сосуда. В западной части погребения, в заполнении, найдена каменная биконическая бусина. На бортике подбоя в его южной стенке сделана лунка (диаметр 40 см), где находились угли, зола и небольшое число мелких фрагментов костей животных.

Между погребениями 4599 и 4601 зафиксировано небольшое чашевидное углу-

Рис. 53. Общий вид погр. 4600. Вид с востока.

бление диаметром 50 см. Внутренняя часть имеет глубину 15 см и диаметр 30 см. На южном бортике этого углубления имеется скопление черных угольков.

Погребение 4600 располагалось 0,5 м к северу от от погребений 4596 и 4598.

Подбойное погребение с уступом было устроено в яме размерами 170×100 см овальной формы, где был сооружен подбой длиной 100 см и шириной 60 см. Продольная ось подбоя З-В. Уступ длиной 100 см вытянут с севера на юг (Рис. 53). На уступе находились два сырцовых кирпича, лежащие под прямым углом друг к другу. Погребенный был уложен на правом боку, головой на ССВ. Кисти рук были помещены перед лицом, ноги согнуты в коленях. Пятки и колени упирались в стенку подбоя. В восточном углу подбоя, у головы погребенного были установлены 3 керамических сосуда: одна высокая ваза на ножке, а под ней – крупный баночный сосуд и сосуд средних размеров типа чаши. Под правой голенью находился миниатюрный сосуд. В вазе на ножке был найден крупный фрагмент обожженного кирпича. На шее погребенного обнаружены две бусины – лазуритовая цилиндрическая и агатовая плоская (Рис. 54, 55).

Погребение 4604.

Располагалось непосредственно около ямы 4603 с севера. Грунтовая яма размерами 150×90 см, глубиной 40 см. Погребен-

Рис. 54. Погр. 4600. Хорошо видны каменные бусины в области шейных позвонков.

Рис. 55. Каменные бусины из погр. 4600.

Рис. 56. Общий вид погр. 4604. Вид с востока.

ный был уложен на правом боку, с завалом на живот, головой на север (Рис. 56). Правая нога сильно согнута в колене, левая – слегка согнута так, что ее пятка находилась далеко к югу от правой. Кисти обеих рук были помещены у лица. Около них стоял круглый миниатюрный керамический сосуд, рядом находилась – каменная биконическая бусина. Вторая каменная биконическая бусина найдена между нижней челюстью и кистя-

ми. В районе шейных позвонков погребенного обнаружена бусина из раковины (Рис. 57). Перед лбом стояла керамическая тарелка. Перед грудной клеткой (вдоль восточной стенки ямы) в ряд стояли три керамических сосуда: небольшой, расширяющийся книзу, баночный и кубок на короткой ножке, а также напротив ног — глиняный диск. Между согнутыми локтями рук находился сероглиняный конический миниатюрный сосуд, рядом с ним — еще одна биконическая бусина. В заполнении южной части ямы найден лепной миниатюрный сосуд и каменное изделие типа песта. Всего в погребении зафиксировано 5 керамических изделий.

Все три ямных сооружения (4602-4603 и погр. 4604) были устроены в одном котловане неправильной формы, имеющем общую длину 200, а ширину до 90 см и вытянутом по направлению СВ-ЮЗ (Рис. 58). С восточной стороны котлована на глубине 50

Рис. 57. Фрагмент погр. 4604.

Рис. 58. Погр. 4602, 4603, 4604.

см от древней дневной поверхности (ДДП) имеется имеется «приступка», идущая вдоль всех указанных ям. Ее ширина максимальная между 4602 и 4603 (70 см) и минимальная около погр. 4604 (40 см). Дно всех ям находится на одном уровне. Самым северным является поминальник 4602, самым южным — погр. 4604. Между 4603 и 4602 имеется грунтовая перегородка шириной до 30 см и высотой 25 см. Стенки всех ям не обмазаны.

Погребение 4606.

Ямное погребение *in situ*. Грунтовая яма овальной формы, размерами 190×100 см (максимум в южной части) и 50 см (минимум в северной), глубиной 40 см. Продольная ось С-Ю (Рис. 59). Погребенный был уложен на правом боку, головой на север. Кисти рук находились перед лицом, ноги слегка согнуты в коленях. Несмотря на анатомически правильное положение всего скелета, череп сильно фрагментирован,

Рис. 59. Общий вид погр. 4606. Вид с юга.

фрагменты лежат как в центре северной части ямы, так и по всему ее пространству от одной стенки до другой. Кости посткраниума представлены только остовом. Для определения доступны только одна фаланга пальца кисти, один зуб (первый верхний маляр) и нижний эпифиз локтевой кости. Эпифизы на всех костях приросли. Кости очень грацильные. Пол и возраст определяются очень приблизительно — женщина 30-40 лет.

Погребение 4607.

Ямное, полностью разрушенное погребение ребенка. Размеры погребения, положение скелета и другие признаки не определяются. Зафиксировано только несколько зубов очень плохой сохранности.

Погребение 4610

Обнаружено под «Объектом №1». В центральной его части, где «мощность» «Объекта» достигает 35 см, проделано широкое отверстие (около 150 см шириной), через которое было совершено погребение (Рис. 60). Стратиграфические наблюдения показывают, что захоронение производилось после образования «Объекта»: подбой полностью находится под толщей «Объекта», а уступ — непосредственно под отверстием, сделанном в нем.

Подбойное погребение с уступом. Общие размеры ямы 170×150 см, глубина 90

Рис. 60. Общий вид погр. 4610. Вид с севера.

см от древней дневной поверхности. Сразу под «Объектом» находилось три сырцовых кирпича от заклада. Подбой 180×85 см устроен в западной части погребения. Уступ шириной 40 см устроен на глубине 70 см, высота уступа — 20 см.

Погребенный был уложен на правом боку головой на северо-запад. Кисти — перед лицом, ноги согнуты (Рис. 61). Лицевая часть черепа уложена на плоский кусок белой глины. Около стоп находился кремневый наконечник стрелы (Рис. 62), около затылка — ваза на ножке, около голени стояли красноглиняный сосуд в форме банки и бокал. Перед тазом, на полу подбоя лежали бронзовые лопаточка и шило

Рис. 61. Положение останков погребенного в погр. 4610.

Рис. 62. Кремневый наконечник из погр. 4610.

Рис. 63. Фрагмент погр. 4610.

Рис. 64. Бронзовый нож? из погр. 4610.

Рис. 65. Бронзовое шило из погр. 4610.

(Рис. 63, 64, 65). Около острого конца шила находилось четыре фрагмента от одного или нескольких свинцовых изделий (Рис. 66). У западной стенки подбоя, прямо напротив этих предметов лежал точильный камень (Рис. 67). В вазе на ножке находилось глиняное изделие с неглубокими отверстиями. В верхнем слое заполнения могилы найден тщательно отполированный конусообразный предмет из белого камня с плоским основанием и отверстием на вершине (Рис. 68). На поверхности (на самом «Объекте 1», над могилой) найдены фрагменты каменных изделий и мелкие камни с различными «особенностями» (блестящие, выделяющиеся ярким цветом, намагниченные и др.).

Рис. 66. Фрагменты одного или нескольких свинцовых изделий из погр. 4610.

Рис. 67. Точильный камень из погр. 4610.

Рис. 68. Каменный тщательно отполированный конусообразный предмет, находившийся в верхнем слое заполнения погр. 4610.

Погребение 4612.

Подбойное погребение с уступом было устроено в яме размерами 150×120 см, глубиной 55 см. Поперечная ось (запад-восток) больше продольной. Подбой (120×70 см) был устроен в западной части ямы. Уступ шириной 80 см и высотой 40 см был устроен на глубине 15 см от древней дневной поверхности. В северо-западной части подбой перерезал грабительский лаз диаметром 50 см. В заполнении подбоя найдены кости животных, в том числе 3 изолированных астрагала овцы и 10 фрагментов от разных керамических сосудов. В верхнем слое заполнения

Рис. 69. Погр. 4618 и грунтовая яма-поминальник 4619.

был найден также кремневый наконечник. Человеческих останков не обнаружено.

Погребение 4613.

Ямное погребение, разрушенное естественными процессами, располагалось рядом с «Объектом 1». Грунтовая яма имела размеры 110×90 см, глубина 30 см, продольная ось З-В. Погребенный был уложен на правый бок, головой на север. Ноги согнуты в коленях, кисти находились перед лицом. Скелет плохой сохранности, судя по сохранившимся зубам, похороненный был подростком (*juvenis*). В южной части ямы стоял красноглиняный керамический сосуд, в заполнении найдено несколько фрагментов каменного орудия.

Погребение 4614.

Разрушенное детское погребение было расположено около восточного края «Объекта 1». Грунтовая яма, размеры и форма

которой не определяются. Положение погребенного ребенка также не определяется, так как сохранилось лишь несколько костей от посткраниального скелета.

Погребение 4615.

Располагалось в 2 м к северу от погр. 4595. Полностью разрушенное погребение ребенка или нескольких детей. Скопленные фрагменты костей занимало площадь 50×30 см, высота от уровня дна 20 см, контуры и форма ямы не прослеживаются.

Погребение 4618

Подбойное погребение с уступом было устроено в яме размерами 180×130 см. Размеры подбоя 180×90 см, глубина от ДДП 70 см. С востока уступ перерезала яма 4619 диаметром 120 см и глубиной 80 см (Рис. 69). Погребение было ограблено в древности. Разрозненные кости человека найдены в заполнении, единичные — в подбое. Также в заполнении могилы обнаружено 1 донце, 2 фрагмента венчиков и 31 стенка от разных керамических сосудов, а также кость крупного животного и большой глиняный шарик.

Грунтовые ямы и ямы-поминальники

Грунтовая яма-поминальник 4601 диаметром 120 см и глубиной 30 см. Перерезает погр. 4597 с запада (Рис. 70). Около восточной стенки на краю ямы находился крупный камень черного цвета. В заполнении ямы найдено несколько крупных фрагментов от разных керамических сосудов и еще один камень меньших размеров.

Рис. 70. Погр. 4597, 4599 и яма-поминальник 4601.

Грунтовая яма-поминальник **4602** диаметром 170 см, глубиной 100 см располагалась непосредственно около ямы 4603. В заполнении найдены отдельные фрагменты от разных керамических сосудов. Стенки не обмазаны.

Грунтовая яма-поминальник **4603** неправильной формы, диаметром 120 см, глубиной 40 см располагалась между погребением 4604 и ямой-поминальником 4602. Стенки не обмазаны (Рис. 58). В заполнении ямы найдены роговой стержень животного, единичные кости, несколько десятков фрагментов (донца, стенки) от разных керамических сосудов, а также 1 глиняный округлый «токин» (диам. около 5 см без отверстий) плохой сохранности.

Грунтовая яма-поминальник **4605** овальной формы размерами 115×70 см, глубиной 90 см примыкала с запада непосредственно к погр. 4599 (Рис. 71). На глубине 20 см с западной стороны имеется уступ шириной 10 см и высотой до 5 см. От этого уровня диаметр ямы постепенно сужается до диаметра 90 см (у дна). В заполнении найдено небольшое число фрагментов керамических сосудов и угли разных размеров. В южной стенке ямы устроена небольшая лунка диаметром 30 см и глубиной 20 см, заполненная углями. Стенки ямы не обмазаны.

Грунтовая яма-поминальник **4608** диаметром 120 см и глубиной 85 см располагалась к северу от разрушенного погр. 4607. В запол-

Рис. 71. Грунтовая яма-поминальник 4605.

нении найдено несколько десятков фрагментов различных керамических сосудов.

Грунтовая яма-поминальник **4609** диаметром 100 см и глубиной 75 см. В заполнении найдены мелкие фрагменты керамики, половина керамической сковороды средних размеров, небольшое число костей животных, а также несколько фаланг пальцев кисти человека.

Грунтовая яма-поминальник **4616** имела форму округлого сосуда с максимальным диаметром в середине ямы — 70 см и глубиной 40 см. Диаметр входного отверстия ямы — 50 см. В заполнении — фрагменты керамических сосудов, небольшие кости животных и значительное число глиняных «токинов» разных форм (Рис. 72).

Грунтовая яма **4617** грушевидной формы. Размеры: 200 x 90 см (северная часть) и 40 см (южная), глубина 35 см. Продольная ось С-Ю. В заполнении найдено 3 фрагмента от разных керамических сосудов (Рис. 73).

Рис. 72. Грунтовая яма-поминальник 4616.

Рис. 73. Грунтовая яма-поминальник 4617.

Грунтовая яма-поминальник **4619** диаметром 120 см и глубиной 80 см перерезала погребение 4618 с северо-востока (Рис. 69, 74). В заполнении ямы найдены: 1 венчик, 10 донцев, 2 биты и 36 стенок керамических сосудов. Кроме того, на дне ямы встречено 3 скопления керамики и костей животных: южное скопление (70×40 см) содержало камень, 3 донца, 33 стенки (в том числе от мелких тонкостенных и крупных хозяйственных сосудов), венчик, а также крупная кость (сустав) от животного (КРС или верблюд); северное скопление (60×30 см) включало глиняное изделие (модель колеса?) с отверстием в центре (Рис. 75), камень, 2 донца конических сосудов, 10 стенок (в том числе от мелких тонкостенных и крупных хозяйственных сосудов), здесь же находились бедро человека, рог, позвонок КРС или верблюда, а также другие кости животных; восточное скопление (70×30 см) содержало суммарно

но 9 фрагментов стенок керамических сосудов и донце от толстостенного крупного сосуда. На полу около восточной и северной стенок, а также около северного скопления фрагментов керамики обнаружено 4 фрагмента сырцовых кирпичей (возможно, от заклада погр. 4618).

Грунтовая яма-поминальник **4620** диаметром 215 и глубиной 140 см (Рис. 76).

В заполнении обнаружено множество фрагментов керамики, несколько костей животных, 2 глиняных «токина» (один из них закопченный), глиняная обгоревшая биконическая бусина (Рис. 77), а также 2 белых пористых камня. Фрагменты керамики — от толстостенных крупных сосудов. Суммарно: 104 стенки, 10 венчиков, 10 донцев и ножек и фрагмент толстостенной подставки.

Система из трех (или двух) грунтовых ям-поминальников № **4621**, продольные оси которых вытянуты по линии СВ-ЮЗ

Рис. 74. Грунтовая яма-поминальник 4619.

Рис. 76. Грунтовая яма-поминальник 4620.

Рис. 75. Глиняное изделие (модель колеса?) с отверстием в центре из ямы-поминальника 4618.

Рис. 77. Глиняная биконическая бусина из ямы-поминальника 4620.

Рис. 78. Система из трех грунтовых ям-поминальников 4621.

Рис. 79. Грунтовая яма-поминальник 4622.

(Рис. 78). Общая длина «системы» ям 370 см. Первая с ЮЗ яма имела подпрямоугольную форму (100×100 см, глубина 40 см). Вторая и третья ямы имели одинаковую глубину (100 см), их разделяла небольшая стенка (3 ряда по 2 стандартных сырцовых кирпича, уложенных плашмя). Вторая яма имела овальную форму (130×110 см), третья — округлая (диаметр 100 см).

В заполнении третьей ямы найдено множество фрагментов от большого числа как толстостенных, так и тонкостенных сосудов, а также кости крупного животного (в том числе роговые стержни). Суммарно найдено: 1 керамическая бита, 9 венчиков, 6 донцев и более 50 фрагментов стенок.

Грунтовая яма-поминальник 4622 диаметром 110 см, глубиной 130 см располагалась к С от погр. 4627 и 4620 (Рис. 79). находки в заполнении: 7 венчиков, 4 донца,

38 фрагментов стенок, а также небольшое количество костей животных.

Грунтовая яма-поминальник 4623 подпрямоугольной формы размерами 130×90 см, глубиной 80 см была расположена к В от погр. 4621 (Рис. 80). Продольная ось ориентирована по линии С — Ю. В заполнении найдены фрагменты керамических сосудов и кости животных: 8 венчиков, 5 донцев и 62 фрагмента стенок. Кроме того обнаружено 4 крупных фрагмента обожженных кирпичей (возможно, от разрушенной печи) и фрагмент каменного дисковидного изделия.

Грунтовая яма-поминальник 4624 длиной 230 см располагалась к востоку от погр. 4623. Продольная ось С-Ю (Рис. 81). Наибольшая ширина (восточная часть) — 160 см, наименьшая (западная часть) — 70 см, глубина 140 см. В заполнении найдено не-

Рис. 80. Грунтовая яма-поминальник 4623.

Рис. 81. Грунтовая яма-поминальник 4624.

Рис. 82. Печной натек из ямы-поминальника 4624.

Рис. 83. Грунтовая яма-поминальник 4625.

Рис. 84. Грунтовая яма-поминальник 4626.

скольких костей животных, фрагмент печного натека (Рис. 82), а также 53 фрагмента керамических сосудов: 6 венчиков, 10 донцев, 37 фрагментов стенок.

Грунтовая овальная яма-поминальник 4625 общей длиной 210 см располагалась к северу от погр. 4624 (Рис. 83). Максимальная ширина 130 см, минимальная — 70 см, глубина — 145 см. Продольная ось: В-З. В заполнении найден роговой стержень и несколько мелких костей животных, 114 фрагментов стенок сосудов, 7 венчиков, 12 донцев и небольшой камень. По всей видимости, сооружение ямы нарушило погребение человека, так как имеется небольшое число человеческих костей (бедро и др.).

Система из двух грунтовых ям-поминальников 4626, расположенных одна перпендикулярно другой (Рис. 84). Общая длина ямы с севера на юг — 330 см, с запада на восток — 250 см, наибольшая глубина 170 см. Яма, продольная ось которой ориентирована по линии С-Ю, имела в южной части приступку шириной 50 см на глубине 30 см. Вторая яма, округлой формы, также имела уступ шириной 140 см на глубине 100 см. В заполнении округлой ямы найдены кости человека и животных, 2 фрагмента обожженного кирпича, 9 венчиков, 11 донцев, 54 фрагмента стенок.

Система из двух грунтовых ям-поминальников 4627 общей длиной 320 см. Сначала была устроена прямоугольная яма общей длиной 320, шириной 90 и глубиной 30 см от древней дневной поверхности (Рис. 85). Позднее в ее южной части была устроена округлая яма диаметром 170 см и глубиной 100 см. Круглая яма имела форму сосуда, расширяющегося в середине: диаметр ямы в середине — 200 см. В заполнении найдены: фрагмент головки от терракотовой статуэтки (Рис. 86), бронзовая капля, 2 камня, 2 ножи от керамических сосудов, 11 стенок и 3 венчика.

Рис. 85. Система из двух грунтовых ям-поминальников 4627.

Рис. 86. Фрагмент головы от терракотовой статуэтки из ямы-поминальника 4627.

Результаты раскопок, проведенных на обсуждаемом участке, показывают широкое распространение здесь разнообразных ям неясного назначения. Часть из них по своему устройству сходны с могильными, но не содержат останки человека, т.е. представляют собой по определению В.И. Сарияниди «пустые могилы». Размеры ям сильно варьируют от 0,7 до 1,5 м в диаметре и от 0,5 до 1,7 м по глубине.

Все ямы за исключением одной (№ 4617) содержат в своем заполнении крупные компоненты бытового мусора: фрагменты керамики, кости животных, обломки печных кирпичей, камни. Независимо от размеров ям их содержимое в целом остается сходным, отличаясь лишь по количеству и соотношению перечисленных компонентов. В свою очередь, в заполнении могил фрагменты керамики и кости животных почти полностью отсутствуют. Нет такой концентрации разнокачественного материала, как в ямах, и в окружающем их культурном слое. Материал в заполнении ям располагается бессистемно. Лишь в единственном случае (яма № 4619) мы можем наблюдать некий порядок, когда фрагменты керамики и отдельные кости животных лежали на дне тремя разными скоплениями — на севере, юге и востоке.

Обращает на себя внимание, что ямы фиксируются рядом со всеми подбойными погребениями. Поскольку значительная их часть в древности была ограблена, ямы первоначально были приняты за грабительские ходы. Далее было установлено, что ямы перерезают один из краев и не ограбленных могил.

Можно предложить несколько версий функционального назначения обсуждаемых ям:

1) Ямы предназначались для складирования отходов. Однако представляется маловероятным, чтобы мусорные ямы систематически устраивали в непосредственной близости от погребений. Кроме того небольшие ямы неудобны для такого использования, поскольку они не имеют

прямых вертикальных стен: вход в яму и дно обычно намного уже центральной части ямы (особенно ярко это выражено в яме 4622).

2) Ямы имеют отношение к погребально-поминальному обряду. В первую очередь, в пользу этого предположения свидетельствует их закономерная связь с погребениями. Поэтому кажется наиболее вероятным, что обсуждаемые объекты являются поминальными, в которые по какой-то причине складывались не целые сосуды, а только их фрагменты, а также поминальная пища или остатки тризны. Возможно, что отдельные крупные ямы действительно являлись «пустыми могилами», т.е. могилами из которых останки погребенных были изъяты. Как мы уже отмечали ранее, такие могилы, по-видимому, специально не засыпались, оставались открытыми и также могли играть роль поминальников (Сатаев, Дубова, 2016. С. 221).

Нельзя не обратить внимания и на то, что на ряде раскопов Гонура (например, на раскопе 16 и на Гонуре 20, раскоп 2 — раскопки весеннего сезона 2019 г.) имеет место другой вариант поминальников — скопления керамических сосудов, установленных в небольшом углублении или на уровне древнего горизонта, причем, не всегда в непосредственной близости от погребений, а в специально отведенных для этого местах. Напомним, что в случае ритуального погребения животных на раскопе 16, где присутствуют три камеры с погребенными в них баранами и ямная могила с похороненным ослом, на поверхности, с севера у каждой из камер имеется небольшая ямка, в каждой из которых рядом с несколькими небольшими баночными сосудами лежала кость крупного животного (Сарияниди, Дубова, 2008. С. 54; Рис. 41 на стр. 51; Рис. 63, 64 на стр. 78). Представляется, что поминальные обряды у жителей страны Маргуш были не менее разнообразны, чем и другие традиции, о которых свидетельствует весь археологический материал, в том числе и полученный в сезоне 2018-2019 гг.

Исследования на сателлитном поселении Гонур 20 (раскоп 2).

Весной 2019 г. были продолжены исследования сателлитного поселения Гонур 20, расположенного в 2 км к югу от Северного Гонура. В 2010–2011 годах Р.М. Сатаевым и В.В. Куфтериним, а позднее М.Б. Беглиевым было найдено более 20 подобных поселков-спутников, расположенных на расстоянии пешей доступности от главного дворцово-храмового комплекса. На двух из них были предприняты раскопки, которые показали, что все они имеют разную планировку и, по всей видимости, разную специализацию. Гонур 20 был исследован 2 раскопами. Обнаружены печи, в том числе керамические, жилая застройка, хозяйственные зоны и более 70 погребений. Первоначально предполагалось, что это поселение являлось своеобразным ремесленным поселком, в котором проживали оседающие на землю скотоводы (Сарианиди, Дубова 2012, С. 39–42).

Раскоп 2019 г. был разбит в юго-западной части памятника и примыкал к ранее исследованному помещению 15 на раскопе 2. Длина раскопа по южной стенке составила 16 м, по западной – 10 м. Восточная стенка непосредственно примыкала к старому раскопу. Раскоп был ориентирован по сторонам света и разбит на квадраты с обозначением буквами по линии север – юг и цифрами по линии запад – восток. В дальнейшем были сделаны прирезки с юга (16×4 м) и запада (5×3 м) для изучения объектов, уходящих в стенки. Общая площадь раскопа в итоге составила 239 м² (Рис. 87).

Находки в слое были немногочисленными и представлены в основном керамикой, как станковой, так и лепной. Среди индивидуальных находок следует отметить следующие: фрагмент глиняной пломбы с изображением цветка (кв. D1) (Рис. 88); абразив (ромбовидный в сечении) (кв. D3); абразив (подпрямоугольный, серого цвета) (кв. B4); глиняная зооморфная фигурка (кв. B4) (Рис. 89); фрагмент венчика сосу-

Рис. 87. Гонур-20. Общий вид Раскопа 2019 г.

Снято с запада. Числами более 70 обозначены номера погребений в соответствии со сплошной нумерацией таковых на данном раскопе. Цифрами 1 и 2 обозначены ямы.

Рис. 88. Фрагмент глиняной пломбы с изображением цветка из культурного слоя Раскопа 2019 года на Гонур-20.

Рис. 90. Фрагмент венчика сосуда с изображением древовидной фигуры на внутренней стороне из культурного слоя Раскопа 2019 года на Гонур-20.

да с изображением древовидной фигуры на внутренней стороне (кв. F3) (Рис. 90); бронзовая серьга (кв. F6).

Следов построек на исследованном участке не выявлено. На вскрытой площади зафиксировано 8 погребений (циста, 5 подбоев с уступом, погребение в «саркофаге», образованном двумя хумами и яма в сочетании с цистой) и несколько разнотипных объектов (2 поминальника и 2 ямы) (Рис. 91).

Объект 1.

Округлая яма диаметром 154 см, глуби-

Рис. 89. Глиняная зооморфная фигурка из культурного слоя Раскопа 2019 года на Гонур-20.

на от уровня древней дневной поверхности 40 см. Заполнение: темно-коричневая супесь с включением крупных фрагментов угля (саксаул), фрагменты кирпичей, керамики, кости животных. Среди керамики найдены 3 ножки ваз и фрагмент придонной части хума. Также найдены два изделия из глины.

Объект 2.

Две округлые ямы диаметром 110 см и 85 см, глубина от древней дневной поверхности 70 и 50 см. В заполнении найдены кости животных, фрагменты керамики, в том числе крупные фрагменты хума. В верхней части заполнения зафиксированы остатки трех кирпичей.

Погребение 73.

Циста трапециевидной формы. Ориентирована длинной осью по линии СЗ – ЮВ. Размеры: 95 см – 150 см – 83 см – 160 см. Глубина 45 см. Умерший уложен скорченно на правом боку в западной части цисты. Кисти рук перед лицом, бедра поджаты к позвоночнику, колени согнуты. Около голеней 3 сосуда, в том числе малый конический вверх дном. Всего в могиле зафиксировано 19 сосудов, которые занимали всю западную часть цисты (Рис. 92). В ЮЗ углу был установлен круглый хум. В ЮВ углу – круглодонный сосуд с красными полосами ангоба. Здесь же обнаружен еще один похожий сосуд во фрагментах. В СВ углу стояли 8 средних конических сосудов, друг в друге и вдоль восточной стенки. Около коленей найдена каменная биконическая бусина (серый ка-

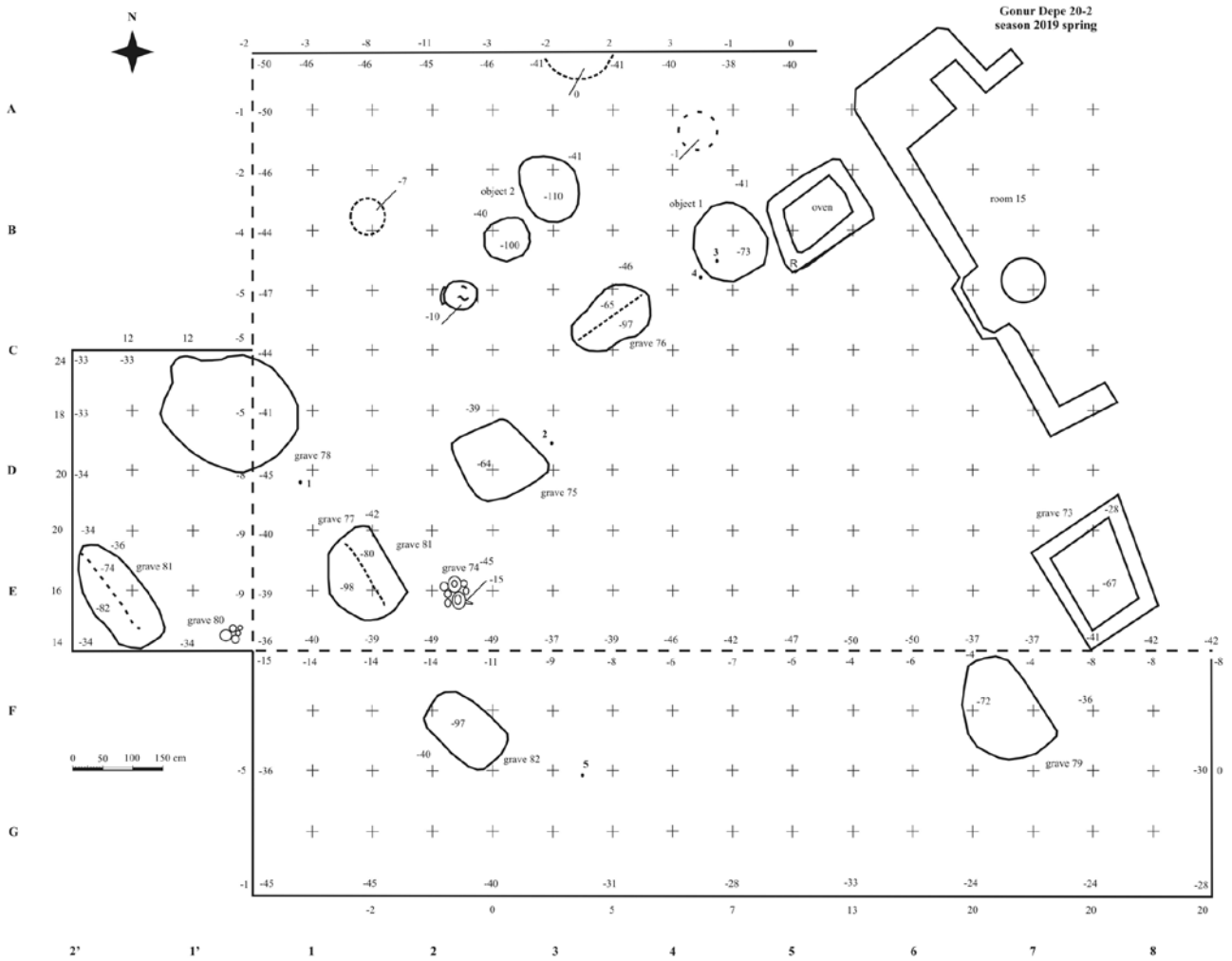

Рис. 91. План раскопа 2019 г. на Гонур-20.

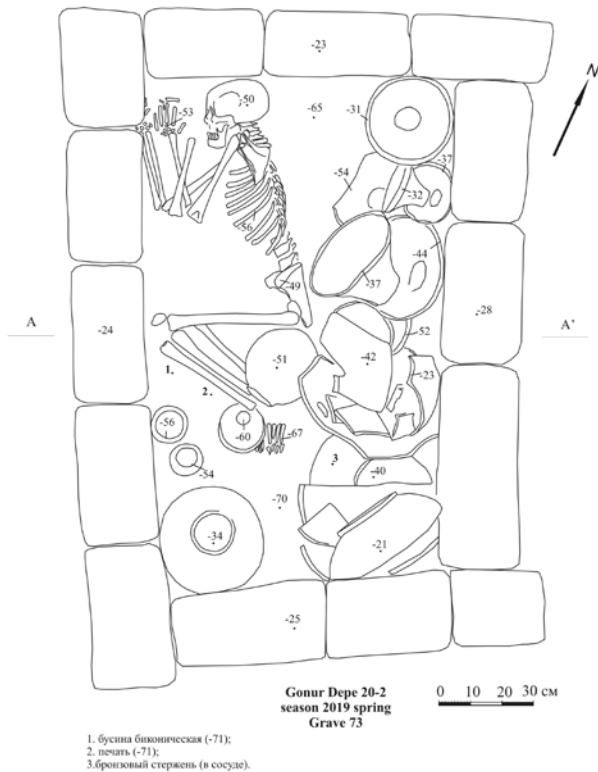

Рис. 92. План погр. 73 на Гонур-20.

мень), около голени — печать-пуговица из белого камня (Рис. 93). Внутри круглодонного ангобированного сосуда обнаружен бронзовый стержень и 2 маленьких альчика.

Погребение-поминальник 74.

Скопление сосудов на площади 80×70 см (рис. 94). В верхней части установлен «чайник» (круглый с коротким носиком)

Рис. 93. Каменная печать из погр. 73.

Рис. 94. Поминальник 74 на Гонур-20.

и банка средних размеров. Чайник стоит на маленькой банке. С восточной стороны скопления сосуд средних размеров и маленькая банка. Еще две похожие банки установлены с западной стороны. К северу от 2 банок установлены 4 пиалы (одна плохого обжига) и кубок на ножке. Поверх него ваза на короткой ножке, на которой стоит сосуд с узким горлом. Общее количество сосудов — 16 шт., все они установлены на древней дневной поверхности. Среди сосудов найдена каменная биконическая бусина розового цвета.

Погребение 75.

Подбой с уступом. Длина ямы 130 см, ширина подбоя 70 см, уступа 60 см. Подбой был заложен 4 кирпичами, установленными вертикально. Погребенный уложен скорченно на правом боку, спиной к уступу, головой ориентирован на СЗ (Рис. 95). Кости обеих рук у лица, бедра поджаты к тазу. У западной стенки установлен круглодонный керамический сосуд с носиком. Молодой индивид (эпифизы приросли частично, крестец из отдельных позвонков). Затылочная часть черепа раздавлена.

Погребение 76.

Подбой с уступом. Длина ямы 150 см, размеры уступа 100×90 см, размеры под-

боя 90×70 см (Рис. 96). Заклад отсутствовал. Подбой и вход в него овальной в плане формы. Погребенный уложен скорченно на правом боку, головой на СЗ. Кисти рук у лица, колени около локтей, пятки подтянуты к тазу. Около уступа в северной части установлено два керамических сосуда: круглый с носиком и миниатюрный конический.

Погребение 77.

Подбой с уступом. Длина ямы 150 см, ширина 125 см. Вход в подбой закрывали 3 кирпича, лежащие плашмя. Погребенный уложен скорченно на правом боку, головой ориентирован на СЗ (Рис. 97). Кисти рук у лица. Таз находился около уступа, на его верхней части. Бедра прижаты к позвоночнику, пятки подтянуты к тазу. На уступе в северной части стоял керамический сосуд средних размеров.

Рис. 95. Погр. 75 на Гонур-20.

Рис. 96. Погр. 76 на Гонур-20.

Рис. 97. Погр. 77 на Гонур-20.

Рис. 98. Погр. 78 на Гонур-20.

Погребение 78.

Могильная яма подпрямоугольной формы (Рис. 98). Размеры: длина 165 см, ширина 168-170 см. При расчистке в верхней части с юго-западной стороны зафиксированы остатки заклада из 2 кирпичей, лежащих продольно, параллельно длинной оси ямы. Обломки кирпичей от заклада также встречались в заполнении. Яма разделена на 2 камеры. Восточную часть занимает циста, зафиксированы 2 кирпичные стенки, с западной и южной стороны. Глубина от современной дневной поверхности 50 см. Здесь было установлено 11 керамических сосудов. Продольная стенка по верх кирпича была выложена фрагментами

керамики от нескольких хумов. Западную часть занимает погребение человека. Глубина 60 см. Погребенный уложен скорченно на правом боку, головой ориентирован на СЗ. Кисти рук – перед лицом. С западной стороны установлены 5 керамических сосудов. Круглодонный сосуд с тонкими полосами красного ангоба находился в ногах погребенного. Еще один кувшиновидный сосуд находился в заполнении в районе черепа вместе с 2 фрагментами венчика хума. Находки: каменная биконическая бусина розового цвета, аналогичная найденной в поминальнике (погребение 74); перед лицевым отделом черепа найдена прямоугольная металлическая печать с петелькой (Рис. 99); фигурка из известняка, изображающая стопу человека и часть голени с отверстием; бронзовая булавка с навершием из двух лазуритовых бусин (Рис. 100). В ЮВ углу ямы был установлен миниатюрный сосуд, рядом с которым зафиксированы остатки деревянного предмета (размеры фрагментов *in situ* 22×17 см), покры-

Рис. 99. Бронзовая заколка для волос с навершием и подвеской в виде ступни и металлическая (железная?) печать в момент обнаружения в погр. 78 на Гонур-20.

Рис. 100. Бронзовая заколка для волос с навершием и повеской в виде ступни из погр. 78 на Гонур-20.

Рис. 102. Полукруглая ниша в стенке ямы, устроенная в погр. 78 на Гонур-20, в заполнении имеются фрагменты хумов. В верхней части хорошо видны следы обмазки.

того алебастром с полихромной росписью (Рис. 101). В центре СЗ стенки ямы была устроена полукруглая ниша, в заполнении фрагменты хумов. В верхней части фиксировались следы обмазки (Рис. 102).

Погребение 79.

Подбой с уступом. Длина 180 см, ширина уступа 60 см, ширина подбоя 60 см. В

Рис. 103. Поминальник 80 на Гонур-20.

подбое зафиксированы разрозненные кости человека (ребра, позвонки, фрагменты тазовых костей, фаланги, зубы). Безинвентарное.

Погребение-поминальник 80.

Скопление сосудов на древней дневной поверхности (Рис. 103). Общее количество – 11. Среди них 2 круглодонных с носиком, маленькая банка, чаши, пиаловидный сосуд плохого обжига. Площадь скопления 80×60 см.

Погребение 81.

Ограбленное погребение. Диаметр ямы 120 см, глубина от древней дневной поверхности 40 см. Дно обмазано глиной. В ЮЗ части на дне ямы найдены остатки 3 кирпичей. Кости человека в заполнении, в верхней части ямы в беспорядке.

Погребение 82.

Яма размерами 140×105 см, ориентирована длинной осью по линии СЗ – ЮВ. У западной стенки размещены 2 хума устьями друг к другу (Рис. 104, 105). Общая длина

Рис. 104. Погребение 82 в двух хумах на Гонур-20.

Рис. 105. Положение останков погребенного в погр. 82 на Гонур-20.

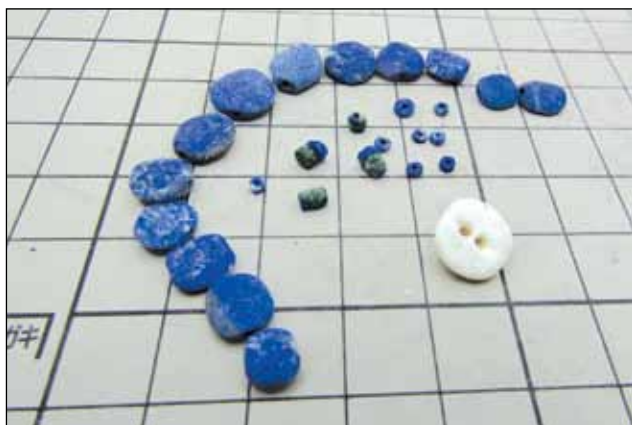

Рис. 106. Лазуриновые бусины и застёжка из белого камня из погр. 82 на Гонур-20.

хумов 124 см. №1 (северо-западный) длина 60 см, устье 50 см. №2 (юго-восточный) верхняя часть обломана, длина 80 см, устье 60 см. Маленький хум был помещен внутри большого. Положение скелета не фиксируется. Верхние части хумов разрушены, их фрагменты вместе с костями человека зафиксированы в заполнении. Здесь же найдены лазуриновые бусины и застёжка из белого камня (браслет?) (Рис. 106).

Общая археологическая характеристика участка раскопок. Согласно первичным оценкам площадка была занята рядовыми

погребениями, по своим конструкциям вполне типичными для БМАК, и содержащими весьма скромные погребальные приношения (1–2 керамических сосуда). Среди них выделяется циста (погр. 73), где зафиксировано 19 разнотипных сосудов, каменная печать-пуговица, биконическая бусина и бронзовый стержень. Необычен и саркофаг, сооруженный из двух крупных хумов (погр. 82). Обратили на себя внимание также два поминальника (№№ 74, 80), которые представляли собой скопления сосудов на древней поверхности (в общей сложности 27 шт.). Подобные объекты известны на Раскопе 16 Северного Гонура (юго-запад памятника, в непосредственной близости от Большого некрополя) (Дубова, 2008. С. 28-65).

Уникальными являются находки, сделанные в погребении № 78. Здесь обнаружены остатки деревянного предмета, покрытого полихромной росписью (Фрибус и др., 2019; Fribus et al, 2020). Размеры предмета – 22×17 см. Деревянная основа сохранилась фрагментарно благодаря специальной пропитке. По мнению археоботаника Л.В.

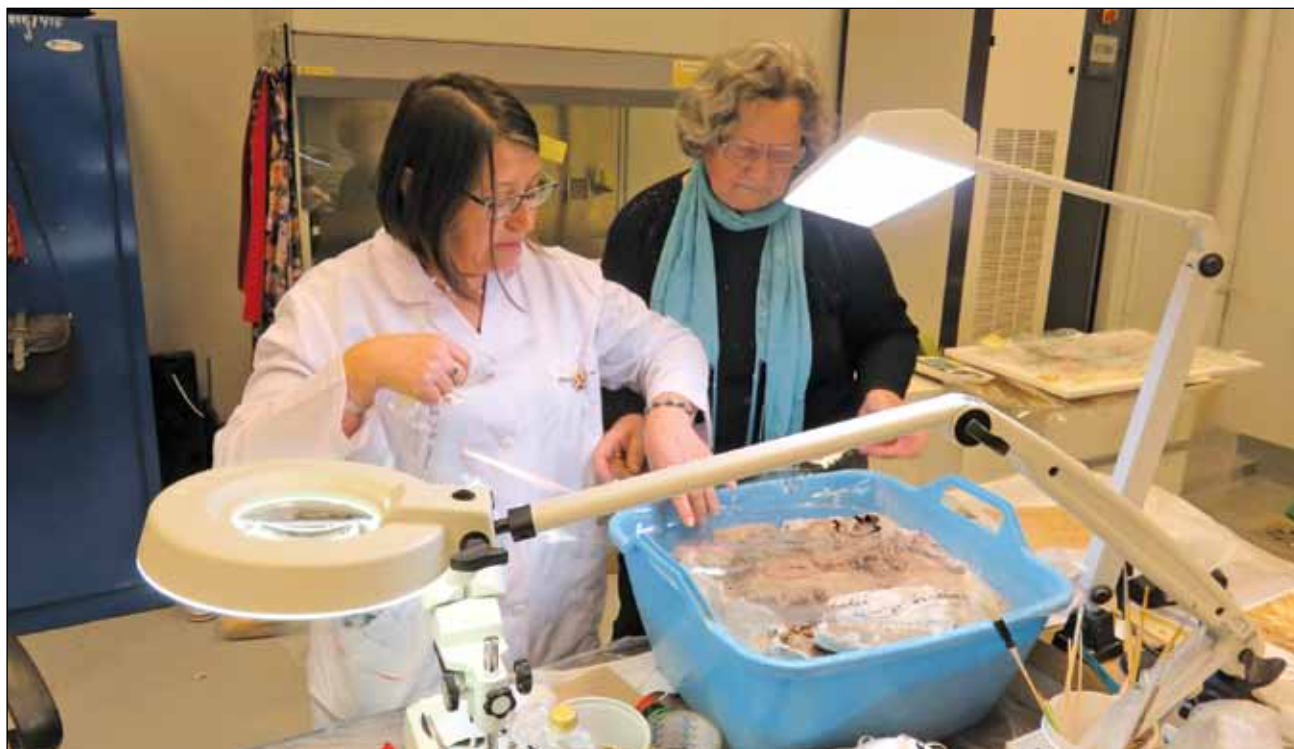

Рис. 107. Реставратор Г.Э. Вересоцкая и Н.А. Дубова в реставрационной лаборатории Музея изобразительных искусств Туркменистана обсуждают ход реставрации деревянного предмета, покрытого алебастром с полихромной росписью из погр. 78 на Гонур-20.

Сатаевой, необходимо отметить слабовыраженные годичные кольца, что не характерно для пород древесины, типичных для рассматриваемого региона. После того, как деревянная основа предмета разрушилась, покрытие стенок «сложилось» таким образом, что большая его часть оказалась повернутой тыльной стороной вверх. Поскольку предмет был изъят монолитом и подлежит дальнейшей реставрации, сказать что-либо о композиции росписи в целом пока сложно. Судя по нескольким видимым фрагментам (основная часть изображения нуждается в серьезной реставрации), в ней использованы красители как минимум 3 цветов – черного, красного и охристо-коричневого оттенков, а сама композиция напоминает схематическое изображение антропоморфного персонажа, по всей видимости, держащего в одной руке змею. В настоящее время начата реставрация этого уникального предмета, которая уже дала первые результаты (Рис. 107).

Из погребения № 78 происходит также металлическая печать. Геохимические анализы, проведенные ведущим специалистом Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН В.А. Агахановой, выявили большое содержание в изделии железа и мышьяка. Объяснить такое сочетание в данном контексте довольно сложно. АМС-дата, полученная по образцам дерева из этого погребения, в лабораториях Лионского университета, (Франция), указывает на диапазон 18-17 вв. до н.э. Таким образом, полученные данные требуют уточнения в ходе дальнейших лабораторных исследований, которые готовятся к публикации.

Полевые исследования, проведенные весной 2019 г. на Гонуре 20, ставят новые вопросы о характере поселков-спутников и их месте в общей системе протогородских поселений комплекса Гонур-депе.

Уточнение стратиграфии строительных горизонтов и особенностей устройства стен внутреннего пространства Дворца Гонура.

В 2018 г. исследования проводились в восточном секторе дворца, к югу от помеще-

ния 455. После предварительного обследования сохранившихся архитектурных сооружений и пробных зачисток стен были выбраны участки в лучшей степени отвечающие требованиям стратиграфических наблюдений. Здесь были заложены зачистки, вскрывающие последовательность возведения стен и особенности их устройства. Всего было изучено 11 разрезов. Здесь мы приводим лишь краткую информацию о проведенной работе. Схема расположения зачисток и шурфов, так же как и их разрезы будут приведены в специальной публикации после обработки всех имеющихся материалов.

К первому периоду застройки дворца были отнесены все стены, возведенные на «материковом грунте» (вскрыты во всех разрезах), т.е. поверх лишенной включений материала антропогенного генезиса, светло-коричневой (желтого, охристого цвета) лессовидной супеси, либо светло-коричневого плотного, слоистого (тонко слоистого) суглинка («древний такыр»). Стены возводились с использованием забутовки различными материалами (лессовой или глинистой основой с добавлением соломы или обломочного материала), укладки грубых блоков – монолитов и кирпичной кладки. Высотные отметки основания фундамента стен этого строительного уровня, имеют значения от «-22» до «+24» (все отметки здесь и далее приводятся от условного «0» Гонура), т.е. их разброс варьирует в пределах 50 см, что обусловлено неровностью рельефа древней поверхности. Хотя основание стен юго-восточной башни кремля располагается на культурном слое небольшой мощности (29 см), однако и эту постройку следует отнести к первому периоду. Кроме того, лессовидная супесь, подстилающая основание стен вскрытых разрезами № 40 – 45, 47 в своей кровле содержит примесь пылеватой угольной крошки (либо темной золы), придающей верхней части этих отложений серый цвет. Учитывая, что другие включения антропогенного генезиса (битая керамика, угольки или кости животных) здесь не выявлены, следует предположить,

что хотя источники выноса золы (жилые комплексы и т.д.) функционировали уже во время формирования верхней части лессовидной супеси, они были значительно удалены от места строительства.

Блоки — монолиты, используемые для возведения стен, имели размеры: $L \approx 45$ см, $H \approx 18-20$ см. Состав блоков варьировал. Наиболее технологичными являлись блоки, сформированные из лессовидного суглинка с добавлением соломы.

Поскольку сырцовые кирпичи в основном располагаются в верхней части стен однозначно относить их к первому периоду сложно (не исключено, что они использовались и на поздних этапах). Лишь в стене, вскрытой разрезом № 43, присутствуют остатки сильно разрушенной кирпичной кладки, которая может быть отнесена к первому периоду (основание кладки имеет отметку «-2»). Размеры кирпичей прослеживаются плохо: $L \approx 38$ см, $H \approx 13$ см. В других постройках размеры кирпича варьируют (не исключено, что это связано с размытостью границ между отдельными кирпичами и их разной деформацией): L от 35 до 52 см, H от 13 до 22 см.

Ко второму строительному периоду отнесена лишь часть постройки, вскрытая зачисткой №45. Это кладка из сырцового кирпича, располагающаяся на культурном слое, перекрывающем остатки конструкции первого периода. Основание кладки соответствует высотной отметке «+ 64». Размеры кирпича: $L \approx 45$ см, $H \approx 13$ см.

Стена третьего периода зафиксирована лишь в разрезе №47. Основание стены находится на высотной отметке «+104». Постройка возведена из «пахсовых» блоков и сырцового кирпича. Размеры блоков: $L \approx 45$ см, $H \approx 19$ см. Размеры кирпичей: $L \approx 45$ см, $H \approx 13$ см, $B \approx 28$ см.

В целом, результаты обследования восточного участка показывают, что:

1) Общая сохранность стен здесь несколько лучше, чем в северном секторе, хотя часть ранних построек представлены лишь своими основаниями. По всей видимости, эти стены

были заброшены, а возможно и специально разобраны в процессе последующих перепланировок внутреннего пространства дворца.

2) Все изученные разрезы содержат остатки стен, возведенных в течение первого периода застройки дворца. Больше половины выявленных «ранних» стен (5 из 11, разрезы 40, 44, 46, 48, 49, 50) функционировали вплоть до заустения архитектурного комплекса. Возможно, что они периодически обновлялись и достраивались.

3) Стены, возведенные во второй и третий период застройки дворца (возведены на культурном слое, образовавшемся выше стен первого периода), были выявлены лишь в двух разрезах — №45 (стена второго периода) и №47 (стена третьего периода).

4) По сравнению с северным сектором, где стены возводились из сырцового кирпича, на обследованном участке в строительстве применялись различные материалы и технологии — забутовка, кладка из сырцового кирпича или крупных «пахсовых блоков». При этом во всех изученных случаях основание и большая часть стен выполнены путем забутовки или кладки из «пахсовых» блоков, кладка из сырцового кирпича фиксируется лишь в верхней части.

Забутовка производилась различным по составу материалом:

а) Лесс (лессовидный суглинок или лессовидная супесь) с небольшим добавлением соломы (этот состав можно условно назвать «пахсовым» раствором). По своему составу и качеству этот материал приближается к сырцовому кирпичу. В готовом виде это плотная, однородная по своей структуре масса.

б) Лесс с добавлением «дресвы» (под «дресвой» понимается разного состава обломочный материал — комки глины, крошка битого кирпича, керамических сосудов и пр.). В готовом виде — средней плотности с равномерной, беспорядочной текстурой (обломочный материал распределен равномерно) масса.

в) Глиняная забутовка — в своей основе глина или лессовидный суглинок с добав-

лением обломков обожженной глины, керамического боя и пр. В готовом виде это плотная масса с комковатой структурой.

Можно предположить, что забутовка производилась с помощью невысоких деревянных опалубок.

Сырцовый кирпич, использованный при строительстве, различался по составу и размерам. В одном случае при изготовлении кирпича в виде основания использовалась рыхлая лессовидная супесь, с крайне невысоким содержанием глинистых минералов, в другом — более плотный лессовидный суглинок. При этом, отличалось количество добавляемой соломы и характер замеса теста. При интенсивном замесе, размеры растительных волокон варьировали в среднем от нескольких миллиметров до 1 см (или чуть более). При грубом замешивании сохранялись длинные фрагменты стеблей злаков до 5 и более сантиметров. При выравнивании кирпичной кладки (возможно также в целях ее укрепления — армирования) использовались «прокладки» из керамических черепков (такую практику хорошо демонстрирует стена вскрытая разрезом №44).

«Пахсовые» блоки изготавливались путем грубой формовки «пахсового» раствора типа «а» и «б». Вероятно, что укладка «пахсовых» блоков не была сплошной и сопровождалась забутовкой пространства между ними «пахсовым» раствором.

В весенний полевой сезон 2019 г. работы были продолжены в юго-восточном секторе дворца. Основное внимание было уделено южной наружной стене. Также, как в прежние сезоны в изучаемом секторе были проведены последовательные расчистки стен. Зачистка стены проводилась с ее внешней стороны на участках первая — вторая башня, вторая — третья башня от юго-восточного угла. Также были заложены контрольные расчистки — шурфы с внутренней стороны стены за первой и второй башнями и у двух хорошо сохранившихся стен внутреннего пространства дворца юго-восточного сектора.

В расчистках с внешней стороны южной стены сырцовая конструкция выявляется лишь в верхней части разреза (30 — 40 см от верхнего уровня сохранившейся конструкции). Судя по положению основания этой стены (высотные отметки от условного нуля Гонура варьируют в пределах «+120» — «+140») она была возведена в третий «дворцовый» строительный период. Ниже ее основания, на всем протяжении изученных участков в профиле разреза прослеживается сравнительно мощный культурный слой (≈ 90 см), сформировавшийся на открытом пространстве. Культурные отложения имеют хорошо выраженную горизонтальную слоистость и залегают на материковом грунте. Стена была возведена из сырцового кирпича или пахсовых блоков, однако контакты между ними выявляются очень плохо. Ориентировочные размеры блоков: $L \approx 40$ см; $H \approx 19$ см.

В расчистке внутренней стороны южной стены произведенной у первой пилястры к западу от крайней юго-восточной башни была вскрыта сырцовая конструкция, представленная стенами двух строительных периодов. Ранняя стена (I «дворцового» строительного горизонта. Об этом и других строительных горизонтах см.: Сатаев и др., 2019) была возведена на материковой лессовидной супеси, основание стены имеет высотную отметку «+10». Стена состоит из сплошной сырцовой массы (четкие границы между кирпичами или блоками не прослеживаются). Между верхней поверхностью ранней стены и основанием последующей выявляется прослойка рыхлого материала

Поздняя стена (III «дворцового» строительного горизонта) устроена поверх, по видимому, частично руинированной к моменту ее возведения ранней стены и имеет основание на ≈ 30 см шире предыдущей, выступая в южном направлении. Основание поздней стены имеет высотную отметку «+136». Культурные отложения, вскрытые под поздней стеной с внешней стороны, примыкают к ранней стене и накапливались в период ее функционирования.

В расчистке внутренней стороны южной стены, произведенной к западу от второй башни, выявлена сырцовая конструкция, также включающая стены разного времени. Основание ранней стены – I «дворцового» строительного периода (высотная отметка «+5») располагается на слое (линзе?) плотного слоистого светло-коричневого суглинка, мощностью 5 см, лежащего на светлом лессовидном суглинке. В нижней части (до высоты 35 – 37 см) стена сформирована из сплошной сырцовой массы, замешанной на лессовой породе с низким содержанием глины и невысоким содержанием рубленой соломы и имеет выраженный контакт с верхней частью, в основании которой выявляются саманные кирпичи размером $L \approx 27 - 28$ см; $H \approx 12 - 13$ см. Под кирпичами отмечаются фрагменты глиняных черепков, уложенные горизонтально (вероятно для выравнивания поверхности). Выше кирпичная кладка не прослеживается, но материал имеет более высокое содержание глинистых материалов и значительное содержание растительных волокон, отличаясь от нижней части по прочности. Следует отметить, что основание пилястры, установленной для укрепления стены во II «дворцовый» строительный период после «большого пожара» во дворце и стоящей на слое древесного угля (остатки сгоревшей кровли) находится на упомянутом уровне. Поэтому можно предположить, что на данном участке, стена, возведенная в I «дворцовый» строительный период, была уничтожена пожаром и восстановлена во II «дворцовом» строительном периоде, одновременно с устройством укрепляющих пилястр. Нельзя также исключать, что строительство ранней стены могло происходить в 2 этапа. Возможно, первоначально был заложен фундамент стены (из сырцового материала низкого качества), а через некоторое время на нем возведена ее основная часть.

На сохранившейся верхней поверхности этой стены, на высоте 1,22 м, от ее основания отмечается очаговая ямка (диаметром $\approx 1,1$ м и максимальной глубиной $\approx 0,2$ м), выходящая за пределы внутренней

стороны конструкции. Это указывает на то, что ко времени функционирования очага остатки ранней стены уже не возвышались над дневной поверхностью.

Позднее (в III «дворцовый» строительный период) здесь была возведена новая стена с более широким фундаментом. Ее основание имеет высотную отметку «+147».

В расчистке по северной стороне стены помещения № 347 вскрыта сырцовая конструкция, возведенная на материковом уплотненном лессовидном суглинке. Основание стены имеет высотную отметку «+52». Стена сложена сплошной сырцовой массой. Исходя из высотных отметок, она была возведена во II «дворцовый» строительный период.

В расчистке – шурфе по южной стене помещения № 267 вскрыты остатки двух разновременных стен. Первая стена была возведена на неровной поверхности мало-мощного культурного слоя (0,17 – 0,27 м), лежащего поверх плотного светло-коричневого суглинка (0,10 – 0,15 м). В основании стены отмечаются сырцовые кирпичи размером: $L \approx 28$ см; $H \approx 13$ см. Граница между суглинком и культурным слоем имеет высотную отметку «-59», основание стены – «-32». Сырцовая конструкция была выстроена в I «дворцовый» строительный период. В свою очередь, культурные отложения, вскрытые ниже основания стены, могут относиться к «до-дворцовому» периоду освоения данной территории.

Поздняя стена (высотная отметка основания «+146») возведена уже в III «дворцовый» строительный период после прекращения функционирования ранней стены и накопления поверх нее культурного слоя мощностью до 0,2 м. Поздняя стена относительно ранней смещена к северу на 0,9 м.

Подводя итоги проведенных в 2018–2019 гг. исследований можно сделать следующие выводы:

- 1) Южная стена дворца, на всех изученных участках, состоит из ранней и поздней конструкций, функционировавших с перерывом во времени.

2) Основание ранней стены дворца располагается на материковой лессовидной супеси либо на слое светло-коричневого, слоистого, плотного суглинка, покрывающего лессовые образования. Таким образом, возведение этой стены происходило на «материковом грунте» (до накопления здесь культурного слоя) и, следовательно, началось в I строительный период застройки дворца синхронно с возведением северной и восточной стены.

3) Ранняя стена функционировала в I и II «дворцовый» строительные периоды. Во II период, после «большого пожара», она была укреплена контрфорсами, а на отдельных участках, по-видимому, восстановлена.

4) К началу III «дворцового» строительного периода ранняя стена была в той или иной степени руинирована и как строительная конструкция какое-то время не

функционировала. На отдельных участках она могла быть полностью погребена под осадками.

5) В III «дворцовый» строительный период южная стена была восстановлена (или было начато ее восстановление) и отличалась более широким основанием.

6) При возведении ранней и поздней стены (по сравнению с северной стеной дворца) преимущественно использовались пахсовые блоки, либо заливка (с применением опалубки?) сырцовым материалом.

В заключение необходимо еще раз отметить, что здесь, ввиду значительного объема необходимых уточняющих исследований, представлена основная, но не полная информация о проведенных в 2018-2019 гг. работах. Итоговые материалы готовятся к изданию.

ЛИТЕРАТУРА

- Грушин С.П., Дубова Н.А., Сайберт В.О. Новые печати на Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 48-51.
- Дубова Н.А. 2008. Компактные скопления керамических изделий // ТрМАЭ. Т. 2. М. С. 28-65.
- Дубова Н.А., Винкельман-Витковска С., Новак М., Солее А., Мейер Д., Хюбнер Х. Краткая информация о совместных исследованиях Института этнологии и антропологии РАН и Отдела археологии Бернского университета (Швейцария) на Гонур-депе в 2014-2015 гг. // ТрМАЭ. Т. 7. М.: Старый сад, 2018. С. 87-92.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. 2012. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008 – 2011 гг. // ТрМАЭ. Т. 4. М.: Старый сад, С. 29-56.
- Сатаев Р.М., Дубова Н.А. Погребения собак на «Царском некрополе» Гонура // ТрМАЭ. Т. 6. М.: Старый сад, 2016. С. 204-223.
- Сатаев Р.М., Дубова Н.А., Мамедов М.А. Внутренняя хронология и периодизация Гонур-депе // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 40-41
- Фрибус А.В., Дубова Н.А., Беглиев М.Ы. Первая находка полихромной росписи на Гонур-Депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 59-61.
- Фрибус А.В., Грушин С.П., Сатаев Р.М., Дубова Н.А. Рисунки и знаки на керамике из Гонур-депе (Туркменистан): техника нанесения, иконография, семантика // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д.и.н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). – СПб.: ИИМК РАН, 2020, С. 121-124.
- Fribus A., Dubova N., Sataev R., Sataeva L., Kufferin V., Begliev M. New polychrome painting from Gonur Depe, Turkmenistan // *Antiquity* 2020 Vol. 94 (376): e22, 1–9 <https://doi.org/10.15184/aqy.2020.118>.
- Winkelmann S. Gonur Depe, Turkmenistan. Bericht über die 1. russisch-schweizerische Kampagne 2014 // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2014. Zurich, 2014. S. 135-166.
- Winkelmann-Witkowsky S. Bericht über die Ausgrabungen der Berner Archäologen 2015 in Gonur Depe, Turkmenistan // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2015. Zurich, 2015. S. 179-210.

Возвращаясь к «амбразурам» Кремля

(К проблеме архитектурной детализации сооружений Гонур-депе)

Описываются фортификационные сооружения центральной части Гонур-депе, которые являются основой объемно-планировочной композиции его застройки. Стены, башни, куртины кремлевской стены, указывающие на ее защитные функции, были дополнены уникальной архитектурной деталью – так называемыми «амбразурами», нигде более на территории Мургабского оазиса не встреченными. Но как настоящие амбразуры или бойницы эти отверстия менее всего подходят для стрельбы, о чем в первую очередь свидетельствуют их размеры и устройство. Обсуждаются детали и последовательность строительства оборонительных стен кремля и объем использованных материалов. Делается вывод, что фортификация Гонура не несла особо важной оборонительной функции, однако, в значительной степени повлияла на формирование его застройки.

V.I. Artemiev

Returning to the «embrasures» of the Kremlin

(On the problem of architectural detailing of the structures of Gonur-Depe)

The fortifications of the central part of Gonur-Depe, which are the basis of the space-planning composition of its development are describing. The walls, towers, curtains of the Kremlin wall, indicating its protective functions, were supplemented with a unique architectural detail – the so-called “embrasures”, which were not found anywhere else on the territory of the Murghab oasis. But as real embrasures or loopholes, these holes are least suitable for shooting, as evidenced primarily by their size and design. The details and sequence of the construction of the Kremlin’s defensive walls and the amount of used materials are discussed. It is concluded that the fortification of Gonur did not carry a particularly important defensive function, however, it significantly influenced the formation of its development.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-131-142

Необходимое предисловие

Первооткрыватель Гонур-депе и руководитель многолетних научно-исследовательских работ на его территории Виктор Иванович Сарияниди неоднократно утверждал, что огромная площадь раскопок надолго станет объектом ее всестороннего изучения специалистами самого разного профиля от лингвистов и антропологов до архитекторов и инженеров. В настоящее время археологами раскопана и нанесена на итоговую карту площадь более 20 га. Следует подчеркнуть,

что систематическое исследование этой уже раскопанной территории Гонур-депе – процесс кропотливый и многолетний, и он, несомненно, неисчерпаем.

По итогам пятилетнего архитектурного исследования¹ Гонур-депе предполагается начать более подробное описание некоторых деталей архитектуры городища, совмещенное с графической реконструкцией и типологической систематизацией, что позволяет сделать некоторые обобщения по вопросам градостроительства и архитектуры.

¹ Автор совместно с архитектором А.М. Урмановой провел пять полевых сезонов (2007, 2009, 2010, 2011, 2013) архитектурных исследований во время раскопок Гонур-депе.

Будущее исследование тенденций появления и сложения как города в целом, так и его отдельных сооружений и архитектурных деталей и обозначено нами термином «детализация», вынесенном в подзаголовок названия данной публикации.

Некоторые поднимаемые здесь вопросы носят характер гипотезы и на последующем этапе изучения могут быть решены, в том числе, в результате плодотворной научной дискуссии, что и является главной целью настоящей публикации.

В 2013 году, после завершения очередного весеннего полевого сезона на Гонуре, Виктор Иванович предложил нам опубликовать собранные данные по элементам архитектуры и градостроительства Гонур-депе в виде отдельной главы к его готовящейся книге с рабочим названием «Блистательная Маргиана». Поскольку обширный материал по этой теме, наработанный за полевые сезоны 2009–2013 гг. требовал дополнительных проверок и корректировки, мы договорились в следующем 2014 году предусмотреть эту тему в работах предстоящего полевого сезона с предоставлением группы рабочих-раскопщиков и экспедиционного трактора, который должен был отодвинуть некоторые отвалы вокруг городища, расчистив место для новых исследований... Увы, этому не суждено было случиться! Декабрь 2013-го стал поворотной и скорбной вехой в жизни нашей экспедиции.²

В иллюстрациях предварительного архитектурного исследования Гонур-депе в 2010 г. (Артемьев, Урманова, 2010) были использованы авторские обмеры 2007 г. только кремля и дворца. В последующие годы были выполнены дополнительные комплексные чертежи с привлечением полевых данных

всех геодезических исследований многих специалистов³, что позволило создать общую карту всех вскрытых объектов Гонура в едином электронном чертеже масштаба 1:1, т.е. в натуральную величину и названного нами генеральным планом Гонур-депе. Эта иллюстрация наглядно демонстрирует всю обширность проблем градостроительного и архитектурного анализа руин этого уникального памятника, поэтому в рамках настоящей публикации, мы остановимся на описании фортификационных сооружений Гонур-депе, которые являются основой объемно-планировочной композиции его застройки. В тексте сохраняется следующая терминология введенных В.И. Сариниди в научный оборот наименований отдельных сооружений (все указанные объекты см. на схеме на третьей стр. обложки): Северный Гонур – комплекс основных храмовых сооружений городища Гонур-депе, объединенных тремя линиями его обороны⁴. Дворец – расположенный внутри кремля комплекс помещений, объединенных общей функцией парадно-ритуального характера. Кремль – центральное оборонительное сооружение Северного Гонура, окружающее дворец и являющееся его основной линией обороны. Каре – замкнутая фортификационная стена с башнями, окружающая кремль. Дополнительная, линия обороны Северного Гонура. Обводная стена – дополнительная ограждающая стена с контрфорсами, охватывающая большинство городских строений. В.И. Сариниди упоминал в своих выступлениях, что эта стена отделяет «святой, ритуальный участок, комплекс» от остальных поселений, от «профанного мира». В плане она представляет собой овал весьма произвольной формы, сохранившийся фрагментами,

² Виктор Иванович Сариниди (1929–2013), основатель и бессменный руководитель Маргианской археологической экспедиции скончался в Москве 22 декабря 2013 года.

³ Все таблицы, чертежи и фото выполнены автором. При составлении генплана использованы материалы съемок и обмеров специалистов, работавших на Гонуре в разные годы: В.И. Сариниди, К. Шадурдыева, Г. Давтяна, Г. Гремачи, М. Бочкаревой, А. Урмановой, В. Артемьева

⁴ «В сущности, мы должны говорить о том, что Гонур – это храмовый город, главная функция которого заключается в отправлении религиозных культов, и где население страны собиралось лишь в определенные праздничные или ритуальные дни» (Сариниди, 2008, с. 59).

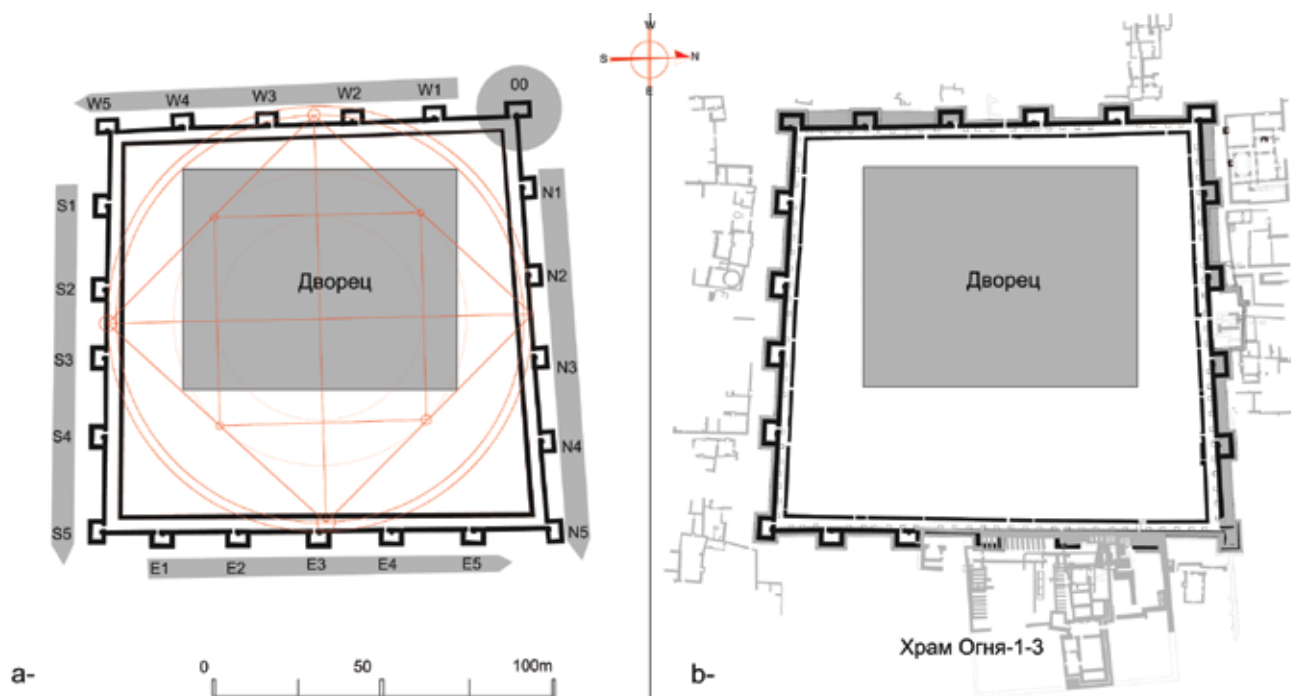

Рис. 1. Схема организации стен и башен кремля:

а – построение башен с нумерацией их по странам света группами «по пять»; б – схема футляров, прикладок и стен поздних ремонтов. Черным показаны первоначальные стены, серым – поздние футляры и ремонты

самые крупные из которых названы нами северным и южным обводами. Теменос или Южный Гонур – отдельно стоящий и более поздний комплекс «укрепленного храмового участка» (Сарианиди, 2008, с. 79) в виде ромбовидной в плане крепостной стены с круглыми башнями, расположенный в 200 м к югу от обводной стены Северного Гонура.

Несомненно, в планировочной структуре Сев. Гонура дворец правителя-жреца был самым священным и охраняемым комплексом с парадными залами, храмовыми комплексами, административными кварталами являлся и центром архитектурной композиции (см., например, его подробное описание: Сарианиди, 2002, с. 214 и след.). Поэтому дворец был защищен от внешнего доступа прежде всего крепостными стенами и башнями кремля. Рассмотрим их подробнее (рис. 1).

Особенности фортификационных сооружений кремля – ключевой элемент планировки всего центрального комплекса. Вот как их описывает В.И. Сарианиди в

своей посвященной Гонуру, «столичному городу страны Маргуш»:

«Это своеобразный кремль (120×115 м) с мощными оборонительными стенами и прямоугольными угловыми башнями. Изнутри их связывали длинные обводные коридоры. В наружных стенах были сделаны стрельчатые амбразуры, служившие для стрельбы из лука в случае нападения или осады. Центральный въезд в кремль располагался в середине северного фасада. За ним – небольшая «дворцовая площадь» в окружении частных домов, в которых могла проживать дворцовая обслуга и солдаты гарнизона...» (Сарианиди, 2002, с. 214).

К амбразурам мы еще вернемся ниже, и архитектурную детализацию кремля начнем с его геометрии. Окружает дворцово-храмовый комплекс⁵ замкнутый периметр стен кремля, представляя в плане геометрическую фигуру, близкую к равносоставленной трапеции, верхнее основание которой – это западная стена, а нижнее основание – восточная. На чертеже (рис. 1) видно несколько

⁵ См. подробное описание дворцовых сооружений в нашей предыдущей публикации: Артемьев, Урманова, 2010, с. 186 и далее.

ко интересных закономерностей, которые свидетельствуют о заранее продуманной древними строителями конфигурации плана кремля⁶.

Чертежи археологических планов обычно принято изображать ориентированными верхом на север. Чтобы нагляднее понять, как появилась именно такая форма трапеции кремля, его чертеж нами сориентирован верхним полем на восток⁷. Также обратим внимание на ориентацию и количество прямоугольных башен и входов в них на каждой стороне трапеции кремля. На чертеже показано, что северо-западная угловая башня, обозначенная 00, является своеобразной точкой отсчета, условным началом разбивки всего плана при строительстве стен кремля. Серыми стрелками показаны направления последовательности возведения башен и куртин⁸ группами по 5 одинаковых («типовых»), обозначенными нами латиницей по странам света N5, E5, S5, W5⁹. Такой способ построения наглядно объясняет появление формы трапеции, у которой нижнее, более длинное, основание содержит 6 куртин и кажущуюся «странной», на первый взгляд, ориентацию башен. Ранее нами отмечалось, что среди находок на поселениях древней дельты Мургаба есть примеры счета группами «по пять» с некоей сакральной функцией¹⁰.

Такие масштабные работы, не говоря уже о правильной геометрии их построения и точной ориентировке по странам света, были бы невозможны без наличия у гонурцев некоей «счетной письменности»... Автор убежден в ее существовании, например, в виде глиняной таблички, на которой были начертаны основы геометрического построения кремля и расположенного внутри дворца.

Вернемся к крепостным стенам кремля. Они состоят из наружного массива толщиной 123 см и внутреннего — толщиной 94 см. Между ними расположен обводной коридор шириной 230 см, который непрерывно охватывает весь периметр кремля, имея множество проемов-выходов во внутреннее пространство кремля, а также входы в каждую из двадцати одной башню, и только четыре выхода наружу, по одному на каждой стороне кремля. Причем все выходные проемы трудно назвать крепостными воротами, т.к. в ширину они не превышают 80 см, т.е. узкие входные проемы как бы препятствовали проникновению внутрь кремля верхового или гужевого транспорта. Стены башен, так же как и стены кремля, имели толщину 123 см, камера была прямоугольной (средние габариты 5,5×2,8 м), всегда примыкая длинной стороной к стене кремля. Как уже отмечалось, все башни соединялись между

⁶ План дворца и кремля настолько продуман, что не вызывает сомнений его предварительное начертание в виде чертежа-проекта. Как он был изображен, мы не знаем, но важно, что многие детали указывают на существование в руках строителей чертежа, подробнее эта гипотеза освещена нами ранее: Артемьев, Урманова, 2010, с. 185.

⁷ Напомним, что именно направлению на восток, точки весеннего равноденствия, придавали особое значение строители зороастрийских храмов.

⁸ Куртина в фортификации — это часть крепостной стены между соседними башнями

⁹ От слов Nord—север, East—восток, South—юг и West—запад

¹⁰ Подробнее о счете «по пять» см.: Артемьев, Урманова, 2010, с. 182. Забегая вперед, можно добавить, что «особая» северо-западная башня 00 (или № 21 в других публикациях) расположена в непосредственной близости от комплекса Царское святилище, которому гонурцы придавали особое ритуальное значение (что неоднократно подчеркивал В.И. Сарияниди), вполне могла стать точкой отсчета при построении «трапеции кремля». Ориентация «трапеции» по точной оси ее симметрии запад-восток, т.е. на точку весеннего равноденствия, имеет логичное объяснение сакральностью этого события, которое отмечается народами Востока с древнейших времен как начало очередного года (Навруз). Заметим, что и некоторые группы алтарей Гонура, в т.ч. ряд алтарей Храма огня, имеют такую же ориентацию.

собой обводным коридором, обеспечивая связь защитников в случае опасности. Предполагается, что первоначальная высота стен кремля могла достигать 6–7 м. Небольшая сохранность стен и башен на высоту (в самом высоком месте) чуть более 2 м от поверхности такыра, служившего основанием для строительства почти всех сооружений Северного Гонура, дает немного информации о архитектурном облике кремля, поэтому обнаружение при раскопках так называемых «амбразур» — треугольных отверстий во внешних стенах кремля — деталь, на которой следует остановиться подробнее.

Стены, башни, куртины, обводной коридор — элементы кремля, указывающие на его защитные функции, были дополнены уникальной архитектурной деталью — так называемыми «амбразурами», сохранившимися до настоящего времени. В сооружениях этой эпохи, нигде более на территории Мургабского оазиса такой архитектурной детали пока не было найдено. Однако, как настоящие амбразуры или бойницы¹¹ эти отверстия менее всего подходят для стрельбы. Их узкие, всего до 25 см в основании треугольные каналы пронизывают более чем метровую толщу крепостной стены и расположены на высоте всего 1,10 м от древнего пола. Легко убедиться, что при такой конфигурации угол обзора через эти узкие каналы составит не более 8 градусов, а стрелок, чтобы прицелиться, должен встать на колено или неудобно пригнуться. Общее количество обнаруженных археологами «амбразур» 48¹². Они расположены в куртинах по восточному фасу S5-E1 — 10 единиц; E1-E2 — 14 единиц; в куртинах по западному фасу 00-W1 — 13; W4-W5 — 7; в куртине

по северному фасу N3-N4 — 3; в башнях S4 — 2; N3 — 3 (рис. 1а). Можно предположить, что это световые проемы для естественного освещения обводного коридора и башен. Но и эта версия неубедительна, т.к., как было отмечено исследователями, почти все «амбразуры» через некоторое время после строительства стен были просто прикрыты дополнительными прикладками во время последующих ремонтов, самый крупный из которых «после большого пожара»¹³ завершился возведением наружных футляров по всему периметру кремля и закладкой некоторых куртин сплошным кирпичным массивом. При этом многие «амбразуры» были просто замурованы во время возведения футляра вокруг стен кремля. Тогда же появились и контрфорсы в обводных коридорах, дополнительно поддерживающие наружную стену кремля. Эти контрфорсы закрывают часть «амбразур», как бы игнорируя их назначение.

Установлено, что практически все куртины северного фаса оказались замурованными, а центральная, с северным входным проемом, была ограждена дополнительной стеной (рис. 1б). Это было сделано случайно, можно предположить, что северный фас был просто надстроен, для чего гонурцам пришлось замуровать и засыпать все башни N1-N5, организовав в них второй уровень помещений, не сохранившихся до наших дней. Такие обширные забутовки были вызваны не только возможными военными приготовлениями. Есть неоспоримые признаки того, что поверхность такыра, являющегося естественным основанием для гонурских построек, начала деформироваться просадками уже вскоре после строительства, что особенно заметно на восточном крыле северного фаса крем-

¹¹ Амбразура (фр. *embrasure* — *бойница*) — отверстие в крепостной стене для ведения стрельбы во время боя.

¹² При описании нами использовались обмеры 2007 г., проведенные до реставрации западного фасада кремля в 2010 г.

¹³ «Прошло какое-то время после большого пожара, внешние кремлевские стены стали понемногу ветшать, поэтому все они по всему внешнему периметру были «одеты» в кирпичный футляр» (Сарианиди, 2005, с. 58).

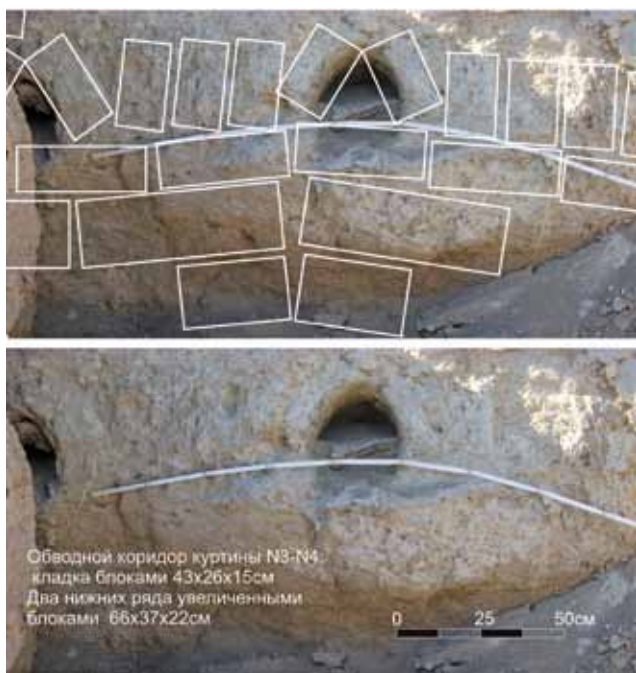

Рис. 2. Деформация кирпичной кладки стены кремля вследствие просадок (фрагмент обводного коридора в куртине N3-N4). Мерной линейкой показана линия деформированных горизонтальных швов кирпичной кладки

ля. На рис. 2 зафиксировано место, где наглядно видны деформации горизонтальных

рядов кирпичной кладки. Мы видим внутреннюю поверхность стены куртины N3-N4, на которой сохранились бывшие «амбрауры», замурованные снаружи ремонтными массивами. Их гонурцы были вынуждены возвести из-за угрожающих просадок этого участка стены, хорошо видимых на представленном фото. Здесь также обращает на себя внимание любопытный архитектурный прием организации проемов «амбраур» – кирпичная кладка на их уровне выполнена из ряда вертикальных блоков, положенных «на ребро»¹⁴. Можно предположить, что древним мастерам так было удобнее сохранять порядовку кладки при организации отверстий «амбраур», перекрытых двумя кирпичами «треугольником». Однако было обнаружено, что, независимо от наличия «амбраур», этот вертикальный ряд в кладке опоясывает весь периметр стен кремля внутри его обводного коридора и башен (рис. 3, 4). Это обстоятельство неожиданно привело нас к подтвержде-

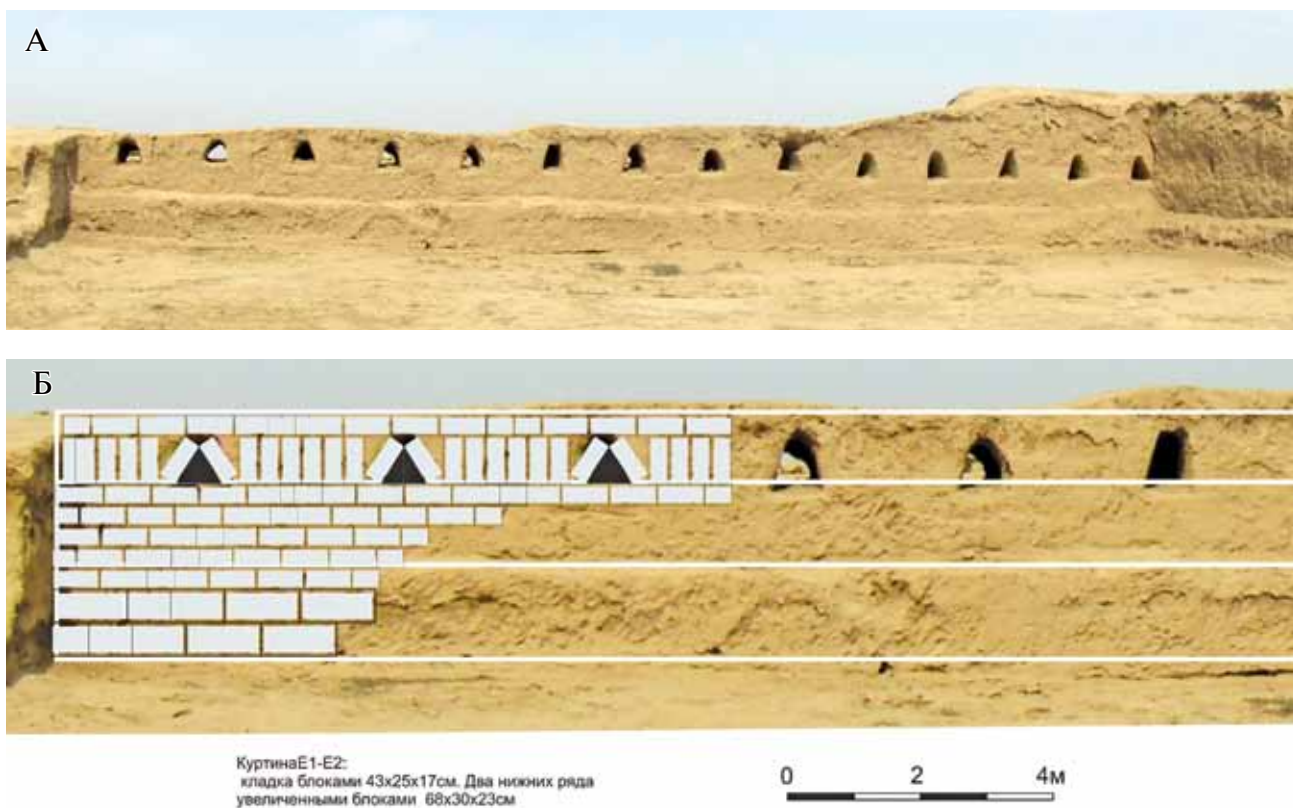

Рис. 3. Сохранившиеся «амбрауры» кремля в куртине S5-E1, фото и реконструкция кирпичной кладки. А – существующие; Б – реконструкция

¹⁴ Этот прием в восточной архитектуре носит название «дандана», от перс. «ряд зубов» и был весьма распространен, в частности для укрепления пяты сводов, завершения парапетов, ступеней и т.п.

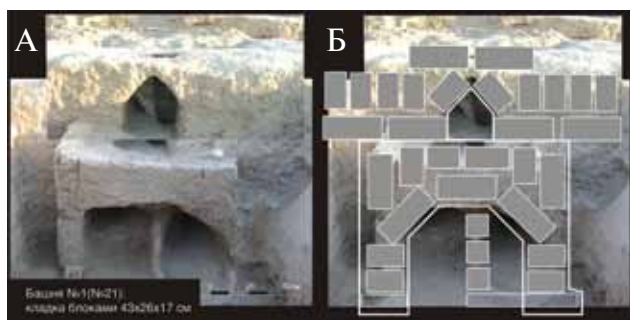

Рис. 4. Ритуальная двухкамерная печь башни N1 (№21), фото и реконструкция кладки камеры.
А – существующее состояние; Б – реконструкция

Рис. 5. Схема построения ложных сводов кремля на основе сохранившегося фрагмента

Рис. 6. Реконструкция ложного свода обводной галереи кремля

нию предположения, высказанного еще в предварительной публикации (Артемьев, Урманова, 2010, с.184, рис. 8) – обводные коридоры и башни кремля были перекрыты примитивными ложными сводами.

В куртине S2-S3 был обнаружен фрагмент нескольких рядов напуска кладки ложного свода, «законсервированный», благодаря приложенному контрфорсу галереи. Это позволило выполнить реконструкцию пяты свода (рис. 5). Стены кремля завершались, скорее всего, валгангом¹⁵, с уровня которого осуществлялась оборона, и этот уровень был организован именно безраспорными сводами, получаемыми простым напуском кирпичной кладки (рис. 6). Эта гипотеза и получила подтверждение при обнаружении упомянутого ряда вертикальных кирпичей, поскольку здесь, как правило, и начиналась пята предполагаемого свода. Подобный прием для укрепления пяты свода строители применяли на протяжении многих веков. Ложные своды непрочны, поэтому перекрытие ими обводного коридора (галереи) и башен кремля оказалось, скорее всего, недолговечным и вскоре обрушилось, в том числе, и вследствие указанных выше просадок фундаментов. Обрушившиеся своды, по-видимому, вскоре были заменены деревянными балочными перекрытиями, следы которых в виде упавших и сгоревших бревен были зафиксированы археологами при раскопках галереи кремля (Сатаева, 2012, с. 63).

Следующий элемент городской фортификации, представляющий вторую¹⁶ линию обороны – так называемое каре – появился, вероятно, из-за плотной застройки вокруг кремля, которая явно снизила его обороноспособность. Каре представляет собой замкнутый периметр стен до метра толщиной, также усиленных башнями, замыкал городское пространство вокруг кремля, повторяя его трапециевидный контур, в

¹⁵ Дословно «проход по валу»(нем.). Завершающий уровень крепостной стены, защищенный, как правило, зубчатой оградой

¹⁶ Последовательность линий обороны перечислена по времени их возведения: 1 – кремль, 2 – каре, 3 – обводная стена.

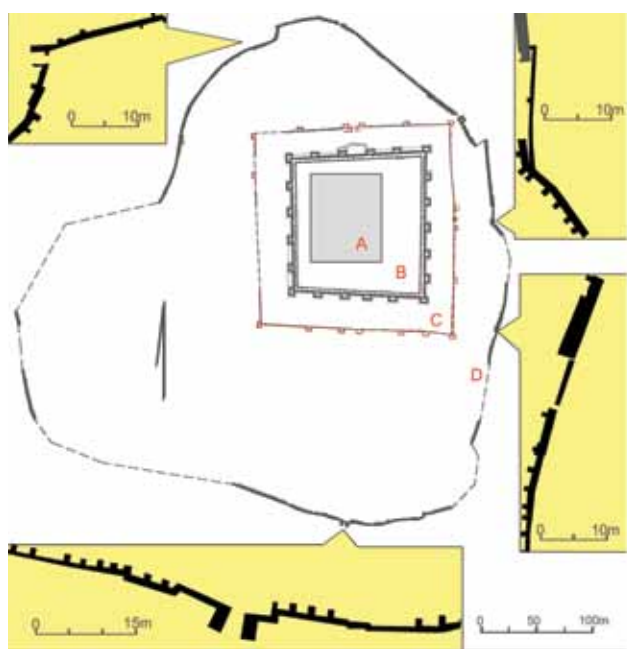

Рис. 7. Схема фортификации Северного Гонура: А. Дворец В. Кремль С. Каре D. Обводная стена

котором располагались весьма значимые для гонурцев сакральные комплексы (в т.ч. Царское святилище, Храм огня, Храм жертвоприношений и др.). Каждая сторона каре также имела по центру входные ворота, из которых *in situ* сохранились северные, южные и восточные. Причем северный вход в каре сохранил не только фланкирующие его башни, но и предвратные помещения, что свидетельствует о значимости этого укрепления в какой-то период городской деятельности. Но затем и эта линия обороны по мере разрастания застройки, была поглощена зданиями, а некоторые башни даже превращены в помещения бытового назначения. За пределами каре, как уже упоминалось, появились кварталы плотной городской застройки различного хозяйственно-производственного назначения, бассейны для хранения воды, а также сооружения Царского некрополя (RN), огражденные третьей и последней линией обороны — так называемой обводной стеной (рис. 7).

Представляющая в плане овал неправильной формы эта обводная стена ши-

риной всего 0,9 м, на некоторых участках усиленная контрфорсами через каждые 2-3 метра, все-таки не может являться надежным оборонительным укреплением. Предполагается, что она не превышала 3-х метров в высоту и служила скорее некоей «храмовой» оградой, отделявшей священный город от внешнего мира. Раскопками выявлены крупные северный и южный фрагменты этой стены, протяженный фрагмент на восточной окраине и несколько небольших фрагментов с запада. Неизвестно, было ли ее строительство завершено, т.к., по-видимому, уже в процессе ее возведения периферийная застройка на западе вышла за отведенные обводной стеной границы¹⁷. Так, полевые работы 2012-2013 гг. выявили регулярную застройку и за пределами северной границы обводной стены (раскоп 19), так и западную периферию застройки (раскопы 12 и 16), что свидетельствует о неограниченном обводной стеной стихийном росте пригородной территории. Если внимательно посмотреть на детали обводной стены (рис. 7), то увидим, что она распадается на отдельные фрагменты разной толщины с контрфорсами разных параметров, расположенных то изнутри, то снаружи стены, а то и вовсе без контрфорсов. Это свидетельствует о достаточно длительном процессе возведения этого фортификационного сооружения, и несколько стихийном характере его формирования. Здесь следует упомянуть и об одной «странной» особенности трассировки этой обводной стены: если на западе она охватывает обширное пространство городской застройки, то с востока расширению Северного Гонура как будто мешает некое препятствие. Так обводная стена как бы прижимается к каре, почти вплотную примыкая к его северо-восточной башне (см. схему на третьей странице обложки). Таким ограничением, скорее всего, мог стать древний рельеф местности, т. е. проходивший здесь

¹⁷ Здесь, на западе, был обнаружен небольшой фрагмент обводной стены, никак не связанный с ее общим гипотетическим абрисом в виде овала (см. рис. 1)

когда-то откос поймы реки, одного из русел Мургаба. Будущие археологические исследования подтвердят или опровергнут эту гипотезу¹⁸.

Для завершения описания картины топографических особенностей планировки Гонур-депе следует упомянуть и обширную территорию на западе от городища, занятую исключительно погребениями и названную Большим некрополем.

Здесь же следует упомянуть о существовании открытых в последние годы поселений-сателлитов к югу от Гонур-депе, в 1,5 км расположен небольшой жилой комплекс с погребальными сооружениями (Гонур 20) и в 3,5 км — своеобразная загородная усадьба времени Гонур-депе (Гонур-21), предвительно описанные в публикациях (Сарианиди, Дубова, 2012, с. 39-44).

Важные выводы. Былая мощь фортификации кремля и каре в процессе расширения застройки была ослаблена различными периферийными сооружениями¹⁹. Следовательно, в период расцвета жизни на Гонур-депе гонурцы пренебрегали его обороноспособностью, ради уплотнения застройки вокруг кремля и каре. Таким образом, фортификация Гонура не несла особо важной оборонительной функции, однако, в значительной степени повлияла на формирование его застройки. Это обстоятельство подтверждает предположение исследователей о ненасильственном запустении и естественной гибели Гону-

ра, как и всей цивилизации Мургабского оазиса.

Поскольку все фортификационные сооружения Гонура возводились из сырцового кирпича, в заключении — несколько слов о свойствах и параметрах этого строительного материала. Во-первых, следует сказать о размерах²⁰ кирпича при длительном периоде его использования, что обусловлено не столько строительной традицией, сколько оптимальным весом блока, который колеблется в пределах 40-45 кг и может быть поднят и перенесен одним рабочим. Этот критерий и обеспечил неизменность размеров глиняного блока на протяжении нескольких веков строительной деятельности на Гонуре. При определении параметров плохо сохранившихся стен в раскопках, когда контуры конструкций едва намечаются в виде оплывшей массы, возможно, использовать предлагаемую автором систему модульных размеров стен. По этой методике следует считать истинные толщины стен, а также размеры простенков и проемов — кратными модулю кирпичной кладки. Модуль привязан к средним размерам используемого кирпича, а конкретно 47×29×17 см (соответственно длина, ширина и высота кирпичного блока с учетом размеров швов между блоками)²¹. Таким образом, использованные древними зодчими параметры стен кратны этому модулю и зависят только от сочетаний в кладке кирпичных бло-

¹⁸ Действительно, геодезические обмеры современного рельефа местности указывают на некоторое его понижение в северо-восточном направлении (в пределах полутора метров), что подтверждает и один из шурфов, заложенный несколько лет назад и выявивший гончарную печь, расположенную на глубине 2,35 м от древней дневной поверхности такыра, на котором возведен кремль.

¹⁹ Главное правило обороноспособности крепостных укреплений в наличии перед ними свободной зоны — открытого пространства, по которому будет передвигаться потенциальный противник. Естественно, постройки, примыкающие к оборонительным сооружениям, могут служить укрытием для противника или «мостиками» проникновения потенциальных нападающих. Однако, раскопками не найдено следов военного сражения или насильственного разрушения вскрытых сооружений.

²⁰ Специальные исследования разных фрагментов кремлевской стены показывают, что «неизменность размеров» относится к общим пропорциям кирпичей, но не к их абсолютным размерам, которые могут изменяться: 43-50×20-25×12-17 см — *Прим. ред.*

²¹ Для удобства расчета модульных стен приведенные размеры даны с учетом половины толщины горизонтальных и вертикальных швов. На Гонур-депе средние размеры кирпичного блока составляют 43х26х17см и обмерная статистика фиксирует отклонения от средних в пределах плюс-минус 2-3 см.

ков длиной 47 см и шириной 29 см. Приведем полученные нами данные. Размеры толщины стен Северного Гонура, привязанных в модулю кирпичного блока:

- 29 см — стены в «полкирпича» (наиболее тонкие)
- 47 см — стены в «один кирпич»
- 29 + 29 = 58 см
- 29 + 47 = 76 см — стены в «полтора кирпича»
- 47 + 47 = 94 см — стены в «два кирпича»
- 47 + 47 + 29 = 123 см
- 47 + 47 + 47 = 141 см — стены в «три кирпича» (наиболее толстые)

Эта расчетная толщина стен подтверждена контрольными измерениями наиболее сохранившихся частей кладки. Отклонения от истинных размеров и параметров не превышает 1-2%, что вполне допустимо для сырцовых кирпичных конструкций.

Судить о первоначальных размерах фортификационных (и других наиболее значимых) сооружений Северного Гонура можно по грандиозности зафиксированного археологами всего массива раскопок. Проанализировав параметры сохранившихся стен, а также предположительные назначение и высоту помещений комплекса, можно представить графическую реконструкцию комплекса Северного Гонура (рис. 8) Чтобы подчеркнуть грандиозный масштаб строительных работ на памятнике, приведем некоторые статистические

данные о трудозатратах на изготовление кирпичных блоков (табл. 1).

Приведенные выше итоговые цифры можно без преувеличения удвоить, поскольку следует добавить в расчет добычу и расходы глиняной массы на раствор и штукатурку. Надо учесть также многочисленные последующие ремонты и возведение новых сооружений, а также добавить расход глины на изготовление огромного количества гончарных изделий. Осмыслить и проанализировать масштабы добычи и использования глиняной массы на Гонур-депе предстоит будущим исследователям этого уникального памятника.

Таким образом, древними строителями было использовано свыше 60 тыс. кубометров глины и изготовлено более 2,5 млн. кирпичей. Для добычи такого количества глины потребовался бы карьер размерами 100×200м и глубиной до 3 м. Такими карьерами вполне могли бы служить выявленные археологами несколько бассейнов для хранения и использования воды, в т.ч. и так называемый Южный бассейн, по объему вполне «вмещающий» все сооружения кремля.

В заключение следует отметить, что собранный в настоящее время материал по комплексу открытых археологическими раскопками сооружений позволяет назвать целый ряд проблем, которые предстоит решать в будущем:

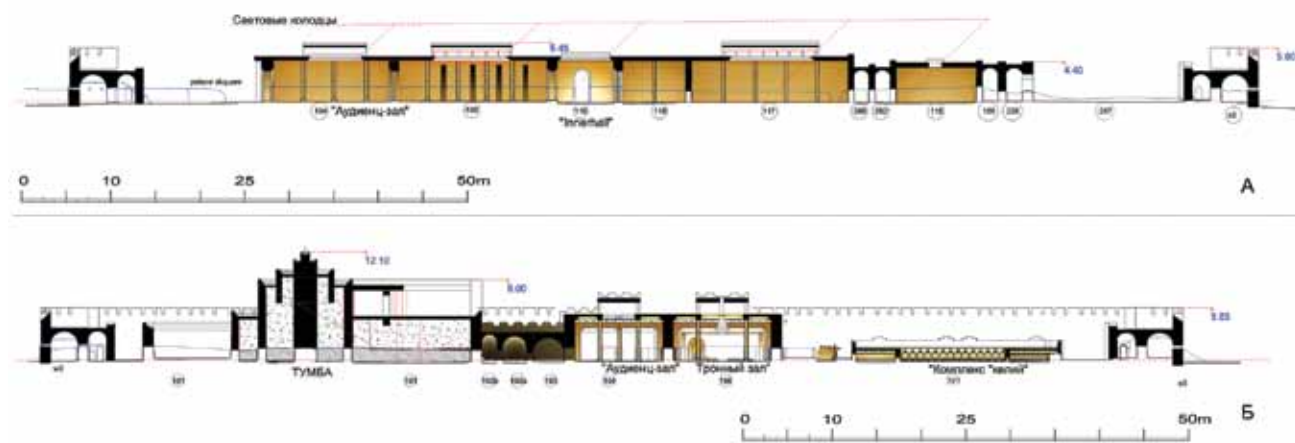

Рис. 8. Схемы графической реконструкции сооружений Северного Гонура: А. Сечение по линии Север-Юг; Б. Сечение по линии Запад-Восток

Таблица 1.

Ориентировочный подсчет масштабов добычи и расхода глиняного сырья на строительство основных сооружений Гонур-депе (не менее)

Сооружения Дворец	Параметры стен				
	Общая длина, м	Средняя ширина, м	Первоначальная высота, м	Объем, куб. м	Изготовлено кирпича, шт
	1560,00	1,00	5,00	7800,00	336 628
Кремль с учетом футляров	889,00	1,80	6,00	9601,20	414 363
Башни кремля, с учетом футляров	425,00	1,80	6,00	4590,00	198 092
Каре	707,00	0,90	4,00	2545,20	109 844
Башни каре	175,00	0,90	4,00	630,00	27 189
Обводная стена	1462,00	0,90	3,00	3947,40	170 360
Прочие сооружения Северного Гонура	5562,00	0,70	3,00	11 680,20	504 087
Теменос или Южный Гонур, фортификация	725,00	4,65	6,00	20 227,50	872 966
ВСЕГО:				61 021,50	2 633 529

1. Изучение объемно-планировочной дифференциации городского пространства Гонур-депе и, в частности, сети городских улиц

2. Эволюция архитектуры Гонур-депе:

- этапы сложения архитектуры северного входа в кремль;
- древние деформации и древние ремонты участков крепостной стены кремля;
- архитектура сводов башен и обводных коридоров кремля, на основании выявленных фрагментов и деталей;
- идентификация мест возможного расположения лестниц на второй уровень стен и башен кремля;
- графическая реконструкция наиболее полно сохранившейся башни №1 (в археологических отчетах она обозначена как башня № 21) кремля с ее уникальной ритуальной печью;
- исследование фортификации Теменоса, объяснение закономерности его «странной» ромбовидной формы в плане;

— графическая реконструкция 12-башенного форта Теменоса, как маркера архитектуры Маргианы позднего периода.

3. Уточнение параметров входов и подъемов на так называемые «песчаные комнаты», реконструированных нами в виде так называемых Высоких храмов (см.: Артемьев, Урманова, 2010, с. 194-198).

4. Дальнейшее исследование первоначального облика комплекса «келий» на раскопе № 5, и его аналога в виде так называемого Храма огня-3.

5. Изучение эволюции использования древней ирригационной системы, как важного градоформирующего фактора в существовании и гибели городища Гонур-депе.

6. Проверка гипотезы интерпретации «фильтра для очистки воды» вблизи Большого южного бассейна как гидротехнического сооружения.

7. Анализ глиняного теста для производства кирпичных блоков, как маркера датировки строительства на Гонур-депе.

8. Анализ применения гипса как связующего материала в строительстве на Гонур-депе.

В этой связи нельзя вновь не поднять вопрос о дальнейшей сохранности руин Гонур-депе, памятника мирового значения и о необходимости скорейшей разработки и утверждения генерального плана заповедной территории городища Гонур-депе, предусматривающего регулирование его практического использования и развитие туристической инфраструктуры на расчетный срок. Ежегодные наблюдения за деструктивными изменениями во внешнем

облике его архитектуры свидетельствуют об опасности необратимых потерь, происходящих с удручающим ускорением.

Общеизвестно, что процесс археологических раскопок – это процесс неизбежного уничтожения архитектурных элементов археологического объекта, т.к. его глиняные конструкции, будучи вскрытыми, начинают немедленно разрушаться на воздухе. Процесс естественного разрушения глиняных сооружений можно остановить только их непрерывной научной консервацией.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьев В.И., Урманова А.М. Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура // На пути открытия цивилизации. [ТрМАЭ. Т. 3]. СПб: Алетейя, 2010. С. 172-202
- Сарианиди В.И. Гонур Деде. Туркменистан. Город царей и богов. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2005. 327 с., илл.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2008. 341 с., илл.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 гг. // ТрМАЭ. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 29 – 55

Рис. 18 к ст. Дубовой и др. Каменные бусины из погр. 4551.

Рис. 22 к ст. Дубовой и др. Керамические изделия из погр. 4557.

Рис. 23 к ст. Дубовой и др. Каменные бусины из погр. 4557.

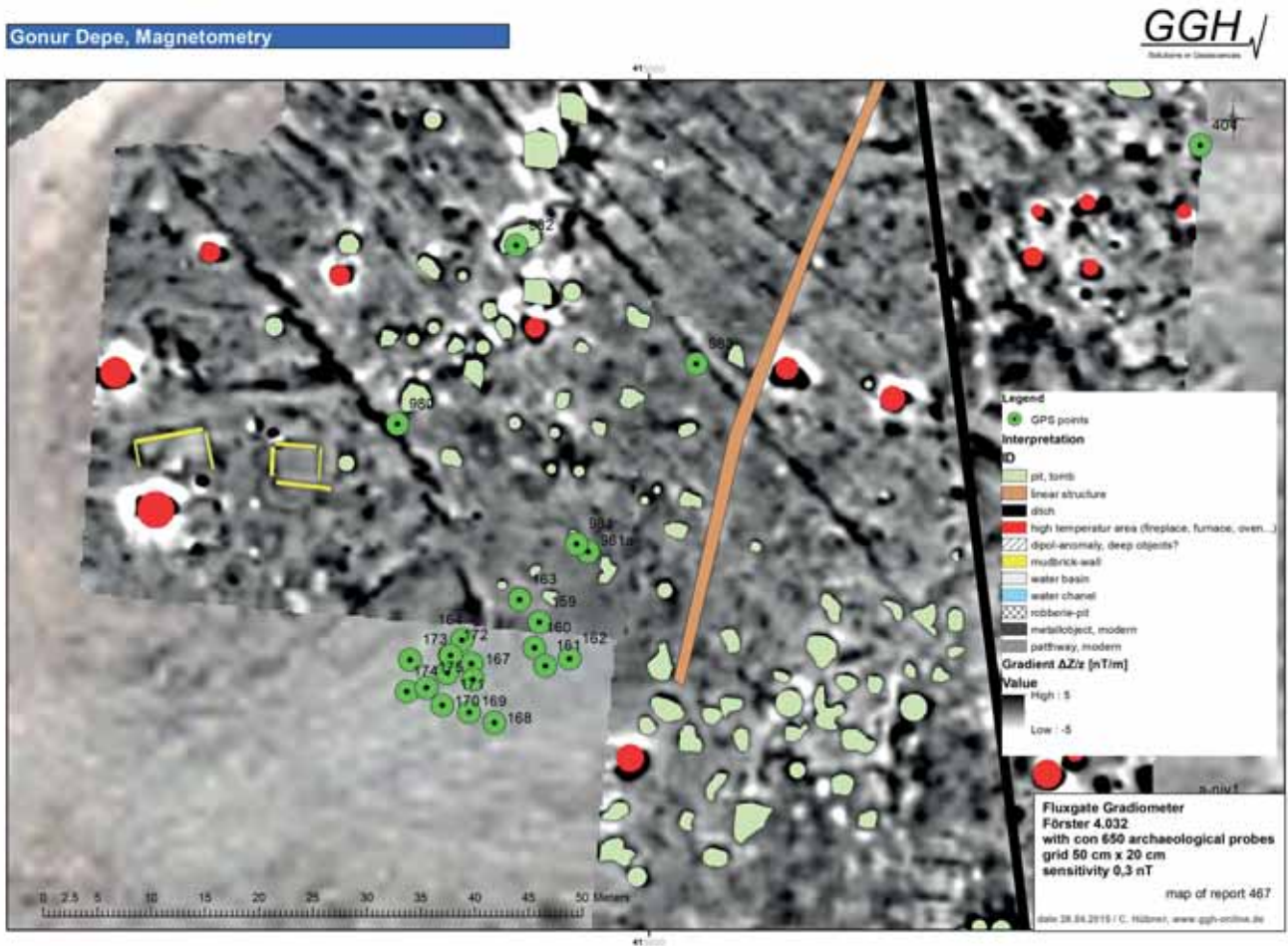

Рис. 30 к ст. Дубовой и др. Магнитограмма участка на юго-западе Гонур-депе (северный могильник на Раскопе 12; данные компании «GGH-Solutions GmbH в землеведении»).

Рис. 48 к ст. Дубовой и др. Кремневые наконечники стрел и две каменные биконические бусины из погр. 4597.

Рис. 101 к ст. Дубовой и др. Остатки деревянного предмета, покрытого алебастром с полихромной росписью в момент нахождения в погр. 78 на Гонур-20.

Фото 21 к ст. А.И. Гуткова. Сосуд 201.
Сосуд, покрытый сильножелезненным ангобом.

Фото 23 к ст. А.И. Гуткова. Сосуд 394. Гипсовая обмазка на внутренней поверхности сосуда.

Фото 25а к ст. А.И. Гуткова. Сосуд 588. Венчик образован загибом края, на внешней поверхности обмазка с включением растений.

Фото 25б к ст. А.И. Гуткова. Сосуд 555.
Венчик оформлен загибом края.

Фото 40а к ст. А.И. Гуткова. Сосуд 399. Трехслойный профиль сосуда, внешний и внутренний слои светло-зеленые, а средний – ожелезненный.

Фото 40б к ст. А.И. Гуткова. Сосуд 416.
Разноцветная послойность профиля.

Фото 41а к ст. А.И. Гуткова.
Сосуд 763. Профиль сосуда со слоями.

Фото 416 к ст. А.И. Гуткова. Сосуд 873.
Разноцветные слои в профиле черепка.

Фото 44 к ст. А.И. Гуткова.
Большой сосуд вверх дном с подставкой.

Фото 45 к ст. А.И. Гуткова.
Следы лоскутов на внешней поверхности подкоса сосуда.

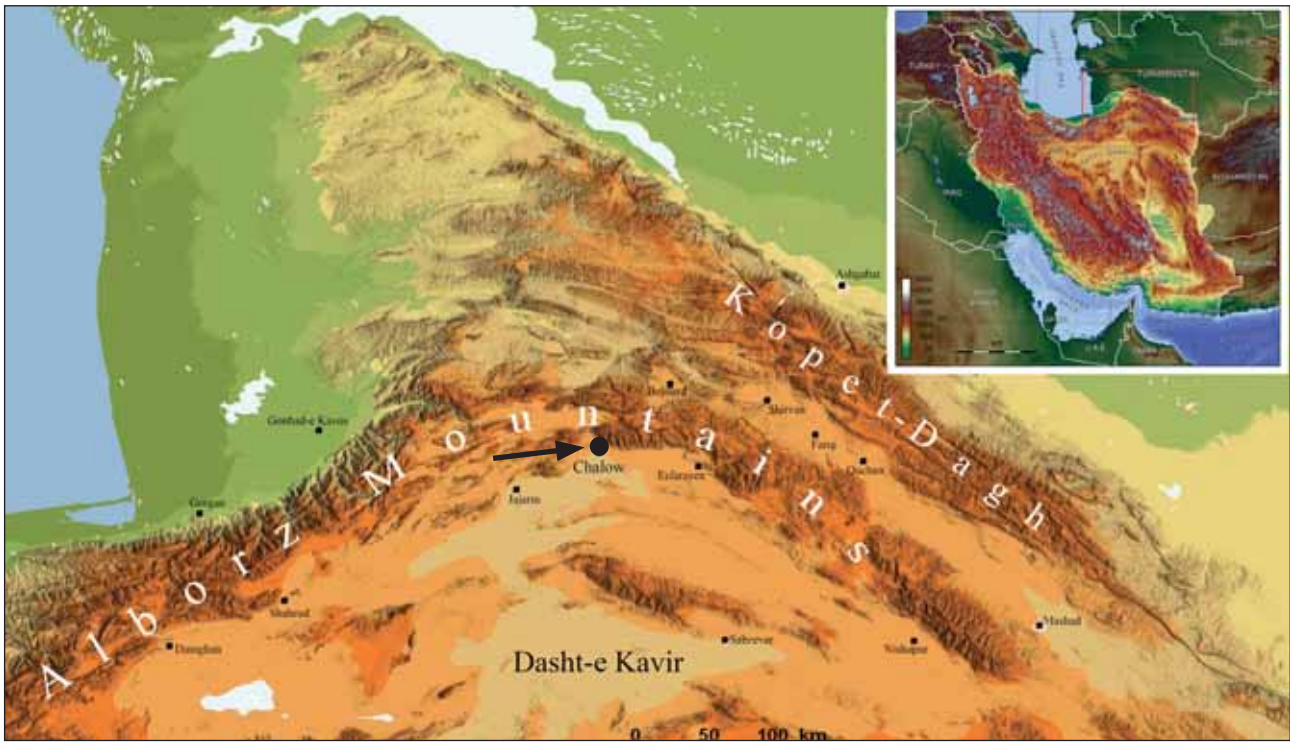

Fig. 3. for the article by A. Vahdati and R. Biscione.
 Map of northeastern Iran showing location of Chalow and the main geographical features of the region.

Fig. 3 for the article by A. Vahdati and R. Biscione.
 Chalcolithic/Early Bronze Age painted pottery from Tepe Chalow.

Fig. 16 for the article by A. Vahdati and R. Biscione.
 Polished grey ware found in association with the BMAC/GKC artifacts.

Fig. 21. for the article by A. Vahdati and R. Biscione.
 Chlorite cosmetic containers from BMAC/GKC burials of Chalow.

Гонур-депе, база Маргианской экспедиции. 12 мая 2018 г. Л.Б. Кирчо и В.Н. Орлов работают с керамическими изделиями

Гонур-депе, база Маргианской экспедиции. 8 мая 2018 г. Р.М. и Л.В. Сатаевы за работой с зооархеологическим и археоботаническим материалом.

Гонур-депе, Раскоп 18. 14 мая 2018 г. С.П. Грушин при расчистке погр. 4557.

Гонур-депе, база Маргианской экспедиции. 8 мая 2018 г.
Я.К.Тиркишова за камеральной обработкой фрагментов керамики.

Гонур 20. Раскоп 2. 11 мая 2019 г. А.В. Фрибус фотографирует погр. 78.

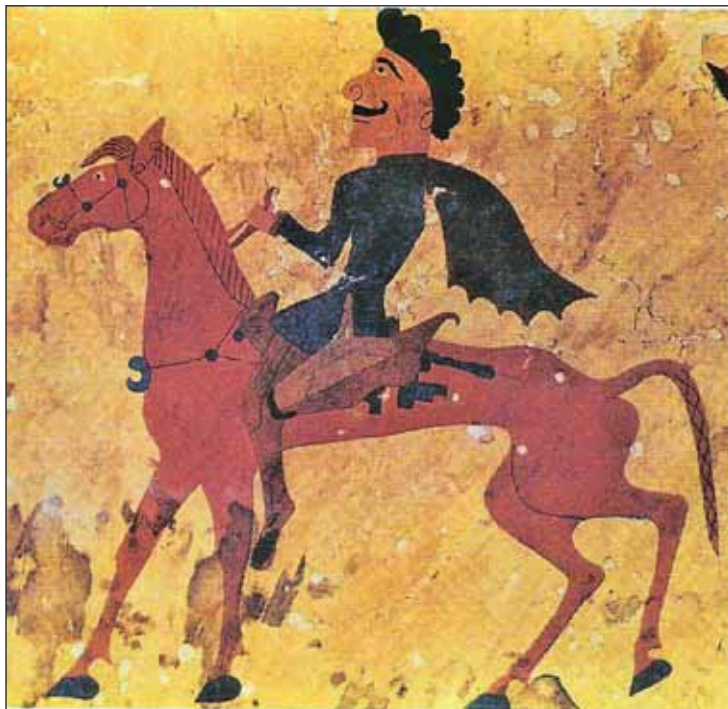
Гонур-депе, база Маргианской экспедиции. 19 мая 2019 г.
Группа рабочих перед завершением сезона.

К ст. Т.Н. Рябовой. Рамзес II в битве при Кадеше. Храм Абу-Симбел (ок. 1279—1213 гг. до н.э.). Египет, Нубия, в 285 км южнее Асуана, близ современной египетско-суданской границы.

К ст. Т.Н. Рябовой. Фрагмент стенки ларца из гробницы Тутанхамона с изображением колесницы (по: Пирогова, 2001)

К ст. Т.Н. Рябовой. Изображение всадника на древнейшем из обнаруженных ворсовых ковров (5-й Пазырыкский курган, раскопки С.И. Руденко). Пазырыкская культура V в до н.э. (Горный Алтай).

К ст. Т.Н. Рябовой. Современные ахалтекинцы. Жеребец Айгыр. Фото Ю. Кузнецовой.

К ст. Т.Н. Рябовой. Современные ахалтекинцы. Жеребец Тыкма Сердар. Фото Ю. Кузнецовой.

А.И. Гутков

Особенности изготовления гончарной керамики Теменоса Гонур-депе (Южный Гонур)

Описывается коллекция фрагментов керамических изделий, происходящих с Теменоса (Южного Гонура), состоящая из 901 изделия, по методике А.А. Бобринского. В качестве исходного сырья главным образом использовались ожелезненные глины, как в чистом виде, так и в смешанных рецептах. Вторым по распространенности исходным сырьем являлась зеленая глина (чаще других видов применялась в смешанных рецептах), а третьим — илистый глиноподобный материал с присутствием мельчайших речных моллюсков и продуктов их разрушения. Дана количественная оценка числа гончарных и лепных сосудов, разных производственных технологий, а также применения разных навыков оформления венчиков и заглаживания поверхности.

A.I. Gutkov

Peculiarities of manufacturing techniques of the pottery originated from Temenos of Gonur depe (South Gonur)

A collection of fragments of ceramic items originating from Temenos (South Gonur), consisting of 901 items is describing according to the method by A.A. Bobrinskij. Ferrous clays were mainly used as raw materials, both in pure form and in mixed recipes. The second most common starting material was green clay (more often than other types it was used in mixed recipes), and the third one was a silty clay-like material with the presence of the smallest river mollusks and their destruction products. A quantitative assessment of the number of wheeled and handmade vessels, using of different production technologies, as well as the use of different skills for manufacturing rims and smoothing the surface is given.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-143-179

Данная работа по исследованию технологии изготовления керамики теменоса Гонур-депе является одной из первых специализированных работ по этому вопросу по материалам Южного Туркменистана вообще и эпохи поздней бронзы в частности. Предварительный характер исследования определяет лишь постановку основных задач и проблем, впервые возникающих на примере керамики конкретного памятника этого региона.

Предметом исследования явилась гончарная керамика с обособленного участка Гонур-депе — Южного Гонура или Теменоса. Гонур-депе представляет собой дворцо-

во-храмовый комплекс конца III — II тыс. до н.э. Начало строительства Теменоса относится ко II тыс. до н.э. Его основным назначением, по мнению В.И. Сарияниди (1997, 2010), было изготовление священного галлюциногенного напитка и выполнение ритуалов, связанных с ним.

Исследование проводилось по материалам коллекции керамики, начало сбора которой относится к 1990-м годам. Основная часть (целые сосуды) хранится в Историко-краеведческом музее Марыйского велаята Туркменистана, а фрагменты — в полевых музеях на территории самого памятника. Всего была изучена серия в 901 сосуд.

Керамика Теменоса Гонур-депе на хранении в полевом музее на самом памятнике. В верхней части фото — венчики отдельных сосудов, в нижней части фото — фрагменты нижней части неустановленных сосудов.

Анализ керамики Теменоса Гонур-депе проводился по методике технологического исследования древней керамики, разработанной и апробированной на многочисленных археологических материалах А.А. Бобринским (1978). Здесь также укажем работу методического характера ученика и последователя А.А. Бобринского, Ю.Б. Цетлина, где он развивает и расширяет возможности методики на основе уже более современных результатов исследований (Цетлин, 2017).

Керамика предварительно мылась, риговалась (главным образом профиль сосуда), фотографировалась в нескольких проекциях (внешний вид, обратная сторона, профиль; при необходимости и сверху; особое внимание уделялось деталям изделий). Затем каждый сосуд обследовался под микроскопом МБС-1 с целью детализации технологической картины. Определялись ожелезненность, однородность или смешанный состав глины, из которой сосуд был изготовлен (концентраты глин), наличие естественных примесей (пылевидная слюда, мельчайшие раковины речного моллюска и др.). Выяснялись обстоятельства приведения глины в рабочее состояние (в

каком виде, сухом или влажном, вводилась глина в рабочий состав). Делались определения на предмет присутствия в формовочной массе искусственно введенных компонентов — пылевидного и мелкого песка (П1), органики, гипсовых включений.

Проведены наблюдения за особенностями обработки поверхности сосудов (заглаживание, использование ангоба, влажная затирка поверхности). По возможности определялись средства, использовавшиеся для обработки поверхности. К ним отнесены ткани растительного происхождения и твердые инструменты (изредка, как выяснено, использовались деревянные и каменные). Часто в качестве моделирующего инструмента и средства заглаживания выступала рука и пальцы гончара.

Особенности конструирования сосудов определялись по направленности течения глиняной массы в профиле сосуда и по самой поверхности сосуда. При изучении формообразования обращалось внимание на следы использования гончарного круга и на признаки применения форм-емкостей для изготовления нижних частей сосудов, как больших, так и более мелких.

На Теменосе присутствует как гончарная, так и ручная (лепная) керамика. Под гончарной керамикой понимаются изделия, изготовленные на гончарном круге (иногда ее называют кружальной или станковой). Под ручной керамикой понимаются изделия, произведенные методом скульптурной лепки отдельными порциями глины (лоскуты, жгуты и ленты), а также сделанные из одного цельного куска глины методом выдавливания.

Из всей коллекции изученной керамики 57 изделий (главным образом во фрагментированном состоянии) можно было отнести к определенному типу сосудиков со сливными носиками. Они, вероятно, использовались для разлива напитков во время общественных и обрядовых церемоний. Из особенностей данного типа керамики следует отметить, что носики сосудиков крепились в верхней трети (иногда четверти) высоты сосуда. Носики всегда делались на гладкой круглой основе (палочке?). Отверстия носика получались ровными практически на всю его длину. Носики чайников дополнительно еще формовались как на гончарном станке (прослеживаются четкие признаки обработки его на круге), так и вручную путем выдавливания пальцами достаточно правильной фигуры носика, однако следы поджатия пальцами оставались даже после его заглаживания (фото 1).

Как правило, носик с самим сосудиком соединяли не так тщательно, поэтому почти всегда оставались следы места соединения двух частей. Отверстие в стенке сосудика проделывали двумя способами. При первом способе отверстие производили уже с прикрепленным носиком, а при втором отверстие проделывали еще до соединения носика с телом сосуда (фото 2а, б). Протыкали отверстие в стенке сосудика либо изнутри сосудика (фото 3), либо со стороны самого носика (фото 4). При прикрепленном носике отверстие было удобнее готовить изнутри чайничка.

Из данной коллекции лишь два сосудика имели своеобразный носик. Его можно

назвать носиком-сливом, так как он был половинкой целого носика без верхней его части (фото 5) и крепился в самой верхней части сосуда.

Другие типы керамики обследованной коллекции не имели таких четких характеристик, как сосудики с носиком. Ведь, например, большие сосуды с большим диаметром венчика и сравнительно маленькие сосуды (так называемые сосуды с подкосом – всего 176 сосудов) имели практически одинаковую нижнюю придонную часть. Эта выделяющаяся придонная часть, как правило, была зашершавлена обильной подсыпкой мелкого и пылевидного песка (см., например, фото 6а, б).

Вначале исследовались сосуды крупных размеров с массивным и прямым верхом. Затем сосуды с открытым верхом меньших размеров. Среди них выделяется группа сосудов с относительно узким и невысоким горлом и шаровидным туловом. С технологической точки зрения представляет интерес группа сосудов с так называемым подкосом. Тщательные наблюдения показали, что именно эта группа сосудов наиболее тесно связана с ручной технологией. Это хорошо заметно на примере применения форм-емкостей и лоскутной технологии. Использование приема лоскутной технологии представлены главным образом в наиболее многочисленных группах керамики Теменоса (сосуды с подкосом – 176 экземпляров; типа хумча открытого типа – 181, шаровидные сосуды закрытого типа с узким горлом – 458). Кроме того, удалось выяснить, что довольно часто на таких сосудах в месте перехода подкоса в тулово (максимальное расширение сосуда) видны следы складок ткани. Они чаще всего затерты, сглажены, однако на отдельных образцах вполне уверенно читаются (фото 7а, б). Употреблялись ткани из растительных нитей. Причем, есть основания утверждать, что это были хлопковые нити. Впечатление усилилось, когда были просмотрены сотни сосудов из Теменоса (фото 8а, б). При обработке поверхности сосудов

способом заглаживания также употреблялись подобные ткани.

На некоторых образцах (фото 7а, 9а, б, 10а, б) отмечены статические отпечатки и горизонтальное заглаживание. Уверенности добавили наблюдения под микроскопом корочки хлопка с местной плантации и экспериментальное заглаживание хлопковым волокном поверхности влажной глиняной заготовки. В дальнейшем необходима серия экспериментов с местными глинами и разных способов применения хлопкового волокна, как для подготовки самого теста, так и при заглаживании глиняных изделий. Наиболее выразительные примеры заглаживания тканью растительного происхождения отмечены примерно на 20-ти сосудах. Кроме этого имеются несколько десятков сосудов, на поверхности которых имеются статические отпечатки ткани или короткие мазки ткани, скорее случайного характера (например, см.: фото 11а, б, 12а, б). В качестве приема обработки поверхности отмечено обстругивание отдельных зон сосуда (например, см.: фото 13 а,б). Этот прием отмечен и при переходе подкоса в тулово.

Последствия лоскутной технологии проявляются даже при изготовлении сосудов на гончарном круге (фото 14а, б, 15 а, б). На некоторых единичных сосудах гончарного производства имеются следы внешне хаотичного (слоистого) растрескивания стенок сосуда. Однако при более внимательном взгляде выясняется, что это проявление остатков навыков лоскутной технологии. Ведь для изготовленных на гончарном круге сосудов даже в случае, если сосуд изготавливался из нескольких порций глины (особенно при конструировании больших сосудов), то течение формовочной глиняной массы всегда ровное и пластичное. И одна порция добавленной глины плавно и без резких переходов, тем более без пустот, переходит в другую порцию при возведении стенок сосуда (фото 16).

При обработке поверхности отмечены следы пальцев. Случайные статические отпечатки пальцев могли получаться при

перемещении уже готовых изделий. Но более характерными являются случаи сознательного моделирования формы сосудов и заглаживание их поверхности ладонью и пальцами (фото 17а, б, в).

Заглаживание твердым инструментом отмечено в пяти случаях (фото 18а, б, 19 а, б, в). В одном случае имеется подлощенность каменным инструментом.

На сосудах представленной коллекции отмечено знание навыков использования грунтовочного направления в обработке поверхности сосудов. Это был один из самых распространенных здесь приемов – способ ангобирования поверхности сосудов. Наиболее ярко в визуальном плане ангоб представлен на сосудах с нежелезненным ангобом (фото 20а, б). Часть сосуда имела сильноожеженный ангоб (фото 21). В коллекции представлены сосуда, покрытые ангобом различной степени ожеженности.

Считается, что первоначально ангобирование применялось в тех случаях, когда население вместе с гончарами перемещалось на новые места жительства и там не обнаруживались те глины (по качеству, цвету, пластичности), которые были известны в родных местах. В подобных случаях гончары свои изделия из местной глины окрашивали жидкой глиняной эмульсией, похожей по цвету на глину с мест переселения. С носителями традиции использования сильноожеженного ангоба связаны сосуды, на которых присутствует орнамент из сильноожеженной суспензии (тонкого воднодисперсионного раствора). Это – фактически тот же ангоб, только применяемый не на всей поверхности сосуда, а лишь в части нанесения орнамента (Бобринский, 1978, с. 213-222).

К специфике данной коллекции керамики следует, видимо, отнести и наличие гипсовой обмазки на поверхности сосудов. На дне внутри главным образом крупных сосудов отмечена толстая обмазка гипсом. Многослойная внутренняя обмазка дна прослеживается с арматурой из тонких ветвей какого-

Фото 1. Сосуд 14. Следы пальцевого поджатия при креплении носика к основе сосуда. Здесь и далее номера сосудов условны и соответствуют только единой описи изученной коллекции, составленной автором.

Фото 2а. Сосуд 44. Вид отверстия под носик на внутренней поверхности сосуда, сделанного изнутри.

Фото 2б. Сосуд 44. Способ крепления носика.

Фото 3. Сосуд 19. Отверстие под носик сделано снаружи. Вид с внутренней стороны.

Фото 4. Сосуд 22. Отверстие для носика сделано снаружи.

Фото 5. Сосуд 56. Носик-слив

Фото 6а. Сосуд 66. Следы подрезания кромки перехода подкоса в тулово, слабые отпечатки растительной ткани на подкосе.

Фото 6б. Сосуд 218. Ошершавливание подкоса песком.

Фото 7а Сосуд 219. Отпечатки тонкой растительной ткани в месте перехода подкоса в тулово.

Фото 8а. Сосуд 225. Смазанные следы складок ткани на границе ошершавленного мелким песком подкоса.

Фото 8б. Сосуд 227. Складки и отпечатки растительной ткани на подкосе, следы лоскутной технологии.

Фото 9а. Сосуд 490. Заглаживание венчика тонкой растительной тканью.

Фото 11а. Сосуд 286. Следы мазка тканью по стенке сосуда.

Фото 11б. Сосуд 380. Отпечаток тонкой растительной ткани на стенке сосуда.

Фото 12а. Сосуд 427. Мазок растительной тканью на внутренней поверхности сосуда.

Фото 12б. Сосуд 476. Следы заглаживания тканью и смазывания тонкими растительными волокнами.

Фото 13а. Сосуд 150. Обстругивание с ритмическими насечками на месте соединения подкоса с туловом сосуда.

Фото 13б. Сосуд 153. Грубоватое обстругивание придонной части сосуда (подкоса).

Фото 14а. Сосуд 152. Концы лоскутов в профиле гончарного сосуда.

Фото 14б. Сосуд 211. Лоскутный налп подкоса.

Фото 15а. Сосуд 528. Особенности разрушения сосуда вследствие применения лоскутной технологии.

Фото 15б. Сосуд 532. Последствия лоскутного налпа.

Фото 16. Сосуд 154. Соединение двух частей сосуда, подкоса и тулова.

Фото 17а. Сосуд 269. Следы пальцевого смазывания на внутренней поверхности сосуда.

Фото 17б. Сосуд 276. Следы пальцевого заглаживания на внутренней поверхности сосуда.

Фото 17в. Сосуд 635. Отпечатки и вдавления пальцев гончара на поверхности сосуда.

Фото 18а. Сосуд 487. Заглаживание внутренней поверхности венчика твердым гладким инструментом (дерево?).

Фото 18б. Сосуд 517. Заглаживание твердым гладким инструментом по тонко-дисперсному слою сильноожезненного ангоба.

Фото 19а. Сосуд 589. Мазок краем твердого инструмента овальной формы на внутренней поверхности сосуда.

Фото 19б. Сосуд 618. Заглаживание внешней поверхности сосуда деревянным инструментом.

Фото 19в. Сосуд 735. Заглаживание внешней поверхности сосуда твердым инструментом.

Фото 20а. Сосуд 200. Отслоения ангоба на внутренней поверхности сосуда.

Фото 20б. Сосуд 700. Неожелезненный ангоб по сильноожезненной основе сосуда.

Фото 22а. Сосуд 263. Гипсовая обмазка на внешней поверхности сосуда.

Фото 22б. Сосуд 314. Гипсовая обмазка на внешней поверхности сосуда.

Фото 24а. Сосуд 352. Хум с плечиком и остатками глиняной обмазки.

Фото 24б. Сосуд 362. Оформление венчика перегибом края.

Фото 26а. Сосуд 438. Венчик образован загибом края.

Фото 26б. Сосуд 538. Оформление венчика загибом края, разноцветная послойность профиля черепка.

Фото 27а. Сосуд 583. Неполный загиб края венчика.

Фото 27б. Сосуд 586. Оформление венчика неплотным загибом края, реликты лоскутной технологии в профиле сосуда.

Фото 28а. Сосуд 573. Венчик образован неполным загибом края и с внутренней пустотой, разноцветная послойность в профиле сосуда.

Фото 28б. Сосуд 669. Венчик образован загибом края с внутренней пустотой.

Фото 29а. Сосуд 386. Венчик оформлен загибом края с внутренней пустотой, разноцветная послойность в профиле..

Фото 29б. Сосуд 393. Венчик оформлен дополнительной порцией глины, о чем свидетельствует горизонтальная пустота.

Фото 30а. Сосуд 273. Соединение частей сосуда, разноцветная послойность в профиле.

Фото 30б. Сосуд 291. Соединение частей сосуда в профиле.

Фото 30в. Сосуд 302. Следы соединения частей сосуда на внешней поверхности.

Фото 31а. Сосуд 356. Грубое сетчатое ошершавливание поверхности венчика перед заглаживанием.

Фото 31б. Сосуд 400. Сетчатое ошершавливание венчика перед заглаживанием.

Фото 32а. Сосуд 534. Сетчатое ошершавливание венчика перед нанесением аногоба.

Фото 326. Сосуд 599. Сетчатое ошершавливание железной основы сосуда перед ангобированием.

Фото 33. Сосуд 271. Утолщенный профиль сосуда из-за двуслойности, разноцветная послойная окраска профиля.

Фото 34. Сосуд 169. Волнистый срез венчика.

Фото 35. Сосуд 609. Неровное оформление воротничка венчика.

Фото 36. Сосуд 286. Следы лоскутной технологии в разломе.

Фото 37. Сосуд 231. Слабые признаки лоскутной технологии подкоса.

Фото 38. Сосуд 417. Обмазка внутренней поверхности венчика глиняным раствором с мелко измельченными растениями.

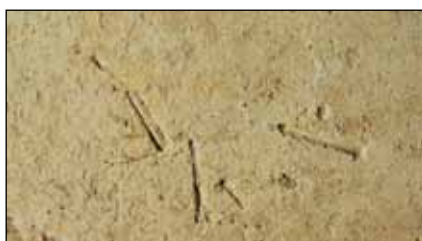

Фото 39. Сосуд 567. Отпечатки измельченных травянистых растений на внешней поверхности сосуда.

Фото 42. Фрагмент сосуда, в тесте которого присутствует раковина мелкого моллюска (3-4мм).

то мелкого кустарника. В наших случаях обмазка гипсом фиксируется в виде заплаток в верхних частях сосуда, главным образом на внешней поверхности. Лишь на единичных сосудах обмазка находилась на поверхности внутри венчика (фото 22а, б, 23). Гипсовая обмазка свойственна главным образом сосудам достаточно крупных размеров и возможно служила для некой их маркировки. В.И. Сарияниди при описании керамики Теменоса Гонура отмечал сосуды, обмазанные изнутри на дне несколькими слоями гипса. По его предположению это было связано с процессом отмачивания в них растений, употребляемых для приготовления особых напитков (Сарияниди, 1997, с. 154).

При конструировании сосуда обращалось внимание на оформление венчика, на соединение отдельных частей сосуда.

Большие хумообразные сосуды, как правило, имели венчики с усиленным воротничком. Эти воротнички, по нашим наблюдениям, формировались следующим образом. Верхний край готового уже сосуда заворачивался наружу и достаточно плотно прижимался к стенке сосуда на необходимую по стандартам данной культуры высоту. Край загнутого венчика прижимался либо инструментом, либо поджимался рукой таким образом, чтобы получился четко оформленный воротничок (фото 24а, б, 25а, б, 26а, б, 27 а, б). Интересно отметить, что иногда при таком загибе и поджатии внутри загиба оставались пустоты (фото 28а,б). Дополнительной порцией глины были оформлены венчики только четырех сосудов (фото 29 а, б). На ряде сосудов отмечены признаки соединения отдельных частей сосуда (фото 30а, б, в).

На значительной части сосудов, что само по себе говорит о существенной традиции местного гончарства, отмечен специальный прием придания поверхности «сетчатого неровного вида». Сетчатость наблюдалась двух видов: размером 2-3 мм и размером 3-4 мм (рис. 31а б, 32а, б). Этот прием применялся как подготовительный этап для более плотного заглаживания. Видимо, для лучшего

сцепления обмазки с поверхностью сосуда. Имеются основания предположить, что данный прием чаще всего сочетается с ангобированием поверхности сосуда. Иногда по сетчатой ожелезненной основе сосуда наносится тонкий слой неожелезненной глины, а завершается процесс ангобированием внешней поверхности. Для подтверждения систематичности данного явления необходимы дальнейшие наблюдения. Однако предварительно все же сделаем предположение о том, что отпечатки мягкого «сетчатого» материала больше подходят отпечаткам рубца желудка животных. Судя по зооархеологическим данным древнее население разводило разные виды домашних животных, среди которых крупный рогатый скот, овца, коза, двугорбый верблюд. Разные по размерности «сетчатые» отпечатки, скорее всего, соответствуют рубцу желудка мелких и более крупных животных.

На основе просмотра представленной серии сосудов у нас сложилось представление, что часть коллекции (примерно 150 сосудов, на которых указанные ниже признаки представлены наиболее выразительно) подпадает по своим признакам к разряду сосудов со смешанными технологическими традициями. Безусловно, относить это обстоятельство на счет притока какого-то инородного населения пока нет достаточных оснований. Ведь в эту группу могли попасть сосуды учеников-подмастерьев, проходивших обязательный курс обучения профессиональному мастерству.

Теперь перечислим признаки этой группы.

- Имеются единичные экземпляры сосудов с неравномерной толщиной стенок по вертикали, то есть там, где этого не должно быть (фото 33). Наиболее выразительно подобное явление представлено на 88 сосудах группы открытых сосудов с подкосами и группы шаровидных сосудов с узким горлом;
- на единичных сосудах отмечена также неодинаковая толщина стенок даже на одном горизонте, на одном уровне;

- сильные пальцевые вдавления на внутренней поверхности достаточно больших сосудов. Наиболее ярко эти вдавления представлены в группе сосудов сферической формы с узким горлом (44 изделия);
  - волнистый горизонтальный срез венчика (фото 34);
  - несоблюдение пропорций сосудов конкретного типа, присутствие сосудов, которые своим соотношением «высота — ширина устья» выбиваются из общих параметров сосудов Теменоса, что отражает признаки смешения навыков их изготовления (подражание);
  - асимметричный по высоте венчик (рис. 35);
  - отклонения от обычной формы сосудов, характерной именно для керамической коллекции Теменоса на основе общих и устойчивых ее параметров. Например, сильный отгиб венчика.
  - при формообразовании сосуда использовался главным образом палец гончара, а не инструмент. Для основной массы керамики Теменоса характерно использование специальных твердых инструментов. Использование только пальцев руки при формообразовании и заглаживании поверхности сосудов свидетельствует о навыках, отличных от общеупотребительных;
  - одновременное использование на гончарном сосуде элементов лоскутной технологии и ткани (например, фото 36). Признаки совмещения данных признаков отмечены на 17 сосудах группы керамики с подкосом. Ввиду того, что подавляющая часть сосудов этой коллекция представлена только верхними частями сосуда, то вероятнее всего совмещение лоскутной технологии и отпечатков ткани на одном сосуде будет на порядок выше.
  - следы набивки лоскутов в форме-емкости (например, фото 37). Не заглаженные следы глиняных комочков-лоскутов видны на подкосах отдельных сосудов. Однако, учитывая то обстоятельство, что для технологического анализа использовались только верхние части сосудов, а достаточно полных по профилю сосудов было лишь около десяти изделий, то можно предполагать, что не заглаженных следов лоскутной технологии с набивкой формы-емкости лоскутами для создания придонной части (подкоса) было значительно больше. На это указывает и просмотр не учтенной в анализе части коллекции керамики теменоса по отдельным нижним частям сосудов. Указанных следов набивки в ней было зафиксировано почти на двух десятках днищ от разных сосудов;
  - наличие на гончарном сосуде глиняной обмазки с органикой (фото 38).
  - отпечатки измельченной растительности на поверхности гончарного сосуда (фото 39);
  - единичные факты случайного присутствия в формовочной массе гончарных сосудов шамота. Присутствие шамота отмечено на трех сосудах.
  - следы присутствия в тесте нескольких (4-5) сосудов в небольших количествах растительной органики. В данном случае — белесой органики.
  - явная двухслойность гончарных сосудов с признаками лоскутной технологии.
- Косвенным признаком смешения технологических традиций могут служить факты употребления для изготовления гончарных сосудов концентратов глин, то есть смешение различных глин для изготовления одного или нескольких сосудов. Причем, это не только буквальное смешение, когда две употребляемые глины просто перемешиваются друг с другом, но и применение различных по ожелезненности глин послойно. В таком случае вертикальные слои различных глин видны в профиле сосудов. Разные слои отличаются друг от друга по цветности материала (фото 40а, б, 41 а, б). Отметим, что на керамике Теменоса в одном сосуде присутствовало как чистое (буквальное) смешение, так и вертикаль-

ные слои смешанных и чистых глин или вертикальные слои различных по ожелезненности чистых глин.

Приведенные выше результаты микроскопических исследований и визуальных наблюдений являются по своей сути лишь предварительными итогами работ по исследованию технологии изготовления гончарской керамики.

В рамках общей характеристики керамики Теменоса отметим наличие свыше 900 сосудов гончарного производства и около 200 сосудов ручного (лоскутного) изготовления. Исследование ручной керамики Теменоса требует специального исследования, однако предварительно мы все же можем говорить об общих ее чертах. Ручные глиняные изделия Теменоса сконструированы лоскутным налепом при наличии в тесте заметной примеси шамота.

К числу признаков общей характеристики гончарной керамики Теменоса отнесем состояние исходного глинистого сырья по степени ожелезненности и навыки подготовки формовочной массы к работе, а также приемы и методы обработки поверхности сосудов как во время ее изготовления, так и после завершения основных конструктивных операций. Изучаемая керамика отличается повышенной фрагментированностью. Определения были сделаны, как выше отмечено, по 901 сосуду, представленными главным образом венчиками и верхними частями. Сосудов с восстановленным полностью профилем всего лишь 10 единиц.

Если говорить о степени ожелезненности сосудов, то общая картина будет достаточно пестрой. В коллекции присутствуют сосуды, изготовленные как из одной глины (красной, разной степени ожелезненности; зеленой и желтой), так и из различных сочетаний этих глин. К особенностям навыков отбора глин местными гончарами стоит отметить наличие единичных случаев, когда сосуды были изготовлены из илистой ожелезненной глины с естественной примесью раковины мельчайших речных моллюсков (фото 4).

На ступени отбора и подготовки исходного сырья выявлены следующие гончарные навыки населения Теменоса Гонура. Из ожелезненной (разной степени ожелезненности – ожелезненная, средне- и сильноожелезненная) глины изготовлено 256 сосудов (28,4% от всего изученного числа). Из зеленой (светло-зеленой, зеленоватой) глины были сделаны 75 сосудов (8,3%). Из желтой глины отмечено лишь 16 сосудов (1,8%). На долю сосудов из илистого глиноподобного сырья пришлось 64 сосуда (7,1%). Самое большое число сосудов относилось к группе со смешанными навыками отбора и употребления в производство исходного сырья (490 сосудов – 54,4%). Смешанными навыками отбора исходного глиняного сырья являются навыки, при которых для изготовления глиняных сосудов использовалась не одна глина (чистые навыки), а несколько (2 или более, концентраты глин). На данном этапе мы видим процесс усложнения навыков, потому что используется не только простое смешение двух различных глин, но и наряду с ним еще и послойное вертикальное использование различных глин. Например, основу исходного сырья для производства сосуда составляет концентрат двух различных по ожелезненности глин, но с внешней или с внутренней стороны (или сразу с обеих сторон) использовалось глиняное сырье, представляющее собой другой вариант смешения разных глин.

На ступени гончарного производства, связанной с обработкой поверхности сосудов, отмечены навыки двух направлений: грунтовочное и безгрунтовочное. К грунтовочному относится приемы ангобирования изделий, то есть специальное покрытие только что изготовленных сосудов тонкой глинистой суспензией. Обычно ангоб отличается по цвету от такового глиняной основы сосуда. Как правило, употреблялся ангоб из зеленоватой и из белой (неожелезненной) глин. Ангоб из ожелезненной, сильноожелезненной и желтой глин отмечен лишь на единичных экземплярах. Ко-

личество и процентное соотношение вида глины при ангобе определялось при описании каждой группы керамики.

Ко второму, безгрунтовочному способу обработки поверхности относятся приемы заглаживания (инструментом, тканью, рукой) и лощения сосудов. На керамике Теменоса Гонура ангобирование было осуществлено на 435 сосудах (48,3%), Заглаживание отмечено на 464 сосудах (51,5%). И лишь в двух случаях отмечен явный прием лощения сосуда (0,2%). Подчеркнем, что навыки и приемы разных направлений в обработке поверхности сосудов, применяемые мастерами в условиях одного памятника, могут косвенно указывать в сумме с другими технологическими признаками на неоднородный изначально состав населения Гонур-депе. Приведенные выводы являются предварительными. Насколько они являются весомыми, можно будет сказать лишь после характеристики керамики Теменоса по типологическим группам.

Наиболее общей работой по классификации типов керамики развитой и поздней бронзы Туркменистана является труд Б.Н. Удеумурадова (1993). Автором приведены не только терминологическая схема керамического материала указанного региона (Удеумурадов, 1993, с. 24, рис. 4), что очень важно для сопоставления уже исследованных и вновь открытых материалов, но и схема основных форм керамики эпохи развитой и поздней бронзы (Удеумурадов, 1993, с. 20, рис. 2). В последней представлены 64 основные формы керамики. При определении условных групп керамики Теменоса мы пользовались именно этой схемой и классификацией. Так, наиболее четко в изучаемом керамическом комплексе выделялась группа керамики, которая, согласно указанной работе, называлась «чайники» (Удеумурадов, 1993, с. 24, рис. 4, 13). По размерам они приближались к современным заварным чайничкам. Сосуды, получившие в нашем исследовании номера 56-57, могут быть отнесены к типу «сосудов со сливами» (Удеумурадов, 1993, с. 24, рис. 4,

12). При составлении типологии форм керамических изделий исследуемого региона, Б.Н. Удеумурадов опирался на опыт описания керамики Алтын-депе по «фактурно-цветовым данным», который был проведен В.М. Масоном (Удеумурадов, 1993, с. 23). Согласно этой классификации, станковые (сделанные на гончарном круге) и лепные (ручного производства) керамические изделия подразделялись на 4 группы: 1. Посуда с красным, розовым или коричневым в изломе и светлым снаружи черепком; 2. Посуда, представленная керамикой так называемого «намазгинского» типа со светло-зеленоватым черепком; 3. Посуда, в изломе и снаружи имеющая красный, розоватый или коричневый по цвету черепок; 4. Кухонные сосуды, изготовленные из теста, содержащего большую примесь кварца, дресвы, песка и иногда шамота.

К этой четырехчастной схеме Б.Н. Удеумурадов добавил еще две группы; 5. Красноангобированная керамика с лощением; 6. Расписная керамика. Материалы последних двух групп, несмотря на их малочисленность на памятниках, по его мнению, являются хорошим хронологическим индикатором, определяющим слои времени Намазга IV (Удеумурадов, 1993, с. 23).

При соотношении указанной выше классификационной схемы к материалам керамического комплекса Теменоса Гонур-депе были выявлены сходные признаки.

Проведенный нами технологический анализ керамического материала позволил определить и специфику «фактурно-цветовой» структуры черепков. Этот вопрос решался при анализе примерных типологических групп керамики Теменоса.

Упомянутые выше «чайники» изготавливались из разного типа глины: из ожелезненных (К) — 14 сосудов (24,5%), светло-зеленых (З) — 2 сосуда (3,5%), желтых (Ж) — 3 сосуда (5,3%), из илистого ожелезненного сырья с естественной примесью раковин мельчайших речных моллюсков (И) — 5 сосудов (8,8%). К группе сосудов, сделанных из смесей глины (концентратов) нами отнесе-

ны 33 сосуда (57,9%). В группе керамики со смешанными рецептами исходного сырья (ИС) наибольшее распространение имели сосуды с рецептом «ожелезненная глина + зеленая глина» (К+З) – 16 сосудов (28,1% от

общего числа сосудов-чайников). Сосуды с рецептом «глина ожелезненная + белая глина» (К+Б) были представлены 15-ю изделиями (26,3%). Частота использования разных типов глины представлена в Таблице 1.

Таблица 1.

Исходное глинистое сырье (ИС) сосудов Теменоса Гонур-депе*.

Типы сосудов Теменоса	Типы глин					Смешанные рецепты N (%)
	К N (%)	З N (%)	Ж N (%)	Б N (%)	ИГС N (%)	
«Чайники» N = 57	14 (24,5)	2 (3,5)	3 (5,3)	—	5 (8,8)	33 (57,9)
Сосуды с подкосом N = 176	64(36,4)	4(2,3)	6(3,4)	5(2,8)	17(9,6)	80(45,5)
Хумообразные сосуды N=181	49(27,1)	18(9,9)	1(0,6)	—	10(5,5)	103(56,9)
Шарообразные сосуды с узким горлом N=458	114(24,8)	48(10,5)	4(0,9)	—	32(7)	261(56,8)
Чаши N=16	7(43,8)	2(12,5)	2(12,5)	—	—	5(31,2)

* – В этой таблице и далее (как в таблицах, так и по тексту) обозначения глин : К – красная (ожелезненная); З – светло-зеленая, Ж – желтая, Б – белая (неожелезненная), И – Илистое ожелезненное сырье (ИГС).

Таблица 2.

Обработка поверхности гончарных сосудов Теменоса Гонур-депе.

	А н г о б					Заглаживание	Лощение
	К N (%)	Б N (%)	З N (%)	Ж N (%)	Всего		
«Чайники» N = 57	—	22(55)	14(35)	4(10)	40(100)	16(38)	1(1,8)
Сосуды с подкосом N = 176	2(1,7)	49(41,5)	64(53,4)	3(2,3)	118 (67)	58(33)	—
Хумообразные сосуды N=181	2(2,8)	3(4,3)	61(87,1)	1(1,4)	70(38,7)	111(61,3)	—
Шарообразные сосуды с узким горлом N=458	10(4,8)	1(0,2)	196(93,8)	—	209(45,6)	248(54,2)	1(0,2)
Чаши N=16	—	1(25)	3(75)	—	4(25)	12(75)	—

Таблица 3.

Частота встречаемости разных вариантов смешанных рецептов глины сосудов Теменоса Гонур-депе.

	Двухкомпонентные рецепты глины			Смешанные рецепты (более 2-х)	Простые рецепты (только 1)
	К+З N (%)	К+Б N (%)	К+Ж N (%)	N (%)	N (%)
«Чайники» N = 57	16(28,1)	15(26,3)	2(3,5)	—	24(42,1)
Сосуды с подкосом N =176	37(21,1)	24(13,7)	—	18(10,2)	96(54,5)
Хумообразные сосуды N=181	57(31,5)	—	—	46(25,4)	78(43,1)
Шарообразные сосуды с узким горлом N=458	58(12,6)	—	—	261(56,8)	139(30,6)
Чаши N=16	4(25)	—	—	1(6,25)	11(68,75)

Таблица 4.

Диаметр устья сосудов в разных группах керамики Теменоса Гонур-депе.

Диаметр (в см)	8-10 N(%)	11-19 N (%)	20-29 N (%)	30-39 N (%)	40-49 N (%)	50-59 N (%)	60-69 N (%)	70-79 N (%)
«Чайники» N = 2	1	1	—	—	—	—	—	—
Сосуды с подкосом N =170	—	3(1,7)	29(16,5)	48(27,3)	30(17)	47(26,7)	10(5,7)	3(1,7)
Хумообразные сосуды N=157	—	—	—	—	—	20(12,7)	68(43,3)	69(43,9)
Шарообразные сосуды с узким горлом N=436	8(1,8)	282 (64,7)	144 (33)	1(0,2)	1(0,2)	—	—	—
Чаши N=15	—	2(13,3)	13(86,7)	—	—	—	—	—

Ангобом были покрыты 40 сосудов из этой группы (70,2%). Причем, наиболее распространенным был ангоб из белой (нежелезненной) глины – 22 сосуда (55%). Далее следуют сосуды с зеленым (светло-зеленым) ангобом – 14 сосудов (35%) и, наконец, сосуды с желтым ангобом составляли группу из 4 сосудов (10%). Сосуды с заглаживанием поверхности составляли

в группе «чайников» 16 единиц (28%). И лишь один сосуд из этой группы имел следы лощения (1,8%).

В целом группа сосудов-«чайников» четко выделяется из основной массы керамики Теменоса не только внешним видом и особенностями конструирования, но и достаточно сложившейся системой навыков ее оформления.

Следующей значительной группой керамики были так называемые сосуды с подкосом, то есть с рельефно выделенной нижней придонной частью, обычно с использованием приема ошершавливания мелким песком. Данную группу отличает слабо выраженный горшечно-баночный профиль верхней части сосуда. Некоторые сосуды имеют вид открытой баночной формы. Следует подчеркнуть, что подобную нижнюю часть с подкосом имели и другие сосуды, особенно такие большие формы, как «хум» и «хумча». Но по особенностям своей верхней части они отнесены нами к следующей значительной группе керамики Теменоса. Полный профиль таких сосудов установить было трудно вследствие большой фрагментированности изделий. Таким образом, в группу керамики с подкосом фактически вошли сосуды средних и малых форм общим числом в 176 экземпляров (фото 42).

Высота этих сосудов достаточно сильно варьирует: от 8-10 до 35 см. Диаметр устья изменяется от 20 до 60 см (табл. 4). Диаметр (Д) 15-19 см – 3 сосуда (1,7% от общей численности этой группы), Д 20-29 см – 29 сосудов (16,5%), Д 30-39 см – 48 сосудов (27,3%), Д 40-49 см – 30 сосудов (17%), Д 50-59 см – 47 сосудов (26,7%), Д см 60-69 – 10 сосудов (5,7%), Д 70-75 см – 3 сосуда (1,7%). Всего у 6 (3,4%) сосудов не было возможности определить диаметр устья. Подавляющая масса сосудов этой группы имела устье в пределах 20-60 см.

Состав исходного сырья сосудов этой группы выглядит таким образом. Ожелезненная глина присутствовала в 64 сосудах (36,4%). Сосудов из светло-зеленой глины было всего лишь 4 (2,3%); из желтой – 6 сосудов (3,4%); илистое глиноподобное сырье представлено в 17 единицах (9,6%). Белая глина была использована при изготовлении 5 сосудов (2,8%). Исходное сырье остальных 80 сосудов представлено смешанными рецептами (45,5%). Среди смешанных рецептов наибольшее распространение получили рецепты (К+З) – 37 сосудов (21,1% от обще-

го числа сосудов с подкосом), (К+Б) – 24 сосуда (13,7%). Остальные 18 сосудов этой группы были изготовлены из 10 разных сочетаний глин. Из них – 11 экземпляров имели вертикальное послойное смешение глин. Это сосуды с рецептами К/З+Ж, К+З/К, К/К+З, З/К, К+З/З, где правая часть рецепта относилась к внешней части профиля, а левая – к внутренней. Если встречались рецепты с трехчастным членением профиля (например, З/К/З), то средняя часть рецепта относилась к центральной части профиля. Таким образом, на два смешанных рецепта, где ожелезненная глина смешивалась или с зеленой, или с белой глиной, пришлось в итоге 50% всей керамики группы. Это опять-таки подтверждает высказанный нами тезис о процессе смешения носителей разных традиций использования ожелезненной (красной), зеленой и белой глин.

На стадии обработки поверхности сосудов керамика этой группы отличалась тем, что преобладали навыки ангобирования изделий (118 сосудов – 67%). Остальные 58 сосудов имели заглаженную поверхность (33%). Стоит упомянуть состав ангоба. Среди 118 ангобированных сосудов 49 (41,5%) имели белый ангоб. Зеленый ангоб все-таки преобладал, он присутствовал на 64 сосудах (53,4%). Желтый ангоб – на 3 сосудах (2,5%), ожелезненный ангоб – на 2 сосудах (1,7%).

Из 176 сосудов 43 имели хорошо выраженную придонную часть подкоса, по которой можно отметить ряд характерных признаков. Прием ошершавливания подкоса мелким и пылевидным песком чисто функционально, скорее всего, связан с традицией использования полых глиняных подставок для больших сосудов с целью их более прочной фиксации на горизонтальной поверхности. Причем сами глиняные подставки сделаны из глины с большой и грубой растительной примесью для обеспечения большей связности с ошершавленной поверхностью вставляемых в нее сосудов. Возможно предположение, что подобные полые подставки могли использо-

ваться в качестве форм-емкостей для конструирования так называемого «подкоса», то есть нижней придонной части сосудов. Это может относиться как к крупным сосудам, так и к средним и даже более мелким формам керамики Теменоса. Высота подкоса сосудов, как правило, соответствует высоте полых подставок. Возьмем на себя смелость утверждать, что полые подставки после изготовления подкоса не снимались с гончарного круга, а участвовали в сооружении крупных сосудов типа хум или хумча. Это объясняется необходимостью сдерживать давление большой массы верхней основной части сосуда на подкос. Практический опыт подсказывает, что подкос без подставки будет проседать под давлением внушительной массы глины всего сосуда (фото 43).

Из 43 сосудов с явным подкосом 27 единиц (62,8%) имели признаки специально ошершавливания нижней части сосуда мелким песком. Небольшая часть изделий (6 сосудов, 14%) имела следы обстругивания с сосуда еще пластичной глины. Таким образом удалялись излишки глины при подгонке формы к каким-то конкретным и установленным нормам. Как правило, следы обстругивания находились в местах перехода подкоса в основную емкость (полое тело) самого сосуда. Почему именно здесь обнаруживаются следы данного приема, мы укажем ниже при уточнении процесса конструирования подкоса.

Следы использования ткани (складчатости) зафиксированы на 20 сосудах (46,5% от числа сосудов с подкосом). Особенно явно следы складчатости фиксируются на границе перехода подкоса в полое тело сосуда.

Тщательное исследование конструирования нижней части сосудов с подкосом выявило определенную систему ее изготовления. Она заключалась в изготовлении нижней части сосуда в рамках первоначальной одноактной операции, которая в керамической технологии называется «начин». Начин изготавливался лоскутным способом, то есть налепом мелкими упло-

щенными порциями глины (лоскутами) в специально подготовленной форме. В нашем случае такими формами служила форма-емкость в виде выше указанных подставок или в кожаных формах-емкостях, по размерам приближающимися к глиняным подставкам для сосудов. При лоскутном налепе в форме-емкости обычно требовалась влажная тканевая прокладка между глиной и формой-емкостью.

На 34 сосудах (79%) отмечены признаки формы-емкости, которые заключаются в присутствии явных границ перехода подкоса в тулово сосуда, отмеченные следами обстругивания, складчатости и отпечатков ткани, случаями выхода границ подкоса за пределы диаметра тулова. Одним из основных признаков является лоскутный налеп начина-подкоса. Четкие признаки лоскутной технологии отмечены на 25 сосудах (58,1%). Среди которых двуслойную лоскутную структуру имели 4 сосуда (16%), однослойную структуру – 10 сосудов (40%). Еще 11 сосудов (44%) имели косвенные признаки лоскутной технологии. Отметим еще один признак, когда лоскутная «набивка» формы-емкости протекала без присутствия каких-либо тканевых или иных прокладок. В этом случае следы лоскутов снаружи даже не всегда затирались или зашершавливались и были хорошо видны на поверхности (фото 44).

Признаки смешанных навыков изготовления начина (ручная и гончарная на круге) имели 29 сосудов (67,4%). Теперь нам надо обратиться к процессу освоения человеком гончарного круга. А.А. Бобринский по материалам восточноевропейского гончарства выделил 7 этапов развития функций гончарного круга (РФК), при которых учитывались роль и предназначение круга для конструирования начина, полого тела (емкости), формы сосуда и обработки его поверхности (Бобринский, 1978, с.27).

На основании предложенной системы и имеющихся результатов по указанной группе керамики Теменоса Гонура мы можем определить, на каком этапе РФК

находятся выявленные навыки гончарства у населения Теменоса. По Бобринскому РФК-6 означает использование вращения круга для заглаживания, профилирования и конструирования путем вытягивания не только полого тела, но и начина, который, однако, предварительно лепится вручную или при его создании используются отдельные элементы ручных навыков (например, выдавливание, выбивание). При РФК-7 для изготовления сосуда из одного комка глины путем вытягивания использовался исключительно только круг. Нас в данном случае интересует РФК-5, когда вращение круга используется не только для заглаживания и профилирования, но и для частичного конструирования полого тела путем вытягивания глины, из которой предварительно навыками скульптурной лепки образована часть полого тела (не на всю высоту) и начин (Агамалиева, 1987, с. 27).

Группа керамики Теменоса с подкосом была изготовлена следующим образом. В форме-емкости вручную лоскутным налепом с использованием тканевых прокладок изготавливался начин, который по высоте соответствовал высоте подкоса. Затем конструировалась емкость (полое тело) изделия путем вытягивания стенок сосуда из одного или нескольких комков глины, профилировалась форма и заглаживалась поверхность сосуда. В системе РФК на пятом этапе вручную изготавливался не только начин, но и часть полого тела. На 6-м этапе функция круга была использована не только при вытягивании стенок сосуда (полого тела), но и частично начина, который изначально все же был изготовлен вручную. Таким образом, навыки использования функций круга населением Гонур-депе больше тяготеют к промежуточному положению между РФК-5 и РФК-6, когда доэлементный начин изготавливался вручную и у которого достаточно четко отбивалась граница, а вся оставшаяся обработка проводилась на круге.

Следующей группой керамики Теменоса являются сосуды, приближающиеся

главным образом к типу № 58 и отчасти к типу № 47 схемы Б. Удеумурдова (Udeumuradov, 2002, р. 136-139). Это большие и массивные хумообразные сосуды с прямыми и с отогнутыми раструбом стенками. Всего к этой группе нами отнесен 181 сосуд (см. профили сосудов на рис. 2.1-2.7). Из ожелезненной и сильноожелезненной глины было сделано 49 таких сосудов (27,1%). Зеленая глина служила сырьем для 18 сосудов (9,9%). Илистое глиноподобное сырье употреблялось при изготовлении 10 сосудов (5,5%). Из желтой глины был сделан лишь один сосуд (0,6%), а из чисто белой неожелезненной глины в этой группе не было сделано ни одного изделия. Всего лишь один сосуд со смешанным рецептом (К+Б) отмечен нами с присутствием белой глины. Таким образом, к числу чистых (однокомпонентных) рецептов относятся 78 сосудов, а оставшиеся 103 сосуда имели сложносоставной (смешанный) состав рецептуры глины.

Всего сосудов из ожелезненной в разной степени глины, включая и смешанные рецепты, в этой группе насчитывается 128 (70,7%). Из зеленой глины (включая и смешанные рецепты) было 115 сосудов (63,5%). Лишь один экземпляр имел сложный состав рецептуры теста, куда входило илистое сырье. Можно думать, что носители традиции использования зеленой (светло-зеленой) глины самым активным образом были вовлечены в процессы смешения различных традиций на этом этапе гончарного производства в этой группе керамики. Отметим, что и самая большая группа керамики, изготовленной с использованием смешанных рецептов, включает сосуды 57 сосудов К+З (31,5% от общего числа сосудов и 55,3% от числа сосудов со смешанными рецептами). Данный рецепт исходного сырья (К+З) был самым распространенным среди всех представленных рецептов (простых и сложнокомпонентных). На оставшиеся 17 сложных рецептов приходилось 46 сосудов (25,4%).

При обработке поверхности в данной группе керамики были задействованы при-

емы ангобирования (64 сосуда, 35,4%) и заглаживания (117 сосудов, 64,6%). Из 181 сосуда этой группы диаметр устья сосуда не удалось установить в 15 случаях. Диаметр устья сосудов изменяется главным образом в пределах 50-75 сантиметров: Д 50-59 см – 20 сосудов, Д 60-69 см – 68, Д 70-79 – 68, Д 80 и более см – 1 сосуд. Можно говорить о неких стандартах в размерах устья сосудов этого типа: наиболее распространенными были диаметры величиной 60 и 70 см.

Самой представительной коллекцией керамики (459 единицы) является та, в которую входят изделия закрытого типа с достаточно узкой горловиной (рисунки профилей сосудов 1.1-1.10). Она составляет более половины исследованной коллекции Теменоса (50,9%). В соответствии со схемой Б. Удеумурдова (1993, рис. 2), мы отнесли к этой группе сосуды №№ 35-37, 42, 57, 59-62 (фото 42).

При изготовлении сосудов данной группы гончары использовали ожелезненную в разной степени глину (114 сосудов, 24,8%). Из сильноожелезненной глины была сделана значительная часть (34,2% от всех сосудов из ожелезненной глины) сосудов. Из среднеожелезненной глины – 75 изделий (65,8%); из зеленой и светло-зеленой глины – 48 сосудов (10,5%); из желтой глины – 4 (0,9%). Илистое сырье было использовано при изготовлении 32 сосудов (7%). А вот на долю сосудов со смешанными рецептами пришлось основная часть предметов этой серии (261 сосуд, 56,8%). Из смешанных рецептов исходного сырья отметим сосуды с рецептом К+З (смесь ожелезненной и зеленой глин) – 58 сосудов (12,6% от общего числа сосудов этой группы и 22,2% от числа сосудов со смешанным рецептом исходного сырья). Среди сосудов рецепта К+З выделялись сосуды с применением смеси сильноожелезненной и зеленой глин (42 сосуда, 72,4%). Остальные сосуды были сделаны из смеси среднеожелезненной и зеленой глин (16 сосудов – 27,6%).

Диаметр устья сосудов данной группы варьировал в пределах 7–50 сантиметров.

Из 459 сосудов, в силу фрагментированности материала, не удалось установить более или менее точный диаметр устья у 23 сосудов (5%). Остальная картина выглядит следующим образом: Д 5-9 см – 8 сосудов (1,7%), Д 10-19 см – 282 изделия (61,4%), Д 20-29 см – 144 (61,4%), Д 30-39 см – 1 (0,2%), Д 40-49 см 1 сосуд (0,2%). В итоге 426 сосудов с диаметром устья 10-29 сантиметров составили 92,8% изделий, включенных в данную группу керамики. Отметим, что в данной подгруппе ориентиром в со-блюденении неких шаблонов явились сосуды с устьями 10–20 см. Устья сосудов диаметром 10-15 сантиметров были характерны как для тонкостенных (с толщиной стенки 0,5 - 1 см) с невысоким обычным венчиком, так и для толстостенных (1-2 см) изделий с невысоким и массивным венчиком. Именно последние сосуды по своим размерам тяготели к сосудам типа хум или хумча.

Следует упомянуть о небольшой серии сосудов-чаш (форма № 6 по схеме Б. Удеумурдова (1993, рис. 4), присутствующей в керамических материалах теменоса (16 единиц). Диаметр устья чаш изменяется между 10-30 см, но преобладающими являются устья 20-30 сантиметров (12 сосудов, 75%). Условным ориентиром для гончаров при изготовлении чаш были сосуды с устьем в 28–30 сантиметров.

Из ожелезненной глины сделаны 7 сосудов (43,8%) этой подгруппы. Из зеленой глины было сделано всего лишь два предмета (12,5%), столько же – из желтой глины. Из смешанных рецептов явно преобладал рецепт (К+З) – 4 сосуда (25% от общего числа сосудов этой серии). Если учесть еще один сосуд с этими же компонентами исходного сырья (К/З/К) (1 сосуд, 6,2%), то сосудов со смешанными рецептами с присутствием только ожелезненной и зеленой глин будет уже 5 (31,2%).

Основным способом обработки поверхности в этой подгруппе было заглаживание (12 сосудов, 75%); вспомогательным был способ ангобирования (4 сосуда, 25%), из которых 3 единицы были ангобированы зе-

ленной глиной и лишь один сосуд имел не-ожелезненный (белый) ангоб.

* *

*

Результаты технологического исследования гончарной керамики Теменоса Гонур-депе дают нам возможность охарактеризовать в общем технологию ее изготовления. При этом мы остановимся на ее особенностях, характеризующих наиболее общие и чаще употребляемые навыки производства, как в целом, так и по морфологическим типам.

Для изготовления гончарной керамики Теменоса в качестве исходного сырья главным образом использовались ожелезненные глины. В общей массе сосудов она является, как правило, определяющей, используется как в чистом виде (сосуды только из ожелезненной глины), так и в смешанных рецептах. Учитывая этот факт, можно полагать, что этот навык является явно преобладающим при отборе исходного сырья для изготовления сосудов.

Вторым по распространенности исходным сырьем являлась зеленая глина. Зеленая глина чаще других видов применяется в смешанных рецептах. Она участвует в разных вариантах моделирования рецептов и экспериментирования с составами исходного сырья. Смешение разных традиций подготовки и отбора исходного сырья выражается также и в том, что смешанные рецепты преобладали над каким-либо другим в группах «чайников», «сосудов с подкосами», «хумообразных сосудов с прямыми и отогнутыми стенками» и в самой многочисленной группе «сосудов закрытого типа с массивным верхом устья». Признаком смешения разных традиций также является использование глин не только в простом

перемешивании разных глин между собой, но и послойное их распределение в тесте, фиксируемое на черепке. Так, например, стенки сосуда могут первоначально вытягиваться из одной глины, а потом изнутри или снаружи добавляется уже другая глина. Иногда другая глина «натягивалась» при вращении круга на первоначальную заготовку стенок сосуда и снаружи и изнутри. Имеются такие сосуды, на стенки которых, изготовленных из одного типа чистой глины, затем дополнительно наносилась порция глины смешанного состава. В принципе этот вариант смешения различных культурных традиций показывает нам усложнение самого процесса смешения представителей различных, если так можно выразиться, гончарных «школ»¹.

Культурные традиции в технологии гончарства — это устойчивые, передаваемые от поколения к поколению, правила решения узких технологических задач, из которых складывается изготовление глиняных сосудов (Цетлин, 2017, с. 108). По материалам керамики Теменоса мы можем увидеть классическую схему смешения различных культурных традиций. На памятнике имеются сосуды, которые полностью изготовлены на гончарном круге. Здесь же имеются горшки, которые были воспроизведены только ручным способом. Результатом смешения этих двух «чистых» традиций явилась значительная часть изделий, первоначальная часть которых (начин) изготавливалась вручную (в форме-емкости), а тулово и венчик выводились уже на гончарном круге. К продукту, изготовленному с применением смешанной технологии, относится подгруппа сосудов с подкосом (176 единиц). К этому надо добавить еще сосуды с подкосом из группы изде-

¹ Здесь, как и во многих других местах данного параграфа, оставлена авторская интерпретация результатов исследования. Но следует отметить, что одновременное использование разных по цвету (а соответственно и по химическому составу и по свойствам) глин может быть не только показателем смешения разных традиций, а именно традицией, свойственной населению Маргианы. Учитывая, что данная работа — первое подобное исследование керамики не только Маргианы, но и всего земледельческого юга Средней Азии, для окончательных выводов, безусловно требуются дополнительные изыскания. В том числе и посвященные керамическим изделиям, происходящим с других территорий Гонур-депе, а не только Теменоса, а также из разных стратиграфических слоев — *Прим. ред.*

лий с шаровидным туловом и узким горлом. Их число восстановить трудно из-за сильной фрагментированности материала.

Третьим по распространенности исходным сырьем был илистый глиноподобный материал с присутствием мельчайших речных моллюсков и продуктов их разрушения (фото 42). Надо сказать, что по цветности черепки из данного материала приближались к ожелезненным глинам. Надо отметить и достаточно высокий уровень его пластичности, что также приближает его к ожелезненной глине. Принимая во внимание тот факт, что сосудов из ила не так уж и много, и практически полное отсутствие его в смешанных рецептах, то с определенной долей уверенности можно предполагать, что такое использование этого сырья, скорее всего, было попыткой жителей найти себе источник залежей глины, близкой по свойствам к ожелезненной в ближайшей к реке округе.

Интересен вопрос об использовании населением Гонур-депе нежелезненной (белой) и желтой глин. Целиком из белой глины были сделаны лишь 5 сосудов с подкосами. В смешанных рецептах ИС белая глина практически отсутствует, кроме опять же группы сосудов с подкосом: из смеси ожелезненной и белой глин изготовлены 24 изделия (13,7%). Но белая глина занимает важное место при обработке поверхности сосудов ангобирования. Именно в сосудах с подкосом белый ангоб отмечен на 49 предметах (41,5%). В группах хумообразных сосудов и таковых закрытого типа с массивным верхом отмечено лишь по одному сосуду с белым ангобом.

Желтая глина использовалась в единичных случаях как в чистом виде, так и в смешанном составе. В целом, по нашему мнению, использование этого вида глин отражает начальный этап освоения новых

источников в местной округе. Стоит отметить, что, по сведениям местных информаторов, глинища с зеленой и желтой глинами находятся в 30-50 км от Гонур-депе. Современные кирпичные дома здесь строят почти исключительно из светло-желтого кирпича. Это обстоятельство помогает нам понять и косвенные указания на тот факт, что в период функционирования Теменоса гончары еще не освоили на должном масштабном уровне залежи желтой глины. Ведь для того, чтобы этот тип глины использовать в полной мере, необходимо досконально знать ее свойства при усадке-просушивании готовых изделий и надо знать, как ведут себя сосуды из желтой глины при обжиге².

При изготовлении гончарной керамики степень подготовки формовочных масс, как правило, выпадает из гончарного производства. На этой ступени предварительно отобранное глинистое сырье смешивают с минеральными или органическими добавками для решения тех или иных технологических задач. Но для кружальной керамики подходит именно чистая глина или в лучшем случае концентраты (смеси) глин. Однако в керамике Теменоса отмечены случаи, когда в составе глины присутствовали искусственно введенные минеральные компоненты. В группе наиболее многочисленной керамики закрытого типа отмечено 7 сосудов, где в ожелезненную глину добавлялся песок первого размера (мелкий, до 1 мм) — 1,5%. Кроме того, мелкий песок был обнаружен в составе смешанных рецептов формовочной массы еще семи сосудов. Можно предполагать, что это связано с ошершавливанием сосудов с подкосом мелким песком. То есть существовала традиция нанесения мелкого песка на нижнюю, специально выделенную придонную часть сосуда в чисто технологи-

² Современные дома строятся из кирпичей, произведенных в подавляющем большинстве случаев на кирпичных заводах. Поэтому вряд ли местные источники глин имеют к ним прямое отношение. Для суждения же о том, насколько залежи желтых и белых глин были освоены древними маргушцами, безусловно необходимы сравнительные исследования свойств этих разновидностей с другими, а также знания о территориальном расположении разных глинистых слоев в стране Маргуш — *Прим. ред.*

ческих целях. В некоторых случаях добавку мелкого песка гончары могли практиковать в качестве эксперимента. Смешение глины имело целью не только приспособление изделия к внешней традиционной фактуре сосуда, но, возможно, и для решения технологической задачи по безотходному (то есть 100%) обжигу керамики. Добавление в глину минеральных примесей (в том числе и песка) снижает процент сосудов, выходящих из строя при обжиге, так как минеральные добавки позволяют сосуду выдерживать, как перепады температур, так ее сильные и высокие показатели. Это могло также отражать процессы приспособления гончаров к местным глиняным материалам.

Если в целом на ступени обработки поверхности механическое заглаживание и ангобирование гончарной керамики на Теменосе применяется практически одинаково часто (разница составляет 3,2%), то по типам сосудов данные методы имеют существенные различия. Так, в группе «чайников» явно преобладал ангоб (70,2%). Близок к этому процент ангобированных сосудов в группе «керамики с подкосом» (67%). А вот в небольшой, но выразительной группе «чаш» заглаживание являлось явно преобладающим навыком (82,1%). Достаточно высок процент сосудов с заглаживанием в группе «хумообразных сосудов с прямым и немного отогнутым наружу верхом» (64,6%). В самой многочисленной группе «сосудов закрытого типа с невысоким массивным венчиком» приемы ангобирования и заглаживания достаточно сбалансированы (45,5% и 54,5% соответственно). Навыки механического заглаживания поверхности сосудов больше всего соотносятся с использованием ожелезненной глины. Именно в группе чаш наиболее высока доля сосудов из чистой ожелезненной глины (53,6%), а процент сосудов из смешанных глин, наоборот, наименее значителен

(28,6%). Устойчивое сочетание в керамике Теменоса только двух навыков обработки поверхности (заглаживания и ангобирования), относящихся к различным направлениям (грунтовочному и безгрунтовочному) в обработке поверхностей сосудов, может говорить нам о том, что смешение этих различных культурных традиций зашло довольно далеко, и первоначальное их совмещение проходило, судя по всему, до момента начала функционирования Теменоса. Заметим попутно, что ангобирование не было связано с целью усиления водонепроницаемости сосудов, так как сама суспензия ангоба до ее применения на сосудах, представляла собой жидкий водный раствор, который никак не мог способствовать усилению этого свойства.

К более ранним традициям отбора исходного сырья, скорее всего, следует отнести навыки использования нежелезненной (белой глины). Например, в группе сосудов с подкосом 5 сосудов были изготовлены из белой глины. В других группах белая глина если и использовалась, то главным образом в смешанных рецептах и в единичных случаях. В этой же группе сосудов с подкосами нами отмечен и наибольшая доля сосудов с ангобом из нежелезненной (белой) глины (41,5%).

На момент функционирования теменоса источники нежелезненной (белой) глины, по всей видимости, подходили к концу, и местные гончары нашли ей замену в виде местной светло-зеленой глины³. Значительная часть керамики сделана уже из зеленой глины. Из нее же получался хороший ангоб. В качестве сопутствующих и дополнительных вариантов поиска надежных в гончарстве источников глины выступали местные желтые глины и илистое глиноподобное сырье.

На ступени формообразования сосудов можно отметить две устойчивые традиции

³ Для подтверждения данного вывода необходим анализ территориального расположения разных глинистых слоев в стране Маргуш. Такого рода исследования в древней дельте р. Мургаб не проводились — *Прим. ред.*

в среде носителей навыков гончарного (кругового) производства. К первой относятся навыки использования гончарного круга для изготовления сосудов из одного комка глины. По особенностям рабочей функции круга — это РФК 7. В качестве наглядного примера в этом случае служат сосуды-чаши.

Сосуды второй традиции формообразования — это сосуды, изготовленные на основе смешения ручного и гончарного труда. Самая первая часть строительства сосуда (начин) изготовлена ручным лоскутным способом. По методу конструирования — это обычно лоскутно-комковатый (бессистемный) способ, иногда спирально-лоскутный. При изготовлении начина чаще использовались лоскуты в один слой, нежели в два. Вспомогательным средством для изготовления начина могли служить формы-емкости с размещением внутри них главным образом растительной ткани. Единичны случаи налета лоскутов на стенки жесткой формы-емкости без ткани. Вся последующая работа по возведению емкости сосуда (полное тело) и оформлению венчика производилась с помощью круга. По особенностям рабочей функции круга подобное смешение навыков ручного и гончарного производства относится к промежуточному состоянию между РФК5 и РФК6.

То обстоятельство, что смешение различных по своему происхождению навыков изготовления сосуда относится к самым глубинным этапам создания сосуда (начин и формообразование), склоняет нас к утверждению о том, что начало совмещения таких различных культурных традиций происходило за рамками истории существования Теменоса. Хотя само их совмещение все еще имело место и во время его функционирования. В проанализированной керамической коллекции присутствуют также и сосуды чисто ручного производства. Это так называемые «котлы» с вертикальными или чуть отогнутыми наружу стенками и со слабопрофилированным коротким венчиком, а также

сковороды-жаровни. Им присущи такие признаки ручного производства, как лоскутный налет, грубоватое заглаживание без традиции применения ангоба, примесь шамота в формовочной массе сосуда.

Количественное соотношение сосудов РФК 7 и сосудов со смешанными навыками изготовления затруднено фрагментарным состоянием керамики. Однако заметим, что к «сосудам с подкосом» относится, по крайней мере, 12 основных типов керамики, указанных Б.Н. Удеумуратовым (1993, рис. 2) (типы 15, 39, 40, 42, 44, 45, 57-62). Абсолютное большинство хумообразных сосудов открытого и закрытого типа имели нижнюю придонную часть в виде подкоса. Они и составляли по объему керамической массы основу коллекции (фото 43).

Если говорить о функциональном назначении каждого типа сосудов, найденных на Теменосе, то в первую очередь отметим предположительно специализированное производство и применение керамики этого комплекса Гонур-депе. Количественно небольшая, но выразительная серия сосу-

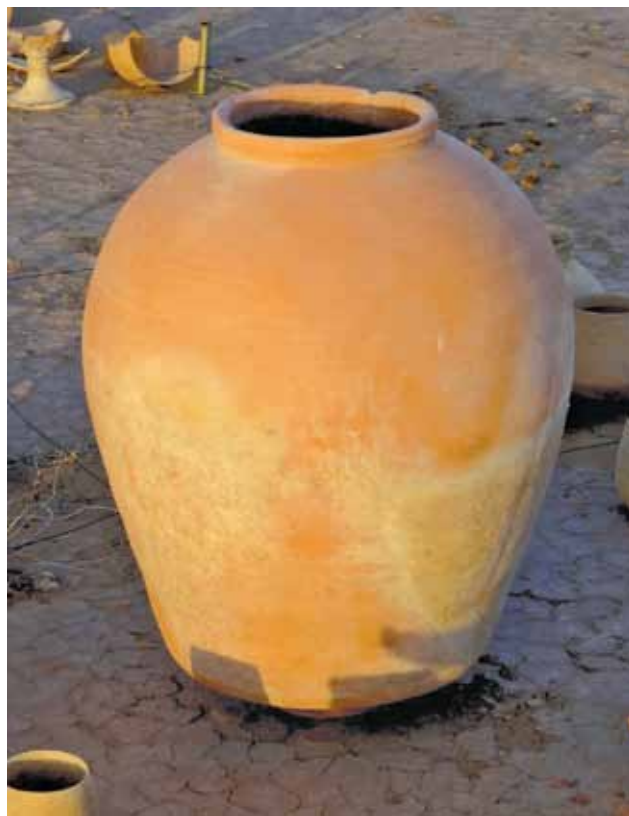

Фото 43. Гонур-депе. Хумообразный сосуд закрытого типа с подкосом.

диков-чайников прямо говорит об их использовании в производстве и потреблении водных растворов. Хумообразные сосуды с прямыми или открытыми наружу стенками служили емкостями для замешивания и отстаивания водных растворов. В наиболее многочисленной серии хумообразных сосудов закрытого типа могли храниться жидкости, предположительно «священные напитки». Сосудов-чаш выявлено совсем мало, потому что они более характерны для дворцовой атрибутики и для поминально-похоронных обрядов. Приличная серия сосудов ручного производства подсказывает нам, что для функционирования Теменоса и его производства необходима была достаточно большая группа обслуживающего персонала, которым и необходима была кухонная утварь.

При определении значимости Теменоса (как, впрочем, и его керамического комплекса) надо учитывать то обстоятельство, что он представлял собой достаточно обособленный комплекс построек, ограниченный оборонительными сооружениями, но так и не достроенный до окончательного варианта. Хотя и имел уже при себе специально вырытый бассейн — резервуар для хранения воды. Поэтому одновременный керамический комплекс при всем своем многообразии типов должен был иметь общие черты и признаки, характерные для того времени. К числу таких признаков можно отнести следующие.

Для большинства сосудов характерно воротничковое оформление венчиков. Это особенно необходимо было для сосудов большой емкости в качестве элемента усиления жесткости всей конструкции сосуда.

Почти на всех выявленных типах керамических изделий присутствует способ так называемого сетчатого ошершавливания поверхности сосуда перед обмазкой или перед обмазкой и ангобированием. В качестве одного из возможных предварительных предположений о причинах (или способе получения) подобной сетчатости поверхности сосудов можно говорить об

употреблении при изготовлении сосуда рубца желудка животных, например, тех, что употреблялись в пищу или применялись в обрядах жертвоприношений. Данный прием вполне укладывается в систему представлений гонурского населения о высокой значимости животных в обрядовой и повседневной жизни. Размер ячеек сетчатой поверхности сосудов в этом варианте мог соответствовать возрасту или виду животных, рубцы желудка которых применялись. Для подтверждения указанной гипотезы следует провести необходимые для этого практические эксперименты. По нашим данным, прием сетчатого ошершавливания поверхности, распространен и на керамике центральной части Гонура.

Еще одним объединяющим признаком для большей части коллекции керамики Теменоса явилось употребление при ее изготовлении лоскутной технологии. Последняя могла применяться как самостоятельно (например, при изготовлении подкоса сосудов), так и при изготовлении отдельных элементов. Подобные реликты лоскутной технологии фиксируются на сосудах, изготовленных, как правило, полностью на круге и из формовочной массы (глиняного теста), свойственной только гончарным сосудам, то есть без грубых искусственных примесей или естественных включений.

Основную часть керамики теменоса объединяет и прием использования при заглаживании поверхности сосудов тонких растительных тканей (см. фото 6а, 7а, 9а, 10б, 12б). Как выше уже было отмечено, растительная ткань находила применение в гончарном деле главным образом при изготовлении подкоса разных типов керамики в качестве прокладки между глиной и формой-емкостью. Относительно широкое применение ткани косвенно может указывать на процесс сращивания и переплетения гончарной (кружальной) и ручной (лоскутной) технологии в пределах существования изучаемого комплекса.

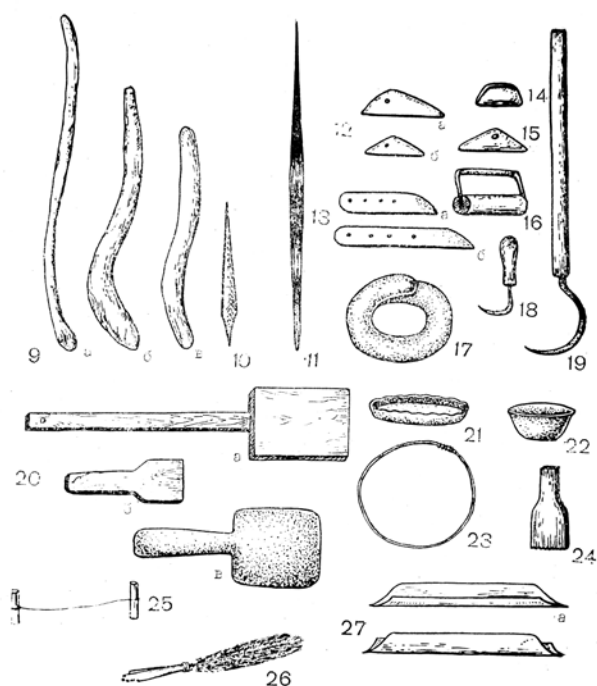

Фото 46. Инструменты, применяемые при работе на гончарном круге (по: Агамалиев, 1987, табл. XIII).

Как подсказывает этнографический опыт сопредельных с Туркменистаном территорий, в среде гончаров при моделировании формы сосудов и при обработке их поверхности использовались главным образом деревянные инструменты (Агамалиева, 1987, табл. XIII) (фото 46).

Согласно формально-типологическому методу, использованному Б.Н. Удеумуратовым (1993, с. 107, табл. 43) при классификации и определении хронологической позиции керамических комплексов поздней бронзы Южного Туркменистана (Маргианы, Бактрии, южных отрогов Копетдага), гонурский комплекс керамики относится к переходному периоду от Намазга V к Намазга VI. Теменос в данном случае представляет собой один из поздних этапов существования Гонур-депе.

ЛИТЕРАТУРА

- Агамалиева С.М. Гончарство Азербайджана. Баку: Элм, 1987. 149 с.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. 272 с.
- Сарианиди В.И. Теменос Гонура // Вестник Древней истории. 1997. №1. С.148-168.
- Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры. М., 2010. 200 с.
- Удеумуратов Б.Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашхабад, 1993. 147 с.
- Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017. 346 с.
- Udeumuradov B. Ceramic material from Gonur Depe necropolis // Margiana. Gonur Depe necropolis. 10 years of excavations by Ligabue study and research center. Venice: Il Punto edizione, 2002. P. 132-143

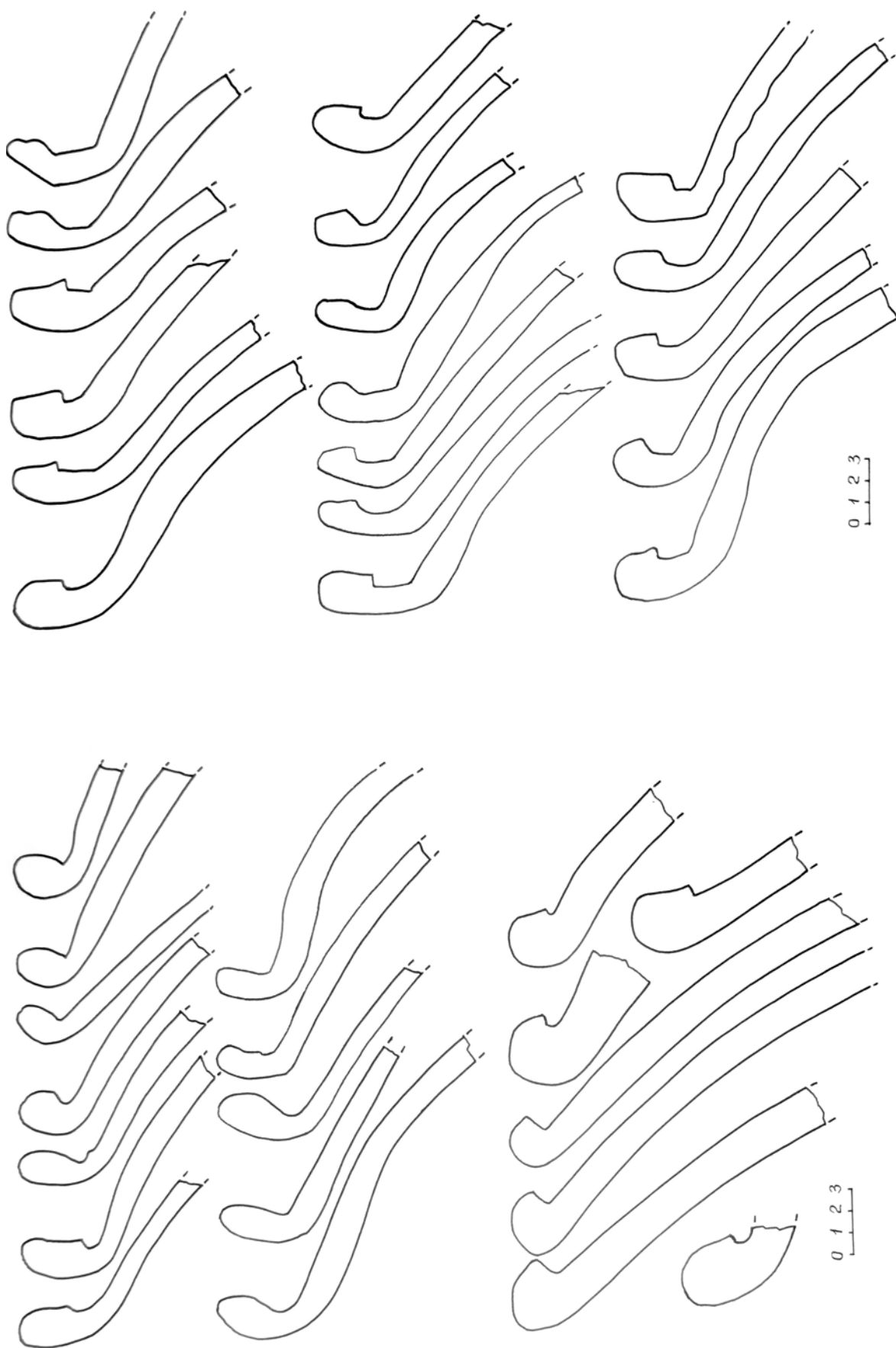

Рисунок 1.1. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) – сосуды 498, 497, 673, 577, 665, 452, 594; средний ряд – 623, 591, 606, 670, 649; нижний ряд – 467, 465, 464, 446, 447; самые крупные внизу профили (слева направо) – 445, 442.

Рисунок 1.2. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) – 542, 545, 544, 567, 579, 601; средний ряд – 627, 641, 687, 719, 678, 610, 695; нижний ряд – 475, 554, 584, 596, 608.

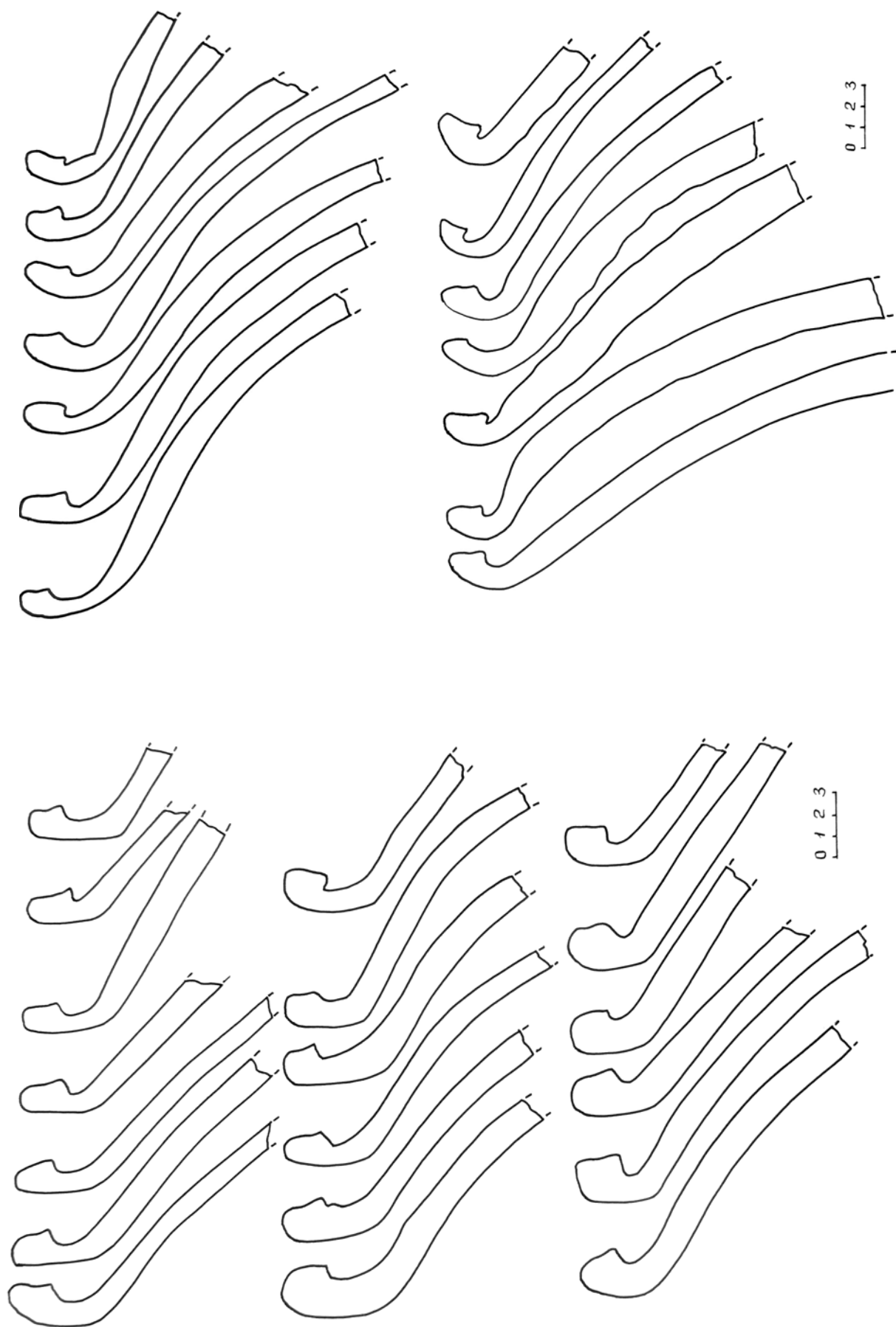

Рисунок 1.3. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) – 637, 631, 647, 674, 639, 524, 716; средний ряд – 513, 479, 506, 516, 507, 512; нижний ряд – 453, 462, 486, 491, 493, 686.

Рисунок 1.4. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) – 650, 733, 521, 618, 511, 646, 656; нижний ряд – 652, 653, 651, 734, 768, 749, 654.

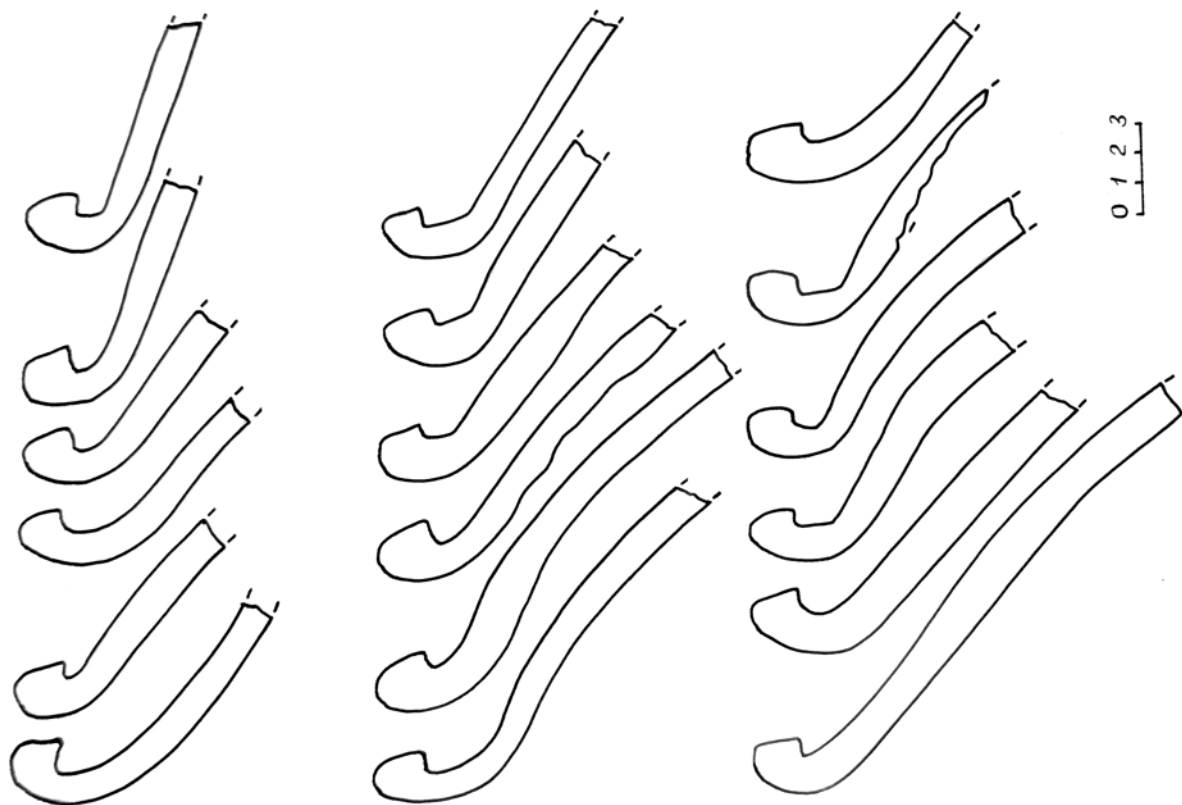

Рисунок 1.5. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) – 483, 657, 478, 550, 543, 536, 619; средний ряд – 473, 538, 664, 515, 517, 744, 692; нижний ряд – 526, 451, 513, 533, 535, 595.

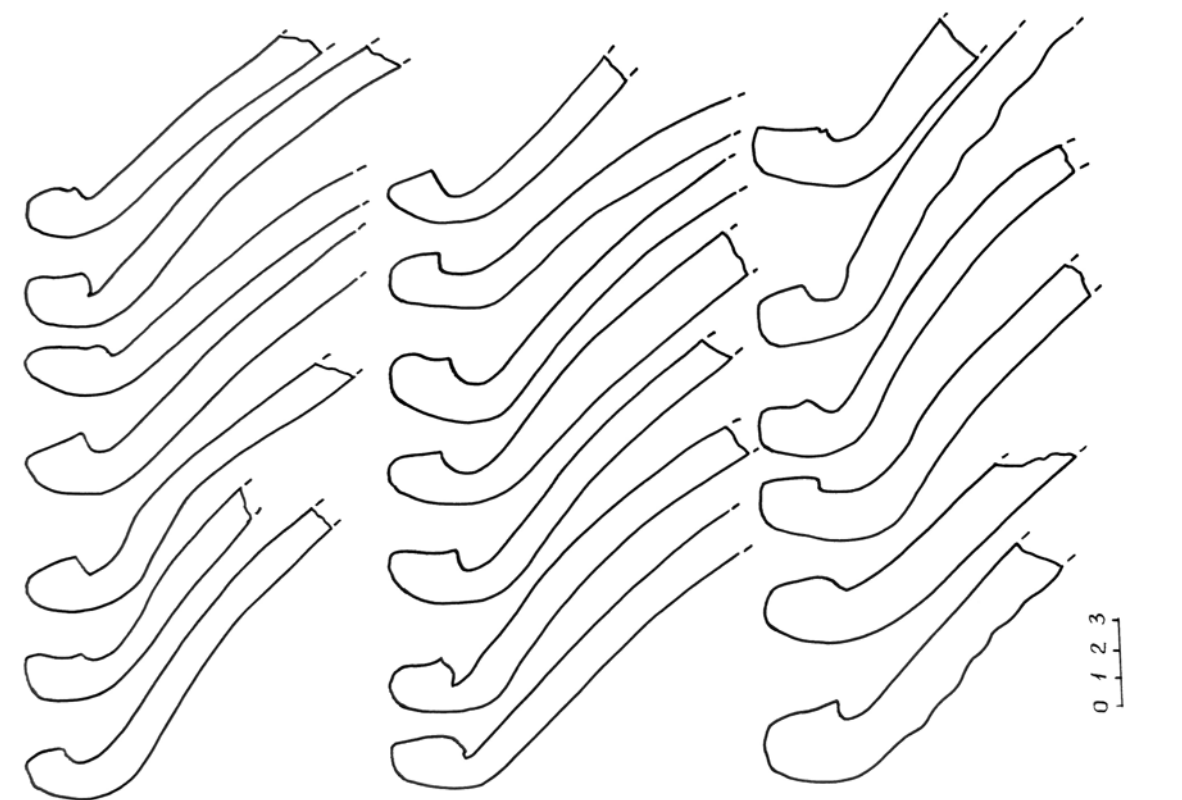

Рисунок 1.6. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) – 583, 481, 745, 672, 573, 638; средний ряд – 634, 444, 503, 532, 558, 752; нижний ряд – 472, 739, 746, 785, 733, 602.

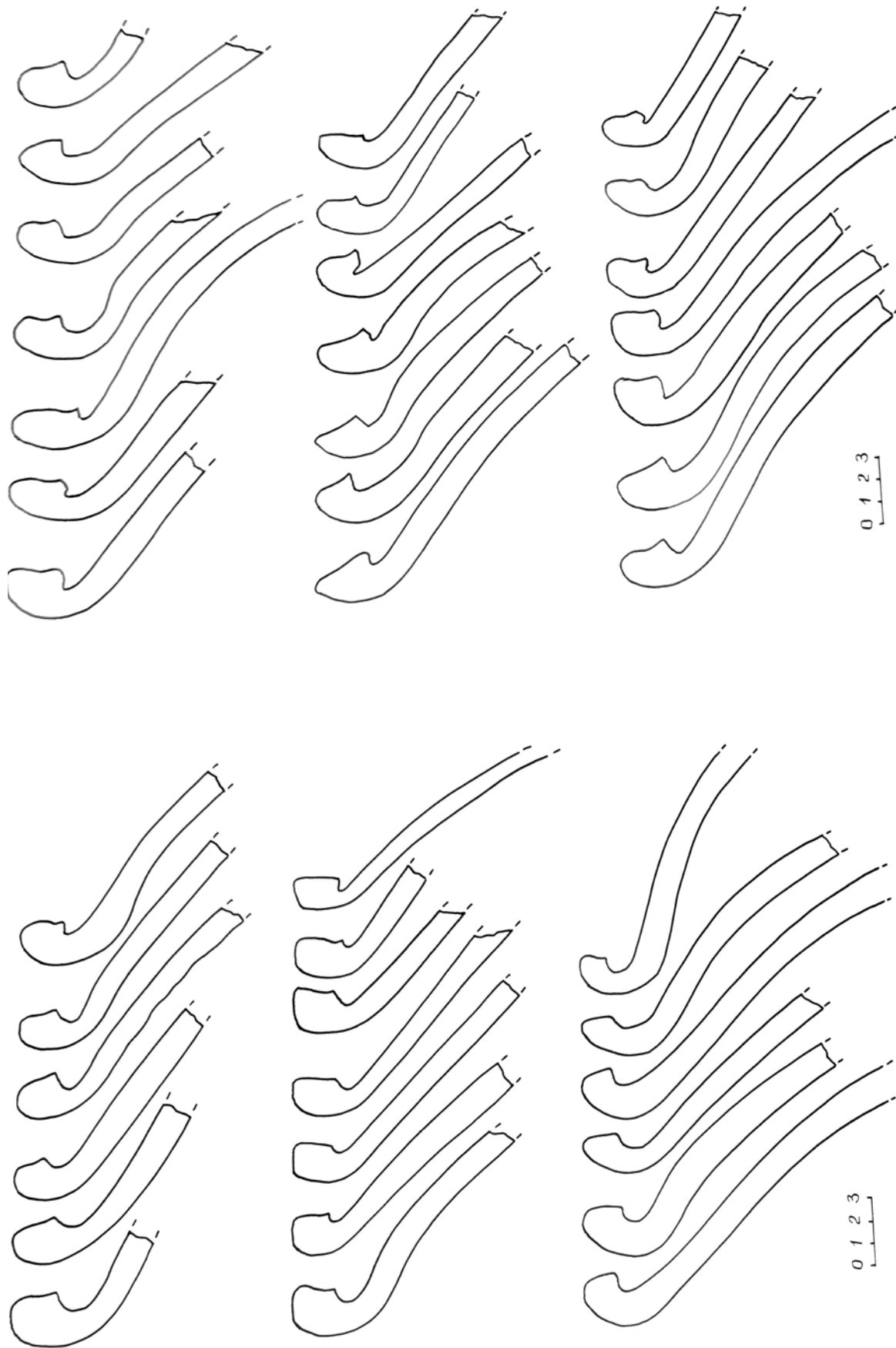

Рисунок 1.7. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) – 494, 553, 532, 503, 548, 492; средний ряд – 508, 455, 454, 501, 669, 477, 504; нижний ряд – 636, 514, 668, 636, 676, 617.

Рисунок 1.8. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) – 578, 572, 555, 557, 560, 568, 599; средний ряд – 458, 456, 530, 457, 459, 592, 605; нижний ряд – 557, 599, 564, 563, 614, 662, 663.

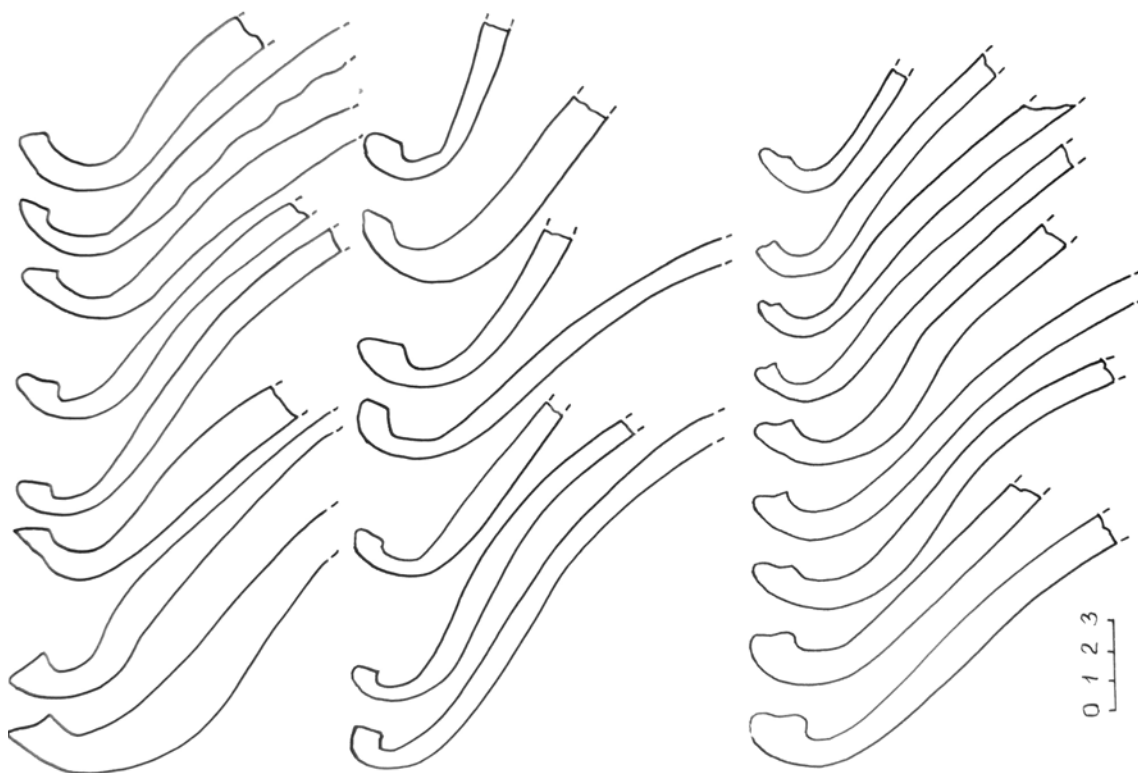

Рисунок 1.10. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) - 729, 731, 816, 763, 790, 791, 823, 770; средний ряд - 762, 827, 828, 869, 710, 764; нижний ряд - 588, 613, 705, 693, 723, 835, 836, 847, 885.

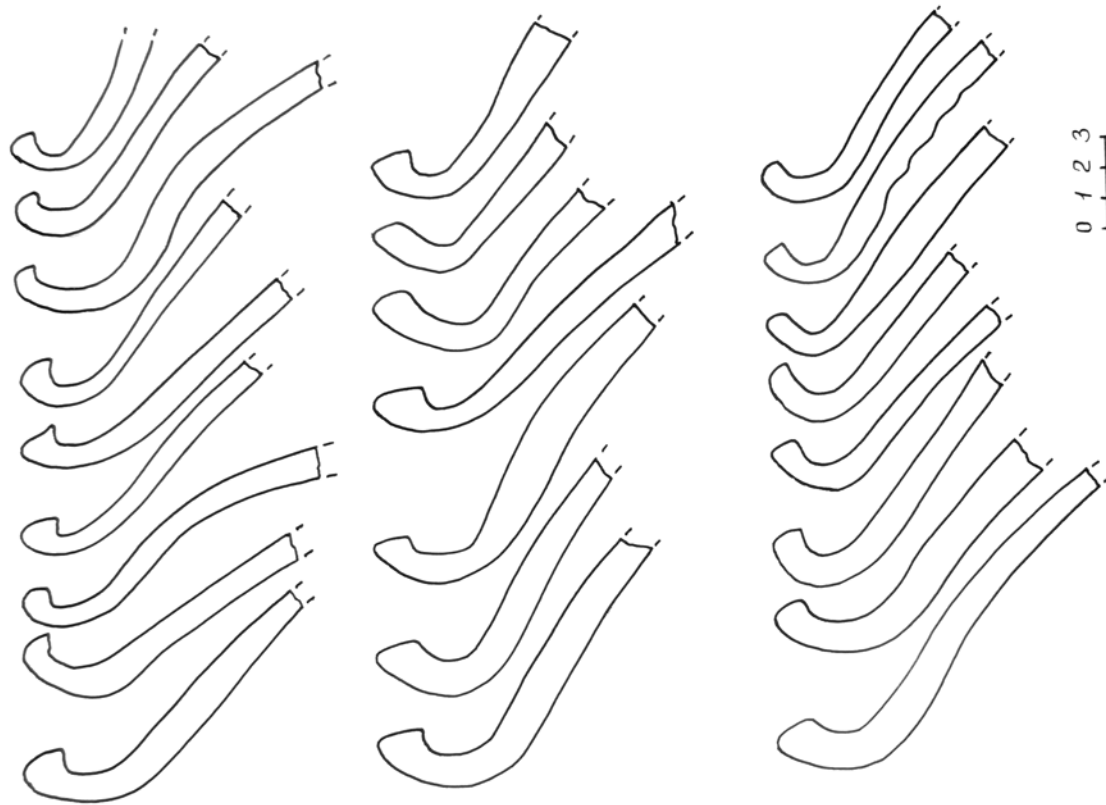

Рисунок 1.9. Сосуды закрытого типа. Верхний ряд (слева направо) - 724, 810, 800, 804, 789, 748, 881, 753, 890; средний ряд - 741, 615, 713, 627, 787, 747, 702; нижний ряд - 466, 720, 706, 755, 829, 691.

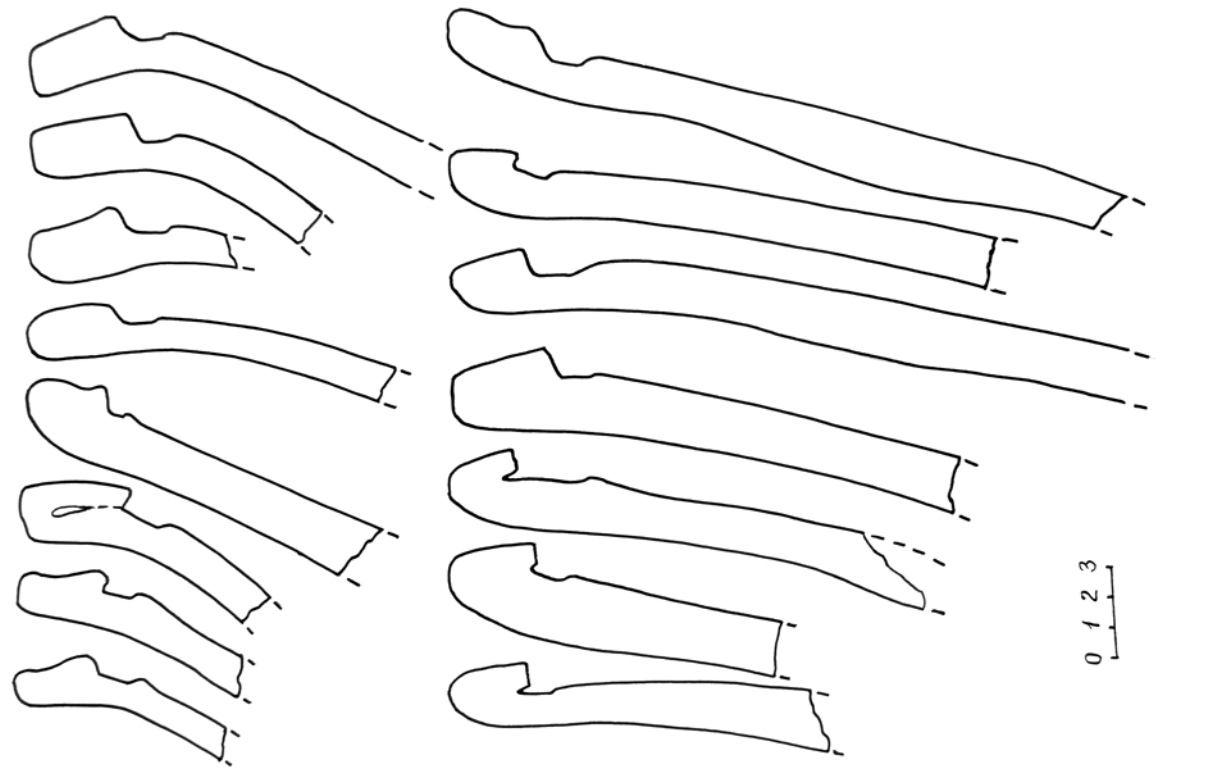

Рисунок 2.2. Сосуды с прямым и открытым устьем. Верхний ряд (слева направо) – 428, 384, 371, 343, 317, 404, 418, 312; нижний ряд – 367, 392, 340, 336, 275, 266, 278.

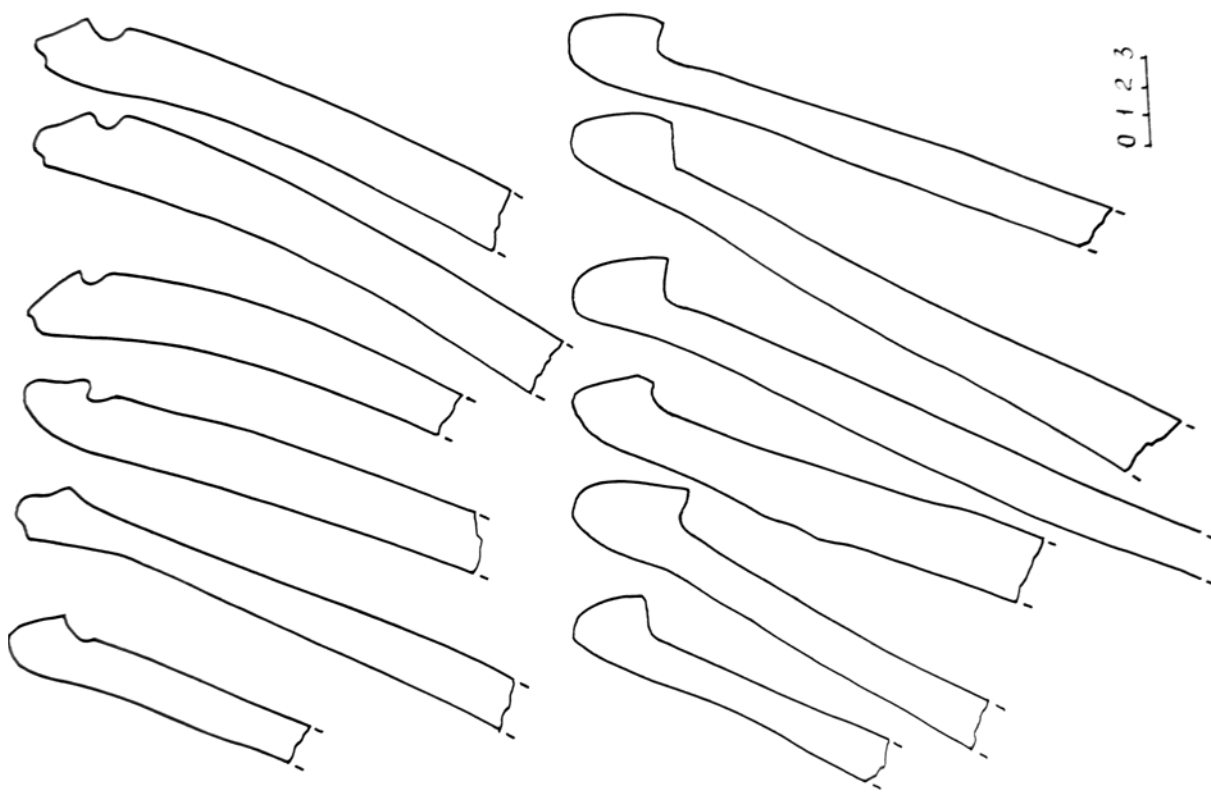

Рисунок 2.1. Сосуды с прямым и открытым устьем. Верхний ряд (слева направо) – 369, 338, 295, 270, 285, 277; нижний ряд – 370, 263, 326, 301, 265, 334.

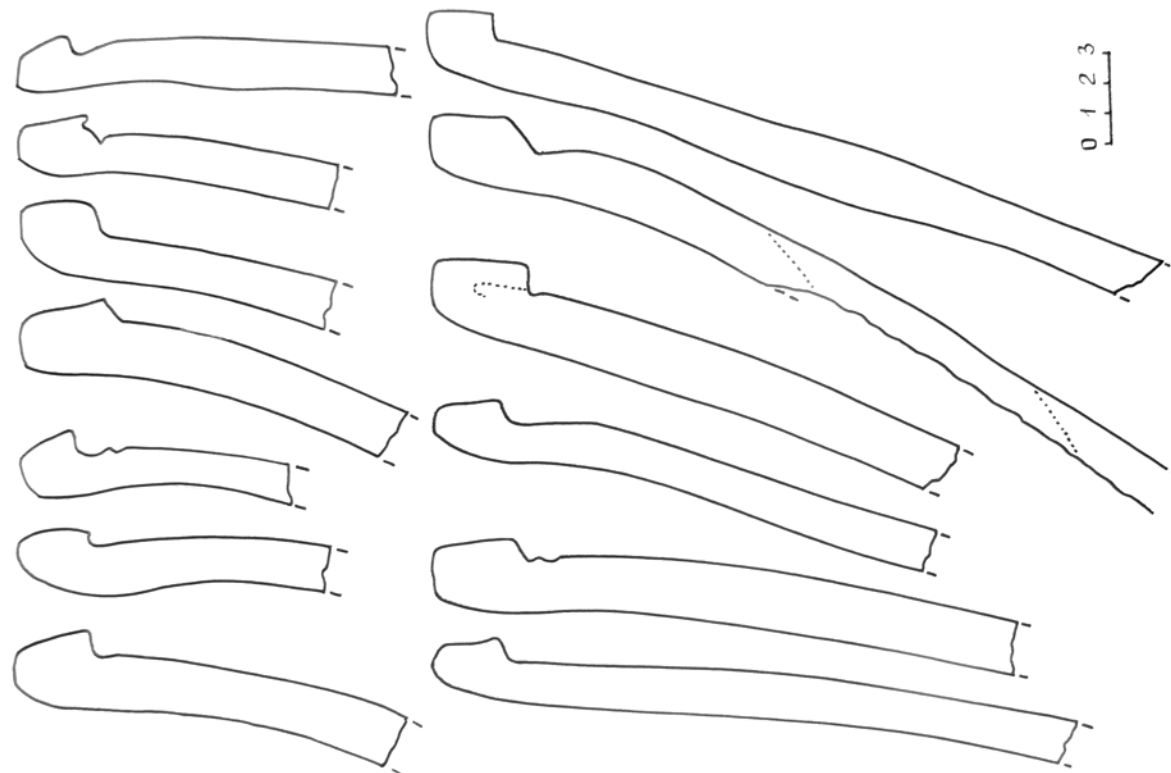

Рисунок 2.4. Сосуды с прямым и открытым устьем. Верхний ряд (слева направо) – 351, 365, 377, 356, 346, 378, 373; нижний ряд – 305, 303, 280, 262, 2736 293.

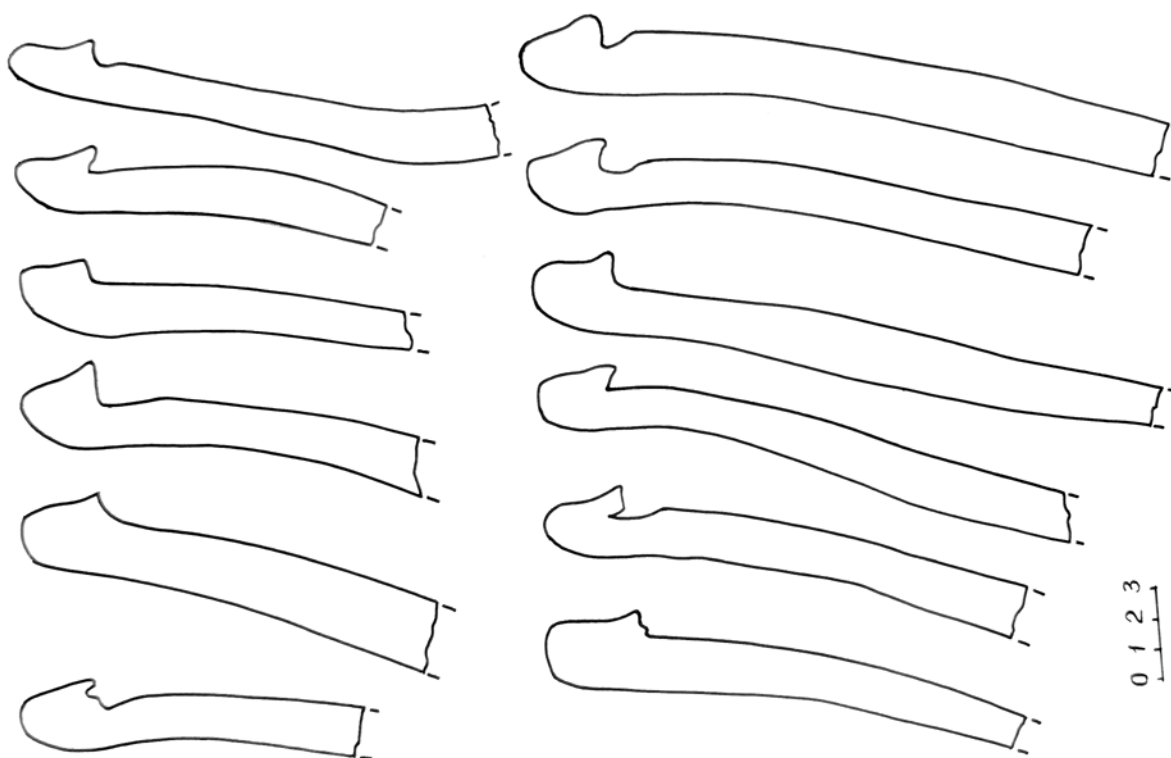

Рисунок 2.3. Сосуды с прямым и открытым устьем. Верхний ряд (слева направо) – 378, 315, 269, 345, 381, 321; нижний ряд – 320, 292, 286, 297, 274, 291.

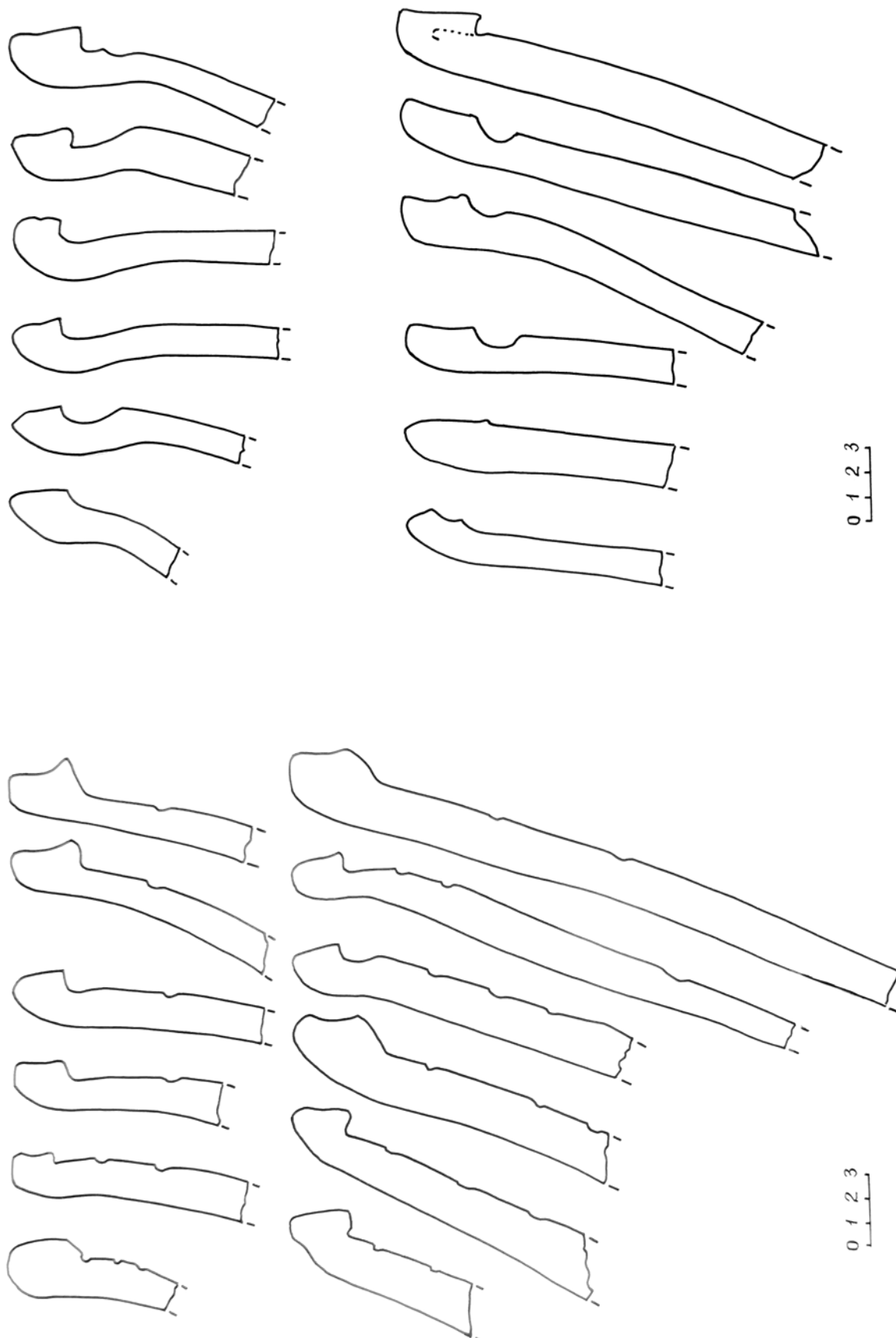

Рисунок 2.5. Сосуды с прямым и открытым устьем. Верхний ряд (слева направо) – 407, 395, 382, 368, 411, 379; нижний ряд – 403, 319, 402, 360, 302, 299.

Рисунок 2.6. Сосуды с прямым и открытым устьем. Верхний ряд (слева направо) – 431, 397, 344, 323, 313, 352; нижний ряд – 330, 331, 394, 318, 262, 263.

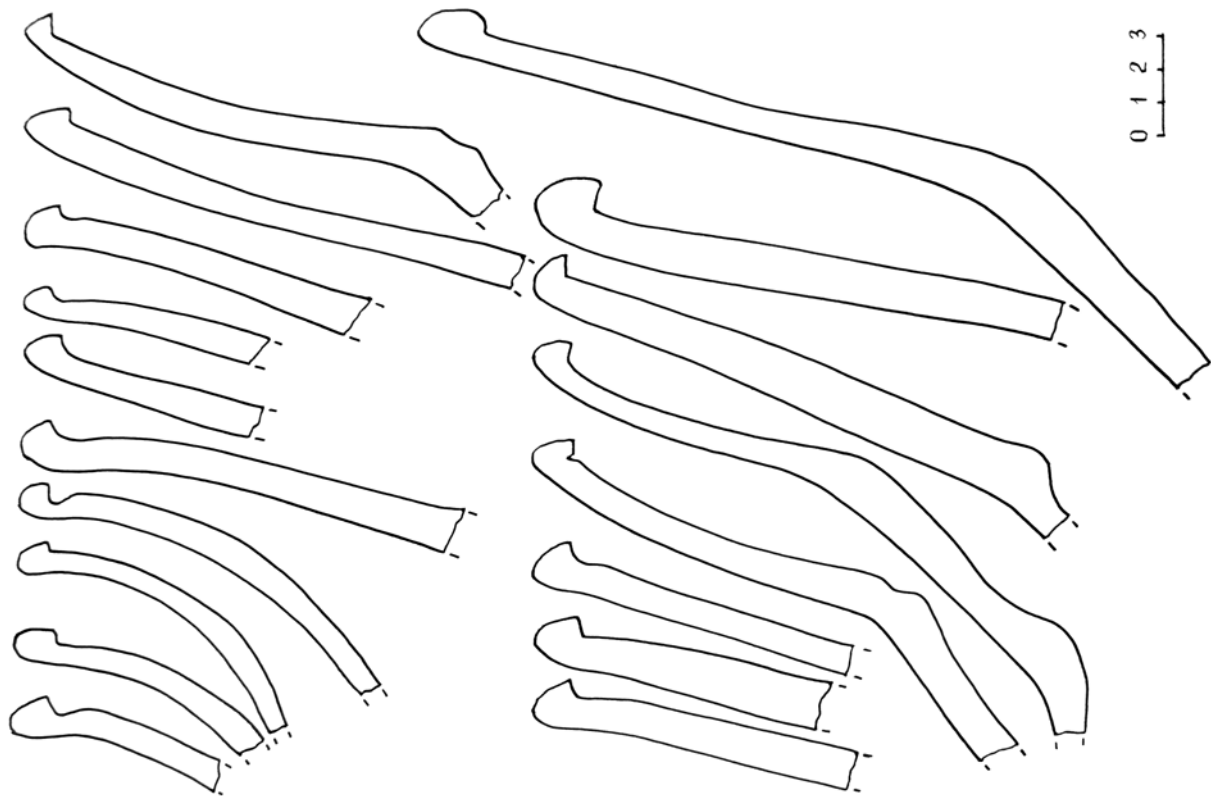

Рисунок 3.1. Сосуды с подкосом. Верхний ряд (слева направо) - 168, 186, 180, 152, 146, 165, 174, 96, 82, 65; нижний ряд - 112, 115, 99, 66, 154, 60, 88, 58.

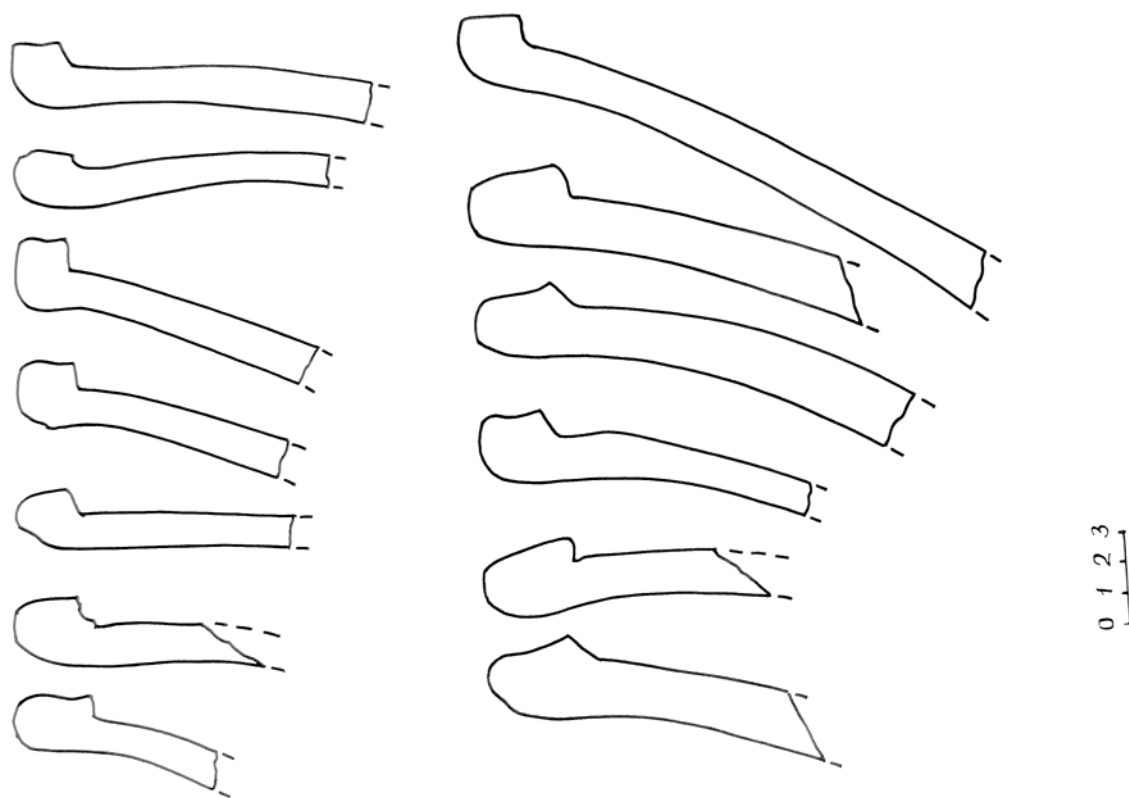

Рисунок 2.7. Сосуды с прямым и открытым устьем. Верхний ряд (слева направо) - 429, 396, 441, 393, 362, 400, 358; нижний ряд - 425, 438, 357, 268, 385, 342.

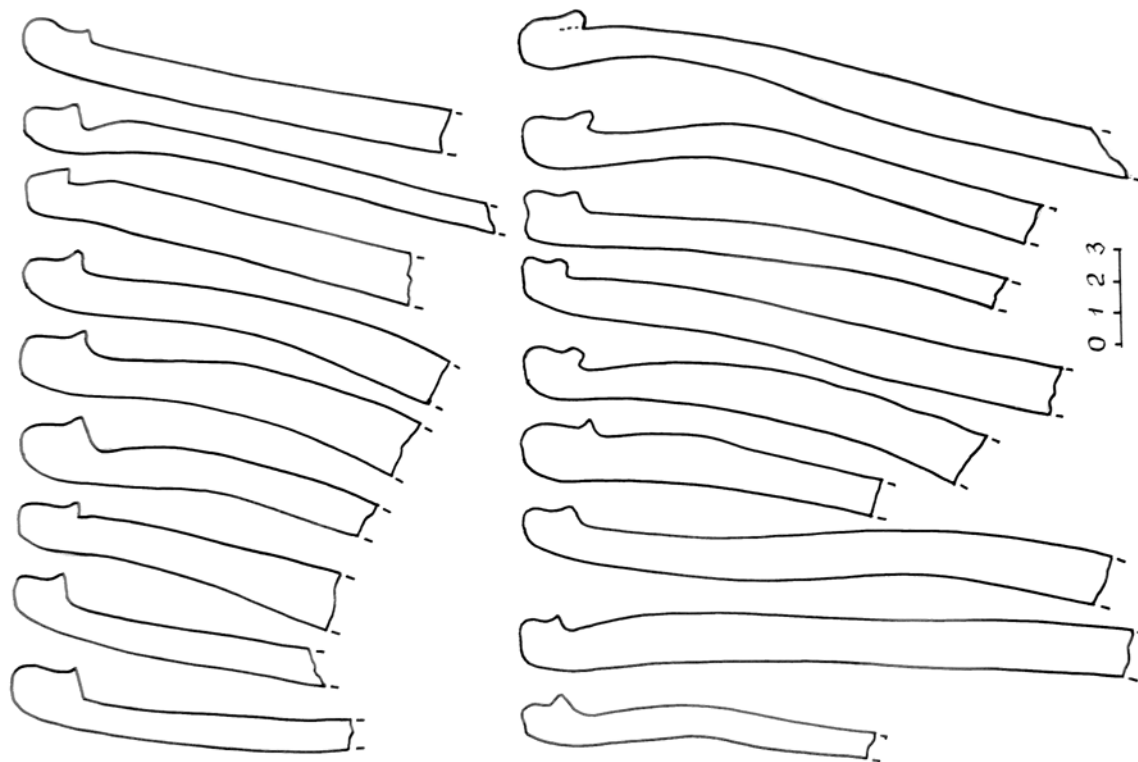

Рисунок 3.3. Сосуды с подкосом. Верхний ряд (слева направо) – 107, 110, 93, 111, 106, 90, 83, 85, 74; нижний ряд – 166, 63, 61, 73, 89, 86, 75, 78, 68.

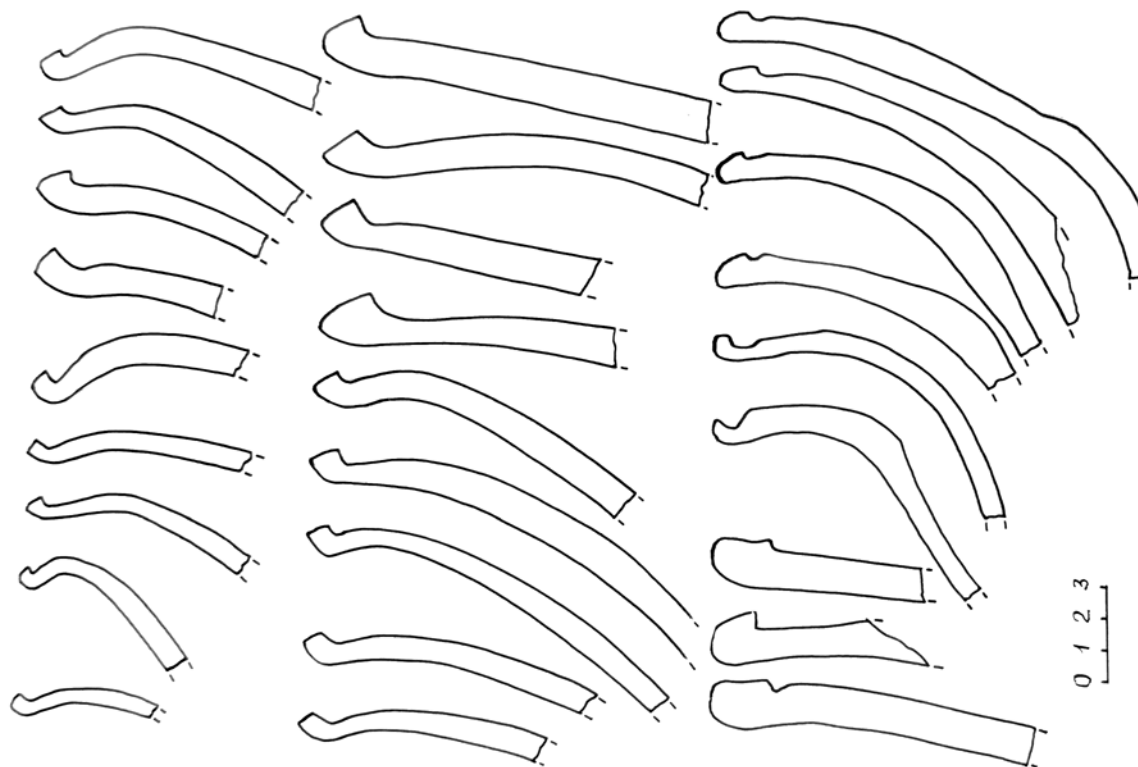

Рисунок 3.2. Сосуды с подкосом. Верхний ряд (слева направо) – 210, 202, 190, 201, 192, 172, 159, 189, 188; средний ряд – 184, 182, 181, 155, 185, 103, 135, 96, 95; нижний ряд – 94, 161, 125, 225, 215, 183, 156, 157, 151.

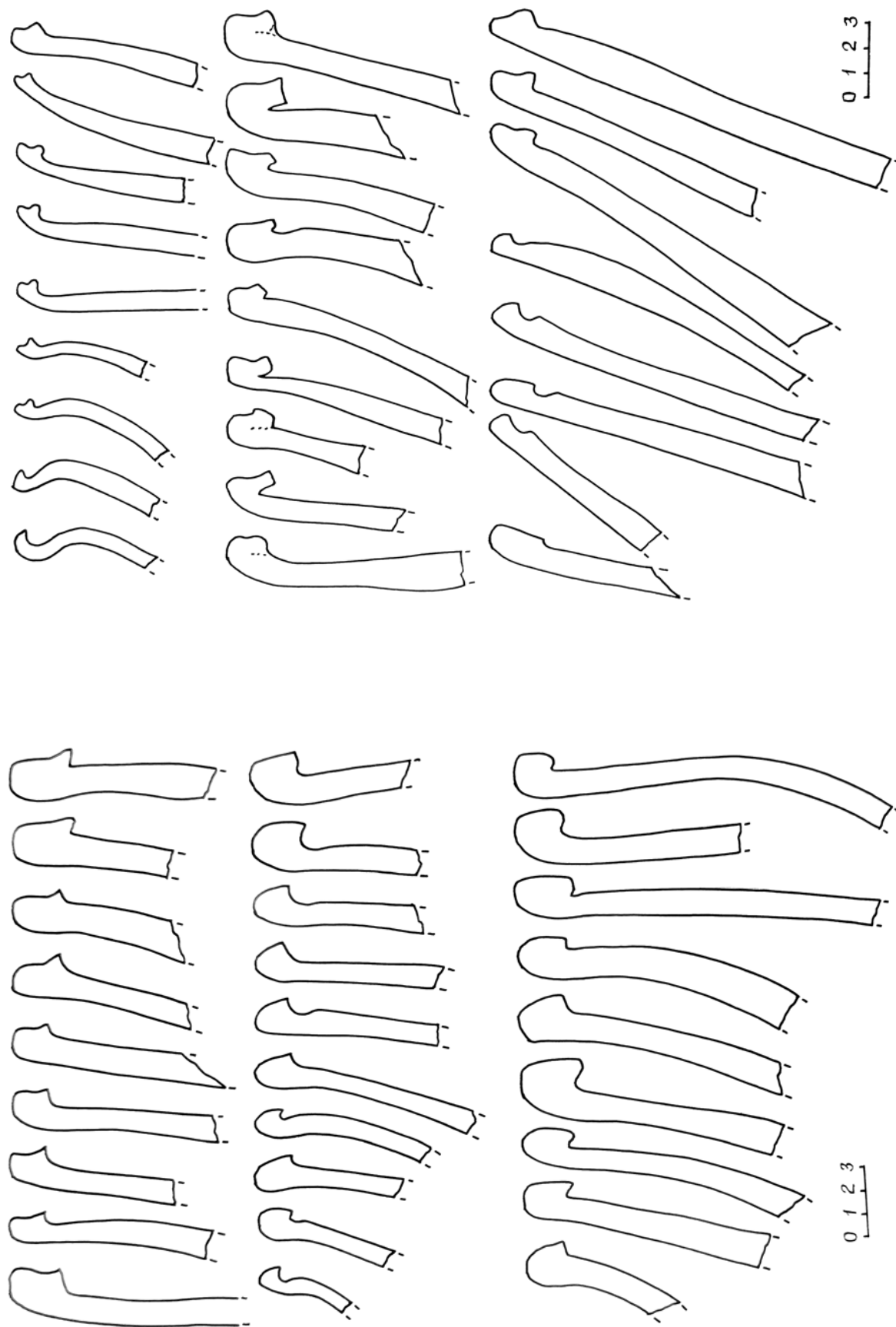

Рисунок 3.4. Сосуды с подкосом. Верхний ряд (слева направо) - 103, 130, 131, 114, 118, 137, 119, 133, 129; средний ряд - 207, 175, 142, 169, 171, 164, 117, 126, 136, 124; нижний ряд - 141, 104, 92, 108, 78, 101, 71, 98, 62.

Рисунок 3.5. Сосуды с подкосом. Верхний ряд (слева направо) - 199, 197, 230, 200, 160, 87, 163, 170 134; средний ряд - 84, 128, 139, 116, 100, 122, 123, 121, 113; нижний ряд - 120, 162, 97, 91, 148, 69, 80, 64.

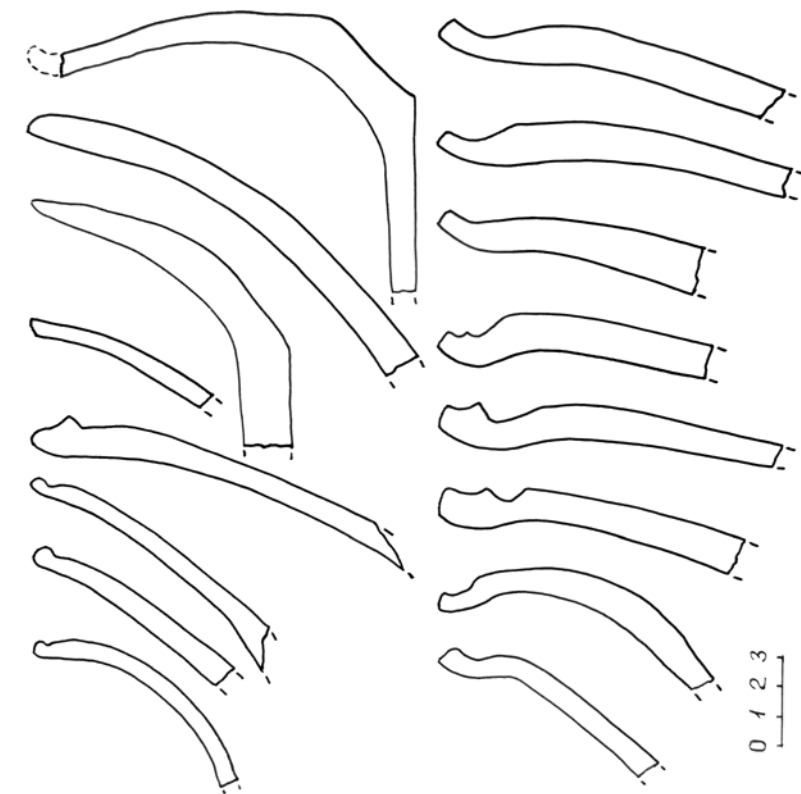
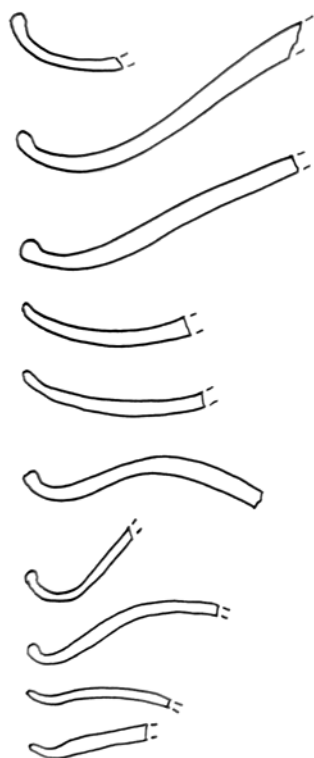

Рисунок 3.7. Сосуды с подкосом (средний и нижний ряды) и небольшие сосудики плавной профилировки (верхний ряд). Верхний ряд (слева направо) – 258, 254, 255, 259, 251, 257, 256, 252, 253, 260; средний ряд – 198, 179, 193, 147, 206, 203, 153, 212; нижний ряд – 187, 194, 109, 166, 102, 167, 149, 158.

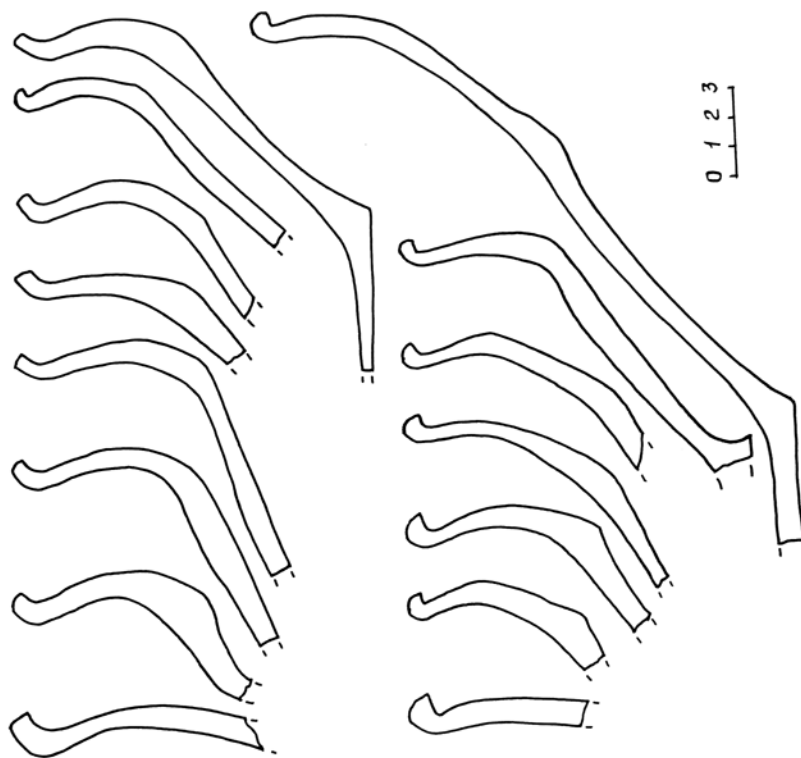
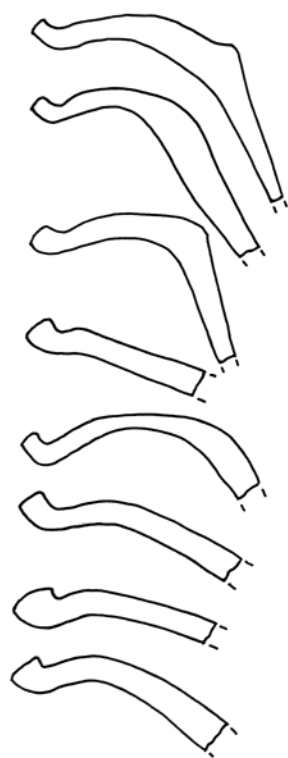

Рисунок 3.6. Сосуды с подкосом. Верхний ряд (слева направо) - 205, 204, 173, 195, 191, 220, 224, 222; средний ряд – 211, 221, 219, 901, 231, 227, 126, 213; нижний ряд – 177, 232, 229, 223, 228, 216, 214.

В.В. Куфтерин, Н.А. Дубова, Р.М. Сатаев

Диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз у населения Гонур-Депе – показатель социальной дифференциации?¹

На материалах совокупной выборки, включающей скелетные останки 209 взрослых индивидов (79 мужчин, 130 женщин) обсуждается связь между встречаемостью диффузно-идиопатического скелетного гиперостоза (ДИСГ), полом, возрастом, типом погребального сооружения и «социальным статусом» погребенных (качественным и количественным составом погребального инвентаря). На Гонур-депе ДИСГ преимущественно ассоциирован с мужским полом и увеличением возраста захороненных индивидов. Значимой связи между ДИСГ, «социальным статусом» и типом погребального сооружения не обнаружено. Возможно, что спектр доступных пищевых ресурсов у представителей гонурской «элиты» и рядового населения кардинально не отличался.

V.V. Kufferin, N.A. Dubova, R.M. Sataev

Does the incidence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis correlate with high social status in Gonur Depe skeletal population?

The association between incidence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH), sex and age, type of grave, and «social status» of buried individuals (quality and quantity of grave inventory) was tested in a sample consisting of 209 adult skeletons (79 males and 130 females). In Gonur Depe skeletal population DISH predominantly correlated with male sex and advanced age of the buried individuals. Associations between DISH, «social status» and grave types are not statistically significant. Probably the access to food recourses among «elite» and other social strata in Gonur Depe society did not differ.

DOI: 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428-180-191

Введение

Впервые вопрос о социальной стратификации маргианского общества был поднят В.И. Сарияниди. Анализируя взаимосвязь между типом погребального сооружения и сопроводительным инвентарем на Большом некрополе Гонура, он пришел к выводу о связи типа могильной ямы с социальным статусом погребенного. По его данным, наиболее «богатые» индивиды захоронены в камерных могилах и цистах (около 5%), представители «среднего класса» – в подбойных (шахтных) могилах

(85%), «бедное» население – в простых грунтовых ямах (около 10%) (Сарияниди, 2001, с. 35-36; Sarianidi, 2007, p. 24). Анализ связи между типом погребального сооружения («социальным статусом») и краниологическими особенностями погребенных, показал, что вариабельность антропологических параметров не была обусловлена социальной стратификацией (Дубова, Куфтерин, 2017; 2019). Отсутствие этой связи можно рассматривать как косвенное свидетельство отсутствия эндогамности социальных страт (Дубова, Куфтерин, 2019, с. 44). Возможно,

¹ Публикуется в соответствии с планами научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

анализ краниометрических характеристик, учитывая значительную вариабельность серии из Гонура в целом, не лучший инструмент для выявления социальной дифференциации гонурского населения. Тем не менее, эта работа положила начало реконструкции внутренней структуры этого общества методами физической антропологии.

В настоящей публикации представлены материалы к вопросу о социальной дифференциации населения Гонур-депе с опорой на анализ палеопатологического источника. В качестве возможного остеологического индикатора «социального статуса» выбран диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз (далее — ДИСГ). ДИСГ (болезнь Форестье, «фиксирующий лигаментоз» в старой терминологии) — патологическое состояние неясной этиологии, характеризующееся генерализованной оссификацией связочного аппарата позвоночника и добавочного скелета. Критерии рентгенологической и патоморфологической диагностики этого невоспалительного заболевания хорошо разработаны (Resnick, Niwayama, 1976; Utsinger, 1985). Патогномичные для ДИСГ остеологические проявления включают оссификацию передней продольной связки не менее четырех смежных позвонков средне- или нижнегрудного отдела с сохранением межпозвонкового пространства (Resnick, Niwayama, 1976) и экстраспинальные оссификации с вовлечением связочно-сухожильных компонентов костей и суставов (энтезисов) (Utsinger, 1985). Обсуждается связь этого состояния с метаболическими нарушениями, диабетом II типа и ожирением (Littlejohn, 1985; Kiss et al., 2002; Burner, Rosenthal, 2009). В плане биоархеологических реконструкций важно, что увеличение частоты встречаемости ДИСГ может рассматриваться как маркер увеличения продолжительности жизни и особенностей пищевого статуса группы (Arriza, 1993). На средневековых материалах из Великобритании (Уэлский собор, Королевский монетный двор в Лондоне) и Нидерландов (Маастрихт) выявлена связь

данного патологического состояния с «монашеским образом жизни» и нарушением обменных процессов вследствие обильного питания, отличавшегося от пищи мирян (Rogers, Waldron, 2001; Verlaan et al., 2007). В ряде палеопатологических работ обсуждается корреляция этого заболевания с высоким социальным статусом погребенных. На индивидуальном уровне показано наличие ДИСГ у представителей боковой линии рода Медичи во Флоренции — великих герцогов Козимо I и Фердинандо I (Giuffra et al., 2010). Палеоэпидемиологически гипотеза о связи ДИСГ с высоким социальным статусом подтверждается на литовских материалах I–II тыс. н.э. (Jankauskas, 2003).

В предлагаемом сообщении предпринимается попытка поиска связи между ДИСГ и «социальным статусом» у населения Гонур-депе. Отметим, что один случай вероятного ДИСГ на Гонуре ранее был опубликован (Куфтерин, 2010). Речь идет о скелете пожилой (50–60 лет) женщины из погребения 3336 на раскопе 12 (рис. 1).

Материал и методика исследования

Совокупную выборку для исследования распространенности ДИСГ на Гонур-депе составили скелетные останки 209 взрослых индивидов — 79 мужчин (37,8%) и 130 женщин (62,2%) из раскопок 2008–2015 гг. Основным критерием отбора материала, по-

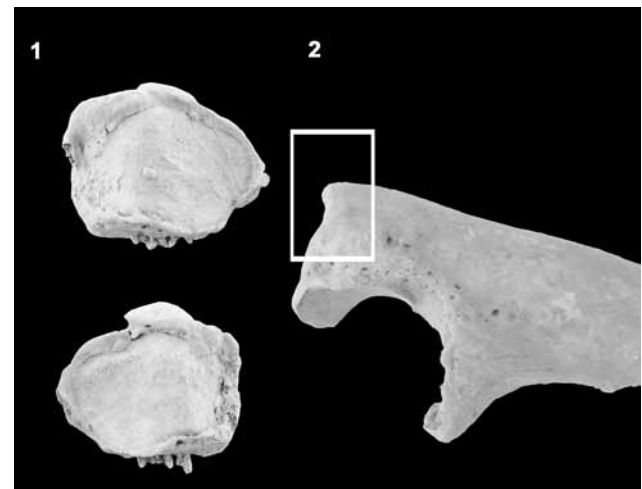

Рис. 1. Возможные проявления ДИСГ на скелете из погребения 3336 (женщина, 50–60 лет): оссификации (энтезопатии) в области надколенников (1) и локтевого отростка (2)

мимо удовлетворительной степени сохранности и комплектности, выступало наличие или отсутствие специального обследования на предмет патологических изменений. В зависимости от наличия и степени полноты сопутствующей информации, сформированы подвыборки для анализа связи ДИСГ с возрастом (195 индивидов), «социальным статусом» (156 индивидов) и типом погребального сооружения (205 индивидов). Погребенные, по которым имеется полная информация по всем анализируемым параметрам составили еще одну выборку, включающую 154 скелета (61 мужской и 93 женских). Таким образом, количество скелетных останков, вовлеченных в разные исследовательские процедуры, несколько отличалось.

При определении условного «социального статуса» погребенных принимался во внимание качественный и количественный состав погребального инвентаря, а также наличие в погребении заупокойной пищи. К условной категории «бедных» отнесены безынвентарные захоронения и захоронения с минимальным количеством инвентаря (не более 3–4 сосудов). «Богатые» захоронения характеризовались наличием большого количества сосудов (10 и более), изделий из драгоценных металлов и бронзы (больше двух единиц), «особых предметов» (миниатюрные колонки, каменные диски), изделий из слоновой кости. Промежуточные по своим характеристикам погребения условно отнесены к захоронениям представителей «среднего класса». Главная сложность при таком членении материала заключалась в факте ограбления (в ряде случаев неоднократного) ряда погребений. Ограбленные погребения, за исключением случаев, когда их отнесение к определенной условной категории было возможно (например, при наличии фрагментов золотых или серебряных изделий) из расчетов исключены (табл. 1).

Половозрастные характеристики определялись по общепринятым стандартам (Buikstra, Ubelaker, 1994), несколькими специалистами-антропологами независимо и

при необходимости коллегиально корректировались. Диагноз ДИСГ устанавливался макроскопически при наличии правосторонней оссификации передней продольной связки (двух и более позвонков, прежде всего грудного отдела) и/или экстраспинального костеобразования (особенно в области локтевого отростка, надколенника и бугра пяточной кости) (Utsinger, 1985). На не полностью анкилозированных позвонках обращалось внимание на специфичный для ДИСГ характер костных разрастаний (плавные вертикальные остеофиты по типу «расплавленного воска свечи», начинающиеся в центральной трети тела позвонка) (Castells Navarro, Buckberry, 2020). При наличии подобных изменений ставился предположительный диагноз ДИСГ (ранний ДИСГ) (рис. 2). Случаи с однозначно определенным и предполагаемым (ранним) ДИСГ учтены совместно. Такой подход, хотя и чреват некоторым искажением информации (завышение процента встречаемости патологии), оправдывается фактом наличия не полностью комплектных скелетов – ситуация нередкая для палеопатологических исследований (Paja et al., 2010). Статистическая обработка данных проводилась с использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок, коэффициента ранговой корреляции Спирмена и однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) в пакете программ Statistica 12.0.

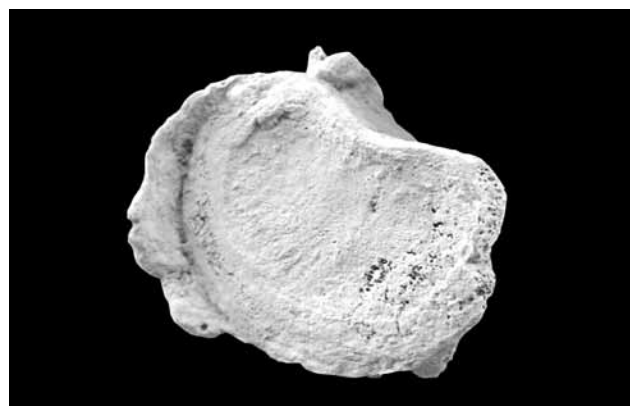

Рис. 2. Вертикальный остеофит (≥ 12 мм), образовавшийся в результате правостороннего окостенения передней продольной связки на фрагменте поясничного позвонка (краниальная норма) индивида из погребения 4143 (мужчина, 45–55 лет)

Таблица 1

Опись анализируемых погребений Гонур-депе

№ погр.	Возраст	КПС	Керамика (кол-во сосудов)	Другие артефакты	«Статусные» артефакты	Заупокойная пища	Ограбление
Мужские (♂)							
3767	mat.	яма	1 фр.	+		+	+
3779	mat.	подбой	4			+	
3798	sen.	подбой	6	+		+	+
3807	mat.	подбой	2				
3809	mat.	подбой	5				
3831	ad.	подбой	2				
3833	mat.	циста	5	+	+		+
3854	ad.	циста	10	+			
3863	sen.	подбой	7			+	
3870	ad.	подбой	12	+	+	+	
3883	ad.	яма	3				
3894	sen.	циста	4			+	
3900(1)	ad.	«котлован» *					
3900(2)	ad.						
3900(6)	ad.			+	+		
3900(7)	ad.						
3905(1)	mat.	гробница				+	+
3915(1)	mat.	гробница					+
3954	sen.	подбой	6	+			
4013	sen.	яма		+		+	+
4014	sen.	циста	13	+	+	+	
4020	mat.	циста	5			+	
4035	mat.	яма	1 фр.				
4039	mat.	циста	15	+		+	
4046	ad.	подбой	4				
4059	ad.	яма					
4113	ad.	подбой	3			+	+
4126	mat.	подбой	4				+
4127	ad.	яма	фр.				+
4143	sen.	подбой	4				
4145	juv.	циста	3				

* «Котлован» – грунтовая яма диаметром около 6 м. Описаны только на «царском некрополе» Гонура.

Продолжение Таблицы 1

4150	mat.	камера	≥5	+	+	+	+
4201(2)	ad.	циста					+
4213	mat.	подбой				+	+
4232	ad.	подбой	2				
4239	ad.	подбой	фр.				+
4249	ad.	циста	фр.			+	+
4254	30–60	яма		+			
4257	sen.	яма	1 фр.				
4275	mat.	подбой	5				+
4286(1)	mat.	циста					+
4292	mat.	яма	2				
4294	sen.	печь	2+фр.	+			
4316	ad.	подбой	7		+	+	+
4343(1)	mat.	яма	фр.			+	+
4344	mat.	яма	2	+	+	+	+
4372(1)	ad.	подбой	4				+
4373	mat.	подбой	3				
4382	mat.	подбой	8				+
4415	ad.	подбой	3				+
4421	ad.	подбой	3			+	+
4422	ad.	подбой	6			+	
4449	mat.	подбой	3	+		+	+
4458	mat.	подбой	4			+	+
4462	juv.	подбой	5	+			
4464(1)	mat.	подбой	7	+			+
4465	mat.	подбой		+			+
4476	ad.	подбой	4			+	+
4481	ad.	подбой					+
4507	mat.	яма					+
Г20/1	mat.	?					
Г20/2	mat.	циста	13			+	
Г20/8	mat.	яма	2				+
Г20/12	ad.	циста	9				+
Г20/31	sen.	циста	15			+	
Г20/37	ad.	подбой	9	+	+	+	
Г20/40	sen.	подбой	6				

Продолжение Таблицы 1

Г20/52	ad.	подбой	1				
Г20/54	mat.	подбой	2				
Г20/65	sen.	подбой	13	+	+		+
Г20/69	mat.	подбой					
Г21/2(1)	mat.	циста	5				+
Г21/5	ad.	циста	2+фр.				+
Г21/7	ad.	циста	3	+			
Г21/10	ad.	подбой	10	+			+
Женские (♀)							
3774(1)	ad.	циста	фр.	+			+
3787	mat.	подбой	5	+		+	
3796	mat.	подбой	6	+			
3799	ad.	подбой	4	+		+	
3803	ad.	циста	3				
3804	ad.	яма	3	+		+	
3808	mat.	яма	1	+			
3811	mat.	яма	3				
3815	ad.	циста	9	+	+	+	
3823	ad.	яма	3	+	+		
3825	mat.	подбой	2				
3843	ad.	яма	3	+		+	
3846	mat.	подбой	4	+			
3849(a)	ad.	циста	1	+		+	
3850	mat.	циста	10	+		+	+
3851	mat.	циста	11	+			
3858	ad.	циста	12	+		+	
3860	juv.	циста	6	+			
3862	ad.	подбой	2				
3865	sen.	камера	14			+	
3867	ad.	яма	5	+	+		
3869	mat.	подбой	1				
3875	mat.	яма	6	+			
3885	juv.	яма	7	+	+	+	
3891	ad.	подбой					
3898	mat.	циста	6	+	+		
3903	mat.	циста	4	+	+	+	

Продолжение Таблицы 1

3905(3)	ad.	гробница				+	
3912	mat.	подбой	5				
3937	ad.	подбой	4				
3951	ad.	подбой	6	+			+
3952	ad.	подбой		+			
3965	mat.	подбой	2	+	+		+
4022	mat.	яма	3	+			
4033	mat.	яма	4				
4034	ad.	циста				+	
4038	sen.	камера	12	+	+	+	
4041	ad.	подбой		+		+	+
4049	sen.	яма	5				
4060(1)	ad.	яма					
4068	ad.	яма					+
4070	mat.	циста	26	+	+	+	
4096	mat.	яма	5				
4108	mat.	подбой	5	+		+	
4110(4)	mat.	яма					
4111	mat.	циста	12	+			
4121	sen.	яма	1				
4136	mat.	циста	?	+		+	+
4141	ad.	яма	7			+	+
4167	mat.	циста	5	+			
4168	sen.	подбой	10			+	
4174	sen.	подбой	5	+			
4176	ad.	подбой	6	+			
4180	ad.	подбой	4			+	+
4181	sen.	фракц.					
4185	ad.	циста	2			+	+
4186	mat.	подбой	2	+			
4192	ad.	яма	фр.				+
4194	ad.	подбой	13	+			
4196	ad.	подбой	2				+
4197	sen.	подбой	2	+			
4200	ad.	подбой	10	+		+	
4201(1)	mat.	циста	3				

Продолжение Таблицы 1

4205	sen.	яма					
4209	mat.	яма	6	+			
4219	ad.	подбой		+			
4236(1)	ad.	подбой	6	+			
4237	sen.	подбой	8				
4238	35–55	подбой	7	+			
4246	inf. II	яма	фр.				
4255	mat.	подбой					
4259	mat.	подбой		+	+	+	
4261(1)	mat.	подбой	фр.			+	+
4265	mat.	камера		+		+	+
4270	juv.	циста	4+фр.	+	+	+	+
4277	sen.	подбой	4	+			
4278	mat.	яма	4	+		+	
4281	mat.	яма	2	+			
4284	ad.	яма					
4290(1)	juv.	циста	6+фр.	+	+	+	+
4290(2)	mat.						
4320	ad.	яма	4	+		+	
4324	ad.	циста	4	+			+
4325	sen.	подбой	5	+	+	+	
4329(2)	mat.	подбой	8	+	+		
4334	ad.	подбой	4	+			
4335	ad.	подбой	1	+		+	
4337(1)	ad.	яма	2				+
4337(2)	ad.						
4342	ad.	яма	4	+		+	
4348	ad.	подбой	фр.				+
4351	sen.	подбой	фр.				+
4352	juv.	подбой	2	+			+
4383	ad.	подбой	2+фр.				+
4411	mat.	подбой	5	+			+
4414	ad.	подбой	4	+		+	+
4420	ad.	яма					
4450	ad.	подбой					
4452	mat.	подбой					

Продолжение Таблицы 1

4460	ad.	подбой					
4464(2)	ad.	подбой	7	+			+
4466	mat.	подбой				+	
4470	sen.	яма					
4472	mat.	циста				+	
4475	ad.	подбой					
4477	ad.	подбой					
4479	ad.	подбой					
4484	ad.	подбой					
4487	20–60	подбой					
4496	sen.	яма					
4501(1)	ad.	яма	2+фр.	+		+	+
4508	sen.	циста				+	
4517	ad.	яма					
4520	ad.	яма					
4526	mat.	яма					
4531	mat.	яма					
4547(1)	sen.	подбой	4	+			+
4556(1)	ad.	циста	1+фр.	+	+		+
Г20/27	mat.	циста	10	+			
Г20/30	ad.	подбой					
Г20/32	ad.	подбой	1	+	+		+
Г20/34	mat.	подбой					
Г20/42	sen.	подбой					
Г20/47	ad.	циста	13	+		+	+
Г20/58	mat.	циста	8				+
Г21/6	ad.	циста	8	+			+
Г21/8	sen.	яма	3	+	+		
Г21/16(1)	mat.	циста	30!	+	+		+
Г21/17	ad.	яма	1				

Примечание. КПС – конструкция погребального сооружения.

Результаты

В совокупной выборке остеологические проявления, ассоциируемые с ДИСГ или его ранней стадией, зафиксированы с частотой $6,70 \pm 1,73\%$ – 14 случаев на 209 наблюдений (табл. 2). Большинство случаев приходится на мужскую подгруппу ($13,92 \pm 3,89\%$), три – на женскую

($2,31 \pm 1,32\%$). Различия статистически достоверны ($t=2,83$, $p<0,01$). Встречаемость ДИСГ существенно и статистически значимо связана с возрастом (табл. 3) и увеличивается после 35 лет ($t=2,74$, $p<0,01$). Статистические различия по встречаемости ДИСГ между индивидами 35–50 лет и более старшего возраста отсутствуют

Таблица 2

Остеологические проявления ДИСГ на скелетах из Гонур-депе

(«+» – признак присутствует, «-» – признак отсутствует, «?» – наблюдение невозможно)

Признак	3779	3798	3900(6)	3912	3935	4014	4020
Оссификация ППС справа	+	+	+	+	+	+	+
Кол-во вовлеченных позвонков	3	2	2	3	4	4?	3
Сужение межпозвонкового пространства	?	-	-	-	-	-	-
Сужение суставной щели	-	-	-	-	-	-	-
Стеноз позвоночного канала	?	+	+	+	+	+	+
Обызвествление диска	+	+	+	+	+	+	+
Энтезопатии (плечевой пояс и верхняя конечность)	?	?	?	-	-	+	-
Энтезопатии (тазовый пояс и нижняя конечность)	+	?	?	+	+	+	+
Спинальные оссификации	+	+	+	+	+	+	+
Экстраспинальные оссификации	+	?	?	+	+	+	+
Сращение КПС	-	-	-	-	-	-	-
Признак	4143	4201(2)	4236(1)	4259	4449	Г20/1	Г20/8
Оссификация ППС справа	+	+	+	+	+	+	+
Кол-во вовлеченных позвонков	4	2	10	7	3	2	3
Сужение межпозвонкового пространства	-	-	-	-	-	-	-
Сужение суставной щели	-	-	-	-	-	-	-
Стеноз позвоночного канала	+	+	+	+	?	+	+
Обызвествление диска	+	+	+	+	-	+	+
Энтезопатии (плечевой пояс и верхняя конечность)	+	-	-	-	-	+	?
Энтезопатии (тазовый пояс и нижняя конечность)	+	-	-	-	+	+	?
Спинальные оссификации	+	+	+	+	+	+	+
Экстраспинальные оссификации	+	-	-	-	+	+	?
Сращение КПС	-	-	-	-	-	-	-

Примечание. ППС – передняя продольная связка, КПС – крестцово-подвздошное сочленение. Перечень признаков приводится по: (Paja et al., 2010, p. 76), с изменениями.

Таблица 3

Встречаемость ДИСГ в различных возрастных группах населения Гонур-депе

Возраст	<i>N</i>	<i>n</i>	<i>P, %</i>	<i>m_p</i>
20–35	85	1	1,18	1,17
35–50	76	9	11,84	3,71
50+	34	4	11,76	5,52

Примечание. Здесь и далее: *N* – объем выборки (число наблюдений), *n* – число случаев, *P* – относительная частота, *m_p* – среднеквадратичная ошибка частоты.

Таблица 4

Встречаемость ДИСГ в зависимости от пола и «социального статуса» погребенных на Гонур-депе

Пол	«Социальный статус»	<i>N</i>	<i>n</i>	<i>P, %</i>	<i>m_p</i>
♂	Богатые	14	2	14,29	9,35
	«Средний класс»	23	6	26,09	9,16
	Бедные	24	2	8,33	5,64
♀	Богатые	35	2	5,71	3,92
	«Средний класс»	35	1	2,86	2,82
	Бедные	25	0	0,00	0,00
♂+♀	Богатые	49	4	8,16	3,91
	«Средний класс»	58	5	8,62	3,69
	Бедные	49	2	4,08	2,83

Таблица 5

Встречаемость ДИСГ в зависимости от типа погребального сооружения на Гонур-депе

Типы погребальных сооружений	<i>N</i>	<i>n</i>	<i>P, %</i>	<i>m_p</i>
Камеры и цисты	51	5	9,80	4,16
Подбойные (шахтные)	94	7	7,45	2,71
Ямные	54	1	1,85	1,83
Другие	6	1	16,67	15,22

Таблица 6

Коэффициенты ранговой корреляции (*ρ*) между встречаемостью ДИСГ, половозрастными характеристиками, «социальным статусом» и типом погребального сооружения для мужчин, женщин и объединенной выборки из Гонур-депе

Признак	♂	♀	♂+♀
<i>N</i>	61	93	154
Пол	1,000	1,000	-0,188
Возраст	0,357	0,004	0,199
«Социальный статус»	-0,079	-0,129	-0,059
Тип погребения	-0,125	-0,015	-0,075

Примечание. Выделены статистически значимые величины при $p < 0,05$.

($t=0,01, p > 0,05$). Статистические различия по встречаемости ДИСГ у представителей групп различного «социального статуса» не выявляются как в объединенной по полу выборке (богатые и «средний класс»: $t=0,09, p > 0,05$; богатые и бедные: $t=0,85, p > 0,05$; «средний класс» и бедные: $t=0,98, p > 0,05$), так для мужчин (соответственно: $t=0,90, p > 0,05$; $t=0,55, p > 0,05$; $t=1,65, p > 0,05$) и женщин ($t=0,59, p > 0,05$; $t=1,46, p > 0,05$; $t=1,01, p > 0,05$) в отдельности (табл. 4). Статистическая связь между встречаемостью ДИСГ и типом погребального сооружения (табл. 5) также отсутствует (цисты и подбойные захоронения: $t=0,47, p > 0,05$; цисты и ямные захоронения: $t=1,75, p > 0,05$; подбойные и ямные захоронения: $t=1,71, p > 0,05$).

Полученные для совокупной выборки результаты подтверждаются и при рассмотрении выборки, включающей скелеты, для которых имеется информация по всем анализируемым параметрам. Величины коэффициентов ранговой корреляции (табл. 6) свидетельствуют об ассоциации ДИСГ с мужским полом и возрастом погребенных (у мужчин и в совокупной выборке), при отсутствии связи с «социальным статусом» и типом погребения. Дисперсионный анализ также продемонстрировал значимость различий по факторам «пол» ($F=5,56, p=0,019$) и «возраст» ($F=3,10, p=0,048$), при отсутствии таковых по факторам «социальный статус» ($F=0,42, p > 0,05$) и «тип погребения» ($F=0,99, p > 0,05$).

Обсуждение результатов и заключение

Полученные результаты хорошо согласуются с данными литературы о преимущественной встречаемости ДИСГ у представителей мужского пола и старших возрастов (Arriza, 1993; Jankauskas, 2003). Отсутствие значимой связи между ДИСГ, «социальным статусом» и типом погребального сооружения на Гонуре оказалось фактом, противоречащим ожиданиям. Предполагается, что ДИСГ с наибольшей частотой должен обнаруживаться у представителей

оседлых групп со сложной социальной иерархией, особенно у представителей элиты, обладавшей лучшим доступом к пищевым ресурсам и, соответственно, высококалорийной диете (Arriaza, 1993). Полученные нами результаты вряд ли стоит трактовать как косвенное свидетельство эгалитарности гонурского общества. Однако вполне возможно, что спектр доступных пищевых ресурсов у представителей гонурской «элиты» и рядового населения кардинально не отличался. С другой стороны, в свете палеопатологических данных по особенностям диеты жителей Гонура, большая частота встречаемости ДИСГ в мужской выборке вполне ожидаема. Судя по характеру рас-

пределения стоматологических заболеваний (кариеса и зубного камня), белковая компонента значительно лучше была представлена в диете гонурских мужчин (Сатаев и др., 2017). Таким образом, гипотеза о связи ДИСГ с высоким социальным статусом для населения Гонур-депе не подтверждается. В тоже время, индивиды с определенным или предполагаемым ДИСГ, очевидно, занимали далеко не последнее место в социальной иерархии гонурского общества. Абсолютное их большинство происходит из захоронений в цистах и подбойных могилах, вероятно использовавшихся для погребения соответственно «высшего» и «среднего» слоев населения Гонура.

ЛИТЕРАТУРА

- Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Данные археологии и антропологии по социальной стратификации древнеземледельческого общества Маргианы (Туркменистан) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 31-37.
- Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Внутригрупповая вариация краниологических параметров серии Гонур-депе (Туркменистан, эпоха бронзы) и ее зависимость от социально-культурных характеристик // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 42-45. DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-42-45
- Куфтерин В.В. Материалы к палеопатологии Гонур-депе (Туркменистан) // Человек: его биологическая и социальная история. М. – Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. Т. 2. С. 97-102.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В. Особенности диеты древнего населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) по данным междисциплинарных исследований // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. Казань: ООО «Озон», 2017. С. 50.
- Arriaza V.T. Seronegative spondyloarthropathies and diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in ancient Northern Chile // American Journal of Physical Anthropology. 1993. Vol. 91 (3). P. 263-278. DOI: 10.1002/ajpa.1330910302
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.) Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey. Research Series. 1994. No. 44. 264 p.
- Burner T.W., Rosenthal A.K. Diabetes and rheumatic diseases // Current Opinions in Rheumatology. 2009. Vol. 21. P. 50-54. DOI: 10.1097/BOR.0b013e32831bc0c4
- Castells Navarro L., Buckberry J. Back to the beginning: Identifying lesions of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis prior to vertebral ankylosis // International Journal of Paleopathology. 2020. Vol. 28. P. 59-68. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.12.004
- Giuffra V., Giusiani S., Fornaciari A., Villari N., Vitiello A., Fornaciari G. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in the Medici, Grand Dukes of Florence (XVI century) // European Spine Journal. 2010. Vol. 19. P. 103-107. DOI: 10.1007/s00586-009-1125-3
- Jankauskas R. The incidence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis and social status correlations in Lithuanian skeletal materials // International Journal of Osteoarchaeology. 2003. Vol. 13. P. 289-293. DOI: 10.1002/oa.697
- Kiss C., Szilágyi M., Paksy A., Poór G. 2002. Risk factors for diffuse idiopathic skeletal hyperostosis: a case-control study // Rheumatology. 2002. Vol. 41. P. 27-30. DOI: 10.1093/rheumatology/41.1.27
- Littlejohn G.O. Insulin and new bone formation in diffuse idiopathic skeletal hyperostosis // Clinical Rheumatology. 1985. Vol. 4. P. 294-300. DOI: 10.1007/bf02031611
- Paja L., Molnár E., Ősz B., Tiszlavicz L., Palkó A., Coqueugnot H., Dutour O., Pálfi G. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis – appearance and diagnostic in Hungarian osteological materials // Acta Biologica Szegediensis. 2010. Vol. 54 (2). P. 75-81.
- Resnick D., Niwayama G. Radiographic and pathologic features of spinal involvement in diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH) // Radiology. 1976. Vol. 119 (3). P. 559-568. DOI: 10.1148/119.3.559
- Rogers J., Waldron T. DISH and the monastic way of life // International Journal of Osteoarchaeology. 2001. Vol. 11. P. 357-365. DOI: 10.1002/oa.574
- Sarianidi V. Necropolis of Gonur: 2nd edition. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p.
- Utsinger P.D. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis // Clinics in Rheumatic Diseases. 1985. Vol. 11 (2). P. 325-351.
- Verlaan J.J., Oner F.C., Maat G.J.R. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in ancient clergymen // European Spine Journal. 2007. Vol. 16. P. 1129-1135. DOI: 10.1007/s00586-007-0342-x

**БМАК
и его окружение:
культурные
и торговые связи**

A.A. Vahdati, R. Biscione

The Bronze Age necropolis of Chalow: insights into the funeral practices of «BMAC» people in North-Eastern Iran

The main purpose of this paper is to discuss Bronze Age funeral practices in necropolis of Chalow (late 4th Mill. – early 2nd Mill BC) – the site of the Greater Khorasan Civilization (GKC) / Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAC), situated in the plain of Jajarm (ca. 200 km north-west of Nishabur in the North-Eastern Iran), excavated by joint Irano-Italian team and their connections with synchronous sites of Bactria and Margiana.

А.А. Вахдати, Р. Бишоне

Некрополь бронзового века Чалоу: изучение погребальной практики населения БМАК в Северо-восточном Иране

Основная цель данной статьи – обсудить погребальные практики некрополя Чалоу бронзового века (конец IV – начало II тыс. до н.э.) – памятника Великой Хорасанской цивилизации / Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, расположенного на равнине Джаджарм (примерно в 200 км к северо-западу от Нишапура в Северо-Восточном Иране) и их связи с синхронными памятниками Бактрии и Маргианы.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-193-214

Introduction

The Bronze Age Oxus Civilization (ca. 2300-1700 BC), also known as the «Bactria-Margiana Archaeological Complex» (BMAC), or more recently «Greater Khorasan Civilization» (GKC), occupied the territory of southern Central Asia and north-eastern Iran, namely the south of present day Turkmenistan, Uzbekistan, Tajikistan, northern Afghanistan, and northern parts of Iranian Khorasan¹.

Archaeological research indicates extensive contacts between the BMAC and a vast region

stretching from the Indus valley on the east to Mesopotamia and the Persian Gulf area to the west and south. In Iran, the presence of BMAC luxury objects at Susa (Amiet, 1986), in Kerman province at Shahdad, Khurab, Khinaman, Jiroft and other sites (Hiebert, 1998, p. 154), in the Gorgan and Damghan plains (Thornton, 2013, p. 194-195), in the Tabas-Ferdows region, and Sistan in the south (Biscione, Vahdati, 2021) all suggest a vast and complex trade network connecting the BMAC zone with these distant regions. However, recent BMAC

¹ For the discussion on terminology of BMAC-Oxus civilization together with recent bibliography to that topic see: Lyonnet, Dubova, 2021 – *Editor's note*

finds including both luxury and objects of daily use from eastern-northeastern Iran urge us to re-define the boundaries of this archaeological cultural complex (Biscione, Vahdati, 2021, p. 541-543; Vahdati, Meier, 2020). It is now evident that the so called «BMAC» or «Oxus Civilization» is not limited as formerly perceived to the narrow geographical zone of the Oxus River basin and to the Margiana and Bactria plains, but is distributed in a much wider area, encompassing almost the whole territory of the Greater Khorasan of Sasanian period and of Early Islamic times. This fact stresses the cultural unity of this key region through much of its history and give us a reason to redefine it as «Greater Khorasan Civilization», a name that identifies visibly the geographical area of its diffusion and, while stating clearly the

individuality of this civilization and separating it from the ones of the Central and Western Iranian plateau, stresses the cultural unity of the area, that goes from late III millennium to the Iron Age and to the Achaemenid period and, to some extent, still existed in early Islamic period (Biscione, Vahdati, 2021, p. 543).

Recent excavations of a joint Irano-Italian team at the site of Chalow in the plain of Jajarm led to the discovery of a Bronze Age necropolis with mortuary practices and burial goods very similar, sometimes identical to those reported from major BMAC sites in Margiana and Bactria such as Gonur and Sapallitepa. The main purpose of this paper is to discuss Bronze Age funeral practices in the GKC/BMAC necropolis of Chalow and their connections with contemporary sites in Bactria and Margiana.

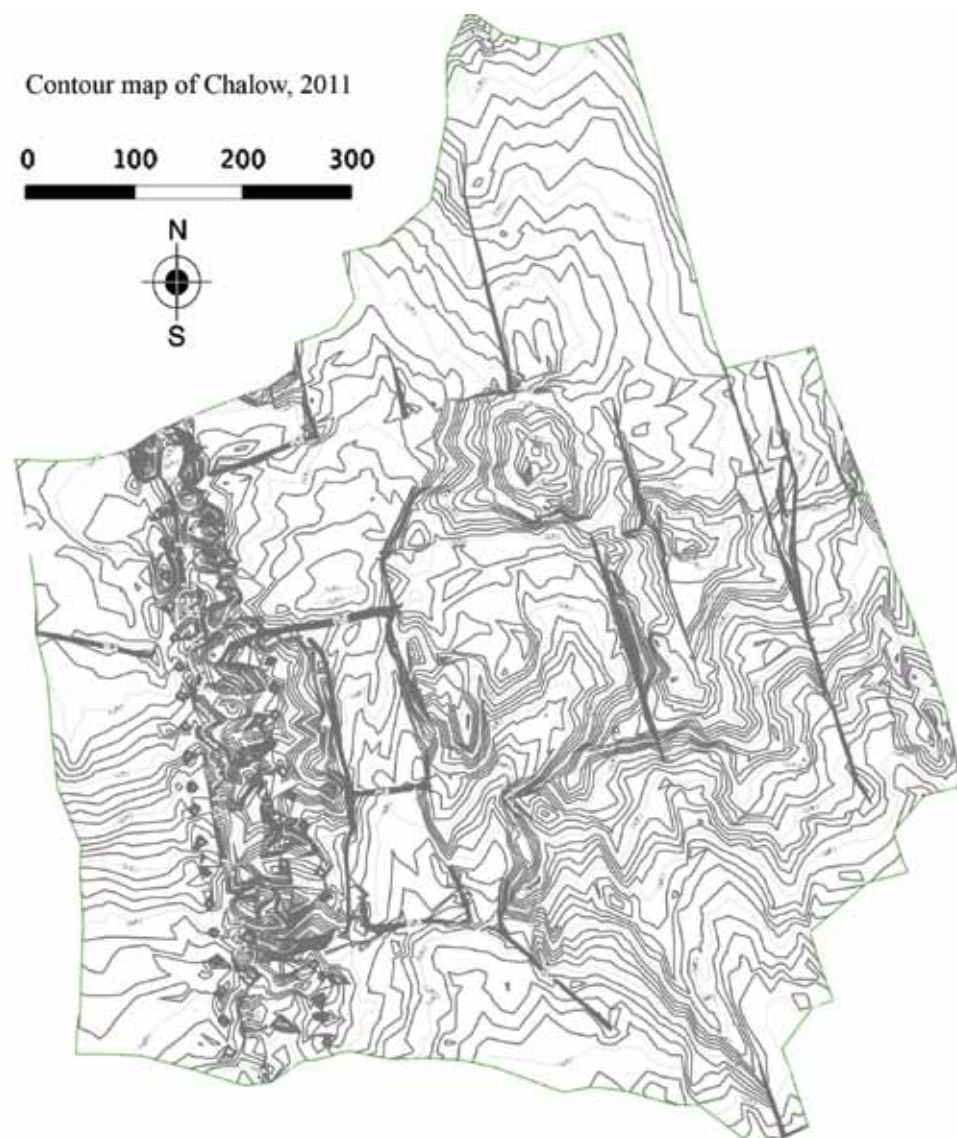

Fig. 2. Contour map of Tepe Chalow.

The site of Chalow

The site of Chalow is situated near the small town of Sankhast in the plain of Jajarm, some 60 km to the west of Esfarayen and approximately 50 km to the east-northeast of Jajarm (Fig. 1)². The agricultural plain of Jajarm and Esfarayen is separated from the Atrak valley to the north by the Aladagh Mountain range, an eastern extension of the Alborz mountain system, and it is limited to the south by the desert lands and saline grounds around the Kal-e Shur River that flows in a wide arc from Safiabad (ca. 100 km NW of Nishapur) in the east to Jajarm in the west. The geographical position of the plain, located between the mountains and the desert, has made it a natural corridor for east-west traffic throughout the ages. The site of Chalow, thus lies exactly on an important caravan route that traverses the plain, which during the Middle Ages connected Nishapur and Gorgan via the easiest road through the Aladagh Mountains to the Atrak valley and onto the lowland Caspian plains. This road facilitated contacts between

the Jajarm area and the Gorgan plain beginning even in pre-historic times.

The site of Chalow is called so because of its rolling surface is situated at the terminal tip of the ancient delta of Darband River at 56°53'7.01" E, 37°6'12.78" N at an altitude of 980m above sea level. It consists of a series of low mounds, rising to a maximum of about 2 meters above the surrounding plain, and it covers an area of more than 40 hectares (Fig. 2). The spatial organization of the site is of particular interest: it is not a mound with a vertical stratigraphy, like most of the sites of Iran, but it is characterized by a horizontal stratigraphy, with the settlement extending in surface through the times and not in height. On the surface, there are dense pottery scatters, especially on the eastern side of the site, where the upper layers of the site were bulldozed by local farmers to level the surface of the land for cultivation. The surface pottery recovered from these areas show a sequence from late Chalcolithic/Early Bronze Age to the Middle/Late Bronze Age.

Fig. 4. Chalcolithic/Early Bronze Age Grey Ware with incised, grooved, ribbed, and knobbed decorations from Chalow.

² All figures which are absent in the text, please see on the colour plates.

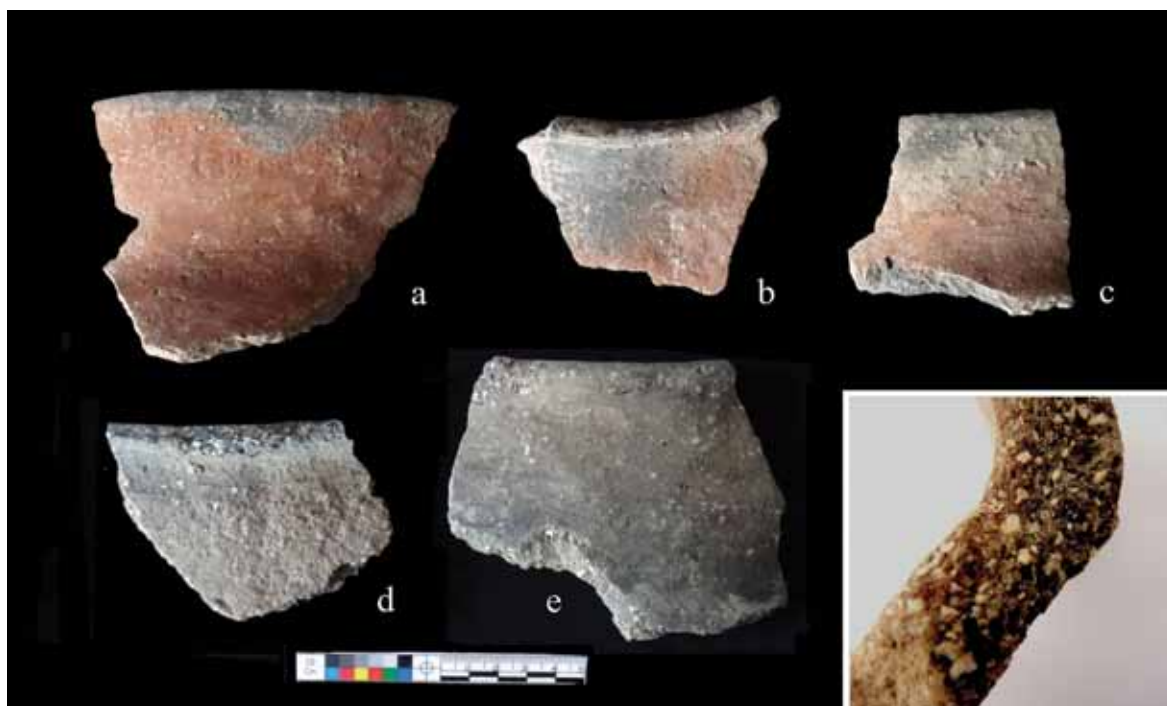

Fig. 5. Examples of «kitchen ware» from Tepe Chalow.

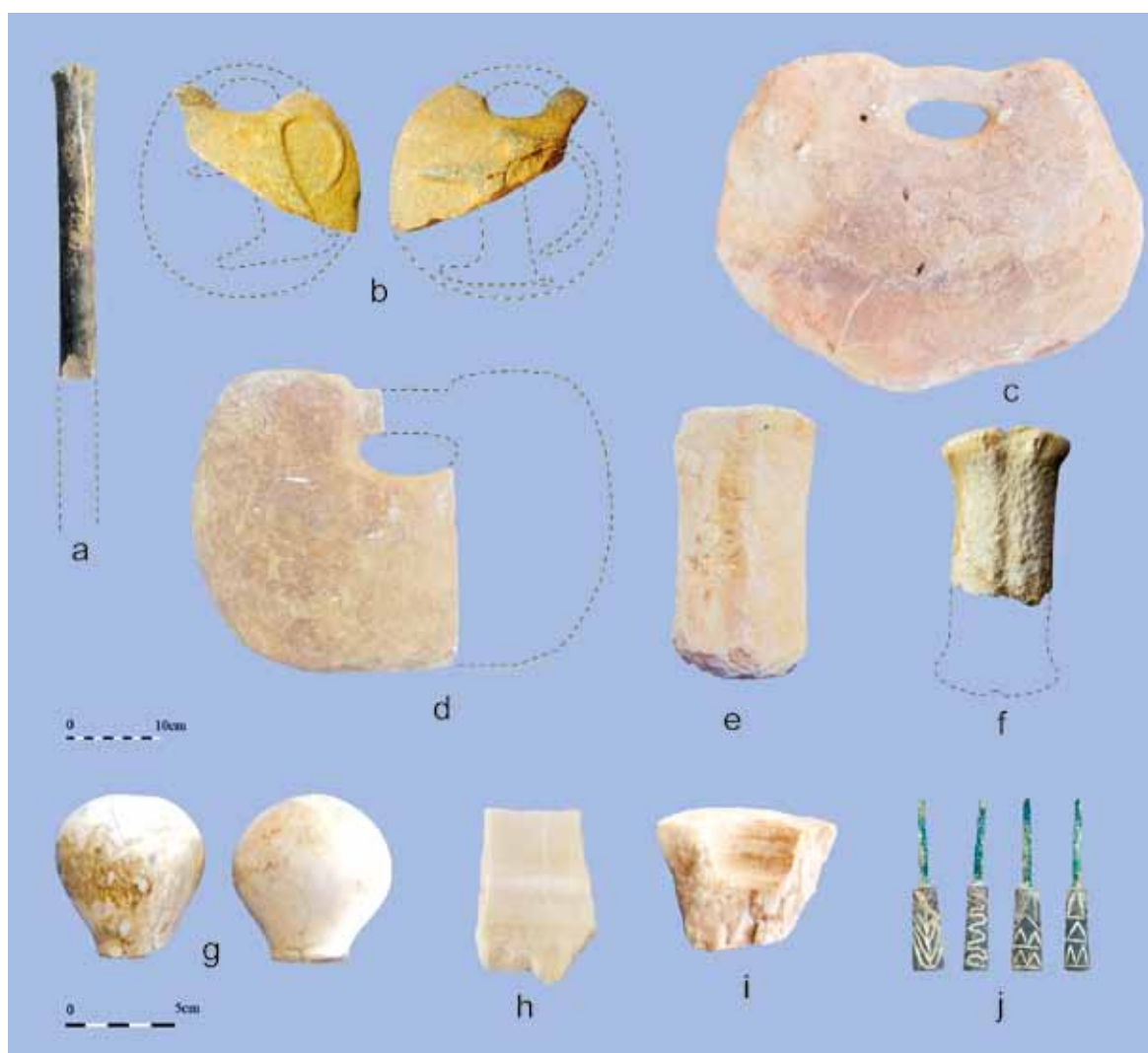

Fig. 6. Various types of stone artifacts from surface of Tepe Chalow.

Chalcolithic/Early Bronze Age pottery can be grouped into several distinct types: Black-on-Red and Black-on-Buff painted pottery of Hissar I/IIA type (fig. 3: *a-i*), Caspian Black-on-Red pottery of Shah Tepe III type (Fig. 3: *m-o*), Polished Grey Ware with distinctive incised, grooved, ribbed, and knobbed decorations (Fig. 4) very well known in the Gorgan plain (e.g. Shah Tepe III/IIb) (Arne, 1945, p. 177). There are also rare examples of black on red painted pottery similar to Namazga III pottery (Fig. 3: *L*). But it should be remarked that they all bear geometric paintings and the most typical characters and motifs of the NMZ III pottery, like bichromy, stepped patterns – that were found also in places very far from Southern Turkmenistan at Shahr-i Sokhta (Biscione, 1973, p. 113, fig. 8.9; 114, fig. 8.10, *g-h, j-k, m*), the Quetta Valley (Fairservis,

1956, p. 258, designs 195-202; 259, designs 203-209) and Tepe Damghani, Sabzevar (Francfort et al., 2014, p. 129, fig. 3, *SU 37:2, SU 40:1*) as well as stylized animals such as spotted animals (leopards?), goats and eagles also found at Tepe Naderi in the upper Atrak valley (Vahdati, Zhang, 2019, p. 527) are conspicuously absent at Chalow. Moreover, a type of plain, coarse pottery with mineral temper, typically consisted of white grits (calcite) and usually with blackened surface, commonly known as «kitchen ware» is also present in the pottery assemblage of Chalow (Fig. 5).

In the surface pottery collection of Chalow, the grey ware is unquestionably dominant. Among the most common forms in grey ware one may refer to various types of beakers, footed bowls with everted sides or sharp carination, jars with round body and everted rims, spouted

Fig. 7. Examples of bronze objects from surface of Tepe Chalow.

vessels, etc. (Figs. 4, 9). While the technical aspects and the usual decorations of the grey ware of Chalow is very similar to the late fourth millennium grey ware of Gorgan plain (e.g. Shah Tepe III/IIb, Tureng Tepe IIA, Yarim Tepe, Narges Tepe IIIC) and the few incised grey ware from graves of Hissar II some of the pottery forms are very similar to the ones found in Southern Turkmenistan: the sharply carinated beakers have parallels at Ak-depe (Сарианиди, 1976, fig. 8, 1-2; fig. 11, 11-12, 14), Kara-depe (Кирчо, 1999, fig. 12, 9, 10, 13, 16, 19), and Parkhai II cemetery (Khlopin, 1981, fig. 5), the bowls on small conical foot were found at Kara-depe (Сарианиди, 1976, fig. 11, 4-7, 10); and certain decoration like parallel or wavy lines very close the one to the other recall the pottery of late Ak-depe IV (NMZ IV/V) in southern Turkmenistan (Сарианиди, 1976, fig. 9, 1-5; Кирчо, 2014, fig. 4, 3-4) and the grey ware of Kara-depe (Кирчо, 1999, fig. 11, 4, 22; 12, 16, 19, 23).

Middle/Late Bronze Age ceramic corpus of Chalow could be divided into two main groups: plain, buff to red-orange pottery of BMAC type, which is dominant, and a small assemblage of polished grey pottery similar to Hissar III grey ware. The BMAC pottery is mainly wheel-turned, red-orange to buff ware, of high quality paste and usually undecorated. Few exceptions are decorated with simple incised patterns such as hatched triangles, wavy lines between parallel bands (see below), and red-slip with occasional polishing. A number of the buff ware vases show red firing patches on the exterior that could possibly be considered a decorative element.

Moreover, a number of distinctive, prestige BMAC objects such as stone and bronze artifacts have also been found on the surface before excavations. Among them there are one stone rod/'scepter' (Fig. 6, a), several stone weights/hand-bags, one decorated with the relief image of an ibex on both sides (Fig. 6, b), grooved stone columns (Fig. 6: e-f), alabaster vases and mace-heads (Fig. 6, h-i), chlorite objects such as a kohl-container (Fig. 6, j), as well as typical bronze objects including bracelets (Fig. 7, 1-2), a compartmented seal (Fig. 7, 3), a miniature

mattock (Fig. 7, 5), and a crescent-shaped earring (Fig. 7, 6). Similar objects have also been found during the excavation campaigns at the site (see below).

Excavations

The site of Chalow was first located by Ali A. Vahdati in 2006 during an extensive survey along the Kal-e Shur River basin, but remained unexcavated until the autumn of 2011. That year, the Research Institute of the Cultural Heritage and Tourism Organization (RICHT) of Iran signed a five-year agreement with *Istituto di Studi sull'e Civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente* (ICEVO) of the Italian National Research Council (CNR), that was aimed at field collaboration in several regions of Iran, including the Kal-e Shur River Basin in North Khorasan. The excavations at Chalow and surveys of the surrounding area were part of this joint program, with the general aim of studying the remains of the pre- and proto-historic communities from Chalcolithic period to the Iron Age. Particularly, we were interested in the study of interactions between this part of northeastern Iran, the Central Plateau, and the Gorgan plain on the one hand, and with the piedmont zone of southern Turkmenistan on the other.

The joint-team excavated a total of 46 trenches during four seasons of fieldwork from 2011-2015 in various parts of the site. The team adopted a multidisciplinary approach consisting of archaeological, geophysical, archaeobotanical, archaeozoological, and anthropological studies to develop a more robust understanding of different aspects of the Chalcolithic and Bronze Age cultures at the site.

In 2011, the joint team undertook excavations at Chalow with nine trenches in various parts of the site. The first campaign produced invaluable information about the archaeological sequence and spatial organization of the site, but at the same time showed that the upper layers of the eastern part of the site had been bulldozed and ploughed for agricultural purposes and that the expected remains of BMAC components in this area were either totally destroyed or very disturbed. However, due to the

Fig. 8. Aerial view of the necropolis of Tepe Chalow captured by a drone.

locally respected buffer zone along the route of the *qanats*³ on the western side of the site, where agricultural activity has been limited, the archaeological deposits have remained almost intact. Excavation in this area revealed a BMAC necropolis and Early Bronze Age storage areas that will be discussed below (Fig. 8).

During the following year, 2012, no excavation carried out at Chalow, but a reconnaissance was conducted in northern parts of Khorasan with the aim of determining the cultural areas of Khorasan from Chalcolithic to the Iron Age (Biscione, Vahdati, 2011). The expedition's field strategy was designed to focus on detection of the pattern of expansion of the BMAC phenomenon along the southern slopes of the Kopet-Dagh in northeastern Iran (Biscione, Vahdati, 2021).

In 2013, the expedition focused on the BMAC necropolis at Tepe Chalow. The team opened 15 trenches 5×5 (Trenches 10-24) in the western area of the site around and between

the *qanat* galleries. As a result, a group of graves was unearthed, all belonging to the BMAC period or earlier phases. Notwithstanding the fact that the area was not leveled by farmers, the excavated skeletons were very close to the surface and very fragmentary due to aeolian erosion. Older graves (Late Chalcolithic/Early Bronze Age) were simple individual pit graves either with no funeral objects or with few burial-goods. The BMAC graves, however, were rich; these excavations resulted in the recovery of a wealth of funeral objects including many pottery vessels, metal objects, and stone and bone objects (Vahdati, Biscione, 1393/2015).

In 2014, considering the promising results of 2013 excavation at the BMAC necropolis, the expedition again concentrated fieldwork around the *qanat* systems in the western part of the site. This zone was first subjected to geophysical surveys using a Profiler EMP-400 (GSSI) device with multi-frequency mode and 11 trenches (25-35) were opened at selected

³ Qanats (or kyariz) are specific underground channels for transporting water from an aquifer or water well to the surface. A very characteristic feature in agricultural communities of Iran, Afghanistan and some neighboring countries – *Editor's note*.

loci based on the distribution of anomalies. A total of 17 graves, storage areas, and (semi-) subterranean architectural remains, small and larger rectangular pits, etc were unearthed in this season (Vahdati, Biscione, 1394/2016).

In 2015, excavation continued in the necropolis area with 11 trenches (36-46) that produced data and material similar to 2013 including more than dozens of graves, groups of storage jars, as well as (semi-) subterranean structures.

In the following section, we will discuss mortuary practices of Chalow and compare burial rituals and funeral objects of the site with those of the contemporary sites of Bactria and Margiana.

Funeral rituals

All over the necropolis area, the soil consists of a compact, reddish-brown clay mixed with gypsum crystals in some spots. This clay is prone to large variations in volume during alternating wet and dry conditions. This characteristic of the soil accounts for the heavily damaged condition of many of the pottery vessels and human bones in the graves. As mentioned above, due to intensive agricultural activities in one hand and severe erosion resultant from frequent windstorms at the other hand, the graves are very close to the surface, sometimes totally exposed by wind but on the average about 20 cm below the surface, making recognition of grave-pits and/or other burial structures difficult. Even in the deeper graves, due to the fact that the backfill of the grave-pit is identical to the surrounding earth and the expansive character of the clay, the determination of limits of burial pits was indeed difficult. However, in some cases, apparently graves were simple elliptical pits, plus one example of «secondary burial» of a child inside a pithos.

The distribution of graves at the cemetery is rather sparse, characterized by clusters of graves separated by some distance. Some of the graves are located 10-15 m apart from one another, but others are spaced more tightly together, at intervals of 1-3 meters. One may assume that each cluster of graves at Chalow is the burial

ground of a specific family, a custom still common in rural communities of Khorasan.

Altogether a total of 48 burials were excavated at Chalow including some 39 BMAC and 9 Late Chalcolithic/Early Bronze Age graves. Additionally, a number of bone scatters and concentration of objects from both phases could be considered as possible highly disturbed burials. The concentration of objects associated with bone fragments were called «complexes». Human remains from Chalow were first studied by Farnaz Khatibi in 2013 (unpublished report) which followed by Arkadiusz Sołtysiak in 2015-2016 (Sołtysiak *et al.*, 2016). Preliminary studies of human bones of Chalow suggest some change in burial customs between the Late Chalcolithic/Early Bronze Age and Middle-Late Bronze Age, BMAC phase: while in the later period (BMAC), with one exception, almost no subadult individuals were buried on the site, the overall number of subadult skeletons, however much lower than expected, is higher with six infants/children per 15 individuals (Sołtysiak *et al.*, 2016. P. 92-93).

During the Late Chalcolithic/Early Bronze Age the bodies at Chalow were buried in individual graves in a tightly flexed position with various orientations. The graves are simple pits and bodies have either no funerary objects or a few of them, typically consisting of one-to-four grey ware vessels. Skeletons found in Trench 1 (Grave 1) and 18 (bone scatter) had no grave-goods, the dead in Trench 16 (Grave 13) had only one stone necklace. The skeletons in Trenches 4 (Grave 5), 7 (Grave 7), and 31 (Grave 32) had only one small grey biconical beaker, and the bodies in Trenches 29 (Grave 29) and 30 (Grave 31) had three and four grey ware vases, respectively. We found several pottery forms including oval shaped jars with flaring necks (Fig. 9, a-c), small subglobular bowls with narrow mouths (Fig. 9, d-e), small hemispherical bowls (Fig. 9, g), small biconical beakers with straight rim (Fig. 10, h-i), and conical and flaring side bowls with flat bottoms or on short conical foot (Fig. 9, k-n).

In the succeeding period, BMAC burial customs change not only in the reduced number

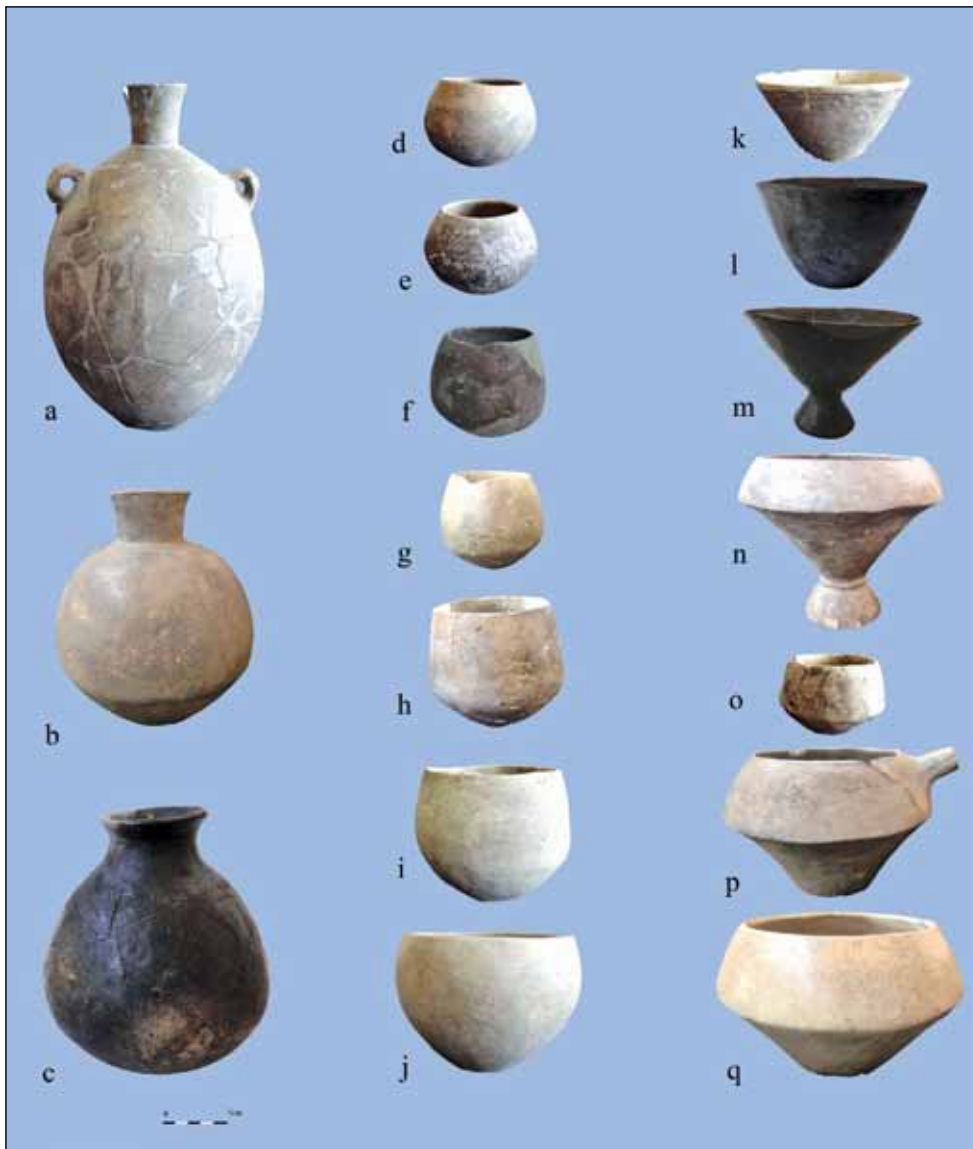

Fig. 9. Various types of Grey Ware vessels discovered from the Chalcolithic/Early Bronze Age burials at Chalow.

of subadult interments, but also in other burial practices: in the majority of graves, bodies are deposited on the right side in a flexed position with varying degrees, oriented east-west, with the face looking south-eastwards. The position of arms is almost constant: folded in front of the chest or face sometimes holding a vase. In most cases, both male and female individuals had at least one or a pair of bronze bracelets and one or more bronze pins on the shoulder. Contrary to the Late Chalcolithic/Early Bronze Age graves, the BMAC sepulchres are very rich in burial-goods. The number of grave goods varies from 6 to 34 objects, and they are usually grouped around the head and near the feet of deceased. In some parts of the graveyard, a large pottery vase at the feet of the dead contained important

items such as seals (e.g. Trench 4, Grave 4) or bronze objects (Trench 14, Grave 12). Most of the graves had food offerings consisting of animal meat (ovid/caprid skulls, metacarpals/metatarsals, and vertebrae). Moreover, in several cases, beside the typical pottery, there was one coarse cooking pot, blackened by fire, which contained remains of food. Almost no vessel shows traces of wear, which indicates that they were not used in daily life and produced only as funerary objects. It is interesting to note that the situation is completely different at Gonur, where funerary ceramics usually bore traces of effaced bottoms on the vessels, an indication that before being placed in tombs they were used for every day needs (Sarianidi, 2007, p. 53).

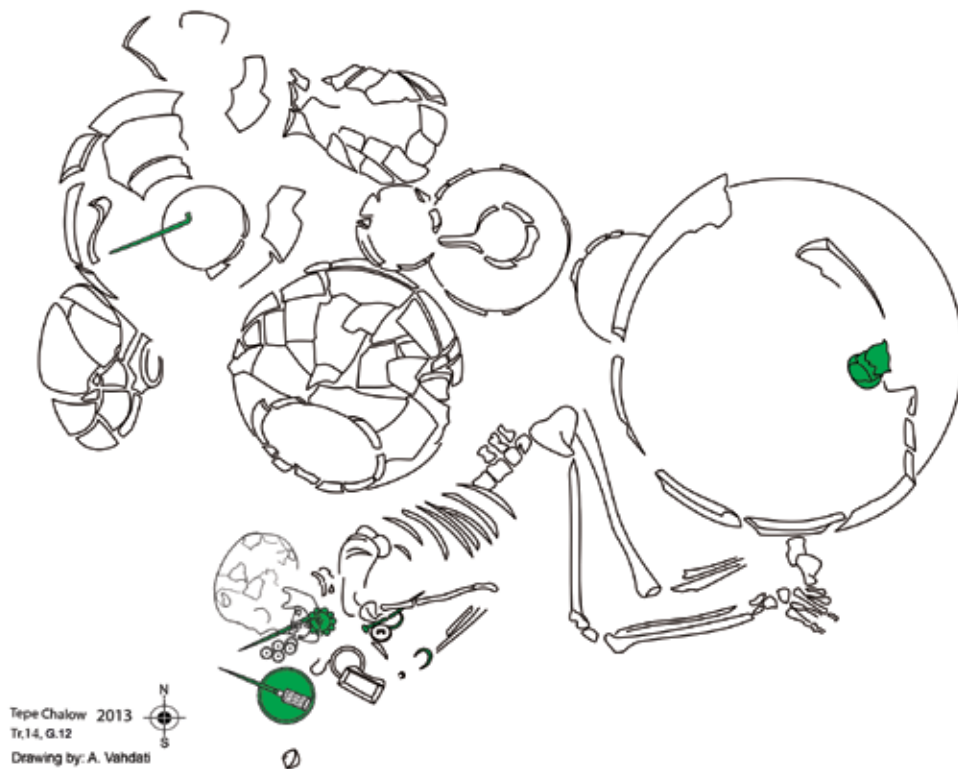

Fig. 10. A human individual burial (Group 1) at Chalow, Trench 14, Grave 12.

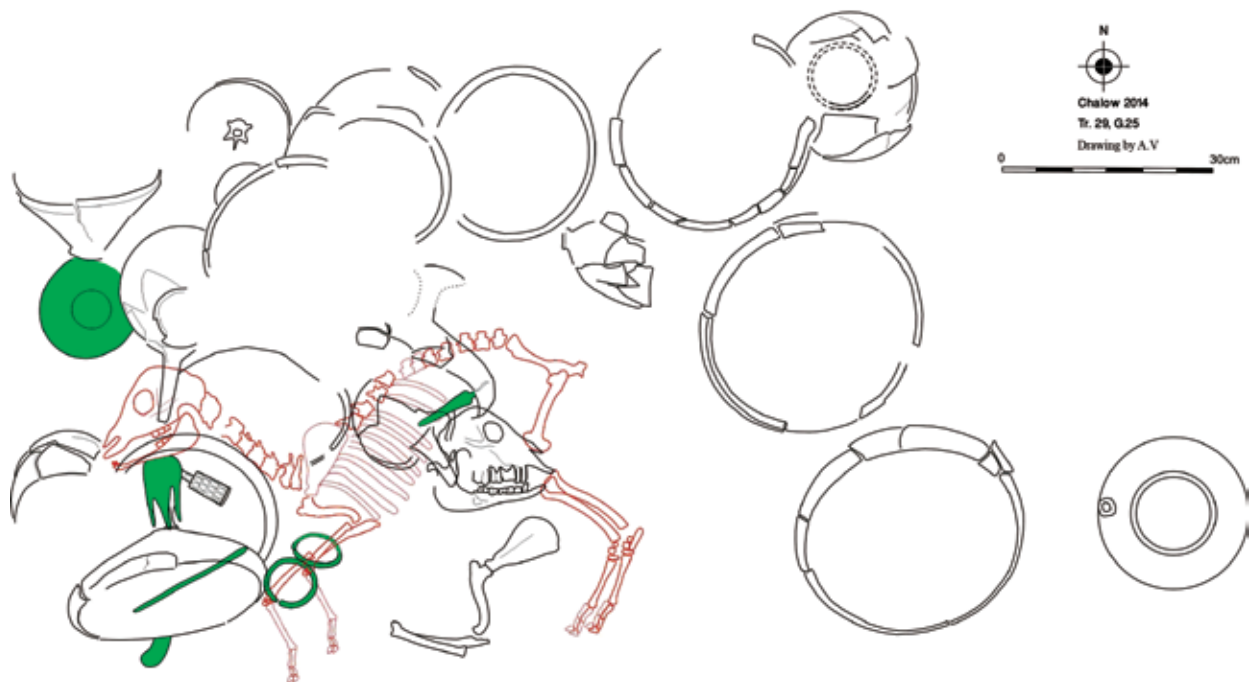

Fig. 11. An animal burial (Group 2) at Chalow, Trench 29, Grave 25.

Grave-goods are varied and include several types of pottery vases, bronze and stone objects such as stamp seals, ornaments, weapons and even gaming pieces. Funerary offerings differ between the male and female graves, generally female graves are richer and have a number of

personal ornaments such as cosmetic utensils. Perhaps it is not accidental that the same situation is recorded both in Margiana (Gonur) and in north Bactria (Sapalli, Djarkutan), where the grave-goods of female burials were «richer» than those of the male ones (Алекшин,

1986, p. 28; Biscione, Bondioli, 1989, p. 63, 64, fig. 3; Sarianidi, 2007, p. 52; Luneau, 2008, p. 139-141, 147).

While the grave typology of BMAC period at Chalow are not yet clear and might be restricted only to simple pits, burials types are varied and can be divided into 5 distinct groups: 1 – human individual burials, 2 – animal burials, 3 – joint human-animal burials, 4 – secondary burials, and 5 – cenotaphs, i.e. graves without skeletons.

Human individual burials (Group 1) are the most common burial type found at the site (Fig. 10). Except for two graves in Trenches 10 (Grave 10) and 25 (Grave 20) in which bodies are deposited on the left side and unusually oriented north-south, with the face looking west and without any funeral objects, all of the other burials contained a good number of funeral objects.

Group 2 (animal burials) is represented by one burial: Grave 25 in Trench 29 belongs to a lamb/kid, less than 1-year-old, (the animal species in the graves of Chalow have been identified by Sarieh Amiri and Hossein Davoudi under the supervision of Marjan Mashkour at Bioarchaeology Laboratory, Central Laboratories, University of Tehran), buried with

28 grave-goods, most of which were piled up at the back and on top of the animal body (Fig. 11). The animal was apparently treated like a human being, buried in the same direction, adorned with two bronze bracelets at the fore-legs and a stone necklace (made of alternated black and white stones) on the neck. Moreover, the lamb received food-offerings of meat of sheep or goat. An inlaid chlorite kohl-container still full of a black, powdery substance and a bronze applicator of kohl were also found near the head of the animal. Two bronze pommels, one tubular and the other tulip-shaped were found in the grave. The tulip-shaped pommel was found under the animal's muzzle and contained well-preserved mineralized remains of wood. These objects can be interpreted as «scepters» or mace-heads⁴ probably implying the high status symbolically given to the young animal.

All this funeral rituals recall burial practices of Margiana and Bactria, specifically the ritual animal burials (burial no. 3621 and 3622) (Dubova, 2008, p. 52-55, fig. 43, 44, 52; Dubova, 2015) and the «burial of the lamb» or the «Sacrificial Lamb» in Northern Gonur, at the final stages of life in the site (Sarianidi, 2003, p. 232), and the burial of sheep and goats exactly like humans at Sapallitepa in Uzbekistan (Аскарлов, 1977, p. 42, fig. 17).

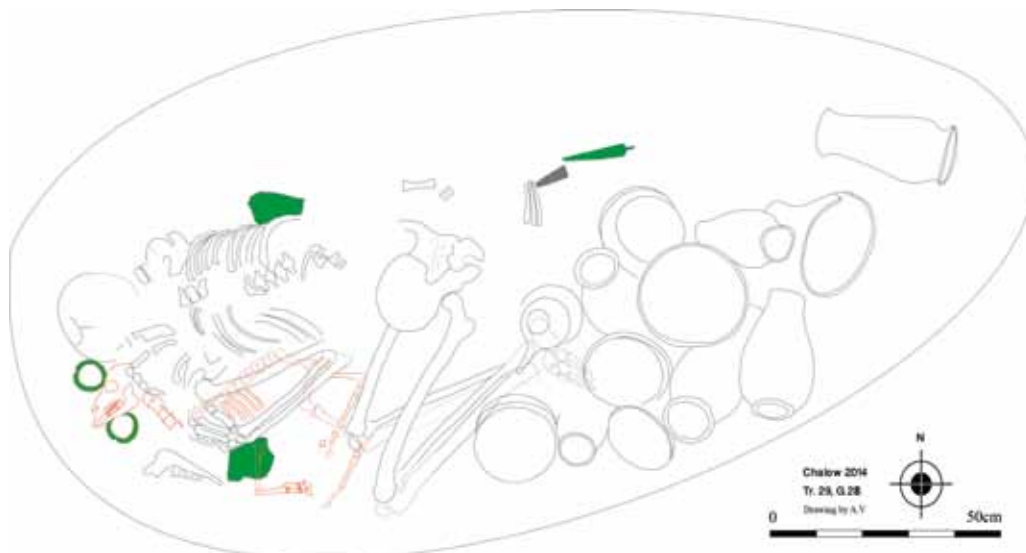

Fig. 12. A joint human-animal burial (Group 3) at Chalow, Trench 29, Grave 28.

⁴ Both pommels are identical to finds from Margiana and Northern Bactria, e.g. from grave 2380 and 2900 of Gonur (Sarianidi, 2007, P. 127, 1-2, P. 150, 23) and grave 93 of Jarkutan (Аскарлов, 1977, с. 220; Pl. LVI, 2-3), considered mace-heads by Kaniuth (2006. P. 92-93, figs 87-90, with preceding literature).

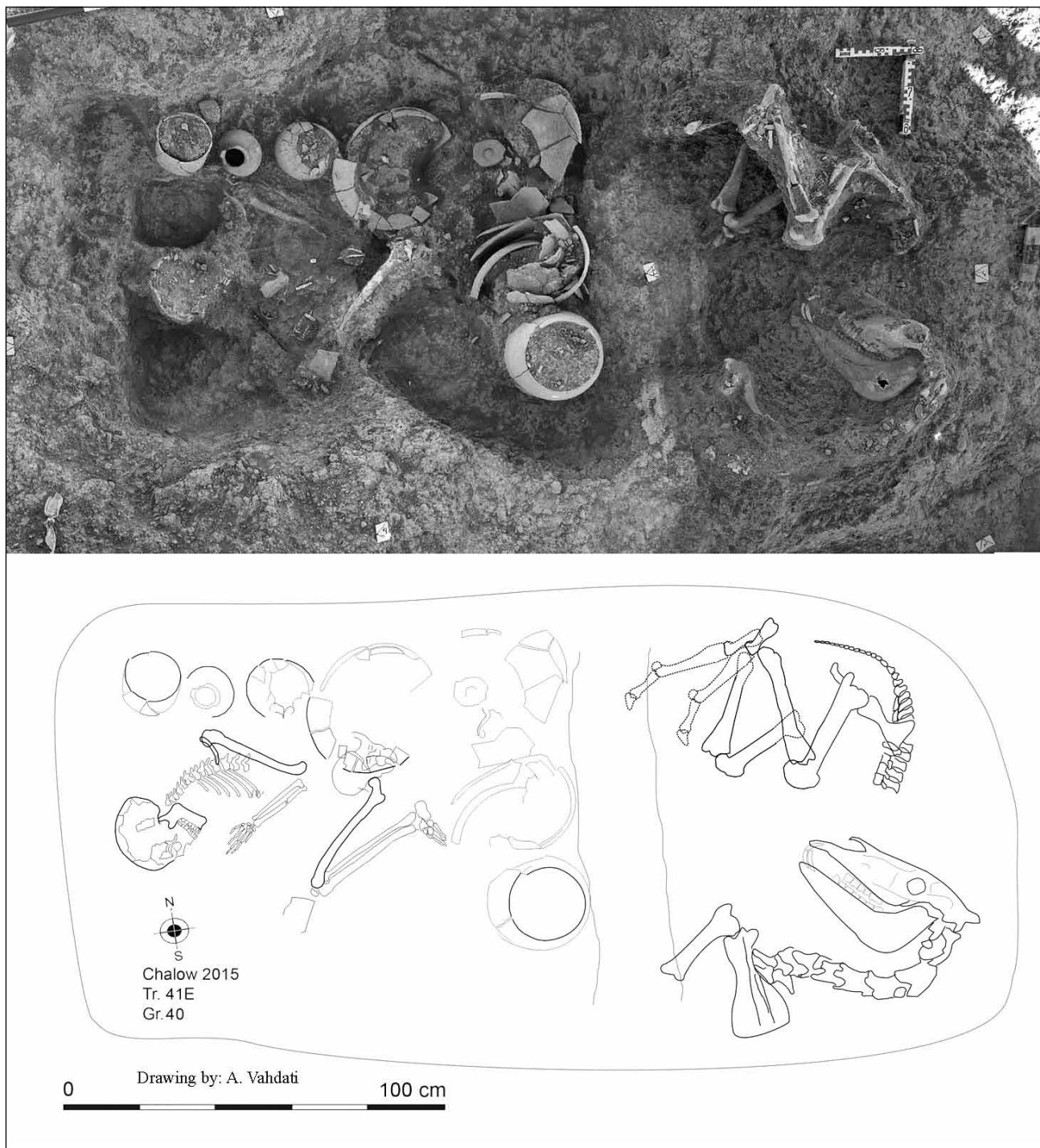

Fig. 13. Burial of a human and an equid from Chalow found in Trench 41, Grave 40.

Group 3 (joint human-animal burials) is represented by Grave 28 in Trench 29 (Fig. 12). In this grave, an adult male (40-45 years old) and a kid/lamb are buried. The human body is oriented as usual on the right side, in contract position, oriented E-W with the face looking to south. His hands are bent in front of the body, tightly embracing the young animal. A pair of bronze bracelets was found above the animal’s head and a second pair under the mandible.

Again, the lamb is wearing a necklace made of alternating black and white stones with red spacers. Funeral gifts include 33 objects among which there are two bronze plaques one decorated with the relief image of an equid, possibly a horse or an onager.

Grave 40 in Trench 41 also probably belongs to this group. This is a partly plundered, but still rich grave in which a human body and large parts of an equid is buried in a double

Fig. 14. A secondary burial (Group 4) in a storage jar from Chalow, Trench 29, Grave 30.

chamber pit. The pit is almost rectangular divided into two chambers by a short *pisé* wall that contained a contracted human body on the west part and remains of a wild ass on the east (The animal bones from Chalow are under further investigations and will be published in an independent study).

The human body is as usual buried on the right side, oriented E-W with the face looking south-eastwards. Some 20 objects including pottery vessels, a stone arrowhead, a pair of bronze bracelets, a bronze kohl-stick, one stone necklace and other objects were placed at the back and under the feet of the skeleton. The animal skeleton is not complete consisting of hind-limbs and frontal part (Skull, cervical vertebrae, and humerus) of the animal without any funeral objects (Fig.13).

Group 4 (secondary burials) is recognized only in one case: Grave 30 in Trench 29 is composed of commingled human bones placed inside a pithos (Fig. 14). These include four

vertebrae, several ribs, part of a pelvis, a broken humerus, and several disarticulated teeth of a sub-adult individual. It is obvious that these bones were collected after decomposition of the body and secondarily buried inside the pithos. This type of secondary or ‘fractional burials’ have also been reported from Margiana in such sites as Gonur, Togolok-1 and Togolok-21 (Sarianidi, 2007, p. 50), and have been linked to the Zoroastrian religion by Sarianidi (Sarianidi, 2007, p. 160-161).

Group 5 (cenotaphs) are known at least by three or five examples in the necropolis: Grave 8 in Trench 10 and graves in Trench 22 (Grave 16) and 46 (Grave 48) are evidently graves without skeletons, but two more highly disturbed graves in Trench 44 and 45 (Graves 46, 47) also have no skeleton and could be cenotaphs. The cenotaphs, while having no human skeleton, are very rich in burial-goods and food offerings. Grave 8 in Trench 10 had 21 object including seventeen BMAC pottery vessels, two bronze pins, and a stone necklace. The cenotaph in

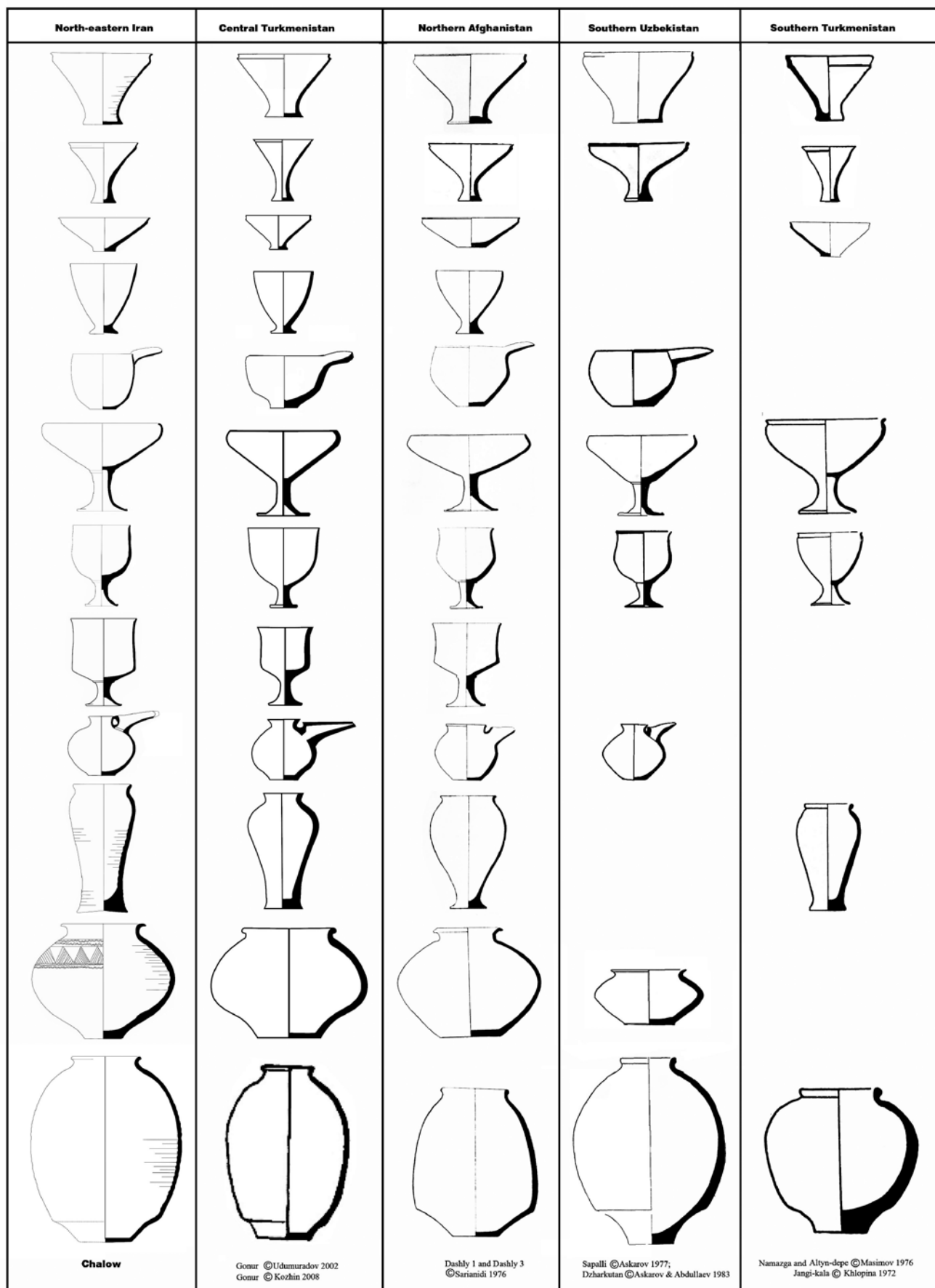

Fig. 15. Basic shapes of pottery vessels from the BMAK/GKC burials at Chalow and the corresponding vessels from sites of Central Asia.

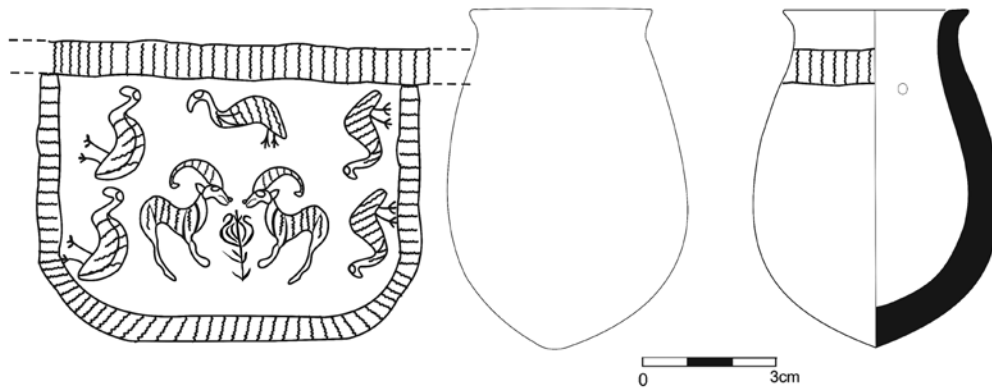

Fig. 17. Small grey ware jar of unusual shape with incised plant and animal decorations, Trench 10, Grave 9

Trench 22 (Grave 16) had an equal number of objects, namely thirteen pottery vessels (BMAC buff pottery and Hissar III type grey ware), a small chlorite kohl-container inlaid with tiny triangles of gypsum, a bronze applicator, three bronze pins, one bronze double-head adze, a bronze bracelet, and several gypsum and lapis-lazuli beads. The presence of caprid/ovid bones in both cenotaphs indicate food offerings of animal meat.

It is important to note that typical BMAC materials were occasionally found together with objects of the Grey Ware Culture that clearly shows the coexistence of two different cultural traditions in a single context (e.g. Grave 9 in Trench 10 and Grave 16, the Cenotaph in Trench 22). This certainly provides us a good opportunity for the study of interaction between BMAC and the local cultures of the Iranian plateau. As stated

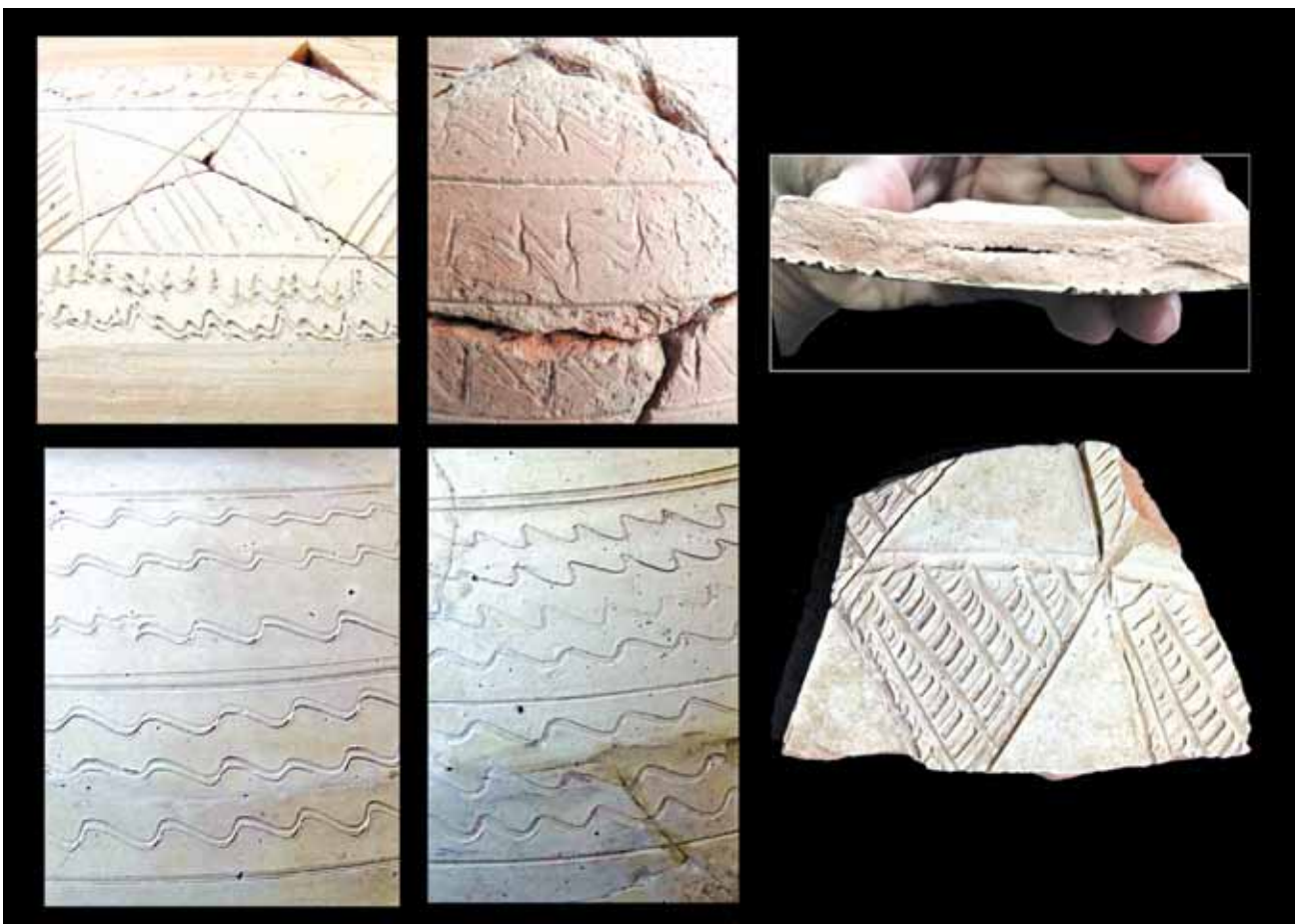

Fig. 18. Incised decoration found on a few pottery types of BMAC/GKC burials of Chalow.

Fig. 19. Various types of bronze artifacts found from the BMAC/GKC burials of Chalow.

elsewhere (Biscione, Vahdati, 2021, p. 543-544), it appears that the BMAC expansion over the eastern territories of Iran was peaceful because it is either associated with the local material in the same context or occupied the unsettled or abandoned areas avoiding any conflict with the local population.

It should also be added that for the moment, the only direct radio-carbon date of BMAC graves at Chalow came from the ulna of the skeleton in Grave 10, Trench 10, which returned a date range between 2310-2130 cal BC with 93.3% of probability⁴.

Finds

The most frequent group of funeral objects in the BMAC graves of Chalow are pottery vessels which include various forms well-known in Bactria and Margiana burials such as conical bowls, bowls on trumpet-

stands, pedestal-based goblets, bowls with open spout, large jars with conical moulded base (*Khom*), and short-necked squattish jars (Fig. 15). These are simple, buff to orange-red ware very rarely (1,6%) decorated with incised geometric decorations including hatched triangles, wavy lines between parallel bands. Pattern burnishing observed only in one single exception, which is a jar with squattish body decorated at the shoulder with burnished cross-hatching. Contemporary grey ware (4 vases in the whole assemblage) is characterized by high polishing (Fig. 16) and occasional incised patterns such as a small grey ware jar of unusual shape decorated with incised images representing a plant, possibly a poppy flower, flanked by two ibexes surrounded by a procession of large birds Figs. 16, d, 17). In general, the pottery of Chalow is very similar to the one of the peak phases of the BMAC

⁴ The sample was analyzed in Tokyo University with the kind assistance of Farnaz Khatibi.

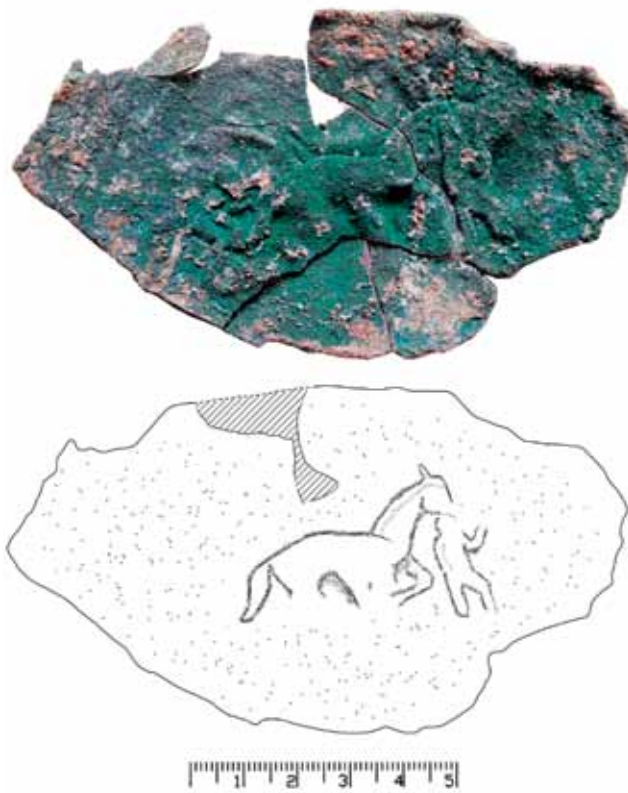

Fig. 20. Bronze plaque decorated with relief image of an equid, most probably a horse.

and the distinctive forms of the Final Bronze Age are absent. Incised decoration on a few vases (Fig.18) is seemingly a local trait, also seen in the BMAC cemetery of Gavand near Ferdows in the southern parts of Khorasan (Farjami, 1395/2017, p. 478, fig. 3), rather than an inspiration of the steppe ware.

Another group of funerary objects at Chalow are bronze artifacts which includes a wide variety of types such as weapons, personal ornaments, mirrors, seals, vases, pommels, and plaques, etc. (Fig. 19) all have close parallels in Bactria and Margiana⁵. Among the personal ornaments, bracelets, finger rings and earrings are always plain, but pins are usually decorated (Fig. 19, 1-12). Many of the pins have decorated heads in the form of a hand holding a rosette (Fig. 19, 1), or a simple round, conical, and melon shaped finial (Fig. 19, 2), pins ending

with geometric shapes (Fig. 19, 3), possibly used also as stamp seals, an open palm of the hand (Fig. 19, 4), a fist with thumb up (Fig. 19, 5-6), and a pin with poppy seed-pod finial (Fig. 19, 9). Based on varying sized from 8 to 23 cm and their juxtaposition in the grave, pins could be divided to at least four groups: small pins or needles probably used as hair ornaments, medium size pins up to 10 cm used as garment pins, and large pins up to 23 cm probably used as shroud pins. These were usually found on the shoulder or near the skull. Moreover, there is another type of pin, usually rounded in one end and tapering to a sharp point sometimes associated with or found inside small bronze or stone vials and used as kohl applicator (Fig. 19, 12).

Compartmented bronze seals have also been found at the necropolis of Chalow (Fig. 7, 3; 19, 18-19). They generally have geometric designs, but a seal with the image of human footprint (Fig. 19, 19) has been found together with a button shaped stone stamp seal in an extremely rich female grave (Trench 14, Grave 12). Stamp seals of copper/bronze and stone with imprint of human feet are known both from eastern Iran (e.g. Ascalone, 2012, tav. LXVI, 10.2a, LXVII, 14.1b) and Bactria (Sarianidi, 1998, p. 162-163) probably suggesting a symbolic meaning in the BMAC sphere and immediately recalls the respected footprints of holy persons and saints (*qadamgahs*) in other eastern religions such as Buddhism, Hinduism and even known in the Islamic World.

Other bronze objects of Chalow include a few weapons such as knife blades (Fig. 19, 32-33), simple tanged daggers and spearheads (fig. 19, 29-31), arrowheads (Fig. 19, 34-36), pommels/mace heads (Fig. 19, 20-21), a few types of bronze bowls and beakers (Fig. 19, 23-25), and more interestingly a small plaque decorated with the relief image of an equid, possibly a horse or an onager leading by a man (Fig. 20).

⁵ Comparison of the bronze objects and other types of material from Chalow with those from Bactria and Margiana sites would be very interesting, but certainly exceeds limits of the present article and will be accomplished in a separate work.

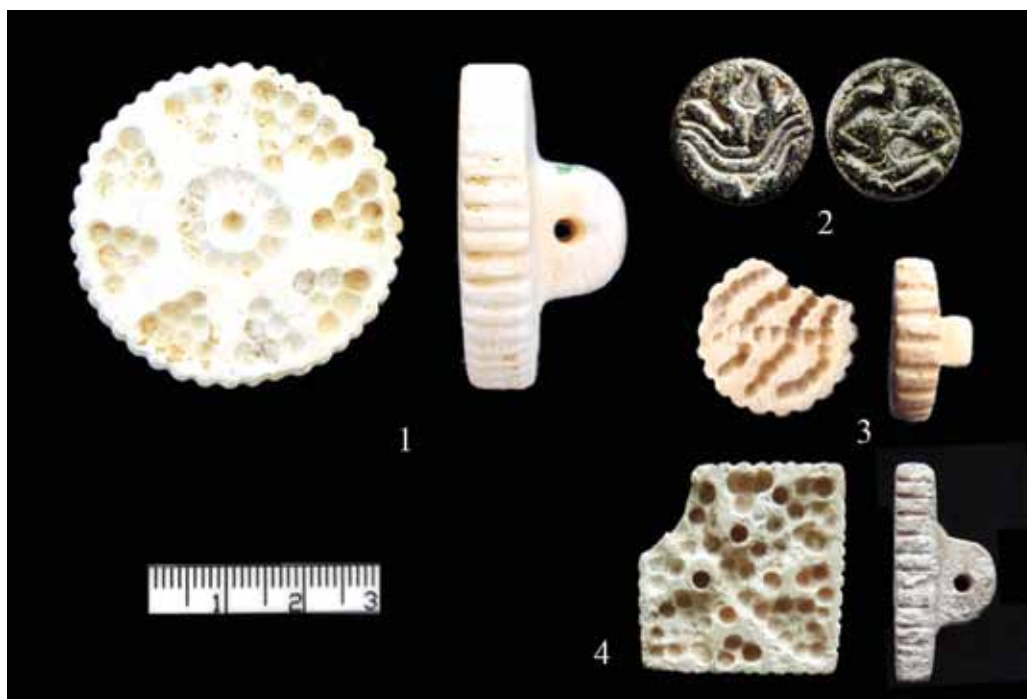

Fig. 22. Limestone and chlorite stamp seals from BMAC/GKC burials of Chalow.

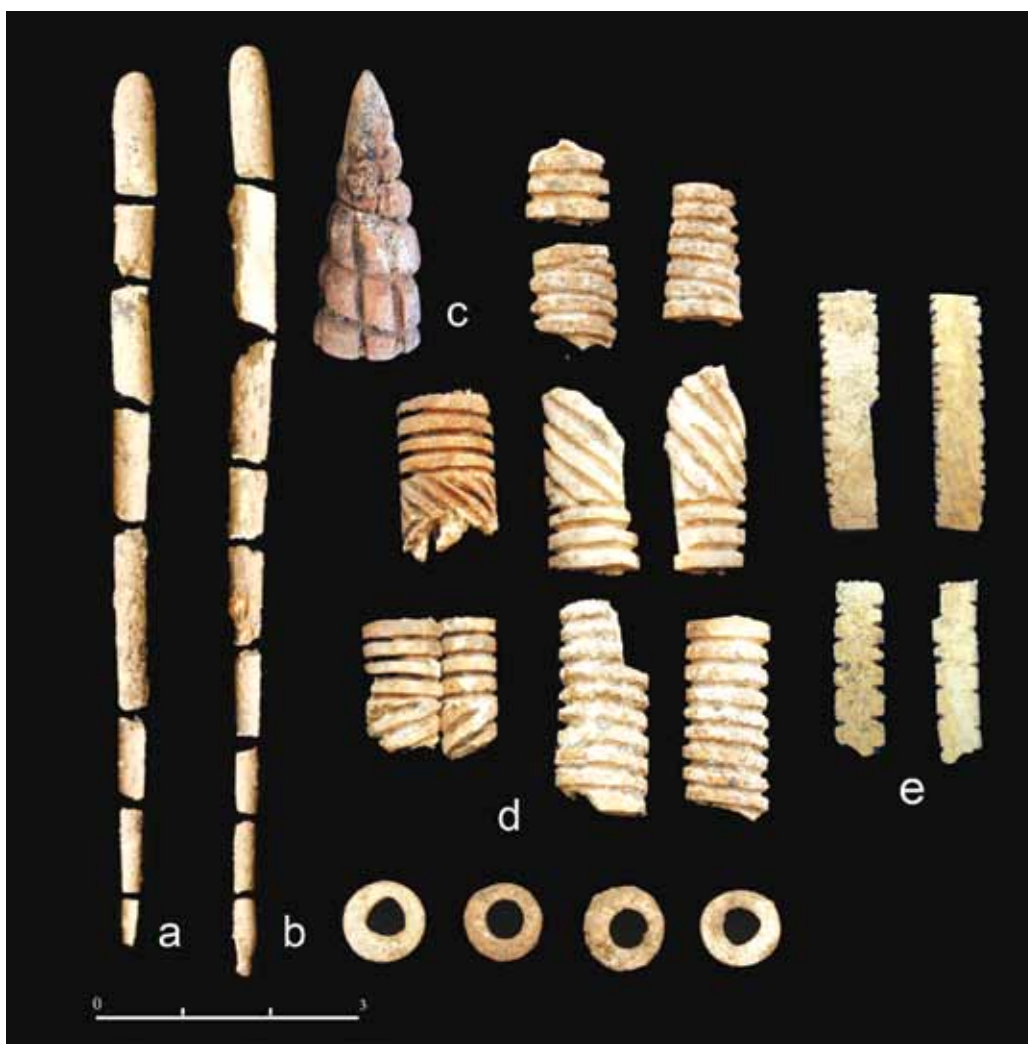

Fig. 23. Ivory and bone artifacts from BMAC/GKC burials of Chalow.

Preliminary results of metallurgical study of the bronze finds of Chalow has demonstrated dominance of arsenic copper alloys in the site (Krauss *et al.*, in preparation) probably produced locally using the copper ores of the eastern Alborz Mountains.

Stone objects are among other types of funeral objects at Chalow necropolis. They are produced from different types of stones, some of which like alabaster, calcite, limestone, chrysotile, sandstone, etc are locally available, while others, such as carnelian and lapis lazuli, are certainly imported from elsewhere, indicating a long-distance trade.

The Aladagh Mountains to the north of Chalow are a rich natural deposit of different types of stone. Many stone objects have been found in our excavations and evidence of semi-worked stone objects and amorphous fragments of stone indicate local production. X-ray diffractometric (XRD) analysis of nineteen pieces of stone found in the excavations at Chalow and on the surface of the site show that all of them have local quarries in the region. The stones most frequently used for ornamental objects are dark and white. Dark stone is generally chlorite, used for different types of beads, cosmetic vases, scepters, and spindle whorls. One of the most interesting pieces is a chlorite cosmetic box found in the rich female grave of Trench 14 mentioned above. It is decorated with the engraved images of snakes and scorpions on the four sides (Fig. 21). An almost exact parallel for this stone vase is known from Bactria (Pottier, 1984, p. 224, pl. XLII, 312) suggesting close affinities both in the symbolism of the carved images and the craftsmanship of the two pieces (Vahdati *et al.* 2020).

Some of the dark-stone (chlorite) objects such as kohl-containers (Fig. 21, 2-4) are inlaid with white stone (gypsum). Apparently at Chalow were appreciated composite objects of alternated dark and white stones such as inlaid kohl-pots, necklaces, pin-handles and so on.

Stone seals are made of both chlorite and limestone (Fig. 22) (Vahdati, Biscione, 2021). Limestone seals are more frequent and usually

made by drilling technique and show geometric designs (Fig. 22, 1,3,4). Chlorite seals-amulets are instead rare and in one case decorated with a mythological scene showing a plant, most probably a tulip in one side and a kneeling bird-man or the eagle-head hero in the other side (Fig. 22, 2) both frequently represented on the seals of Margiana and Bactria (for bird-man image see for instance: Sarianidi, 1998, p. 174-175, 922.1; 196-197, 1040-1043; for the tulip image see: Sarianidi, 1998, p. 45, 192-193, 1017, 1021, 1022). This is a small, round object, 1,7 cm in diameter, with a hole through the side, found at the neck of the skeleton in Grave 21 (Trench 26), most probably suggesting that it was worn as a choker with a short string, thus used not as a seal, rather as an amulet as has been suggested by Russian colleagues in similar cases (Sarianidi, 1998).

Alabaster objects such as a number of vases, mace-heads, spindle-whorls, gaming pieces, and finials have also been observed. In one case, a set of gaming pieces including a perfect reproduction in white marble of sheep/goat astragalus and three small balls were found in a disturbed but rich grave (Complex B). Other types of stones were used for making a variety of tools and objects such as stone weights, miniature columns, grinding-stones, mortar and pestles, querns and door-hinges.

The last group of funerary objects at Chalow consists of objects made from bone and ivory (Fig. 23). These are a pair of ivory hair pins from a female burial (Grave 12) in Trench 14 (Fig. 23, a-b), a conical ivory object with incised decorations found in association with small stone balls, probably a gaming set (Fig. 23, c), and several fragments of bone tubes decorated with incised geometric engravings (Fig. 23, d) from Trench 10, recalling the bone tubes from Togolok 21 temple (Sarianidi, 2002, p. 152; 1986, p. 17, fig. 34), as well as thin strips of bones with serrated edges (Fig. 23, e) identical to those reported from a contemporary grave at Gonur-depe (Sarianidi, 2012, p. 52) and probably could have been a musical instrument or a tool for measuring the volume of a liquid inside containers.

Conclusions

Four seasons of excavation at Challow in the plain of Jajarm, NE Iran, show that the site was first settled in the late 4th millennium and continued to be occupied until the early 2nd millennium BC. One of the most important characteristics of the site is the presence of material culture from different cultural areas including Damghan area (Hissar I-II painted pottery), the Gorgan plain (Caspian Black-on-Red and the Gorgan Grey ware), as well as southern Central Asia (Namazga culture). Apparently, the location of Challow on the «Great Khorasan Road» accounts for the interactive role the site played through the ages and caused the site to be influenced by the two vigorous cultural sources, at a given moment the Iranian Plateau (Hissar-Gorgan Culture), at another Central Asia (Bactria-Margiana Archaeological Complex). During the Chalcolithic and Early Bronze Age the site was part of the Gorgan-Hissar Cultural area, then it came into the Central Asian cultural sphere with the explosion of BMAC phenomenon in the Middle Bronze Age.

Another important result of the excavation is the discovery of a large BMAC necropolis. The importance of the graveyard of Challow lies in the fact that, contrary to most of the contemporaneous groups of BMAC objects found on the Iranian Plateau or beyond its southern and western borders, the assemblage of BMAC artifacts at Challow is not limited to a set of luxury objects, but also includes a wide variety of quotidian, household objects indicating a rather homogeneous cultural unit. It seems that while the expansion of BMAC into the territory of Kerman and Damghan-Gorgan plain is perhaps to be explained by the migration of elite groups from Bactria and Margiana (Thornton, 2013, p. 195) or with intense commercial ties, the abundant presence in Challow of everyday BMAC pottery and luxury items indicates that the local culture was significantly replaced by BMAC, suggesting something more than the mere presence of an aristocracy, but rather a significant influx of population bringing its own pottery tradition. This new pottery tradition was,

however, sometimes was associated with objects produced in the local, grey ware tradition.

Based on the results of excavations at the necropolis of Challow as well as recent surveys of BMAC sites in eastern Iran one may tentatively conclude that expansion of BMAC phenomenon over eastern Iran has been a peaceful event because the association in the same graves of both local and BMAC pottery (such as in Challow and Bakanda), would be improbable in the case of warlike, violent relationships. At a moment so strongly connected to cultural, social, religious and group identity, the coexistence of two different traditions shows clearly that none was trying to destroy the other and that they were equally accepted. This is a good demonstration that the relationships between the newcomers and the local people were peaceful and that most probably there were individuals with mixed heritage fully accepted in the social context (Biscione, Vahdati, 2021, p. 543-544). Also the evidence from Merhgarh, Sibri and Nausharo, with a strong presence of BMAC pottery and objects, associated with a strong presence of the local tradition, supports the idea of peaceful relationships between the different cultures.

In addition to the similarity of funerary objects, the burial rites at Challow also show close parallels with Central Asian BMAC traditions. The similarity between the material and non-material aspects of the cultures observed at Challow and at various sites in Bactria and Margiana provides us a good basis for the study of interaction between the Bactria-Margiana Archaeological Complex and the local cultures of the Iranian plateau in the third and second millennium BC.

The first results of the archaeobotanical and archaeozoological studies show that agriculture and herding were important components of the economic activities at Challow for the entire duration of the occupational sequence at the site. Cereals such as free-threshing wheat and barley constitute the main crop species, while pulses are generally absent from the studied contexts, except for one single seed of lentil (*Lens culinaris*) identified from a Middle

Bronze Age context (Vahdati et al., 2018, p. 73; 2019, p. 198). A conspicuous feature in the archaeobotanical record is the ubiquity of grape (seeds, stalks, fruits) that also corresponds to the most numerous botanical remains found in context dated both to the Late Chalcolithic and the Middle Bronze Age suggesting that the transformation of grapes might have corresponded to an important activity in the local economy and that wine was part of items traded through regional networks (Tengberg, 2013). The faunal spectrum highlights the importance of herding, while hunting is still practiced and part of the subsistence economy.

This is a typical pattern found for this period in nearby sites of southern Central Asia and also many site of the Iranian Plateau (e.g. Moore, 1993; Mashkour, 2002; Mashkour, 2013). Further investigations in the field of bioarchaeology are in progress and a will allow a more in-depth comparison of the evolution of agro-pastoralism in southern Central Asia. Further excavation at the site using a multi-disciplinary approach and complementary studies at this and other sites in the region will be very instructive and will help us to place the presence of BMAC material culture in northeastern Iran into a clearer perspective.

REFERENCES

- Алексин В. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (По археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука ЛО, 1986. 194 с.
- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 231 с.
- Кирчо Л.Б. Изучение позднего энеолита Южного Туркменистана. СПб.: ИИМК, 1999. 120 с.
- Кирчо Л.Б. Стратиграфия и относительная хронология поселения эпохи энеолита и бронзы Ак-депе в Ашхабаде (по материалам раскопок А.А. Марущенко // Записки ИИМК РАН. Вып. 10. 2014. С. 132-146.
- Сарианиди В.И. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Первобытный Туркменистан / Ред. В.М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад, 1976. С. 82-111.
- Amiet P. L'Age des Echanges Inter-Iraniens, 3500-1700 avant J.-C. Notes et documents des Musees de France 11. Paris: Editions de la Reunion, 1986. 332 p.
- Arne T.A. J. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm-Goteborg: Sino-Swedish Expedition, 1945. 367 p.
- Ascalone E. Glittica elamita: dalla meta del II alla meta del II millennio a.C.: sigilli a stampo, sigilli a cilindro e impronte rinvenute in Iran e provenienti da collezioni private e museali. Roma: L'Erma di Bretschneider. 2011. 555 p.
- Biscione R. Dynamics of an early South Asian civilization. First period of Shahr-i Sokhta and its connections with Southern Turkmenistan // SAA / Ed. N. Hammond. L.: Duckworth, 1973. P. 105-118.
- Biscione R., Bondioli L. Sapallitepe; analisi del rituale funerario in una necropoli del III millennio a.C. // Seminari: Istituto degli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici (Anno 1988). Roma, 1989. P. 53-68.
- Biscione R., Vahdati A.A. The Iranian-Italian archaeological mission: Season 2012. The identification of cultural areas // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Vol. 54. 2012. P. 355-360.
- Biscione R., Vahdati A.A. The diffusion of Bactria-Margiana Archaeological Complex in Eastern Iran: new evidence and considerations // Proceedings of the International conference on Farmers, Traders, and Herders: The Bronze Age in Central Asia and Khorasan (3rd-2nd millennium BCE), 30th November-1st December 2015. Berlin: Eurasien Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut. In print.
- Biscione R., Vahdati A.A. The BMAC presence in Eastern Iran: state of affairs in March 2018. Towards the Greater Khorasan Civilization? // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. Dubova. L.- NY., 2021. P. 527-550.
- Dubova N.A. Ritual animal burial at Gonur Depe // ТрМАЭ. Т 2. М.:Старый сад, 2008. P. 50-60.
- Dubova N.A. Animal burials and their cults in Margiana // Defining the Sacred Approaches to the Archaeology of Religion in the Near East / Ed. N. Laneri. L.: OXBOW books, 2015. P. 13-23.
- Fairservis W.A. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan // Anthropological papers of the American Museum of Natural History. Vol. 47. Pt.2. NY., 1956.
- Farjami M. Ta'ain a'rseh va harim-e mohavate-ye Gavand, Baghestan-e Ferdows // Pānzdahomin Gerdehāmaei sālāne-ye Bāstanshenāsi-ye Iran, 5-7 Esfand 1395 [Proceedings of the 15th annual symposium on the Iranian archaeology, 5-7 March 2017]. Tehran, 2017. P. 474-479.
- Francfort H.-P., Vahdati A. A., Bendezu-Sarmiento J., Lhuiller J., Fouache E., Tengberg M., Mashkour M., Shirazi Z. Preliminary Report on the soundings at Tappeh Damghani, spring 2008 // Iranica Antiqua. 2014. Vol. 49. P. 111-158.

- Hiebert F. Central Asians on the Iranian plateau: A model for Indo-Iranian Expansionism // *The Bronze and Early Iron Age peoples of eastern Central Asia*. The Institute for the Study of Man. Vol. 1. 1998. P. 148-161.
- Kaniuth K. *Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien*. Mainz: P. von Zabern, 2006. 259 p.
- Khlopin I. N. The Early Bronze Age cemetery of Parkhai II: the first two seasons of excavations: 1977-1978 // *The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries* / Ed. Ph.L. Kohl. NY., 1981. P. 3-34
- Krauss S., Ivanov G. P., Vahdati A. From Uzbekistan to Iran: Bronze Age Copper Metallurgy in Central Asia // ICAANE 2020. in preparation.
- Lyonnet B., Dubova N. Questioning the Oxus Civilization or Bactria Margiana Archaeological Culture (BMAC): an overview // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. Lyonnet B., Dubova N. L.; NY., 2021. P. 7-65.
- Luneau E. Tombes féminines et pratiques funéraires en Asie centrale protohistorique. Quelques réflexions sur le «statut social» des femmes dans la civilisation de l'Oxus // *Paleorient*. Vol. 34. No 1. 2008. P. 131-157.
- Mashkour M. Sociétés pastorales et économies de subsistance au Nord Est de l'Iran et au Sud du Turkménistan // *Cahiers d'Asie Centrale*. N° 21/22. 2013. P. 533-544.
- Mashkour M. Chasse et élevage au Nord du Plateau central iranien entre le Néolithique et l'Âge du Fer // *Paleorient*. Vol. 28/1. 2002. P. 27-42.
- Moore K. Animal use at Bronze Age Gonur depe // *IASCA Information Bulletin*. Vol. 19. 1993. P. 164-176.
- Pottier M. H. *Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'âge du bronze*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations (Mémoire. N° 36), 1984. 232 p.
- Thornton C. The Bronze Age in Northeastern Iran // *The Oxford Handbook of Ancient Iran* / Ed. D. T. Potts. NY: Oxford University Press, 2013. P. 179-202.
- Sołtysiak A., Vahdati A., Biscione R. Human remains from Tepe Chalow, Iran, 2013-2015 // *Bioarchaeology of the Near East*. 2016. Vol. 10. P. 91-96.
- Sarianidi V. I. *Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets*. M.: PentaGraphic, 1998. 335 p., 1802 figs.
- Sarianidi V. I. *Margush: Ancient Oriental kingdom in the old delta of Murghab River*. Ashgabat: Turkmenowlethabarlary, 2002. 360 p.
- Sarianidi V. I. *Necropolis of Gonur*. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.
- Tengberg M. Economies végétales et environnements en Asie Centrale du Néolithique à l'époque sassanide: la contribution des disciplines archéobotaniques // *Archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels* / Ed. J. Bénézu-Sarmiento (Cahiers d'Asie Centrale. N° 21/22). 2013. P. 545-558.
- Vahdati A. A., Biscione R. Gozāresh-e Mokhtasar-e Fasl-e Dovom-e Kāvosh dar Tappeh Chalow, dasht-e Jājarm, Shomāl-e Sharghi-ye Iran // *Gozāresh-haye Sizdahomin Gerdehāmaei sālāne-ye Bāstanshenāsi-ye Iran*, 10-12 Esfand 1393/2015. Tehran: Iranian Center for Archaeological Research, 2015. P. 320-324.
- Vahdati A. A., Biscione R. Gozāresh-e Mokhtasar-e Fasl-e Sevom-e Kāvosh dar Tappeh Chalow, dasht-e Jājarm, Shomāl-e Sharghi-ye Iran // *Gozāresh-haye Chārdahomin Gerdehāmaei sālāne-ye Bāstanshenāsi-ye Iran*, 16-18 Esfand 1394/2016. Tehran: Iranian Center for Archaeological Research, 2016. P. 529-534.
- Vahdati A. A., Biscione R. The Seals from Khorasan // *The Corpus of Indus seals and inscriptions*. Vol. 3.3. 2021. P. x-xxv.
- Vahdati A. A., Biscione R., Dan R., Trémouille M.-C. Tadfīn-e Shomare-ye 12 dar Chalow: Gour-e Banouyei Najibzadeh az Tamadon-e Khorasan-e Bozorg // *Journal of Iran National Museum*. Vol. 1 N° 1. 2020. P. 45-64.
- Vahdati A., Biscione R., La Farina L., Mashkour M., Tengberg M., Fathi H., Mohaseb A. Preliminary Report on the First Season of Excavations at Tepe Chalow: New GKC (BMAC) Finds in the Plain of Jajarm, NE Iran // *The Iranian Plateau during the Bronze Age. Development of urbanisation, production and trade* / Eds. Meyer J.-W., Vila E., Mashkour M., Casanova M., Valet R. Lyon: Jean Pouilloux. 2019. P. 179-200.
- Vahdati A. A., Biscione R., Tengberg M., Mashkour M. Kavosh dar tappeh Chalow: shavahedi az majmu'eye bastanshenasi-ye balkhi-marvi dar dasht-e Jajarm [Excavation at Tepe Chalow: some evidence of «Bactria-Margiana Archaeological Complex» (BMAC) in the plain of Jajarm, Northeastern Iran] // *Bastanshenasi*. Vol. 1. 2018. P. 63-74.
- Vahdati A.A., Meier D.M.P. Objects of the «Oxus-Civilization» and of the «Jiroft Culture» from the Mofakham Museum, Bojnord, North Khorasan Province // *Tales of Three Worlds: A tribute to Sandro Salvatori*. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 96-110.
- Vahdati A. A., Zhang L. Gozāresh-e Mokhtasar-e fasl-e dovom-e kāvosh dar tappeh Nāderi, Shirvān, Khorasān-e Shomālī (Shānzdahomin Gerdehāmaei sālāne-ye Bāstanshenāsi-ye Iran, 14-15 Esfand 1397 [16th Annual symposium on the Iranian archaeology. A collection of short articles 2016-2017]. Tehran, 2019. P. 526-529.

Н.М. Виноградова, Ш.Ф. Курбанов, С. Бобомуллоев

Предварительные результаты исследования могильника Мустафотепе в долине р. Зерафшан

Описываются типы могильных сооружений, погребальный инвентарь и кратко антропологические материалы из нескольких погребений могильника Мустафотепе (Пенджикентский район Таджикистана). Основываясь на радиоуглеродных датах поселения Саразм, все находки из погр. 1 и 6 Мустафотепе могут быть датированы эпохой энеолита и ранней бронзы (конец IV – вторая половина III тыс. до н.э.). Говорить пока, без дополнительных данных о принадлежности могильника поселению Саразм преждевременно.

N.M. Vinogradova, Sh.F. Kurbanov, S. Bobomulloev

Preliminary results of the study of the Mustafotepe burial ground in the Zerafshan valley

The types of burial structures, grave goods and briefly anthropological materials from several burials of the Mustafotepe burial ground (Penjikent region of Tajikistan) are described. Based on the radiocarbon dates of the Sarazm settlement, all finds from burial no. 1 and 6 of Mustafotepe can be dated to the Eneolithic and Early Bronze Age (late 4th - second half of the 3rd millennium BC). It is premature to speak for now, without additional data on the belonging of the burial ground to the settlement of Sarazm.

DOI: 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428-215-223

Могильник Мустафотепе находится с восточной стороны одноименного поселения джамоата Саразм Пенджикентского района Таджикистана, на адырах Зерафшанского хребта, возвышающихся над надпойменной террасой реки Зерафшан (Выс. 948 м над у/м, N 39° 29' 45.50"С, 67°27' 01.37"В). Памятник расположен примерно в 70 м от поселения античного времени – Мустафотепе и в 1 км к юго-востоку от древнего поселения Саразм (рис. 1, 2). На могильнике были открыты погребения, предварительно датированные эпохой энеолита и ранней бронзы, а также мусорные ямы античного периода, которые могли быть связаны с хозяйственной деятельностью жителей поселения Мустафотепе. В данной

статье будут рассмотрены материалы только погребений эпохи энеолита и ранней бронзы.

В 2014 г. Ш. Курбановым на могильнике был заложен раскоп 1 размером 8×6 кв. м (рис. 3), где были вскрыты два погребения.

Погребение 1 (рис. 4). На глубине около 1,5 зафиксированы контуры могилы 1,6×1,3 м. (Каримова, Курбанов и др. 2018, с. 84-86). Над погребением и в верхней части могилы было найдено несколько крупных камней. На уровне камней находились фрагменты человеческих костей. На дне погребальной камеры лежал скелет в сильно скорченном положении на левом боку, головой на юг. Ноги сильно согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазу. Руки согнуты в локтях, кисти

Рис. 1. Вид с холма Мустафотепа на поселение Саразм.

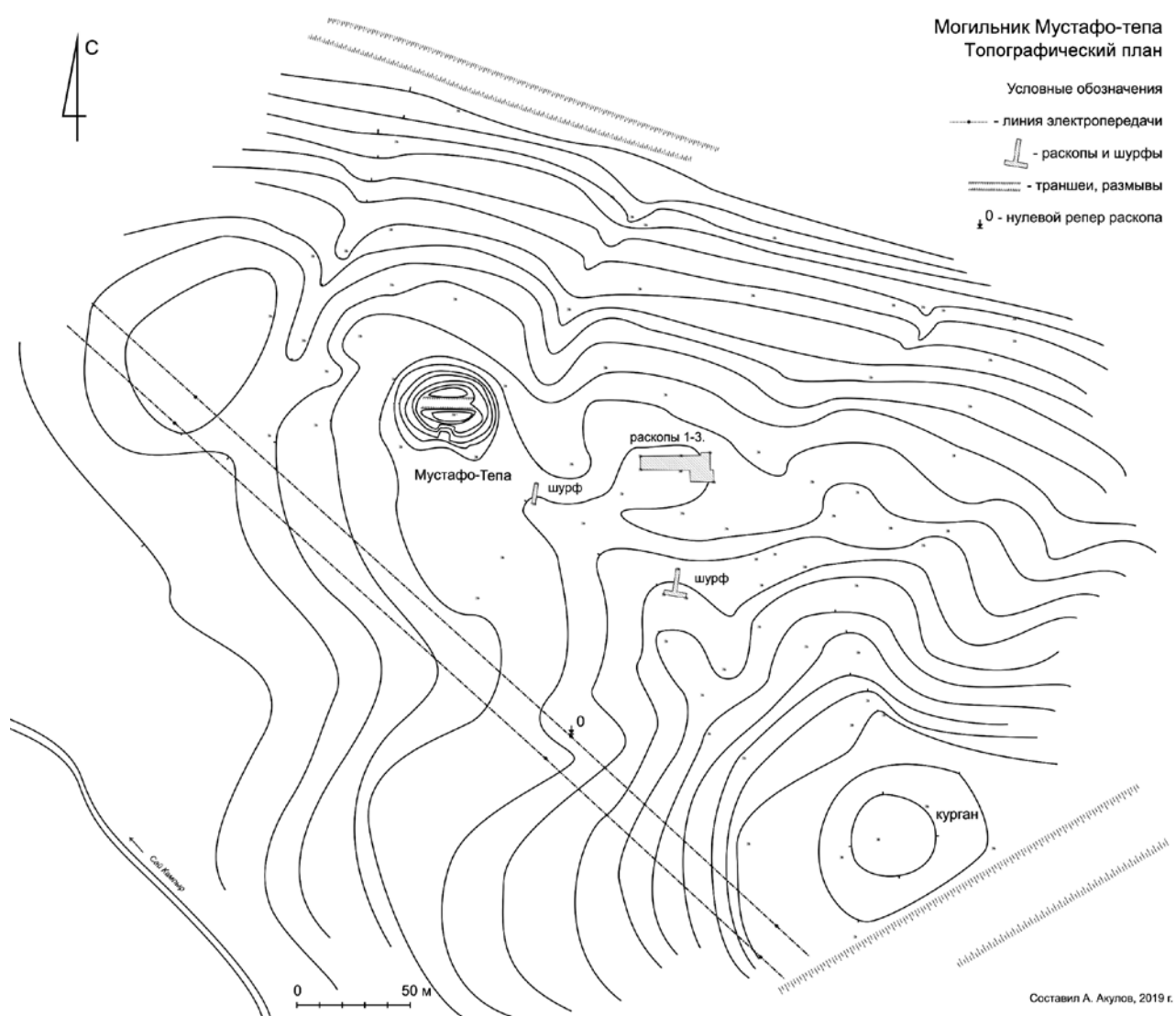

Рис. 2. Топографический план холма Мустафотепа с раскопами.

Мустафотепа 2019

Сводный план 1, 2 и 3 раскопов

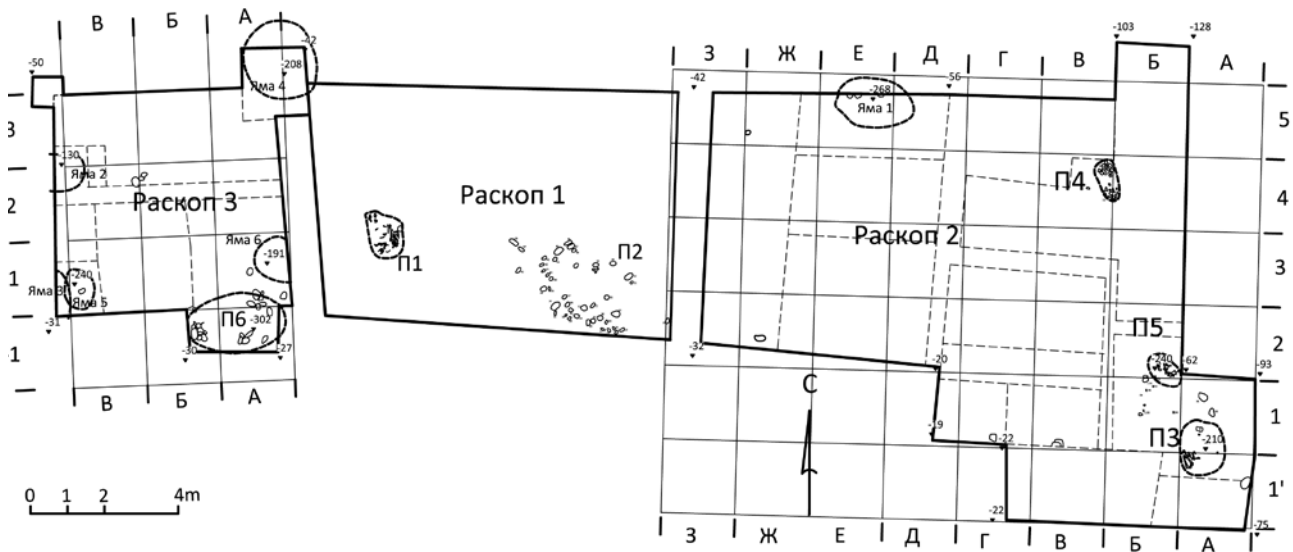

Рис. 3. Могильник Мустафотепа. Сводный план раскопов 1,2,3.

находятся перед лицевой частью черепа. В юго-западной части могильной ямы, к западу от первого костяка обнаружен череп и разбросанные кости еще одного скелета (так, например, зубы были найдены в северо-

ро-западной части могилы). Около затылочной части черепа первого костяка найден скребок из черного кремния. Между черепами первого и второго скелета обнаружен фрагмент тонкостенного мраморного сосуда

Рис. 4. Могильник Мустафотепа. Раскоп 1, погребение 1.

Рис. 5. Могильник Мустафотепе. Раскоп 1, погребение 1. Погребальный инвентарь – бусина.

Рис. 6. Могильник Мустафотепе. Раскоп 1, погребение 1. Погребальный инвентарь – фрагмент каменного сосуда.

(рис. 5), около шеи первого костяка найдена сердоликовая бусина шестигранной формы (рис. 6). В разных местах погребальной камеры обнаружены три мелких каменных отщепов (Каримова, Курбанов и др. 2018, с. 86, рис. 5, 1-6).

Погребение 2. В южной части раскопа, на расстоянии 2,6 м от погр. 1, на глубине

1,2 м от современной дневной поверхности открыта могильная яма 1,6×1,2 м. Кости и зубы человека разбросаны по всей площади захоронения. Погребальный инвентарь отсутствует и, по мнению Г.Р. Каримовой с соавторами, создается впечатление разрушения захоронения вандалами в древности. На основании сходства вещей из погр. 1 с предметами, найденными на поселении Саразм, исследователи предполагают, что могильник Мустафотепе мог быть некрополем жителей Саразма (Каримова, и др., 2018, с. 82).

Весной 2019 г. С. Бобомуллоевым восточнее раскопа 1 был заложен новый раскоп 2 (6×5 м) и открыты два погребения (№ 3 и № 4). Погр. 4 (детское, безинвентарное) было расчищено на небольшой глубине 0,4 м от дневной поверхности. В погребальной яме находилось несколько фрагментов скелета ребенка, инвентарь отсутствует. Другое захоронение № 3 было раскопано частично, так как могила уходила в бровку раскопа. Здесь были найдены два черепа и отдельные кости скелета.

Осенью 2019 г. работы на раскопе 2 были продолжены. Раскоп разбит на квадраты 2×2 м. Для окончания работ над погр. 3 к кв. А/1 раскопа была сделана прирезка 2×2 м, где на глубине 0,5 м от дневной поверхности было расчищено несколько камней. Ниже на глубине 1,35 м была открыта вторая половина погр. № 3. В целом погребальная камера размером 1,3×1,4 м, округло вытянутой формы (рис. 7; 8, 2). Погребение в древности было разрушено, кости разбросаны по всей могиле. Погребение – безинвентарное. Антропологом М. Наврузбековым были расчищены большая, малая берцовые и бедренная кости, фрагменты черепа, локтевая и лучевая кости, кости стопы и фаланги пальцев. По его мнению, из-за плохой сохранности посткраниального скелета трудно определить, в какой позе он лежал¹. В могиле найдено

¹ См. Приложение 1.

Мустафотепа 2019

Раскоп 2

Стратиграфия восточной стены с проекцией погребений ПЗ и П5

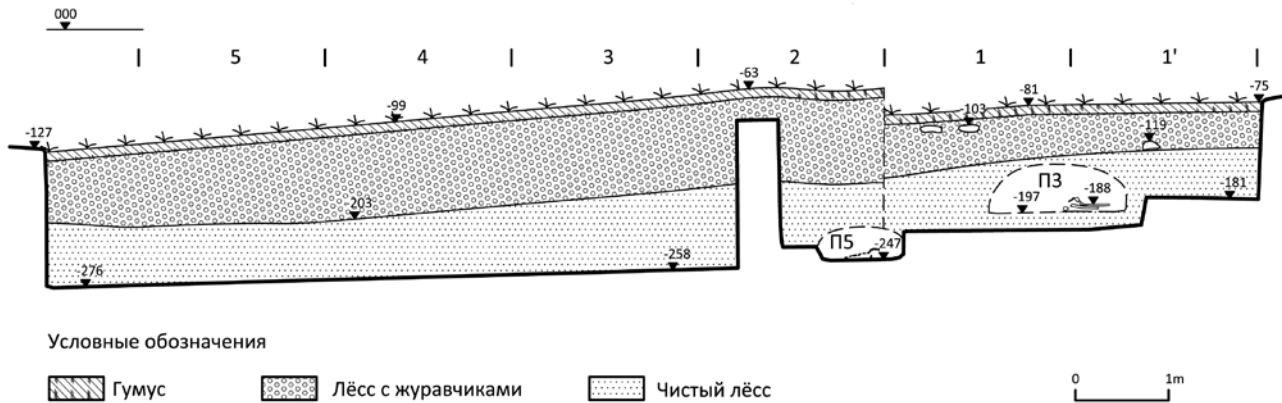

Рис. 7. Могильник Мустафотепа. Раскоп 2.
Стратиграфия восточной стены с проекцией погребений 3 и 5.

два черепа, что свидетельствует о том, что кости принадлежали двум индивидам: женщине и мужчине 30-40 лет.

Рядом с погр. 3 на глубине 1,7 м от дневной поверхности, в кв. А/Б-2 открыта еще

одна могила — № 5. Яма овальной формы, размером 0,7×1 м (рис. 7; 8, 1). Здесь в сильно разрушенном состоянии были зачищены кости трех скелетов — череп ребенка, ребра, позвонки, тазовые кости, лопатки,

Мустафотепа 2019 Раскоп 2

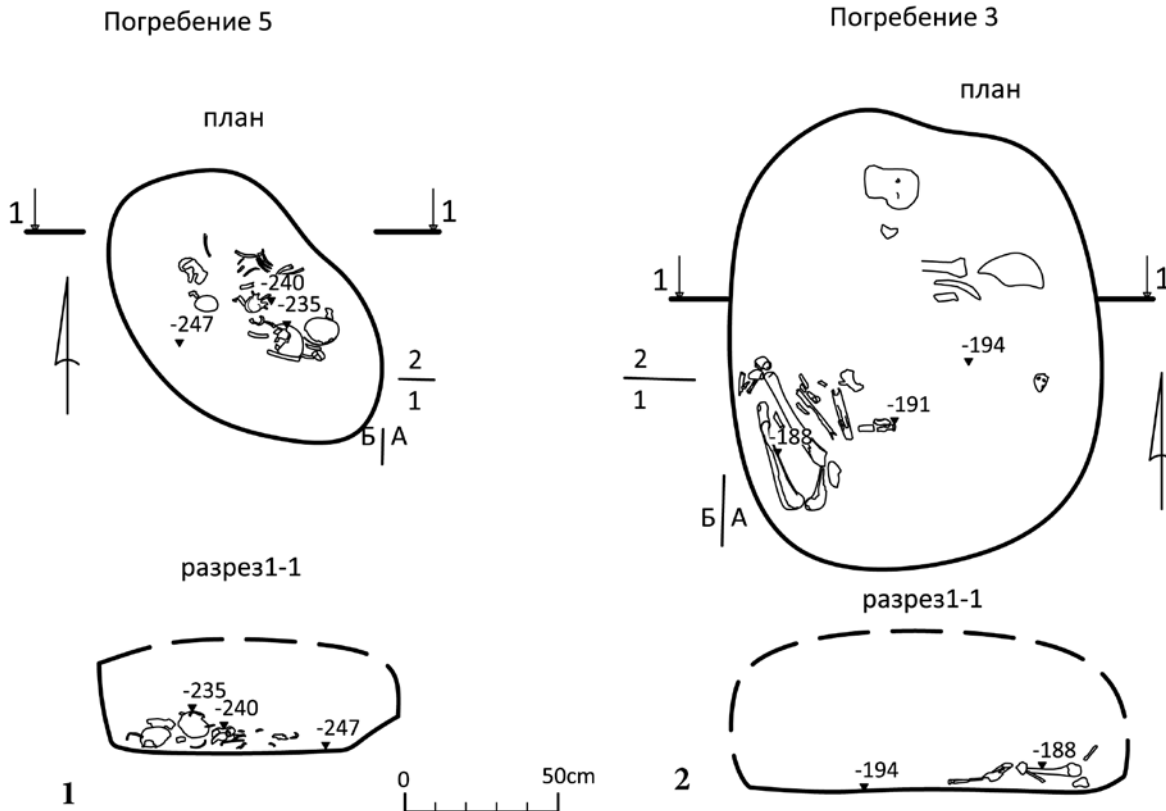

Рис. 8. Могильник Мустафотепа.
Раскоп 2: 1 – план и разрез погребения 5; 2 – план и разрез погребения 3.

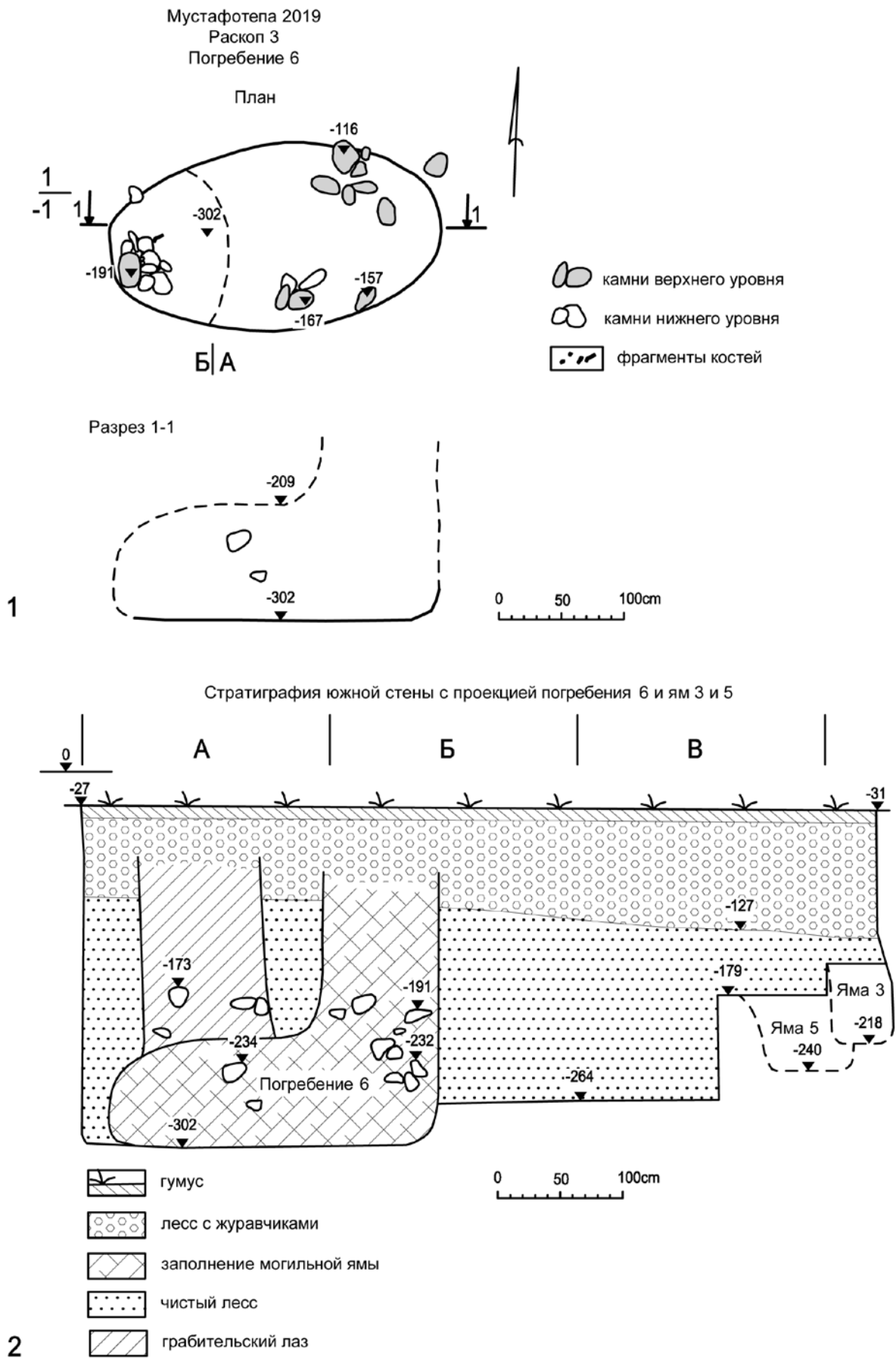

Рис. 9. Могильник Мустафотепа.

Раскоп 3: 1 – план и разрез погребения 6; 2 – стратиграфия южной стены с проекцией погребения 6 и ям 3,5.

Рис. 10. Могильник Мустафотепе.
Раскоп 3: 1 – погребение 6 во время раскопок;
2 – погребальный инвентарь погребения 6.

фаланги пальцев и зубы еще двух индивидов, возрастом 35-55 лет и старше 25 лет. Погребение безинвентарное.

К западу от раскопа 1 был заложен еще один раскоп 3 (6×6м). В кв. А/1 на глубине 1,5 м от дневной поверхности рядом с южной стенкой раскопа показались контуры погребальной ямы погр. № 6. В бровке раскопа была сделана прирезка 2,3×1,1 м. Здесь на глубине 1,3-1,4 м открыто несколько камней, лежащих на краю ямы. Погребение было ограблено в древности. Дно погребальной ямы находилось на глубине 1,8 от дневной поверхности. Яма овальной формы, глубиной около 1 м и размером 2,2×1,2 м в верхней и 2,5×1,2 м в нижней части (рис. 9, 1; 10, 1). Входная яма находилась с западной стороны камеры, а вход был заложен камнями (рис. 9, 2). Заполнение – лесс с темными пятнами. В мо-

гиле при расчистке найдены человеческие кости в сильно фрагментарном виде: зубы, берцовые и бедренные кости, фрагменты черепа, фаланги пальцев, позвонки. По определению антропологов, в погребении находились останки трех человек. Возраст первого индивида определяется в 25-50 лет (пол – женский), второго – 25-30 лет и третьего – до 17 лет².

В заполнении погребальной ямы были найдены следующие предметы (рис. 10, 2): мелкие фрагменты керамики; 8 бусин из золота короткой цилиндрической формы (одна бусина биконической формы) (рис. 11, 7); три бусины из сердолика цилиндрической формы (рис. 11, 8), три шестигранные бусины из сердолика (рис. 11, 9), мелкие бусы из алебастра цилиндрической формы (рис. 10, 2), 1 сломанная бусина из известняка (рис. 11, 10) и 7 кремневых наконечников стрел, обработанных струйчатой ретушью (рис. 11, 1-6). В заполнении найдено несколько камней, которые могли быть орудиями труда.

Раскопки могильника Мустафотепе в 2014 и в 2019 позволяют сделать некоторые предварительные выводы относительно погребального обряда и находок. Захоронения находятся на расстоянии 2- 3-х метров друг от друга, глубина залегания могил от 1,3 до 1,8 метра. Среди типов погребальных сооружений имеются ямная (детское погр. 4) и подбойная конструкции. Вход в камеру заложен камнем (погр. 6). Среди погребальных памятников эпохи энеолита – ранней бронзы данного региона подбойно-катакомбная конструкция известна для могильника Заманбаба в долине р. Зеравшан (Аскарлов, 1962) и могильника Фархор в Пархарском районе на юге Таджикистана (Бобомуллов и др. 2015, с. 56; Материалы..., 2017, с. 73; Виноградова, Кутимов, 2018, с. 27), а также на памятнике Шахри – Сохте в Иране (Piperno, Salvatory, 2007, с. 17). Отличие между иранскими и фархорскими погребения состоит в закладе входа

² См. Приложение 1.

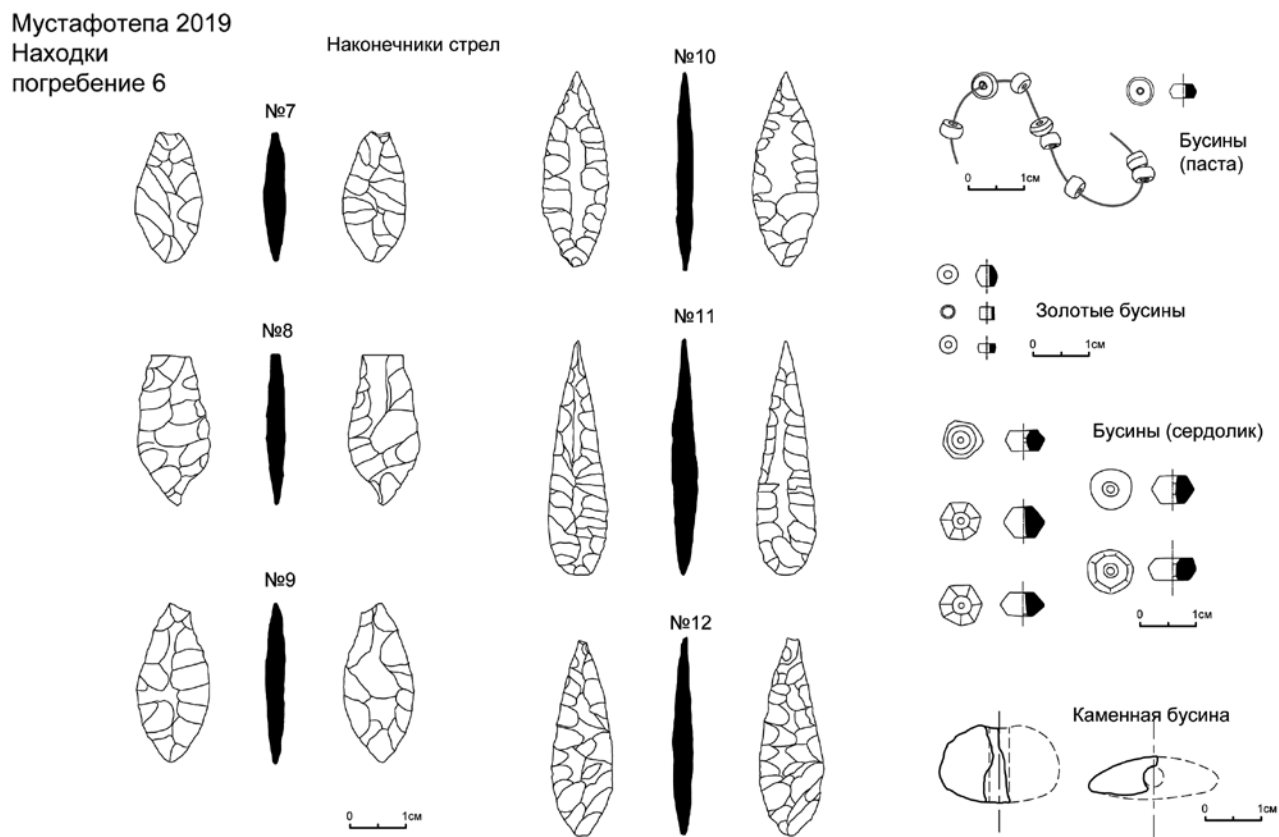

Рис. 11. Могильник Мустафотепа. Раскоп 3. Погребение 6. Погребальный инвентарь.

в погребальную камеру: в Фархоре использовалась глиняная подушка, а в Систане — кирпичи. Скелет в погр. 1 находился в сильно скорченном положении на левом боку, головой ориентирован на юг. В могилах 1, 3, 5 и 6 антропологами зафиксированы захоронения двух и трех скелетов.

Все находки из погребений 1 и 6 имеют аналогии среди инвентаря поселения Саразм. Среди керамического материала можно выделить небольшой фрагмент венчика лепного сосуда с росписью черной краской. На внешней поверхности сохранился красный ангоб с лощением. Подобная монохромная керамика встречается в слоях поселения Саразм периодов СМЗ I-II (Исаков, 1991, с. 77-78, табл. IV).

Из других предметов, которые могут помочь в датировке погребальных комплексов, интерес представляют шестигранные бусы из сердолика, которые находят

ближайшие аналогии на поселении Саразм (Раззоков, 2008, рис. 33, 1, 3). Подобные бусы в форме многогранника имеются в погребальных комплексах Шахдада (Накеми, 1997, с. 656, *Hb2*). Интерес представляют также кремневые наконечники, обработанные струйчатой ретушью, которые также сходны с саразмскими стрелами (Раззоков, 2008, рис. 9, 1-10). По мнению Н.А. Аванесовой, предварительный анализ технико-типологических признаков кремневых наконечников из Мустафотепа позволяет полагать, что они ранние, с архаичными элементами неолитических традиций. У них тщательно выделяется перо, но отсутствует черешок, насад округлен и заужен. Близкие наконечники стрел известны в Заманбаба (Гулямов и др., 1966: табл. XIX, 1-8, 11-15)³.

В погр. 1 был найден фрагмент тонкостенного сосуда из мраморного оникса, которые характерны для Саразма (Исаков, 2020, с.

³ Благодарим Н.А. Аванесову за ее заключение.

269, рис. 53, 1-11). Сосуды из мраморовидных пород камня находят широкий круг аналогий среди изделий раннего и среднего бронзового века Афганистана, Белуджистана, Северного Ирана и Месопотамии (Casanova, 1991).

Основываясь на радиоуглеродных датах поселения Саразм (Раззоков 2016: 159-161), все находки из погр. 1 и 6 Мустафотепа могут быть датированы эпохой энеолита и

ранней бронзы (конец IV – вторая половина III тыс. до н.э.)⁴. Пока трудно делать вывод, что найден некрополь, связанный с поселением Саразм. В настоящее время имеются лишь единичные находки, и только дальнейшие раскопки погребальных комплексов могут подтвердить существование могильника Саразма на возвышенности Мустафотепе.

ЛИТЕРАТУРА

- Аскарлов А.А. Низовья Зерафшана в эпоху бронзы // Автореферат дис. к.и.н. Л., 1962.
- Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. № 5. 2015. С. 47-66.
- Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: Издательство МБА, 2018. 275 с.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент: Фан, 1966. 267 с.
- Исаков А.И. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983). Душанбе: Дониш, 1991. 158 с.
- Исаков А.И. Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины). Душанбе: Дониш, 2020. 315 с.
- Каримова Г.З., Курбанов Ш.Ф., Отабоев О.Х. Отчет о раскопках могильника бронзового века Мустафотепа в 2014 г. // АРТ. Вып. 40. Душанбе, 2019. С. 81-87.
- Материалы Фархорской археологической экспедиции. Вып. I. Душанбе: Дониш Граф, 2017. 144 с.
- Раззоков А. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трасологическим данным). Душанбе, Дониш Граф, 2008. 144 с.
- Раззоков Ф.А. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э. СПб: НКТ, 2016. 248 с.
- Casanova M. La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie Centrale aux IIIe et IIe millénaires avant J.- C. (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. IV). Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1991. 112 p.
- Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. (Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Vol. 27). Rome: IsMEO, 1997. 721 p.
- Piperno M., Salvatory S. The Shahr I Sokhta Graveyard (Sistan, Iran). Excavation Campaigns 1972-1978. Roma, 2007. 390 p.

⁴ Приведенные датировки (конец IV – вторая половина III тыс. до н.э.) покрывают для Средней Азии эпоху позднего энеолита – ранней и средней бронзы. Если же иметь в виду только раннюю бронзу, то точнее было бы ограничиться первой половиной III тыс. до н. э. – *Прим. ред.*

Н.А. Дубова, М.Н. Наврузбеков

Палеоантропологические материалы из могильника Мустафоте́пе

Описаны костные останки людей, захороненных в трех погребениях на Мустафоте́пе (Пенджикентский район, Таджикистан). Кости сильно фрагментированы. Представлены как останки взрослых индивидов, так и детей. При практически полном отсутствии целых костей и, соответственно диагностирующих признаков, имелась возможность приблизительно определить только возраст и в ряде случаев пол индивидов.

N.A. Dubova, M.N. Navruzbekov

Human remains from the Mustafotepe burial ground

Bone remains of people buried in three burials at Mustafotepe (Penjikent region, Tajikistan) are described. The bones are highly fragmented. Both the remains of adults and children are presented. With the almost complete absence of intact bones and, accordingly, diagnostic signs, it was possible to approximately determine only the age and, in some cases, the sex of individuals.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-224

Раскоп 2. Погребение 3. Антропологический материал представлен костями нижних конечностей, фалангами (фрагментарно), а также 2-3 фрагментами костей верхних конечностей. Из-за плохой сохранности посткраниального скелета трудно было определить, как лежал похороненный. Судя по положению правых большой и малой берцовых костей, возможно, он был уложен на правый бок. Измерить оказалось возможным только малые берцовые кости и нижние эпифизы большеберцовых костей. Длина правой малоберцовой кости составляет 355 мм. По этой величине можно предполагать, что она принадлежала женщине. В то же время ширина нижних эпифизов больших берцовых костей и размеры, а также развитие рельефа других костей скелета свидетельствуют о мужском поле погребенного. По сумме признаков возраст может быть определен в 30-40 лет (*adultus-maturus*).

Раскоп 2. Погребение 5. Костный материал представлен черепом ребенка (1×1,5 года), зубами, фрагментами позвонков, рёбер, коленной чашечки, фрагментами костей таза и лопатками нескольких (двух или даже трех человек). Возраст первого индивида определяется в 1-1,5 года, второго — 35-55 лет (*maturus*), а третьего — более неопределенный (старше 25 лет; *adultus-matures*). Пол всех трех индивидов не определяется.

Раскоп 3. Погребение 6. Кости в могиле находились в полном беспорядке на разной глубине

могильной ямы. По мелким фрагментам черепа (суммарно 35 единиц) можно предположить, что они принадлежали двум индивидам: одному более взрослому, второму — подростку. Основная часть фрагментов, в том числе фрагменты левой височной кости, принадлежит первому индивиду. Сосцевидный отросток небольшой, короткий, его конец отсутствует. Очень приблизительно пол может быть определен как женский.

Позвонки и их фрагменты (больше 50) показывают, что в скоплении присутствуют останки трех человек: двое — среднего и старшего возраста и третий — более молодой. Последний представлен фрагментами крестца, кости которого достаточно тонкие, краевой гребень не прирос. Два первых индивида — взрослые. Тела позвонков хорошо сформированы. В отдельных случаях на позвонках имеются значительные возрастные изменения (костные наросты и деформация тел). Остеохондроз не фиксируется. В могиле найдены фрагменты рукоятки грудины от одного индивида и 4 фрагмента тела грудины от другого. Скорее всего, обе грудины принадлежали индивидам среднего и старшего возраста. Возраст первого индивида может быть определен в 25-50 лет; второго — в 20-35 лет, а третьего индивида — до 17 лет (*juvenis*). В беспорядке по всей площади могильной ямы находились человеческие зубы, которые были переданы для одонтологического исследования.

А.А. Семенов

Аргумент меча и происхождение Индоариев

Ригведа и Атхарваведа Шаунаки не знают медных или бронзовых мечей, поэтому должны датироваться в своих ареалах на северо-западе Индостана до появления такого оружия в этом регионе. Оба собрания гимнов не могли быть созданы после 2000 до н.э., поскольку с этого времени в долине Инда и в Дообе Ямуны–Ганги появляются мечи, которые не упоминаются обеими Самхитами. Это подтверждает датировку Атхарваведы Шаунаки до 2000 до н.э. (т.е. эпохой Зрелой Хараппы), а более архаичной Ригведы – несколькими веками ранее (до 2600 г. до н.э., т.е. эпохой Ранней Хараппы). Изучение данных о медных и бронзовых мечах Старого Света разных типов (прямых обоюдоострых, мачете-секачей, серпообразных, «рапир», «гарпунов») 3500–2000 до н.э. исключает из списка возможных прародин индоариев Киклады, Анатолию, Сирию, Палестину/Израиль/Ханаан, Северо-Западный Кавказ, Закавказье, Аккад, Шумер, Элам и Бактрию–Маргиану в те периоды, когда они уже имели медные или бронзовые мечи.

А.А. Semenenko

«Sword argument» and origin of Indo-Arians

Rigveda and Atharvaveda Shaunaka Samhitas have been carefully analyzed to check whether they mention copper or bronze swords. It has turned out that both texts do not know swords (only knives) and therefore must be dated in their habitats in the Northwest of the Indian subcontinent prior to the introduction of such weapons into the region. Swords have been archaeologically evidenced both in the Indus valley and in the Yamuna–Ganges Doab only after 2000 BC. This confirms the dating of Atharvaveda Shaunaka prior to 2000 BC, and more archaic Rigveda – a few centuries earlier (prior to 2600 BC). Then all available data on the copper and bronze swords of different types (straight double-edged, machete–cleaver, sickle-shaped, ‘rapier’, ‘harpoon’) originating from the Old World and dating back to 3500–2000 BC have been collected and scrutinized. Thus Cyclades, Anatolia, Syria, Palestine/ Israel/ Canaan, North-Western Caucasus, Transcaucasia, Akkad, Sumer, Elam and Bactria–Margiana territories have been excluded from the possible homelands of Indo-Aryans in the periods when they already had copper or bronze swords.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-225-257

Одним из важных хронологических и географических критериев для определения происхождения и локализации первичного очага индоариев является такой ключевой элемент вооружения и воинского культа поздних индоевропейцев как меч. Поэтому тексты Ригведы (далее РВ) и Атхарваведы Шаунаки (далее АВШ) были изучены нами на предмет упоминания или описания ими этого оружия.

Далее следует определить ареалы РВ и АВШ в Северо-Западном Индостане. Необходимо отметить, что на основании целого ряда взаимоподтверждающих критериев мы датировем РВ (Rigveda; Ригведа, 1989–1999) между 3300 и 2600 до н.э. (основную часть гимнов между 2700–2600 до н.э.), а более позднюю

АВШ (Atharva-Veda; Атхарваведа, 2005–2010) – примерно 2600–1900 до н.э. (Семенов, 2015–2018; Semenenko, 2016).

В древнейшей части РВ самым звучным (или лучшим) и сверкающим потоком и самой материнской объявляется Мать–Сарасвати (*ámbitame nádītame dévítame sárasvatī amba*) (II.41.16) или современная эфемерная Сарсути–Гхаггар–Хакра–Нара. Она выделяется изо всех других рек своим чистым течением от гор до моря (*ékācetat sárasvatī nadīnām śúcir yatī giribhya á samudrāt*) (VII.95.2). Физическим денотатом будет полноводное течение Сарасвати от Гималаев до Индийского океана. Этот вывод подтверждается именованием Сарасвати в той же хронологической части памятни-

ка самой деятельной из деятельных (*apāsām apāstamā sárasvatī*) (VI.61.13), набухающей за счет других потоков (*sárasvatī síndhubhiḥ pínvamānā*) (VI.52.6), проломившей спину гор мощными волнами как роющий корни зверь (*iyám śúṣmebhir bisakhā ivārujat sānu girīnām taviṣébhīr ūrmibhiḥ sárasvatīm*) (VI.61.2) и создавшей для поселений речной край (*sárasvati utá kṣitībhyo avānīr avindo*) (VI.61.3). Сарасвати упоминается вместе со своим притоком Дришадвати (*dr̥śádvatyām sárasvatyām revád agne didīhi*) (III.23.4) или современным Чау-тангом, который оставался полноводным на протяжении всего III тыс. до н.э. (Garge, 2014, p. 184–185) Мощное течение Сарасвати описывается как мчащаяся и ревущая стремнина, бесконечная, непетляющая, опасная, подвижная и бурная (*yásyā anantó áhrutas tveśás cariṣṇúr arṇaváh | ámaś cárati róruvat*) (VI.61.8). Люди не хотят уходить от нее в отдаленные края (*mā tvát kṣétrāṇi áraṇāni ganma*) (VI.61.14), что в физическом смысле указывает еще раз на ее полноводность. К более позднему по сравнению с семейным ядром РВ относится упоминание проживания на Сарасвати многочисленных правителей (*citra id rájā rájakā id anyaké yaké sárasvatīm ánu*) (VIII.21.18). По данным одной из древнейших мандал памятника, матерью Сарасвати является Синдху (*sárasvatī síndhumātā*) (VII.36.6), что может указывать на впадение Инда в Сарасвати в тот период. Изю всех рек Сарасвати связана с Асурами – Господами Дыхания Жизни–Асу (*asurīyā nadīnām sárasvatīm*) (VII.96.1), что опять-таки указывает на ее жизнеспособность и мощь. Она, происходящая из огромного неба и горы (см. также: *ā no divó br̥hatáh párvatād ā sárasvatī gantu* (V.43.11)), именуется деятельным потоком–женой Быка (*apáso vṛṣṇaḥ pátnīr nadīyo vibhvataṣṭáh | sárasvatī br̥haddivótá rākā*) (V.42.12).

Ядром ригведийского ареала являлись долина Сарасвати и территория совр. штатов Восточный Пенджаб и Харьяна (Wilson, 1864, p. CIV–CV; Lassen, 1867, s. 616; Thomas, 1882, p. 378; Hopkins, 1898, p. 19–28; Hopkins, 1901, p. 30–31; Keith, 1925, p. 3; Елизаренкова, 1972, с. 12–13 и 58, Прим. 145–146; Gonda, 1989, p.

1; Бонгард-Левин, 2001, с. 134–135; Bryant, 2004, p. 168; Бонгард-Левин, 2008, с. 63).

В одной из наиболее поздних частей РВ говорится, что своим знаменем Сарасвати озаряет великую пучину (*mahó árṇaḥ sárasvatī prá cetayati ketúnā*) (I.3.12). Физическим денотатом выступает впадение Сарасвати в Индийский океан. В самой поздней X мандале Сарасвати, Сараю и Синдху–Инд призываются со своими волнами и помощью как великие, могучие, подкрепляющие и божественные Воды–Матери (*sárasvatī saráyuh síndhur ūrmibhir mahó mahīr ávasā yantu vákṣaṇīḥ | devīr āpo mātáraḥ*) (X.64.9). В Гимне Рекам дается такой список рек (идентификация Т.Я. Елизаренковой): Ганга, Ямуна, Сарасвати, Шутудри=Сатледж, Парушни=Рави, Марудвридха, Асикни=Чхенаб, Витаста=Ветх, Арджикия, Сушома=Сохай, Триштама, Сукарту, Раса, Шветья, Синдху, Кубха=Кабул, Гомати=Гумал, Мехатну и Круму=Куррам (*imám me gaṅge yamune sarasvati sūtudri stómaḥ sacatā páruṣṇi ā | asikniyā marudvṛdhe vitástayā árjīkīye śr̥ṇuhi ā suśómayā || tr̥ṣṭāmayā prathamām yātave sajūḥ susártuvā rasáyā śvetiyā tiyā | tuvám síndho kúbhayā gomatīm krúmuḥ mehatnuvā sarátham yābhir iyase*) (X.75.5–6). Перечисление рек с востока на запад и восхваление Синдху–Инды (X.75.1, 2, 3, 4, 7, 8, 9) на фоне простого упоминания остальных потоков указывает на продвижение индоариев ко времени создания X мандалы из внутренних районов Индостана (Восточного Пенджаба, верховий Сарасвати=Сарсути–Гахаггар–Хакры и Доаба Ганги–Ямуны (Ямуна (V.52.17; VII.18.19) и Ганга (VI.45.31) упоминаются уже в древнейшей части РВ)) на (юго-)запад в долину Инды вплоть до Индийского океана. Поздняя РВ упоминает Гималаи (*yásya imé himávanto mahitvā*) (X.121.4).

Уже древнейшая часть АВШ неоднократно упоминает Гималаи: *yásya víśve himávanto mahitvā samudré yásya rasām id āhūḥ / imās ca pradīśo yásya bāhū kásmai devāya havīṣā vidhema //5//* «Благодаря чьему могуществу – все снежные горы (*víśve himávanto*), чьему – говорят о Расе в океане, / и чьи руки – эти стороны света – какого бога мы почтим жертвен-

ным возлиянием? //5//» (IV.2.5); *yád āñjanam traikakudám jātám himávatas pári / yāūmś ca sárvañ jambháyat sárvaś ca yātudhānyàḥ //9//* «Та мазь, происходящая с Трикакуда, что рождена на Гималаях, / да загрызет она всех колдунов и всех колдуний! //9//» (IV.9.9); *suparṇasúvane giraú jātám himávatas pári //2// údañ jātó himávataḥ sá prācyāṁ nīyase jánam //8//* «На горе, где гнездятся орлы, рождена, со снежной (himávatas). //2// Ты рождена на севере от снежной (himávataḥ), на восток тебя отправляют к людям //8//» (V.4.2, 8); *gárbho himávataṁ* «зародыш снежных гор» (VI.95.3). Отсылка к Гималаям есть во второй по древности части АВШ: *giráyas te párvatā himávantó 'raṇyam te pṛthivi syonám astu* «Пусть холмы твои, горы, покрытые снегом (himávantó), / лесные заросли твои, о Земля, будут дружелюбны!» (XII.1.11)

Вообще авторы уже древнейшей части АВШ знали, что реки Пенджаба текут с Гималаев и впадают в Синдху: *himávataḥ prá sravanti síndhau samaha saṅgamáḥ / āpo ha máhyaṁ tád devīr dádan hr̥ddyótabh̥eśajám //1// síndhupatnīḥ síndhurājñīḥ sárva yá nadyàl sthāna / dattá nas tásya bh̥eśajám tēnā vo bh̥unajāmahai //3//* «Они текут вперед со снежной (himávataḥ). Место встречи где-то в Синдху. / Так пусть божественные воды даруют мне исцеление от жжения в сердце! //1// С Синдху-повелительницей, с Синдху-царицей, о вы, все реки, которые есть, / дайте нам исцеление от этого! Для этого мы хотим воспользоваться вами. //3//» (VI.24.1, 3) Помимо этих двух случаев, Синдху еще несколько раз упоминается в древнейшей части АВШ (IV.13.2 – *síndhor*; IV.33.8 – *síndhum*; VI.1.2 – *síndhau*; VI.24.1 – *síndhau*; VI.24.3 – 2 раза – *síndhupatnīḥ síndhurājñīḥ*; VII.46.1 – *síndhutás*).

В древнейшей части АВШ упоминаются несколько раз семь рек Северо-Западного Индостана: *yāvati dyāvāpṛthivi varimṇā yāvat saptá síndhavo vitaṣṭhiré* «Насколько протяженностью Небо-и-Земля, насколько простерлись семь рек» (IV.6.2); *ápam napāt síndhavaḥ saptá pātana* «О ты, Отпрыск вод, о семь рек, защитите!» (VI.3.1); *ahám ṛtūmr ajanayam saptá síndhūn* «Я породил времена года, семь рек» (VI.61.3).

Авторы древнейшей части АВШ упоминают реку Рави, на которой в эпохи Ранней, Зрелой и Поздней Хараппы располагался город Хараппа: *mádhu páruṣṇī //3//* «Мед – Парушни» //3// (VI.12.3) Комментарий Т.Я. Елизаренковой: «Парушни (*páruṣṇī* букв. «поросшая камышом») – название реки в Пенджабе (совр. Рави)» (Елизаренкова, 1976, с. 341).

Также авторы АВШ знают о впадении Синдху в океан: *yásyām samudrá utá síndhur āpo yásyām ánnaṁ kṛṣṭáyaḥ saṁbabhūvúḥ* «На ком океан и река, воды, на ком возникли пища, пашни» (XII.1.3). Уже в древнейшей части АВШ упоминается раковина из Синдху и из океана: *divi jātáḥ samudrajáḥ síndhutás páry ābhṛtaḥ / sá no hiraṇyajáḥ śaṅkḥá āyuspratáraṇo mañih* «Рожденная на небе, рожденная в океане (*samudrajáḥ*), принесенная из реки (*síndhutás*), / эта раковина, рожденная от золота, – наш амулет, преодолевающий срок жизни» (IV.10.4). Синдху известен и авторам самой поздней части АВШ: *yátḥ síndhur nadīnām sāmṛājyam suṣuvé vṛśā* «Как могучий Инд создал себе господство среди рек» (XIV.1.43).

В древнейшей части АВШ утверждается: *devā imám mādhunā sámuyutam yavam sárasvatyām ádhi mañāv acarkṛṣuḥ / indra āsīt sīrapatiḥ śatákratuḥ kīnāsā āsan marútaḥ sudānavaḥ //1//* [первый вариант перевода:] «Этот ячмень, смешанный с медом, боги глубоко вспахали для рода людского на Сарасвати. // Индра стомустрый был хозяином плуга, пахарями были щедрые Маруты»; [второй вариант перевода:] «Этот пропитанный медом ячмень боги запахивали на Сарасвати ради Ману (?). / Индра стосильный был господином борозды. Щедро дающие Маруты были пахарями» (VI.30.1). Этот стих показывает нам, что: 1) этот гимн АВШ был создан как минимум до 2000 г. до н.э.; 2) уже тогда арии обитали на Сарасвати; 3) они знали, что с самого начала их предки занимались пахотным земледелием на той же Сарасвати, поскольку они приписывают своим богам вспашку ячменя на этой реке. И в самой поздней части АВШ мы находим стих: *á me dhānam sárasvatī páyaspātīm ca dhānyām / sinīvāly upā vahād ayam caúdumbaro mañih //10//* «Богатство и

жир молока, зерно пусть принесут мне / Сарасвати, Синивали и этот амулет из удумбары! //10//» (XIX.31.10). Этот очень важный стих показывает, что даже во время завершения составления АВШ долина Сарасвати изобиловала продуктами молочного животноводства и производства зерновых культур.

Еще один важный для определения ареала АВШ гимн сообщает: *óko asya mūjavanta óko asya mahāvṛṣāḥ / yāvaj jātās takmaṁs tāvān asi bálhikeṣu nyocarāḥ //5// tákman mūjavato gac^ha bálhikān vā parastarām / śūdrām ic^ha prap^harvyàḥ tāṁ takman vīva d^hūnuhi //7// mahāvṛṣān mūjavato bānd^hv add^hi parétya / praitāni takmāne brūmo anyakṣetrāṇi vā imā //8// anyakṣetré ná ramase vaśī sán mṛḍayāsi naḥ / áb^hūd u prār^tas takmā sá gamiṣyati bálhikān //9// tákman b^hrātrā balāsena svāsrā kāsikayā sahā / pāpmā b^hrātryeṇa sahā gāc^hāmūm āraṇaṁ jānam //12// gand^hārib^hyo mūjavadb^hyó 'ṅgeb^hyo magād^heb^hyaḥ / praiṣyān jānam iva śevad^hiṁ takmānaṁ pári dadmasi //14//* «Ее дом – муджаванты. Ее дом – махавриши. / Только родилась ты, лихорадка, сразу стала как дома среди балхиков. //5// Лихорадка, иди к муджавантам или к балхикам, еще подальше. / Ищи похотливую шудрянку – ее потряси, лихорадка, немножко! //7// Уходя прочь, съешь родню – махавришей, муджавантов! / Те я провоzglашаю для лихорадки. Эти же – поля совсем других! //8// Ты не останешься в поле у другого. Послушная, ты будешь милостива к нам! / Совсем готова лихорадка: она уйдет к балхикам! //9// Лихорадка, вместе с братом-баласой, вместе с сестрой-кашлем, / вместе с племянником-лишаем, иди к тому, чужому народу! //12// Гандхари, муджавантам, ангам, магадхам / мы вручаем лихорадку, как посылают человеку драгоценность. //14//» (V.22.5, 7–9, 12, 14). Комментарий Т.Я. Елизаренковой: «муджаванты (*mūjavant*) – горное племя, живущее в Гималаях; балхики (*bálhika*) – племя, живущее на крайнем северо-западе (современный округ Балх Северного Афганистана)... гандхари (*gand^hāri*) – отождествляются с гандхара..., жившими на северо-западе (современная область Равалпинди – Пешавар)» (Елизаренкова, 1976, с. 335). Попутно следует отме-

тить, что авторы данного гимна АВШ явно рассматривают обитателей северо-западных подгорных регионов Индостана как чуждый им, варварский, враждебный народ. Это явно опровергает инвазионистско-иммиграционистскую гипотезу о проникновении предков индоариев в Южную Азию через ее северо-западную часть. Если бы они шли оттуда, то эти регионы считались бы прародиной, священной областью. На противоположной – восточной – окраине мира создателей АВШ обитают племена ангов и магадхов, проживающих на восток от Доаба (Двуречья) Ямуны и Ганги в среднем и нижнем течении последней. Ямуна упоминается в древнейшей части АВШ: *yádi yāmunām icyáse* «если ты зовешься происходящей от Ямуны» (IV.9.10).

Переводчица РВ на русский язык Т. Я. Елизаренкова указывает, что у ригведийских ариев «металлическими были ножи... мечи... в ходу были... мечи» (Елизаренкова, 1989б, с. 450–451). В другом месте она и В. Н. Топоров повторяют, что «в ходу были... мечи... металлическими были или мыслились ножи... мечи» (Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 516–517).

Между тем в самом переводе РВ Т. Я. Елизаренковой слова «меч» и «клинок» почти не встречаются. Так, см.: *chísīta téjo áyaso ná dhārām* «Он оттачивает пламя, словно клинок из железа» (VI.3.5). Но ср. в другом месте: *codáya dhíyam áyaso ná dhārām* «Отточил молитву, словно лезвие из металла!» (VI.47.10). Ср. также: *dhārām agnér asāyata* «Заморозил лезвие огня» (VIII.73.9). При этом в комментарии Т. Я. Елизаренкова указывает: «из двух омонимов *dhārā* – «поток» и «лезвие» выбирается второй как более подходящий к контексту» (Елизаренкова, 1999а, с. 717). Следует сразу отметить, что железа авторы РВ не знали: «В РВ существовало разделение на благородный металл – золото (*hiranya*) и обычный (*ayas*)... Под обычным металлом подразумевается медь» (Елизаренкова, 1989, с. 449–450; см. также: Macdonell, Keith, 1912а, р. 31–32; Müller, 1912, р. 252–263; Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 517). Этот момент необходимо учитывать при использовании перевода РВ Т. Я. Елизаренковой.

Рассмотрим следующее упоминание: *tuvám tām vr̥trahátye codayo nṛ̥ṅ kārpañé sūra vajrivaḥ* «Ты этих мужей возбуди для убийства врагов, для сражения мечами, о герой, наделенный дубиной грома» (X.22.10). Но в комментарии отмечено: «Для сражения мечами (*kārpañé*)... – Значение не вполне достоверно» (Елизаренкова, 1999б, с. 431). Под вопросом оставляет это слово в своем переводе и К. Ф. Гельднер (Geldner, 1951в, s. 158–159). А С. В. Джэмисон и Дж. П. Бреретон вообще указывают: «Единственный раз упоминаемый термин *kārpañé*, который другие интерпретируют как «в битве на мечах» (связывая его с гораздо более позднее зафиксированным словом *kr̥pāṇa* «меч»), мы соотносим с авестийским словом *karapan* (читаемым двусложно в Гатхах), обозначением человека или людей, враждебных маздаяснийской религии и ассоциируемых с равно враждебными *kauuis* (напр., Ясна 44.20, Ясна 32.12, 14–15, Ясна 46,11) – так же, как и наше *kārpañé*, встречается в стихе с неопределенными (и, как это бывает, синтаксически непривязанными) *kavis*» (The Rigveda, 2014, p. 1405–1406).

А. Э. Макдонэл и А. Б. Кит указывают, что в РВ термин «*asi* обычно обозначает нож для жертвоприношения» и ссылаются при этом на стихи I.162.20; X.79.6 и X.86.18 (Macdonell, Keith, 1912а, p. 47). Приведем эти сообщения в переводе Т. Я. Елизаренковой. В первом случае описывается ритуальное разделывание жертвенного животного, поэтому речи о мече быть не может: *mā tvā tapat priyā ātmāpiyantam mā svádhitis tanvā á tiṣṭhipat te | mā te gr̥dhnúr avīśastātihāya chidrā gātrāṇi asinā mīthū kaḥ* «Пусть не мучит тебя ощущение жизни, когда ты вступаешь! | Пусть топор (*svádhitis*) не причинит ущерба твоему телу! Пусть торопливый неопытный расчленитель, промахнувшись ножом (*asinā*), не приготовит неверно поврежденные члены!» (I.162.20). Во втором случае тоже описывается разделка туши быка ножом по суставам: *ákr̥ṭan kr̥ṭan hárir áttave ‘dán ví parvaśás cakarta gām ivāsīḥ* «Не играя, играя, золотистый, чтобы съесть без зубов, разрезал, как нож (*ivāsīḥ*) быка по суставам» (X.79.6) В третьем слу-

чае нож перечисляется среди других предметов: *ayám indra vṛśākapiḥ párasvantam hatám vidat | asīm sūnām návam carúm ād édhasyāna ācitam vísvasmād indra úttaraḥ* «О Индра, этот Вришакapi нашел убитого дикого осла, | меч (*asīm*), корзину, новый горшок, а также повозку, груженую дровами. Индра – выше всего!» (X.86.18). Хотя Т. Я. Елизаренкова дает здесь перевод «меч», столь же возможен перевод «нож» (именно так – «*knife*» – переводят С. В. Джэмисон и Дж. П. Бреретон (The Rigveda, 2014, p. 1528)). Еще один раз термин *asi* переводится Т. Я. Елизаренковой как «нож»: *tuvám ha tyád r̥ṇayā indra dhīro asír ná páruva vr̥jinā śr̥ṇāsi | prá yé mitrásya váruṇasya dhāma yújam ná jánā minánti mitrám* «А ты, Индра, был там умным мстителем. Как нож (*asír*) – суставы, ты сокрушаешь обманы, | кто предаст установление Митры, Варуны, как люди друга-союзника» (X.89.8). Здесь так же очевидно, что перед нами упоминание не меча, а разделочного ножа. И в комментарии Т. Я. Елизаренкова указывает: «Как нож – суставы (*asír ná páruva*)... – Как показывает Б. Шлерат, слово *asi-* в РВ обозначает не меч (более позднее значение), а специальный нож для расчленения суставов убитого жертвенного животного» (Елизаренкова, 1999б, с. 491).

Необходимо отметить, что Т. Я. Елизаренкова дважды при утверждении о знакомстве ригведийцев с мечом ссылается на монографию Сарва Даман Сингха «Ancient Indian Warfare: With Special Reference to the Vedic Period» (Singh, 1965). Между тем в ней почти не рассматриваются данные РВ. Автор со ссылкой на рассмотренные нами выше стихи РВ I.162.20; X.79.6 и X.86.18 указывает: «Слово *asi*, обнаруживаемое в Ригведе и позднее, обозначает жертвенный меч или нож, а также оружие войны» (Singh, 1965, p. 95).

По словам Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, древнеиндийское слово *asi* «меч, резак» восходит к общеиндоевропейскому термину для обозначения бронзового или медного меча (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 739). Однако еще О. Шрадер писал: «...все указывает [на то], что изначально это слово обозначало ничего более чем «боевой нож», как предпола-

ют Бетлингк и Рот для санскритского слова» (Schrader, 1890, p. 224). Также Д. П. Мэллори и Д. К. Эдэмс отмечают: «...значительный интерес представляет слово **h_{2/3}.nsis*, поскольку оно значит ‘меч’ в латинском *ēnsis*, авестийском *ahū-* и санскрите *así-*; оно также может обозначать ‘нож для убийства’. Эти зафиксированные значения могут сперва казаться подкрепляющими [перевод данного термина] как ‘меч’, но это слово в общем должно рассматриваться как семантически несовместимое с любой датой до примерно 2000–1500 гг. до н.э., когда древнейшие мечи стали появляться в археологической летописи (есть очень немногие исключения). Вероятно тогда, что данное слово могло изначально обозначать ‘кинжал’ или ‘нож’ (что оно, судя по всему, делает в более ранней ведийской литературе) и что оно развило значение ‘меч’ независимо в каждой из языковых групп, в которых оно обнаруживается. Некоторую поддержку этому дает тот факт, что существует также родственное палайское (*hasīra-*), которое дает нам наше древнейшее цитирование этого слова и здесь оно обозначает ‘кинжал’» (Mallory & Adams, 2006, p. 245).

По поводу еще одного термина *kr̥ti* А. Э. Макдонэл и А. Б. Кит отмечают: «...из одного отрывка в Ригведе, где Маруты описаны как имеющие *kr̥ti* [множ.ч.], Циммер заключает, что это слово означает кинжал (*dagger*), используемый на войне. Но нет свидетельств того, что *kr̥ti* когда-либо было человеческим оружием» (Macdonell, Keith, 1912a, p. 179). Приведем этот фрагмент в оригинале и переводе Т. Я. Елизаренковой: *hāsteṣu khādīś ca kr̥tīś ca sām dadhe* «в их руках соединились пряжка и нож» (I.168.3).

Вообще А. Э. Макдонэл и А. Б. Кит утверждают, что меч использовался ведийцами очень редко (Macdonell, Keith, 1912b, p. 417).

В переводе Т. Я. Елизаренковой слово «нож» встречается еще несколько раз. Рассмотрим их, чтобы проверить, не могут ли быть соответствующие термины интерпретированы как «меч» или «кинжал». Первый гласит: *dādr̥hāṇō vājram indro gābhastiyoh kṣādmeva tigmām āsanāya sām śiyad | ahihātyāya sām śiyat*

«Крепко держа в руках ваджру, Индра наточил (ее) острой, как нож, для метания, | он наточил для убийства змея» (I.130.4). Здесь описывается нож для метания (*āsanāya*), поэтому другой перевод исключен. Во втором случае говорится: *bhūr̥ṇi bhadrā nāriyeṣu bāhūṣu vākṣassu rukmā rabhasāśo añjāyaḥ | āmseṣu étāḥ pavīṣu kṣurā ādhi vāyo nā pakṣān vi ānu śriyo dhire* «Много вещей, несущих счастье, на ваших мужественных руках, на груди – золотые пластинки, пронзительно яркие украшения, | на плечах – (шкуры) антилоп, на ободьях (колес) – ножи. Как птицы – крылья, раскинули они красоты» (I.166.10). Вряд ли мечи закреплялись на ободьях (*pavīṣu*). Скорее, речь идет о лезвиях (*kṣurā*) ободьев. Сравните встречающееся в АВШ слово *kṣurāpavir* (XII.5.9(20)) – «букв. «обод колеса, острый, как нож». У Уитни: “Keen-edged”» (Елизаренкова, 2007, с. 280). В третьем случае сказано: *sām nah śiśīthi bhurijor iva kṣurām* «Заостри нас, как нож в тисках!» (VIII.4.16). Здесь невозможно определить, о каком точно оружии или инструменте идет речь. В четвертом случае сказано: *śasāḥ kṣurām pratiāñcam jagāra* «Заяц проглотил направленный на него нож» (X.28.9). Здесь исключен перевод «меч» или «кинжал», потому что с мечами на зайцев не охотятся.

Еще один термин в РВ, по Т. Я. Елизаренковой, может означать «большой нож»: *vāśīm éko bibharti hāsta āyasīm* «Один несет в руке топор железный» (VIII.29.3). Т. Я. Елизаренкова указывает в комментарии к этому стиху: «... несет в руке топор (*vāśīm*)... – Сс. Тваштар – создатель всех форм. Топор или большой острый нож, характерный для него инструмент, с помощью которого он вытесывает предметы» (Елизаренкова, 1999a, с. 690). Меч в любом случае не предназначался для творчества и ремесла. В другом месте говорится: *tvāṣṭā māyā ved apāsām apástamo bibhrat pātrā devapānāni sām tamā | śiśīte nūnām paraśūm suāyasām yēna vr̥ścād étaśo brāhmaṇas pātīḥ || sató nūnām kavayaḥ sām śiśīta vāśībhir yābhir amṛtāya tākṣatha* «Тваштар знает волшебные превращения, самый деятельный из деятельных: он приносит самые счастливые сосуды для питья богов. | Сейчас он точит топор

(*paraśūṃ*) из хорошего железа (см. выше, речь идет о меди/бронзе), которым будет рубить переливающийся всеми цветами (?) Брахманаспати. || О поэты, точите же сейчас все вместе топоры (*vāśībhir*), которыми вы вытесываете для бессмертия!» (X.53.9–10) Здесь употреблен типичный глагол, обозначающий плотницкое дело (*tākṣatha*). Рассмотрим другие случаи упоминания данного слова в РВ: *yé sākāṃ vāśībhir ājāyanta* «что родились вместе с топорами» (I.37.2) В комментарии также добавлено: «Перечисляются атрибуты Марутов: их ... топоры (*vāṣī-*)» (Елизаренкова, 1989а, с. 565). Снова в описании Марутов: *té vāśīmanta* «они, носящие топоры» (I.87.6); *yé vāśīṣu* «что снабжены топорами» (V.53.4); *vāśīmanta* «снабженные топорами» (V.57.2); *sahó vājrahastaiḥ marúdbhiḥ hiraṇyavāśībhiḥ* «вместе с Марутами, у которых в руках дубины, золотые топоры (*hiraṇyavāśībhiḥ*)» (VIII.7.32). То, что *vāśī* Марутов были топорами, косвенно подтверждается двумя идущими один за другим стихами: *té aruṇébhīr vāram ā piśāṅgaiḥ śubhé kām yānti rathatúrbbhir ásvaiḥ | rukmó ná citrāḥ svádhitīvān pavyā ráthasya jaṅghananta bhūma || śriyé kām vo ádhi tanūṣu vāśīr* «В свое удовольствие они ездят на алых, золотистых конях, обгоняющих колесницы – для блеска. | Сверкает, как золотая пластинка, с топорами (*svádhitīvān*). Они прибывают землю ободом колесницы. || Для блеска – топоры (*vāśīr*) на ваших телах» (I.88.2–3). Далее в описании Пушана: *hiraṇyavāśīmattama* «О лучший из носителей золотого топора!» (I.42.6) Этот же атрибут приписывается Брихаспати: *hiraṇyavāśīr br̥haspátīḥ* «с золотым топором... Брихаспати» (VII.97.7). Об Индре: *indraḥ prácī vāśīva* «Индра... он как направленный вперед топор» (VIII.12.12). Об Агни: *yādī ghr̥tébhir āhuto vāśīm agnir bhárata úc ca áva ca* «Если он полит потоками жира, то Агни взмахивает топором и опускает» (VIII.19.23); *agnīm vāśīmantaṃ* «к Агни, несущему топор» (X.20.6). В самой поздней мандале РВ содержится следующий призыв: *vāśībhis takṣata aśmanmáuyībhiḥ* «Вытесывайте каменными топорами!» (X.101.10). Здесь наряду с тем, что упоминаемые орудия именуются каменными,

мы опять имеем описывающий плотницкое дело глагол (*takṣata*). Интересно, что и в АВШ данное слово принадлежит к той же сфере жизнедеятельности: *yát tvā śikvāḥ parāvad'īt tākṣā hástena vāṣyā* «Если тебя умелый плотник повредил рукою с ножом» (X.6.3). Таким образом, значение «меч» для термина *vāśī* в РВ и АВШ маловероятно. А. Э. Макдонэл и А. Б. Кит указывают, что *vāśī* является одним из обозначений топора (Macdonell, Keith, 1912а, р. 61).

Но проверим, как интерпретируют этот термин другие авторитетные переводчики РВ. Г. Грассманн понимает *vāśī* как «топоры» (Beile, Äxte) в своем переводе стихов РВ I.37.2; I.42.6; I.87.6; I.88.3; V.53.4; V.57.2; VII.97.7; VIII.7.32; VIII.12.12; VIII.19.23; VIII.29.3; X.20.6; X.53.10; X.101.10 (Rig-Veda, 1876, s. 204, 208, 375, 404, 411, 425, 442; Rig-Veda, 1877, s. 40, 45, 88, 308, 384, 444, 473). Ф. М. Мюллер трактует *vāśī* как «кинжалы» (*daggers*) при переводе стихов из гимнов к Марутам I.37.2; I.87.6; I.88.3; V.53.4; V.57.2 и VIII.7.32 (Vedic, 1891, p. 63, 71, 159, 169, 319, 340, 392). К. Ф. Гельднер в своем переводе РВ передает *vāṣī-* как «топоры/секиры» (Beile, Äxte) в стихах I.37.2; I.42.6; I.87.6; I.88.3; V.53.4; V.57.2; VII.97.7; VIII.7.32; VIII.12.12; VIII.19.23; X.20.6; X.53.10 (Geldner, 1951а, s. 46, 52, 112, 113; Geldner, 1951б, s. 59, 64, 267, 301, 308, 321; Geldner, 1951в, s. 156, 216) и как «ножи/резцы» (Messern) в стихах VIII.29.3; X.101.10 (Geldner, 1951б, s. 340; Geldner, 1951в, s. 316). С. В. Джэмисон и Дж. П. Бреттон повсюду в РВ интерпретируют термин *vāṣī* как «топоры» (axes) (I.37.2; I.42.6; I.87.6; I.88.3; V.53.4; V.57.2; VII.97.7; VIII.7.32; VIII.12.12; VIII.19.23; VIII.29.3; X.20.6; X.53.10; X.101.10) (The Rigveda, 2014, p. 145, 151, 219–220, 730, 736, 1006, 1043, 1052, 1067, 1090, 1403, 1462, 1561).

В переводе АВШ Т. Я. Елизаренковой обозначающее меч или клинок слово встречается только один раз: *yé bāhavo yā iṣavo d'ánvanām vīryāṇi ca / aśín paraśūṃ āyud'am cittākūtām ca yád d'rdī* «Какие руки, какие стрелы и силы мужества луков, / мечи, топоры, оружие и какое представление-и-замысел на сердце» (XI.9.1).

В этом стихе употреблено слово *asīn*, которое может означать как «мечи», так и «ножи». Но именно второе понимание подкрепляется другим случаем употребления данного термина в источнике: *ánuc^hya śyāména tvácam etāṃ viśastar yat^hāparv àsīnā māb^hi maṃst^hāḥ / māb^hi druhaḥ parušāḥ kalpayainam trīṭīye nāke ád^hi ví śrayainam //4//* «Разрежь черным эту шкуру, заклатель, ножом (*àsīnā*) сустав за суставом! Не злоумышляй! / Не будь враждебен! Разделявай его на части! На третьем небосводе раздели его!» (IX.5.4) Здесь, как и в РВ (см. выше), описывается жертвенный нож (*àsīnā*) для разделки туши животного.

Таким образом, арии РВ и АВШ не знали металлических (медных или бронзовых) мечей. Это наблюдение позволяет нам сделать два вывода – хронологический и географический.

Хронологический вывод состоит в том, что создание РВ и АВШ в их ареалах на северо-западе Индостана следует относить ко времени ранее появления медных или бронзовых мечей в этом регионе.

А именно, создателям цивилизации Зрелой Хараппы, чей ареал совпадает с ригведийским и атхарваведийским, короткие мечи были известны, по меньшей мере, с начала II тыс. до н.э.

Во время раскопок в Мохенджодаро на Инде в 1930–1931 гг. были найдены два двусторонних клинка из меди, чьи длина, тяжесть и четкая форма заставляли видеть в них мечи или кинжалы. Первый длиной 15,75 дюймов (или 40,01 см) являлся частью клада медных и бронзовых предметов и сосудов под полом помещения периода Поздний Ib. В месте соединения прямоугольного хвостовика и ромбовидного в сечении клинка имелись два отверстия для заклепок. Затупленность краев и кончика, наряду с хорошей сохранностью, свидетельствовали о недоделанности этого оружия. Вторая находка длиной 18,5 дюймов (или 46,99 см) и весом 673 г тоже имела два отверстия для заклепок в месте соединения клинка с ребром жесткости и хвостовика в форме остроугольного равнобедренного треугольника. Острие было закруглено. Также

было найдено обломанное окончание незаконченного меча из меди длиной 3,2 дюйма (или 8,13 см) с намеченным ребром жесткости (Maskay, 1937, pl. CXIII, 3; CXVIII, 9; CXIX, 9; CXX, 17; CXXVIII, 5; CXXXI, 19; Maskay, 1938, p. 466–467).

В фотокаталоге Национального музея в Нью-Дели имеется фотография обоюдоострого медного меча длиной 47 см из Мохенджодаро, имеющего покатые плечики, посередине клинка ребро жесткости и два отверстия у его основания для насадки рукояти на хвостовик в форме остроугольного равнобедренного треугольника (рис. 1). В том же музее выставлена фотография во всем остальном аналогичного (но меньшего по размеру и с более массивным хвостовиком вытянутой прямоугольной формы) медного меча с обломанным концом из того же Мохенджодаро длиной 37 см (рис. 2).

Говоря именно об этих предметах, М. Уилер указывает: «...изредка клинок снабжен небольшим утолщением посередине, эта часть имеет форму алмаза... Такие укрепленные

Рис. 1. Клинок из Мохенджодаро (ок. 2000–1900 до н.э.; Пакистан, провинция Синд). По: http://www.museumsofindia.gov.in/repository/record/nat_del-dk-12682-2509-28669

Рис. 2. Клинок из Мохенджодаро (ок. 2000–1900 до н.э.; Пакистан, провинция Синд). По: http://www.museumsofindia.gov.in/repository/record/nat_del-dk-10781-f-2510-28587

клинки составляют в длину до 18.5 дюймов [=47 см] и могут, скорее, представлять [собой] короткие мечи или кинжалы, разновидность оружия, которому нет иных свидетельств. Они из поздних слоев и имеют параллели примерно 2200–1750 до н.э. в Сирии и Палестине» (Wheeler, 1968, p. 73). Также подразумевая именно эти находки, Дж.П. Мэллори и Д.К. Адамс пишут: «Фактически, хараппская культура дала несколько медных предметов вооружения с клинками длиной более 40 см, некая форма меча уже могла существовать в Индии третьего тысячелетия» (Encyclopedia, 1997, p. 562). Говоря о тех же предметах, Э. Корк отмечает: «Их короткий, непроклепанный хвостовик указывает, что они, скорее всего, были колющим, чем режущим оружием, так как соединение между клинком и ручкой не могло быть особенно прочным для клинков такого размера, чтобы выдержать боковой удар; но окончания также довольно закругленные. Только для одного из мечей указывается происхождение: часть клада медных инструментов и сосудов в ‘Позднем периоде 1b’... Другие предметы в этом клада (Маскау, 1938, pl. X:e) соответствуют стандартному репертуару металлообработки Зрелой Хараппы» (Cork, 2006, p. 130). Следует отметить, что слой Позднего 1b периода в Мохенджодаро датируется временем после 2000 и до 1900 до н.э. (Mosher, 2017, p. 53–54).

Около 1900 до н.э. значительная часть хараппцев покинула долины Инда и Сарасвати и ушла в верховья Сарасвати и являвшийся частью еще ригведийского ареала Доаб (Двуречье) Ганги и Ямуны.

Именно там, на территории современных штатов Пенджаб, Раджастан, Харьяна и Уттар-Прадеш, бок о бок с поселениями Зрелой и Поздней Хараппы (и даже кое-где на одних и тех же поселениях) в середине III – первой половине II тыс. до н.э. находился очаг распространения археологической культуры охряной керамики, оставившей клады медных предметов, среди которых характерными являются обоюдоострые мечи длиной от 40 до 75 см с продольным ребром жесткости и хвостовиком с раздвоенными антенновидными

«отростками» на конце; другим характерным оружием этой культуры были обоюдоострые мечи с ребром жесткости и хвостовиком с крюком (Wheeler, 1959, p. 118–127; Wheeler, 1966, p. 93–96; Lamberg-Karlovsky, 1967, p. 155–160; Agrawal, 1969, p. 113–119; Deva, 1969, p. 75–79; Lal, 1969, p. 83–94; Gaur, 1969, p. 95–100; Gaur, 1974, p. 53–62; Ghosh, 1990, p. 91–94, 325, 351–352; Kumar, 1991, p. 379–392; Yule, 1997, p. 22–32; Al-Jafri, 1998, p. 20–23, 174–184; McIntosh, 2008, p. 100, 406; Ansari, 2009, p. 1–57, 60–130, 134–172; Nair, 2012, p. 1161–1171; Sontakke, Sontakke, 2013, p. 461; Chakrabarti, 2014, p. 444; Ahmed, 2015, p. 166–174; Al Jafri, 2017, p. 81–87; Kumar, 2017, p. 63–64, 73–74, 83–247, 361–363, 374–376).

Укажем известные нам находки медных мечей из области в среднем течении Ямуны и Ганги, поскольку эти реки упоминаются еще в РВ.

В Фатехгархе в Доаб на южном берегу Ганги (район Фаррухабад, Уттар-Прадеш) было найдено тринадцать отлитых из меди обоюдо-

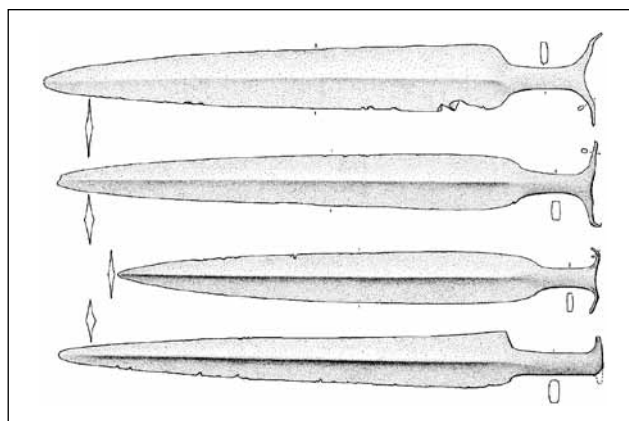

Рис. 3. Клинки из Фатехгарха
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, Доаб, южный берег Ганги, район Фаррухабад, Уттар-Прадеш).
По: Yule, 1985, pl. 14

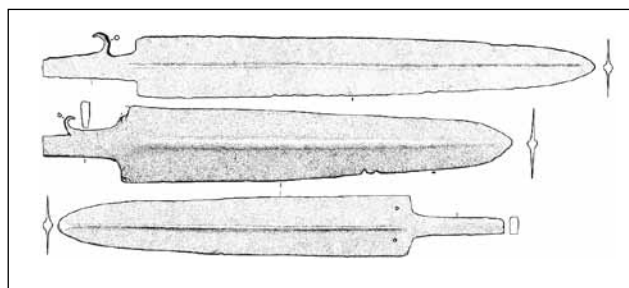

Рис. 4. Клинки из Саипаи
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, 18 км к северу от ж/д станции Этава, район Этава, Уттар-Прадеш).
По: Yule, 1989, p. 203, 242

стрых мечей с незначительными ребрами жесткости с ромбовидными в сечении клинками и прямоугольными в сечении ручками. Самую большую группу составляют девять мечей длиной до 68–78 см с короткими антенновидными «отростками» на конце хвостовика весом более 1–2 кг. Один меч длиной 44 см имеет длинные антенновидные «отростки». Хвостовик еще одного меча длиной 76 см оканчивается клювовидным «отростком» только с одной стороны (Smith, 1905, pl. III; Wheeler, 1959, p. 119; Wheeler, 1966, p. 95; Lamberg-Karlovsky, 1967, p. 157–159; Allchin, 1979, p. 112; Yule, 1985; Ghosh, 1990, p. 92, 351; Yule, 1997, p. 29) (рис. 3).

В Саипаи (в 18 км к северу от железнодорожной станции Этава, район Этава, Уттар-Прадеш) были обнаружены два литых меча длиной 57 и 67,1 см из меди со снабженными крюками рукоятками, а также меч длиной 54,2 см с хвостовиком и двумя отверстиями для заклепок под плечиками (Yule, 1989, p. 203, 242; Al-Jafri, 1998, p. 145; Ahmed, 2015, p. 195) (рис. 4).

Из Шахабада (дистрикт Хардои, Уттар-Прадеш, к востоку от Ганги) происходят семь мечей. Один меч свернут в кольцо, имеет покатые плечики и хвостовик с короткими, перпендикулярными лезвию антенновидными «отростками» (National Museum Delhi (85.173)). Второй меч состоит из двух фрагментов длиной по 17,3 и 11,4 см и весом 164 и 70 г, клинок поврежден, имеет линзовидное в сечении ребро жесткости и покатые плечики, кончик отсутствует, хвостовик заканчивается короткой «антенной» (National Museum, Delhi (85.175)). Третий меч длиной 40,9 см и весом 314 г имеет согнутый клинок с овальным в сечении ребром жесткости, одно покатое и одно выраженное плечико и хвостовик с короткой «антенной» (National Museum, Delhi (85.172)). Четвертый меч длиной 52,8 см и весом 1142 г состоит из четырех фрагментов, один «отросток» «антенны» отломан, клинок имеет выраженные плечики и ребро жесткости, линзовидное в сечении ближе к основанию и ромбовидное ближе к кончику (National Museum, Delhi (85.171)) (Yule, 1989, p. 203, 205–206 & 247) (рис. 5). Пятый меч длиной 56,9 см состоит из трех фрагментов. Его клинок имеет

ромбовидное в сечении ребро жесткости и покатые плечики, хвостовик обломан (National Museum, Delhi (75.152)) (Yule, 1985, p. 91; pl. 96,1045) (рис. 6). Шестой меч длиной 47 см имеет загнутый к клинку кончик. На хвостовике один антенновидный «отросток» отломан, а второй отогнут вниз и назад. Клинок имеет ромбовидное в сечении ребро жесткости, одно плечико деформировано. У его основания имеются два отверстия для заклепок (National Museum, Delhi, (1966.28)). У седьмого меча сохранившийся длиной 25 см клинок имеет ромбическое в сечении ребро жесткости и загнутый кончик. Основание клинка и хвостовик утрачены (National Museum, Delhi) (Yule, 1985, p. 93; pl. 99,1064–1065) (рис. 7).

Из Битхура (район Канпур, Уттар-Прадеш, правый берег Ганги) происходит меч длиной 36,5 см и весом 226 г, разломанный на три фрагмента. Его клинок имеет покатые плечики и ребро жесткости, линзовидное в сечении ближе к основанию и ромбовидное в сечении ближе к кончику. Один из двух антенновидных «отростков» наполовину обломан (Museum of the Varanaseya Sanskrit

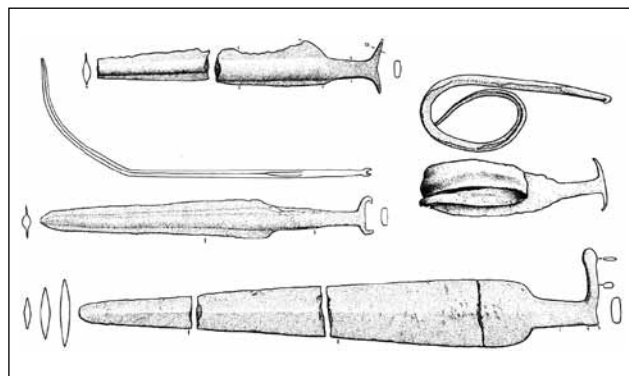

Рис. 5. Клинки из Шахабада (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, дистрикт Хардои, Уттар-Прадеш, к востоку от Ганги). Национальный музей, Дели (инв. № 85.171–173, 175). По: Yule, 1989, p. 203, 205–206, 247

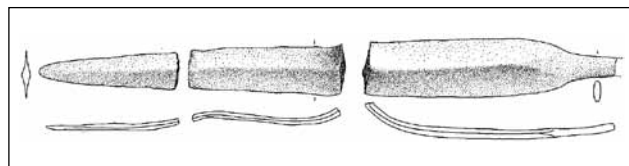

Рис. 6. Клинок из Шахабада (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Хардои, Уттар-Прадеш, к востоку от Ганги). Национальный музей, Дели (инв. № 75.152). По: Yule, 1985, p. 91, pl. 96,1045

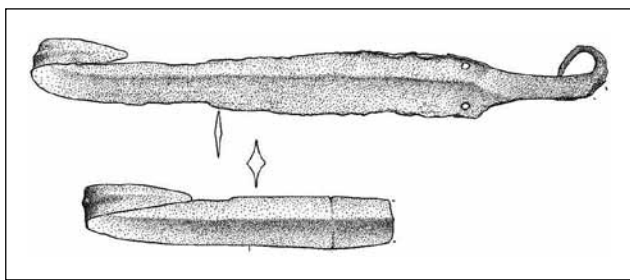

Рис. 7. Клинки из Шахабада
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Хардои,
Уттар-Прадеш, к востоку от Ганги). Национальный
музей, Дели (инв.№ 1966.28 и без номера).
По: Yule, 1985, p. 93, pl. 99,1064–1065

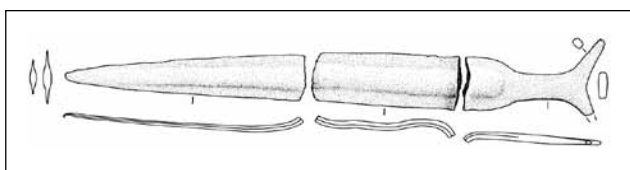

Рис. 8. Клинок из Битхура
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Канпур,
Уттар-Прадеш, правый берег Ганги). Музей Варанася
Санскрит Висвавидялая (инв.№ 67.19).
По: Yule, 1989, p. 201–202, 240

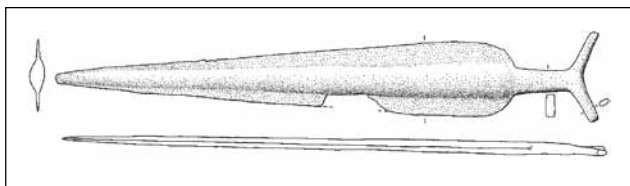

Рис. 9. Клинок из Битхура
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Канпур,
Уттар-Прадеш, правый берег Ганги). Кэмбридж,
Университетский музей археологии и антропологии
(инв. № 1930.1611).
По: Yule, 1985, p. 91 & pl. 96,1049

Visvavidyalaya, 67.19) (Yule, 1989, p. 201–202, 240) (рис. 8). Еще один меч из Битхура длиной 40,5 см и весом 459 г имеет покатые плечики, клинок с линзовидным в сечении ребром жесткости со значительной утратой с одной стороны и хвостовик с антенновидными «отростками» (University Museum of Archaeology and Anthropology, Cambridge (1930.1611)) (Yule, 1985, p. 91; pl. 96,1049) (рис. 9).

Из Бахариа (район Шахджаханпур, Уттар-Прадеш) происходит меч длиной 51,7 см и весом 1005 г. Его клинок с ромбовидным в сечении ребром жесткости имеет у основания прикрывающие рукоять с двух сторон «отростки», один из которых обломан. Хвостовик заканчивается загнутым в сторону клинка «отростком»

(Kausambi Museum, Allahabad) (Yule, 1985, p. 37–38, pl. 10,236) (рис. 10). Еще один короткий меч такого же типа, но с небольшими утратами на клинке, происходит из Шахджаханпура (Kumar, 2017, p. 217, fig. 216).

Из Морадабада (северо-запад Уттар-Прадеша, берег левого притока Ганги р. Рамганги) происходит меч длиной 38,5 см и весом 295 г. Он имеет клинок с линзовидным в сечении ребром жесткости и хвостовик с довольно длинными антенновидными «отростками» (Yule, 1985, p. 91, pl. 97,1050) (рис. 11).

Из Барейли (Уттар-Прадеш) на берегу Рамганги происходят сломанный надвое и с утраченным кончиком обоюдоострый меч с покатыми плечиками, ребром жесткости и хвостовиком с едва намеченной «антенной» на конце и еще один тоже по видимости сломанный надвое и с утраченным кончиком более длинный и узкий обоюдоострый меч без плечиков, с ребром жесткости и хвостовиком с ярко выраженным раздвоенным антенновидным «отростком», одна из «ветвей» которого загнута внутрь полукругом, а вторая обломана (Kumar, 2017, p. 217, fig. 218; p. 218, fig. 220).

Территория распространения подобных мечей простиралась от восточного берега Ганги в ее среднем течении на запад вглубь совр. штата Харьяна – ядра ареала ригведийских ариев (см. выше).

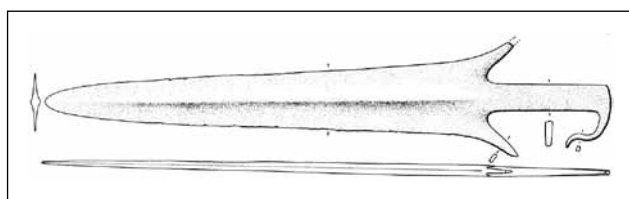

Рис. 10. Клинок из Бахариа (ок. 2000–1500 до н.э.;
Индия, район Шахджаханпур, Уттар-Прадеш). Музей
Каусамби, Аллахабад. По: Yule, 1985, p. 37–38, pl. 10,236

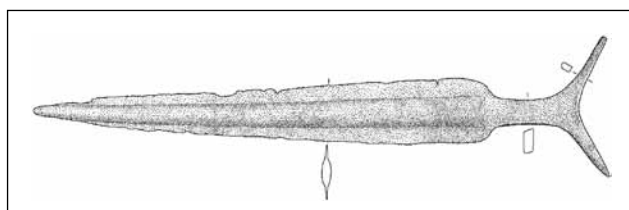

Рис. 11. Клинок из Морадабада (ок. 2000–1500 до н.э.;
Индия, северо-запад Уттар-Прадеша, берег левого притока
Ганги р. Рамганги). По: Yule, 1985, p. 91, pl. 97,1050

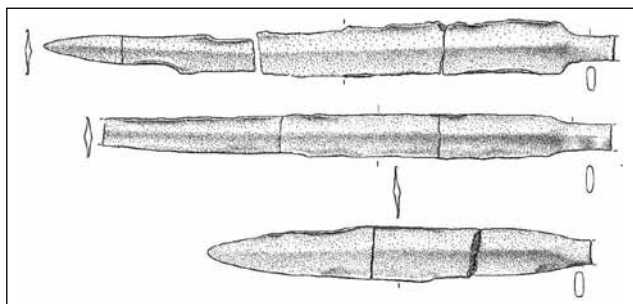

Рис. 12. Клинки из Ревари (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 191–193). По: Yule, 1985, p. 91, pl. 96, 1046–1048

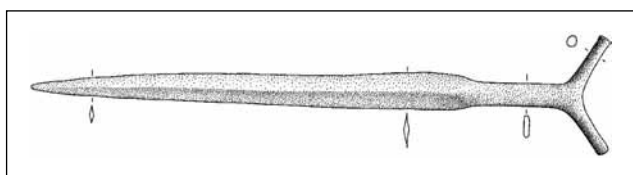

Рис. 13. Клинок из Ревари (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 27). По: Yule, 1985, p. 92, pl. 98, 1059

Так, большая группа мечей была найдена в Ревари (дистрикт Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели) и сейчас хранится в Kanya Gurukul Museum Narela (Yule, 1985, p. 91–93, pl. 96, 1046–1048; 98, 1059; 99, 1068–1069; 100, 1070–1075).

Три меча из Ревари (инв. ном. 191–193) принадлежат к одному типу (рис. 12). Первый меч из четырех фрагментов общей длиной 41,9 см и весом 300 г с плечиками имеет ромбовидное в сечении ребро жесткости и обломанный хвостовик. Второй меч из трех фрагментов общей длиной 37,7 см и весом 300 г с обломанными хвостовиком и кончиком клинка с ромбовидным в сечении ребром жесткости почти не имеет плечиков. Третий короткий меч из трех фрагментов общей длиной 28,4 см и весом 250 г имеет клинок с ромбовидным в сечении ребром жесткости и почти полностью отломанный хвостовик. Еще один меч другого типа (инв. ном. 27) (рис. 13) имеет длину 41,7 см и вес 240 г, узкий клинок почти без плечиков с ромбовидным в сечении ребром жесткости и заканчивающийся довольно длинными антенновидными «отростками» хвостовик. Пятый меч (инв. ном. 28) длиной 34,2 см и весом 305 г с отломанным кончи-

ком имеет клинок с ромбовидным в сечении ребром жесткости, идущие почти перпендикулярно лезвиям плечики и длинный хвостовик с двумя отверстиями для заклепок на нем ближе к основанию клинка. Шестой короткий меч длиной 33,9 см и весом 500 г представляет собою оружие колющего типа с очень узким квадратным в сечении клинком почти без плечиков и хвостовиком с двумя отверстиями для заклепок на нем (рис. 14). Седьмой меч (инв. ном. 190) состоит из четырех фрагментов клинка общей длиной 41,8 см и весом 370 г, с ромбовидным в сечении ребром жесткости; хвостовик и примыкающее к нему основание клинка утрачены. От восьмого, девятого и десятого мечей (инв. ном. 194–196) сохранились только по два фрагмента от клинков общей длиной 19,7 см, 19 см и 19,7 см соответственно и весом 115 г, 120 г и 125 г соответственно; а у восьмого меча еще и отломан кончик; все три клинка имеют ромбовидное в сечении ребро жесткости. Еще хуже сохранился одиннадцатый меч (инв. ном. 200) – это, по сути, подвергшийся вторичной обработке небольшой фрагмент клинка длиной 6,2 см и весом 50 г с ромбовидным в сечении ребром жесткости. Зато совершенно замечателен двенадцатый меч из Ревари (инв. ном. 270) длиной 33,1 см и весом 1000 г. Он имеет клинок в форме «елочки» с тремя острыми, направленными вниз выступами с каждой стороны (один средний обломан, второй средний на другой стороне погнут) и ромбовидное в сечении ребро жесткости. Хвостовик заканчивается клювовидным выступом с одной стороны (рис. 15).

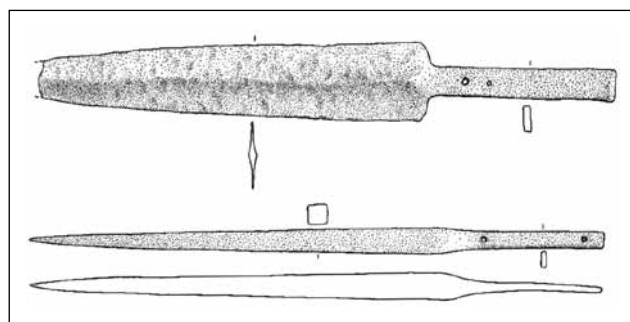

Рис. 14. Клинки из Ревари (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 28 и без номера). По: Yule, 1985, p. 93 & pl. 99, 1068–1069

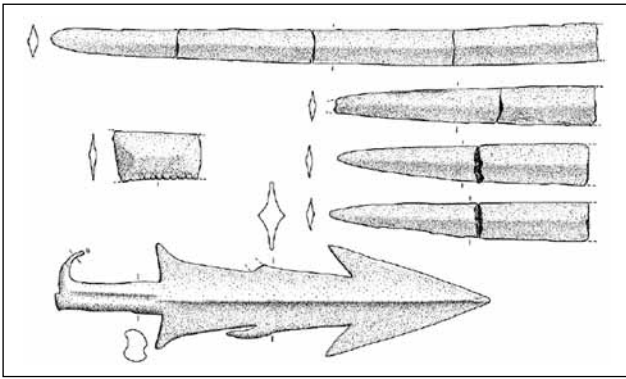

Рис. 15. Клинки из Ревари (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 190, 194–196, 200, 270). По: Yule, 1985, p. 93, pl. 100, 1070–1075

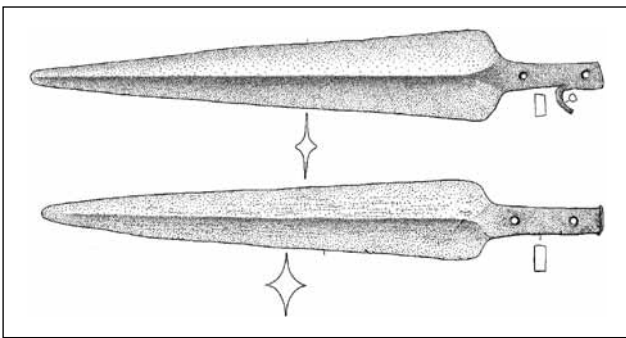

Рис. 16. Клинки из Ханси (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Хисар, Харьяна, в нескольких десятках км к северо-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 37–38). По: Yule, 1985, p. 93, pl. 99, 1062–1063

Еще два меча происходят из Ханси (район Хисар, Харьяна, в нескольких десятках километров к северо-западу от Дели) (Yule, 1985, p. 93, pl. 99, 1062–1063) и сейчас хранятся в Капуа Gurukul Museum Narela (рис. 16). Первый меч

(инв. ном. 37) длиной 44,3 см и весом 900 г имеет клинок с ромбовидным в сечении ребром жесткости, четко оформленные плечики и хвостовик с двумя отверстиями для заклепок и крюковидным выступом посередине с одной из сторон. Второй меч (инв. ном. 38) длиной 43,6 см и весом 1365 г во всем повторяет формы предыдущего, но только у него крюковидный выступ на хвостовике отсутствует.

На харапском кладбище Санаули (Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны), созданном в переходный между Зрелой и Поздней Харапской период (2100–1800 до н.э.), во время раскопок 2005–2006 гг. были найдены два медных меча с антенновидными хвостовиками. Один меч длиной 43 см с обоюдоострыми лезвиями, с ребром жесткости и коротким хвостовиком с очень длинными антенновидными «отростками» был случайно выкопан крестьянином (рис. 17). Другой длиной 49,3 см с обоюдоострым клинком, с

Рис. 17. Клинок из Санаули (переход от Зрелой к Поздней Харапке, 2100–1800 до н.э.; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2005–2006 гг.). По: Singh, 2015, p. 71, pl. 2.62

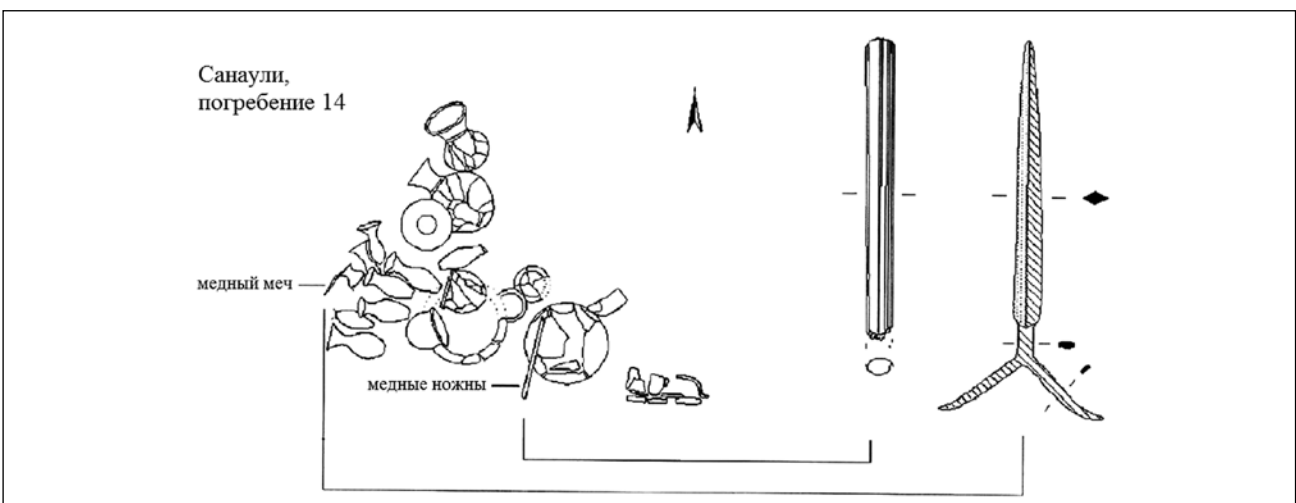

Рис. 18. Клинок и ножны из Санаули *in situ* (переход от Зрелой к Поздней Харапке, 2100–1800 до н.э.; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2005–2006 гг.). По: Sharma et al, 2006, p. 168, fig. 4

Рис. 19. Клинок и ножи из Санаули in situ (переход от Зрелой к Поздней Хараппе, 2100–1800 до н.э.; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2005–2006 гг.). По: Prabhakar, 2014, p. 165

Рис. 20. Клинок и ножи из Санаули (переход от Зрелой к Поздней Хараппе, 2100–1800 до н.э.; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2005–2006 гг.). По: Singh, 2015, p. 71, pl. 2.61

ромбовидным в сечении ребром жесткости и с коротким хвостовиком с длинными антенновидными «отростками» был помещен в символическую могилу без скелета острием вверх, а рядом находились 18 сосудов и две половинки медных ножен длиной 37 см (рис. 18–20) (Sharma et al, 2006, p. 168, 170, 177, pl. 8 и цв.вкл.; Prabhakar, 2014, p. 164–165; Singh, 2015, p. 70–72; Kumar, 2017, p. 238–239). Раскопки в 2018 г. в 100 м от кладбища Поздней Хараппы привели к вскрытию семи могил культуры охряной керамики или медных кладов с примерной датировкой ок. 2000–1800 до н.э. с остатками деревянных гробов и трех колесниц с медными обкладкой и деталями. Были обнаружены два меча с антенновидными хвостовиками и один символический тонкий меч с антенновидным хвостовиком. Еще один уникальный меч имел гарду и деревянную рукоятку с обмоткой из медной проволоки (рис. 21–22) (Subramanian, 2018).

Итак, мы выяснили, что РВ и АВШ не

Рис. 21. Клинки из Санаули in situ (2000–1800 до н.э., некрополь культуры охряной керамики и медных кладов; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2018 г.). По: Subramanian, 2018

Рис. 22. Клинок из Санаули (2000–1800 до н.э., некрополь культуры охряной керамики и медных кладов; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2018 г.). По: <https://pbs.twimg.com/media/DznT0FwV4AAEmHm?format=jpg&name=4096x4096>

могли быть созданы после 2000 до н.э., поскольку с того времени на всей территории от долины Инда до среднего течения Ганги стали использоваться мечи, которые не упоминаются обеими Самхитами, созданными в том ареале. Соответственно, это подтверждает нашу датировку АВШ до 2000 до н.э., т.е. в целом эпохой Зрелой Хараппы, а более архаичной РВ – на несколько столетий ранее АВШ, т.е. примерно до начала Зрелой Хараппы (до 2600 до н.э.).

Аргумент отсутствия меча в РВ и АВШ позволяет исключить из списка прародин индоариев те регионы Древнего Востока, в которых мечи производились и использовались ранее 2000 до н.э. Рассмотрим имеющиеся находки древнейших мечей.

По данным, приводимым Г. Герне на 2007 г., находки древнейших прямых обоюдоострых мечей до 2200 до н.э. в Евразии были совершены только в четырех местах – Арслантепе (Юго-Восточная Анатолия), Тюлинтепе (Юго-Восточная Анатолия), урочище Клады (Северо-Западный Кавказ) и Аладжа-Хююк (Центральная Анатолия). Концом III – началом II тыс. до н.э. датируются более поздние мечи из Библа, Маллии (Крит) и из Закавказья. Всего известно 32 прямых древнейших обоюдоострых меча, из них 10 – из Арслантепе, 1 – из Тюлинтепе, 3 – из Аладжа-Хююк, 3 – из Маллии, 6 – из Библа, еще 4 – из Анатолии (районы Сакчегезю и Хорозтепе, 5 – из Закавказья (курганные могильники) (Gernez, 2007б, р. 441–442).

В погребении 5 кургана №31 урочища Клады (Северо-Западный Кавказ, левый берег р. Фарс к северу от станицы Новосвободная (быв. Царская), Кубанская обл., Майкопский отдел (ныне Майкопский р-н, Республика Адыгея), Россия, 3500–3300 до н.э.) был найден уникальный литой бронзовый меч длиной 63,5 см (длина рукояти – 10,4 см) с ребром жесткости, ромбовидным в сечении клинком и прямоугольным в сечении хвостовиком, согнутый посередине (Мунчаев, 1994, с. 186, 205; Массон, 1997, с. 68, рис. 11, с. 70. Encyclopedia, 1997, р. 562; Бронзовый век, 2013, с. 328) (рис. 23). Так-

же в Майкопском кургане был найден меч из сплава меди с мышьяком длиной 47 см с расширяющимся, полукруглым на конце клинком и двумя заклепками из серебра на рукояти (Мунчаев, 1994, с. 199–200), который в другом месте именуется кинжалом, поскольку указывается другая длина, видимо, в согнутом состоянии – 34,7 см (Бронзовый век, 2013, с. 312).

Девять датированных по ^{14}C 3095–2905 Cal BC литых обоюдоострых мечей со средней длиной 50 см (от 45,9 см до 62 см) и со средним весом 521,5 г (410 – 960) из сплава меди с 3–6% мышьяка с плоскими рукоятями (из них три с серебряными инкрустациями), с намеченными выгнутыми в сторону хвостовика «перекрестьями», с полукруглыми вершущками и толщиной почти одинаковыми клинками были обнаружены в Юго-Восточной Анатолии в горах Тавра в помещении III в комнате A113 («зал оружия») в дворцово-храмовом комплексе Арслантепе Фазы VIA (Поздний Урук, финал позднего энеолита, ок. 3300–3000 до н.э.) возле совр. Малатьи в Турции (рис. 24). В царской гробнице в слое раннего бронзового века Фазы VIB1 (3000–2900 до н.э.) в том же Арслантепе были найдены еще два литых обоюдоострых меча с хвостовиками без перекрестий и без каких-либо «шишек» на концах из сплава меди и мышьяка, имеющие дату 3085–2900 Cal BC (рис. 25)

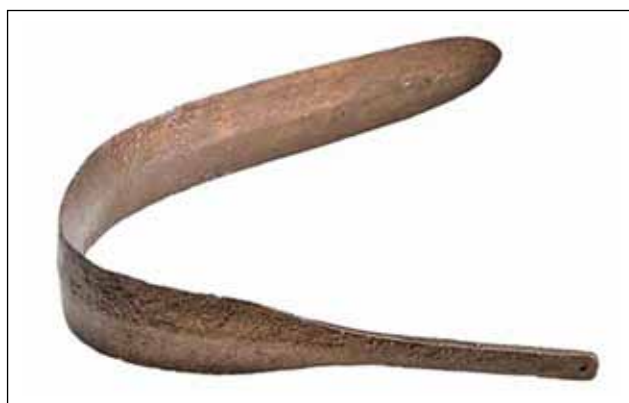

Рис. 23. Клинок из урочища Клады (3500–3300 до н.э.; погребение 5 кургана 31 урочища Клады, Северо-Западный Кавказ, левый берег р. Фарс к северу от станицы Новосвободная (быв. Царская), Кубанская обл., Майкопский отдел (ныне Майкопский р-н, Республика Адыгея), Россия). По: Бронзовый век, 2013, с. 328

Рис. 24. Клинки из Арслантепе (3095–2905 Cal BC; Турция, Юго-Восточная Анатолия, горы Тавра, помещение III в комнате A113 («зал оружия») дворцово-храмового комплекса Арслантепе Фазы VIA (Поздний Урук, финал позднего халколита) возле совр. Малатьи). По: Frangipane, 20176, p. 175, fig. 15.2g

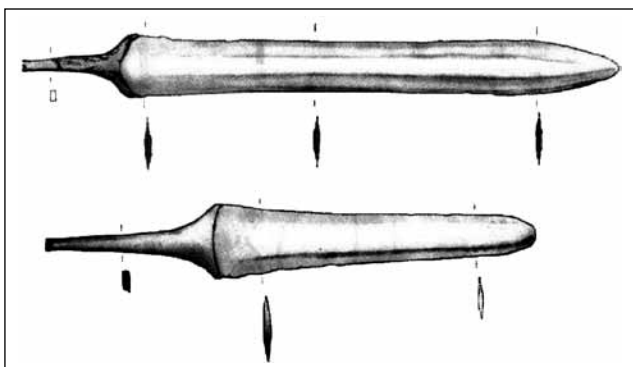

Рис. 25. Клинки из Арслантепе (3085–2900 Cal BC; Турция, Юго-Восточная Анатолия, горы Тавра, царская гробница в слое раннего бронзового века Фазы VIB1 дворцово-храмового комплекса Арслантепе возле совр. Малатьи). По: Di Nocera, 2010, p. 266, fig. XIII.4,19-20

(Palmieri, 1981, p. 104, 107, 109; Palmieri et al, 1998, p. 40; Di Nocera, Palmieri, 1999, p. 180–181, 186–187; Frangipane, 2000, p. 440, 446, 448, 451, 469, 471; Frangipane et al, 2001, p. 106–119, 130–132, 135; Hauptmann et al, 2002, p. 43–47, 51; Barthelemy, 2004, p. 185; Frangipane et al, 2009, p. 12, 16–18; Di Nocera, 2010, p. 257–259, 261–262, 264–267, 272; Berger, 2012, s. 29–30; Akgül, 2012, p. 105–106; Frangipane, 2014, p. 173, 180; Selover, 2015, p. 206–207, 219, 235–237; Frangipane, 2017a, p. 192, 207; Frangipane, 20176, p. 175, 177, 180). По некоторым оценкам, второй, более короткий, меч Фазы VIB1 Арслантепе на самом деле является кинжа-

лом, а гробница, в которой они были найдены, датируется автором 3100–2900 до н.э. (Palumbi, 2012, p. 47, 53–55).

Как отмечает Джиан Мария Ди Ночера, «...меч появляется впервые на Ближнем Востоке в Арслантепе: по твердости меча, балансу между клинком и хвостовиком и по изготовлению самого клинка данный меч определенно может быть отнесен к оружию нападения» (Di Nocera, 2010, p. 273).

В 1996 г. музей Токат (Турция) приобрел литой обоюдоострый меч из сплава меди и мышьяка (инв. ном. 044/87, коллекция Нечдет Дилека) длиной 44,1 см и весом 411,5 г с гардой и хвостовиком с навершием и со следами ударов на лезвии, по данным археометрического анализа относящийся к группе клинков из Арслантепе (Zimmermann et al, 2011, s. 1–7) (рис. 26).

В Тюлинтепе в 80 км к северо-востоку от Арслантепе был найден датированный 3400–2900 до н.э. меч из меди (96%) с примесями мышьяка (2,11%) и никеля (0,70%) длиной 44,6 см и весом 324 г с обломанными кончиком и хвостовиком (Yalçin, Yalçin, 2009, p. 125–127, 129, 137–140) (рис. 27).

Ок. 3000 до н.э. (между 3200–2750 до н.э.)

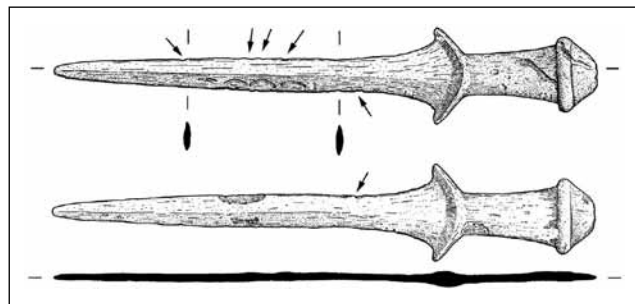

Рис. 26. Клинок из Арслантепе (ок. 3100–2900 до н.э., Турция, Юго-Восточная Анатолия, горы Тавра). Музей Токат (инв. № 044/87, коллекция Нечдет Дилека). По: Zimmermann et al, 2011, s. 1–7

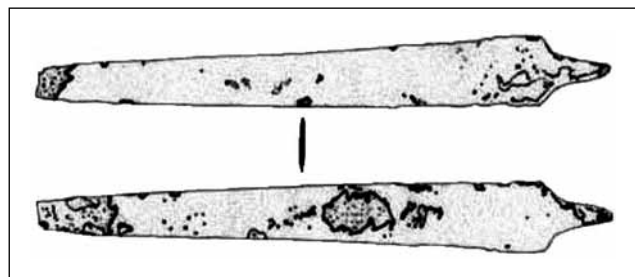

Рис. 27. Клинок из Тюлинтепе (3400–2900 до н.э.; Турция, 80 км к северо-востоку от Арслантепе). По: Yalçin, Yalçin, 2009, p. 139, fig. 3,1

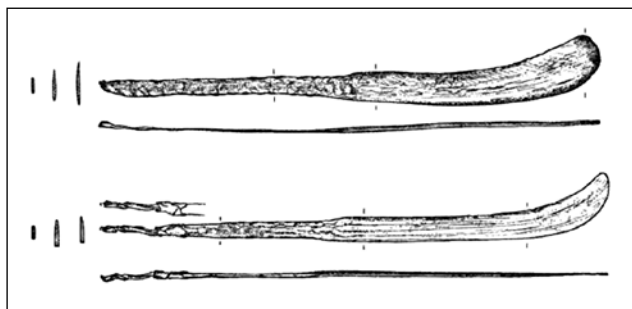

Рис. 28. Сечаки из Кфар Монаш (3200–2750 до н.э.; Израиль, клад из Кфар Монаш (поселение в 5 км к востоку от берега Средиземного моря, в 3,3 км к юго-востоку от Телль Хефер (Телл Ибшар) на равнине Шарон или в 9 км к северо-востоку от Нетаньи, в 32 км от Тель-Авива, в 68 км от Иерусалима). По: Hestrin, Tadmor, 1963, p. 278, fig. 10,1-2

Рис. 29. Клинки из Аладжа Хююк (2750–2250 до н.э.; Турция, Центральная Анатолия, Гробницы А1, К и S в Аладжа Хююк). По: Yalçın & Yalçın, 2018, s. 106, Abb. 16

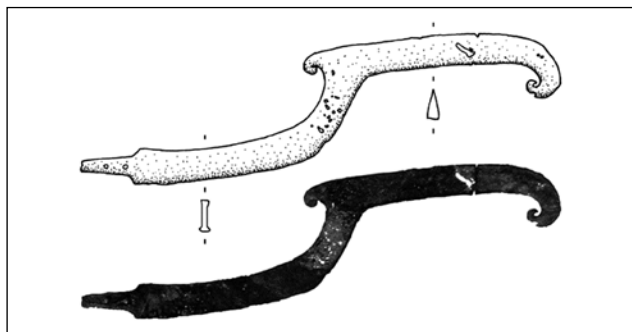

Рис. 30. Клинок из Суз (XXV в. до н.э.; Элам, Иран). По: Massafra, 2012, p. 169

датируется клад из Кфар Монаш (поселение в 5 км к востоку от берега Средиземного моря, в 3,3 км к юго-востоку от Телль Хефер (Телл Ибшар) на равнине Шарон или в 9 км к северо-востоку от Нетаньи, в 32 км от Тель-Авива, в 68 км от Иерусалима, Израиль), частью которого были два своеобразных меча-мачете/тесака из сплава меди с примесями мышьяка и никеля длиной ок. 60 см в виде расширяющихся кверху, несколько изогнутых и закругленных на конце лезвий длиной 31 и 32 см на длинных (30 и 22 см соответственно) пло-

ских хвостовиках; у второго меча также имеется отдельно насаженный дополнительный скрученный хвостовик длиной 7 см; у обоих тесаков вогнутая поверхность лезвия является заостренной (Hestrin, Tadmor, 1963, p. 265, 277–279, 283, 286; pl. 30; לֶאֱכִימ, Michael Sebbane. 2003, p. 174; Gernez, 2007, 422 et 593; Hauptmann et al, 2011, p. 65–67) (рис. 28).

Следующими по древности прямыми обоюдоострыми клинками являются бронзовые мечи из Центральной Анатолии из гробниц А1, К и S в Аладжа Хююк (вторая – третья четверти III тыс. до н.э.) с обоюдоострым уплощенно-линзовидным в сечении клинком без ребра жесткости; длина самого большого, фрагментированного меча из гробницы А1 с длинным хвостовиком с отверстием для заклепки на конце составляет 82,4 см, длина сильно фрагментированного меча с обломанным хвостовиком из могилы К составляет 61,6 см, длина меча с хвостовиком из могилы S – 53,5 см (Stronach, 1957, p. 93–94; Sandars, 1961, p. 18–19; Pl. 15, 3–5; Rova, 2015, p. 46–52; Yalçın, Yalçın, 2018, s. 91–94, 96, 99–100, 105–106) (рис. 29).

XXV в. до н.э. А. Массафра датирует серповидный (арфовидный) бронзовый меч из Суз длиной 37 см с двумя завитками (волютами) в месте нижнего изгиба лезвия и на его верхнем конце; острой является только выступающая вперед поверхность клинка; меч имеет хвостовик с тремя отверстиями для заклепок (Müller, 1987, s. 112, 115; Massafra, 2012, p. 119, 169) (рис. 30).

Обоюдоострый меч без хвостовика с ребром жесткости длиной 59 см из с-ва Аморгос (Киклады) не имеет точной датировки (Branigan, 1968, p. 198). Е. Рова приводит данные об этом и еще одном длинном обоюдоостром мече с Аморгоса без датировки: указанный меч хранится в Копенгагенском музее (инв. ном. 3136) и имеет длинный и тонкий клинок с округлыми плечиками с отверстием для заклепки у основания с каждой стороны; второй, также хранящийся в музее Копенгагена (инв. ном. 3164), – разбитый на три фрагмента меч с утраченным кончиком, сильными повреждениями клинка с ребром жесткости

Рис. 31. Клинок из Бет Дагана (2400–2000 до н.э.; Палестина, ок. 10 км к юго-востоку от Тель-Авива-Яффы) (Британский музей, инв. № 127137). По: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=248344001&objectId=369662&partId=1; https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/11/Copper_sword_from_Beth_Dagan_near_Jaffa_2400-2000_BC.jpg

с обеих сторон, с почти утраченными плечиками, с обломанным хвостовиком, общей сохранившейся длиной 68,5 см (Rova, 2015, p. 186–187, 267). Ранний бронзовый век на Кикладах датируется 2500–2100 до н.э. К. Ренфрю, который приводит данные о найденных на том же Аморгосе трех коротких и с сильно поврежденными клинками мечех: один длиной 33,2 см с ребром жесткости и одним сохранившимся отверстием для заклепки, другой в виде двух фрагментов с ребром жесткости и сохранившейся длиной в 36 см и третий также из двух фрагментов с ребром жесткости и сохранившейся длиной в 25,6 см (Renfrew, 1967, p. 4, 20, pl. 5, 70–71; pl. 8, 69–71).

III тыс. до н.э. датируется фрагментированный обломок бронзового меча с ребром жесткости (con nervatura centrale) длиной 45 см с о-ва Левкас в Ионическом море (некрополь Стено, Nidhri tomba R7) (Rova, 2015, p. 183, 245, 267).

В электронной коллекции Британского музея содержится фотография датируемого 2400–2000 до н.э. меча общей длиной 106,5 см из сплава меди с мышьяком (музейный номер 127137), происходящего из Бет Дагана (Палестина) (рис. 31). Этот меч имеет четко выраженное ребро жесткости, идущее от заостренного конца ромбического в сечении клинка до конца вытянуто-трапециевидного, сужающегося от клинка в противоположную сторону хвостовика, едва намеченные плечики и расположенные вдоль обеих сторон хвостовика отверстия для заклепок (с одной стороны – видно не менее шести, с другой – не менее пяти (включая поврежденные)). Изначально хвостовик меча длиной 12 см имел 12 отверстий для заклепок диаметром 0,3 см – по шесть с каждой стороны (Shalev, 1988, p. 304–305). С. Шалев приводит данные по аналогичным (коротким)

мечам и кинжалам из Ханаана конца III тыс. до н.э. из сплава меди с мышьяком с идущим от кончика ромбического в сечении клинка до конца хвостовика (с отверстиями для заклепок по обеим сторонам от плечиков и на хвостовике) ребром жесткости. В частности, из Тель эль-Аджджула (окрестности Газы, Палестина) происходят два коротких меча длиной 40,4 см и 42,7 см, соответственно. Не привязаны к конкретной местности более длинные мечи – общей длиной 59,2 см, 57,8 см, 47 см и 42,8 см, соответственно (Shalev, 1988, p. 305–309; Massafra, 2013, p. 117) (рис. 32).

На хранящейся в Лувре аккадской печати из горного хрусталя, датируемой 2350–2200 до н.э. (АО25305), изображен поединок вооруженного длинным кинжалом или коротким мечом бога–скорпиона с противником, в руке которого явно находится именно меч, что определяется по сравнению длины клинка его оружия с длиной его полусогнутой руки от локтя до сжимающего рукоять кулака: клинок

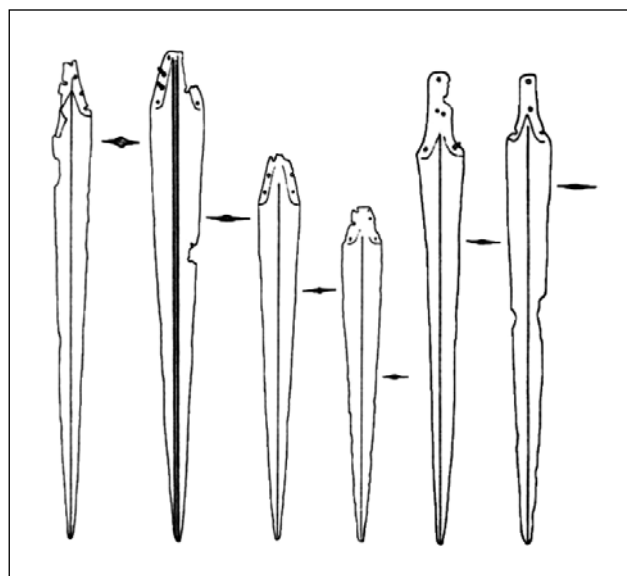

Рис. 32. Клинки из Тель эль-Аджджула (конец III тыс. до н.э.; Палестина, окрестности Газы). По: Shalev, 1988, p. 305, fig. 1

Рис. 33. Цилиндрическая печать из горного хрусталя (2350–2200 до н.э.; Месопотамия, Акад) (Лувр, АО25305); © RMN (Musée du Louvre) / Christian Larrieu.
По: http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=12085

меча явно длиннее, он показан треугольным и с острым концом (рис. 33).

Около 2200–2100 до н.э. (финал раннего бронзового века по хронологии Центральной Анатолии) было создано кладбище Хорозтепе (центральная часть Северной Анатолии, к востоку от провинции Амасья, к югу от г. Эрба, провинция Токат) (Arçan, 2012, р. 30; Dönmez, 2014, р. 182, 187). 2300–2000 до н.э. датируются три хранящихся в Metropolitan Museum, New York меча из бронзы (рис. 34) (и еще два кинжала) из Анатолии, типологически схожих с кинжалами из Хорозтепе; мечи обоюдоострые, с ребром жесткости и заостренными лезвиями (Muscarella, 1988, р. 397, 407–408). У меча длиной 49,50 см ребро жесткости идет от кончика острия до конца обломанного хвостовика со следами двух отверстий для заклепок (https://www.metmuseum.org/art/collection/search/324455?searchField=All&sortBy=relevance&what=Bronze%7cSwords&ft=*&offset=80&rpp=20&pos=86). У меча длиной 43,79 см ребро жесткости приплюснутое и сужающееся от хвостовика со следом одного отверстия для заклепки на конце к кончику клинка (https://www.metmuseum.org/art/collection/search/324456?searchField=All&sortBy=relevance&what=Bronze%7cSwords&ft=*&offset=60&rpp=20&pos=69). У меча длиной 34,29 см ребро жесткости также идет от кончика клинка до конца хвостовика с одним отверстием для заклепки (источник: <https://>

www.metmuseum.org/art/collection/search/324457?searchField=All&sortBy=relevance&what=Bronze%7cSwords&ft=*&offset=80&rpp=20&pos=88).

В Лувре хранится датируемый III тыс. до н.э. (более точная датировка и параметры не указываются) бронзовый меч (glaiive) из Мари-на-Евфрате (Восточная Сирия) с плечиками, хвостовиком и обломанным кончиком (источник: <https://www.photo.rmn.fr/archive/13-598909-2C6NU063TXBA.html>) (рис. 35).

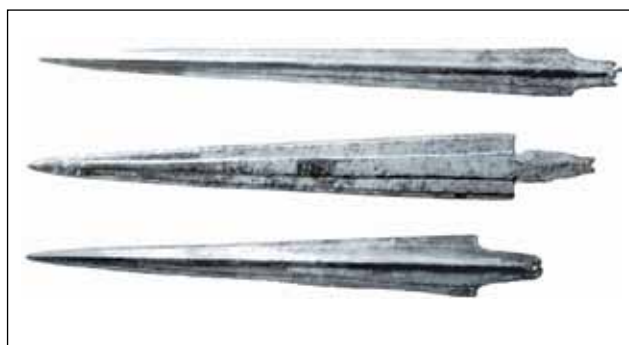

Рис. 34. Клинки (2300–2000 до н.э., Анатолия). (© Metropolitan Museum, New York, инв. № 55.137.16–18). По: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search#!?q=Hattian%20Sword&perPage=20&offset=0&pageSize=0&sortBy=Relevance&sortOrder=asc&searchField=All>

Рис. 35. Клинок из Мари-на-Евфрате. (III тыс. до н.э.; Ирак). (Лувр, АО18428); © Musée du Louvre, Dist. RMN-Grand Palais / Raphaël Chipault. По: <https://www.photo.rmn.fr/archive/13-598909-2C6NU063TXBA.html>

Г. Герне датирует рубежом III–II тыс. до н.э. или самым концом III тыс. до н.э. серповидные (у него арфовидные) мечи из Телло (Шумер) и Суз (Элам) (Gernez, 2007a, p. 129; Gernez, 2011, p. 330). И. Форстнер-Мюллер датирует серповидные мечи из Телло и Суз 1900–1700 до н.э. (Forstner-Müller, 2008, p. 208).

В Тель Телло (шумерский город Гирсу, провинция Дхи Кар, Ирак, Южная Месопотамия) в погребении 8 были обнаружены два коротких серповидных меча из меди; первый (Лувр, инв.ном. АО4355, фото см.: источник: <https://www.photo.rmn.fr/archive/98-018662-2C6NU0XN24SJ.html>) длиной 27 см имеет ребро жесткости, ромбовидный в сечении обоюдоострый клинок, завернутый в сторону ручки заостренный книзу конец и хвостовик с двумя заклепками; Г. В. Мюллер датирует его между 2400 и 2000 до н.э. (Müller, 1987, s. 112, 114); второй меч (Лувр, инв. ном. АО4354, фото см.: <https://www.photo.rmn.fr/archive/98-018657-2C6NU0XNP46J.html>) длиной 41 см имеет более сложный клинок с идущим вдоль него тройным пазом, направленный вниз «отросток» в месте нижнего изгиба, а верхний конец завернут внутрь и вниз в форме завитка (волюты), линзовидная в сечении ручка из меди с конусовидным набалдашником крепится двумя заклепками, заостренной является только выступающая вперед часть клинка (Nouvelles, 1910, p. 128–130 et pl. VIII,4-5; Parrot, 1948, p. 268–269; Müller, 1987, s. 112, 116; Massafra, 2012, p. 167). А. Массафра датирует короткий серповидный меч из Гирсу ок. 2400 до н.э., а более длинный – XVII в. до н.э. (Massafra, 2012, p. 117–118). Она же приводит рисунок датируемого ею XIX в. до н.э. серповидного меча из Суз длиной 49,4 см с хвостовиком с тремя отверстиями для заклепок и двумя завитками (волютами) на клинке в месте его нижнего изгиба и на верхнем конце. Заостренной является только выступающая вперед часть клинка, на котором сохранились ребра жесткости (Müller, 1987, s. 112, 115; Massafra, 2012, p. 120, 169).

Из Центральной и Восточной Анатолии мечи проникают на территорию распространения триалетской археологической культу-

ры (далее ТК) Закавказья среднего бронзового века (далее СБВ), датируемой традиционными методами 2200–1800 до н.э., а по радиоуглероду – 2200–1600 до н.э. Как указывает М.Б. Рысин, «в сфере военного дела в данный период ситуация качественно меняется – появляются новые образцы оружия: ... рубящие мечи и колющие мечи-«рапиры»... *Рубяще-колющие мечи*. Первые мечи на Южном Кавказе появились в памятниках «цветущей поры» ТК (Дилича, кург. 1; Садуга, кург. 2). Эти изделия имеют узкий прямоугольный черенок, прямые слегка опущенные плечики и удлиненно-подтреугольный клинок с острым концом; сечение клинка подромбическое. На черенке пробиты отверстия для заклепок, прикрепляющих деревянную рукоятку. Длина меча из Садуги равна 50 см... из Дилича – 47,5 см... Рубяще-колющие мечи с острым концом клинка впервые появляются во второй половине III тыс. до н.э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе и др.) и в Сирии. Рубежом III – II тыс. до н.э. датируются рубяще-колющие мечи из Сакчагезу и Карума Каниша... По наличию черенка, форме и пропорциям клинка, а также по расположению заклепочных отверстий кавказские мечи ближе всего к центральноанатолийскому оружию рубежа III – II тыс. до н.э. Колющие мечи-«рапиры», как и короткие мечи, найдены в элитных погребениях ТК (СБВ), а также в погребениях позднего бронзового века (Талыш, Дагестан и др.)... Бронзовые «рапиры» имели узкий прямоугольный черенок, на конце которого у отдельных экземпляров имеется отверстие для крепления деревянной рукоятки; прямые слегка (или сильно) опущенные плечики; узкий постепенно суживающийся к острому концу клинок с заостренными лезвиями; с обеих сторон вдоль клинка проходит резко выступающее центральное ребро с закругленными краями... Длина «рапир» обычно составляет около 90–100 см... Единственная заклепка на конце черенка... не могла обеспечить надежного соединения рукояток кавказских «рапир», а наиболее древняя эгейская «рапира» из Маллии на Крите периода среднеминойский-II (1800–1700 до н.э.) уже

имела глубоко заходящую на клинок рукоятку с расположением заклепок на черенке и на плечиках... Такая прогрессивная новаторская конструкция обеспечивала более надежное соединение рукоятки меча и его клинка... По форме черенка и плечиков, а также по способу крепления рукоятки кавказские «рапиры» действительно близки местным вариантам мечей из Садуги и Дилича. Однако такая характерная для «рапир» деталь, как выступающее центральное ребро, у кавказских кинжалов и мечей отсутствует... Зато выступающее центральное ребро зафиксировано у оружия второй половины III тыс. до н.э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе...), Палестине (Газа, Гидеон...), Сирии (Библ...) и Киликии (Соли...). Именно анатолийские и сирийские мечи могут послужить прототипами «рапир» Южного Кавказа. По мнению А. Сандарс, первые эгейские «рапиры», появившиеся на Крите, также восходят к ближневосточным прототипам... что подтверждается наличием у «рапир» выступающего черенка, поскольку для Эгейского региона, в отличие от передневосточного, были характерны *бесчеренковые* формы мечей и кинжалов. Боевое применение колющего меча требовало от ратника длительной регулярной подготовки... Сами приемы фехтования при помощи «рапир» не могли быть изобретены на Кавказе, где ранее не существовало традиции использования рубящих и колющих мечей. Зато уже со второй половины III тыс. до н.э. эта традиция сложилась к югу и западу от Кавказа – в Сирии, Центральной Анатолии и на Армянском нагорье... Проведенный выше анализ позволяет установить хронологические рамки возможного появления «рапир» на Кавказе. В качестве нижней границы мы принимаем датировку передневосточных мечей с острым концом клинка и с выступающим ребром – XXII–XIX вв. до н.э. Верхней границей... может служить распространение более прогрессивных «рапир» эгейского типа – это XVIII–XVII вв. до н.э.» (Рысин, 2014, с. 172, 179–181, 200, 204, 208, 210; Рысин, 2015, с. 374, 376; см. также: Джапаридзе, 1994, с. 86, 90; Кушнарева, 1994, с. 99, 101, 104; Куш-

нарева, Рысин, 2001, с. 101–116; Abramišvili, 2001, p. 1–8; Gernez, 2007b, p. 440; Gernez, 2011, p. 333–334; Abramishvili, 2010, p. 170, 172–173; Rova, 2015, p. 53–67) (рис. 36).

Е. Рова датирует XX–XVIII вв. до н.э. бронзовые критские мечи из Маллии (3 штуки) и из пещеры Аркалохори (несколько десятков). В Первом Дворце Маллии был найден меч (сейчас в Heracleion Museum, инв. ном. 2284) длиной 77 см с поврежденным узким клинком с тремя ребрами жесткости (*con tre nervature centrali*), закругленными плечиками, довольно коротким закругленным на конце хвостовиком, двумя отверстиями для заклепок по обеим сторонам клинка довольно далеко от его основания и еще двумя – вдоль хвостовика. На втором мече из Первого Дворца Маллии длиной 72 см с узким, поврежденным и фрагментированным ближе к кончику клинком с двумя ребрами жесткости (*solo due nervature*) и двумя отверстиями для заклепок по обеим сторонам клинка довольно далеко от его основания и еще одним – на обломанном хвостовике. У одного из мечей имеется ручка из бронзы и кости с набалдашником из горного хрусталя и круглой золотой гардой с рельефным изображением акробата. Третий меч из Маллии (сейчас в Heracleion Museum, инв. ном. 2087) длиной 95 см с поврежденным и фрагментированным клинком с ребром жесткости, с четырьмя отверстиями для заклепок на клинке и еще двумя – на хвостовике; у него ручка из обмотанного

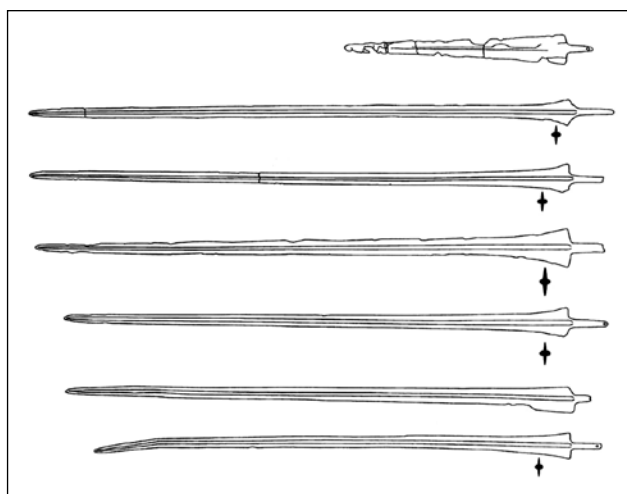

Рис. 36. Рапиры Закавказья (XXII–XVII вв. до н.э.; триалетская археологическая культура среднего бронзового века). По: Abramišvili, 2001, p. 8

золотой фольгой серого камня с набалдашником из горного хрусталя. Один из мечей из пещеры Аркалохори длиной более 1 метра имеет клинок с ребром жесткости, дугообразные плечики и короткий хвостовик без заклепочного отверстия (Rova, 2015, p. 99–104, 265).

Е. Рова датирует XX–XVIII вв. до н.э. 13 бронзовых мечей из могил Круга Б в Микенах. Меч из погребения А (инв. ном. А-250) длиной 96 см с утратами с обеих сторон клинка в нескольких местах имеет ребро жесткости, округлые плечики и короткий обломанный хвостовик. Второй меч из погребения А (инв. ном. А-251) длиной 92,6 см со значительными утратами с обеих сторон лезвий в нескольких местах имеет ребро жесткости, округлые плечики, короткий хвостовик, серебряные заклепки и спиральный узор в верхней части клинка. Третий меч из погребения А (инв. ном. А-252) длиной 98,5 см с незначительными утратами с обеих сторон лезвий в нескольких местах имеет тонкое ребро жесткости, округлые плечики и короткий хвостовик (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/13/Findings_from_Grave_A_of_Grave_Circle_B_1.JPG). Меч из погребения Г длиной 60 см (инв. ном. Г-263) имеет клинок с ребром жесткости с несколькими серьезными утратами с каждой стороны, угловатые плечики и четыре отверстия для заклепок – три на клинке и одно на хвостовике прямоугольной формы. Второй меч из погребения Г длиной 73,2 см с тонкими ребрами жесткости (*sottile nervatura*) на клинке, с утраченным кончиком и серьезными утратами у основания клинка с одной стороны имеет округлые плечики, короткий хвостовик и серебряные заклепки. Третий сильно поврежденный меч из погребения Г длиной 73 см имеет ребро жесткости, небольшие плечики, большой хвостовик и серебряные заклепки. Четвертый сильно поврежденный меч из погребения Г длиной 73,7 см имеет клинок с ребром жесткости. Меч из погребения Δ (инв. ном. Δ-277) длиной 92,5 см с сильно поврежденным с одной стороны клинком имеет четко выраженные ребра жесткости (*la nervatura centrale*), горизонтальные плечики и ручку, украшенную изображениями двух львов. Меч из погребения Z (инв. ном. Z-289)

длиной 90 см имеет узкий клинок с ребром жесткости, округлые плечики и почти отломанный хвостовик. Меч из погребения I (инв. ном. I-291) длиной 80,5 см с изогнутыми плечиками и выраженным ребром жесткости имеет гравировку в виде бабочки, короткий хвостовик, серебряные заклепки и ручку из слоновой кости. Меч из погребения Λ (инв. ном. Λ-295) длиной 94 см имеет клинок с ребром жесткости, изогнутые плечики, спиралевидные украшения в верхней части, короткий обломанный хвостовик и ручку из слоновой кости. Меч из погребения N (инв. ном. N-301) длиной 94 см имеет клинок с серьезными утратами с каждой стороны и ребром жесткости, поврежденные плечики и фактически утраченный хвостовик. Второй меч из погребения N (инв. ном. N-302) длиной 95 см имеет сильно поврежденный с одной стороны у основания клинок с ребром жесткости, плечико с другой стороны и хвостовик утрачены (Rova, 2015, p. 125–131, 133–137, 265; https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Findings_from_Grave_Γ_and_Δ_of_Grave_Circle_B_1.JPG).

Е. Рова датирует XX–XVIII вв. до н.э. еще несколько эгейских бронзовых мечей: это меч из гробницы в Арго (тумулус E, могила 5) длиной 83,3 см; меч из могилы 3 в Галатас (Восточный Пелопоннес, могила толоса 3) с ребром жесткости на узком клинке, округлыми плечиками и коротким хвостовиком; расколотый на две части меч из окрестностей Фив длиной 87,7 см с обрамленным канавками ребром жесткости, изогнутыми плечиками, хвостовиком и четырьмя заклепками – по одной под каждым плечиком довольно далеко от основания клинка и двумя вдоль короткого хвостовика; меч из царской гробницы на Эгине (инв. ном. 83) длиной 79,2 см с тройным ребром жесткости (*nervatura centrale tripartita*), пятью заклепками на клинке и ручкой из слоновой кости с тремя золотыми заклепками на хвостовике (Rova, 2015, p. 166–167, 170, 175, 178–179, 266–267).

Датируемый примерно XX–XVIII вв. до н.э. бронзовый меч из Диярбакира (Анатолия, частная коллекция) с обломанным кончиком сохранившейся длиной 109 см имеет едва на-

меченное ребро жесткости и массивную ручку с тремя идущими вдоль нее заклепками, украшенную изображениями двух львов, и посвятельную надпись на староассирийском языке (Rova, 2015. P. 80–82, 265). Г. Герне сообщает, что меч из Диярбакира с выгравированной на одной стороне клинка древнеассирийской надписью ок. 1800 г. до н.э. имеет длину 84 см (видимо, речь идет только о клинке) и вес более 5 кг (Gernez, 2007б, p. 433, 438).

В электронной коллекции Британского музея выставлена фотография статуэтки (музейный номер 105149), датируемой 2000–1750 до н.э., в виде обнаженного мужчины из медного сплава с коротким копьем в левой руке и изогнутым мечом в правой высотой 23,8 см (9,37 дюймов) из Сирии (https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=233046001&objectId=368207&partId=1).

Несколько типологически сходных длинных клинков из Анатолии датируются XX–XVII вв. до н.э.: меч из Ganziantep Museum (инв. ном. 13/06/75) длиной 88 см со скругленными плечиками имеет два отверстия для заклепок поперек основания клинка без ребра жесткости и еще два (одно повреждено) – на обломанном хвостовике; другой меч из того же Gaziantep Museum (инв. ном. 13/07/75) с плечиками и длиной 87,6 см имеет два отверстия для заклепок поперек основания клинка без ребра жесткости и еще два – вдоль хвостовика; бронзовый меч из Чорума (museo di Eskishehir, инв. ном. А 131.74) длиной 55,4 см с «сутулыми», перпендикулярными короткому хвостовику плечиками и с клинком подтреугольной формы с уплощенным, но ярко выраженным ребром жесткости, сужающимся от своего основания к кончику, имеет по одному отверстию для заклепок в каждом плечике и одно – на хвостовике; два сильно поврежденных и фрагментированных бронзовых меча с обломанными концами были найдены при раскопках Старого Дворца в Кюльтепе – один сохранившейся длиной 32,8 см с плечиками и как минимум тремя отверстиями на заклепках с почти полностью обломанным хвостовиком,

другой сохранившейся длиной 41,7 см и с как минимум двумя отверстиями для заклепок на обломанном хвостовике (Rova, 2015, p. 69–71, 74–75, 264–265).

XXVII–XX вв. до н.э. датируется хранящийся в Берлинском государственном музее (инв. ном. S3414) бронзовый меч с обломанным клинком с ребром жесткости и с едва намеченными и почти сливающимися с вытянуто-трапециевидным хвостовиком плечиками сохранившейся длиной 31 см; на хвостовике имеются четыре отверстия для заклепок – ближе к клинку два поперек рукояти и затем два вдоль нее (Rova, 2015, p. 72, 264–265).

Широко (XX–XIII вв. до н.э.) датируется обломок фрагментированного и поврежденного бронзового меча длиной 34 см с ребром жесткости с о-ва Левкас в Ионическом море (Nidhri tomba 24, Leucade); в пользу более ранней датировки свидетельствует тот факт, что он был найден вместе с обсидиановым ножом (Rova, 2015, p. 184, 267).

Древнейший настоящий обоюдоострый меч из бронзы в Сиро-Финикии длиной 57 см был найден в Библе в сосуде 2132 в слое, датированном правлением Аменемхета III (ок. 1860–1814 гг. до н.э.) или Сенусерта III (1878–1839 гг. до н.э.). Он имеет клинок с закругленным в сечении ребром жесткости, два отверстия для заклепок на клинке ниже округлых плечиков и еще одно – на конце короткого хвостовика (Sandars, 1961, p. 20 & pl. 16, 6; Branigan, 1968, p. 196–197; Rova, 2015, p. 88, 265). Г. Герне указывает, что, помимо вышеописанного, в том же контексте были найдены еще четыре более коротких, но в остальном схожих, меча, и датирует их все 2050–1850 гг. до н.э. (Gernez, 2007б, p. 439)

1991–1778 гг. до н.э. датируется инкрустированный электроном меч серповидной формы (хопеш) из сплава меди (79,9%) с оловом (14,4%) длиной 0,452 м из Балата-Сихем (Телль Балата, Шехем) в Палестине (сейчас хранится в Staatl. Museum Ägyptischer Kunst, München, Inv.-Nr. ÄS 2907); заострена только выступающая вперед часть клинка, имеющего в месте нижнего изгиба направленный вниз конец, верхний конец тоже загнут вниз;

по всей длине клинок инкрустирован изображением лотоса с распускающимся бутонем в верхней части (Jaroš, 1976, s. 54–55 und 264; Müller, 1987, s. 9–10, 28–29, 36–49, 81–82, 84; Berger et al, 2010, s. 762–763; Berger, 2012, s. 29–30; Massafra, 2012, p. 131, 177; Talma, 2018).

XIX – началом XVIII вв. до н.э. датируется найденная в Сузах гематитовая цилиндрическая печать из Сирии или Месопотамии старовавилонского периода с изображением среди прочего двух бородатых воинов, один из которых держит серповидный меч в опущенной правой руке, а второй рядом с ним заносит над головой для удара серповидный меч в правой руке, чтобы поразить им противника, на ногу которого наступает левой ногой и руку которого держит левой рукой (The Royal, 1992, p. 112–113).

Примерно 1850 до н.э. А. Массифра датирует инкрустированный золотом и электронном бронзовый серповидный меч из Абидоса длиной 47 см с хвостовиком с двумя заклепками; от несохранившейся ручки осталось металлическое кольцо у основания клинка с еще одной заклепкой и набалдашник; обе стороны клинка инкрустированы от основания до кончика изображением лотоса с распускающимся бутонем в верхней части клинка; у нижнего изгиба клинок имеет обращенный книзу острый угол, на кончике опущенного вниз верхнего изгиба он намеренно затуплен; заострена только выступающая вперед часть клинка (Müller, 1987, s. 119, 124–127; Massafra, 2012, p. 126, 177)

В Библе в гробницах царей I, II и III были найдены три (в каждой – по одному, древнейший – в гробнице Абишему I (финик. *Abi-shemu*), второй – его сына Ипшемуаби I или Япит-шему-аби (финик. *Ip-shemu-abi*, *Yapit-shemu-abi*), третий – Якинэля (Якинилу; финик. *Yakin-el*)) изготовленных местными мастерами из бронзы и инкрустированных золотом серповидных (арфовидных) меча эпохи правления Аменемхета III (1842–1792 гг. до н.э.), Аменемхета IV (1797–1788 гг. до н.э.) и Хотеп-иб-ра (1774–1764 гг. до н.э.). Они украшены «ползущими» от основания по центру

клинки кобрами с головками с раздутыми капюшонами в верхней части. У всех трех клинков заострена только выступающая вперед часть лезвия. У древнейшего меча Абишему I из гробницы I длиной около 65 см сохранились детали золотой ручки с набалдашником в форме грибной шляпки с острым ребром и семью золотыми заклепками в форме цветочков с восемью лепестками. У меча Ипшемуаби I из гробницы II длиной 65 см сохранилась крепящаяся у основания клинка часть ручки с семью золотыми заклепками со шляпками в форме цветочков с восемью лепестками, инкрустированная иероглифическая надпись сообщает имя владельца и его отца. У меча Якинэля из гробницы III помимо клинка длиной 50 см (длина прямой части – 30 см) сохранился только короткий хвостовик (Virolleaud, 1922, p. 282–283; pl. LXV; Montet, 1924, p. 3–6; pl. I; Montet, 1928, p. 173–177; Montet, 1929, pl. XCIX–CI; Jaroš, 1976, s. 55, 264; Müller, 1987, s. 117–123; Gernez, 2007a, p. 129; Gernez, 2007b, p. 427; Schiestl, 2007, p. 265–266; Nigro, 2009, p. 160–162, 165, 169; Berger, 2012, s. 29–30; Massafra, 2012, p. 127–130, 173, 175; Kopetzky, 2015, p. 393–394, 398–399). Г. Герне указывает, что серповидные мечи были распространены в Леванте в 1900–1700 до н.э. (Gernez, 2011, p. 328).

На скарабее периода правления Аменемхета III (1842–1792 гг. до н.э.) выгравировано изображение фараона, заносящего правую руку с серповидным мечом в ней, чтобы поразить врага у его ног, которого правитель держит за волосы левой рукой (Vogel, 2008, p. 72–73).

На печати аморитского царя Первой династии Вавилона Апил-Сина (1830–1813 гг. до н.э.) изображен мужчина с серповидным мечом в опущенной левой руке (Ornan, 2001, p. 8).

По оценке Б. Моллоя, первые бронзовые обоюдоострые мечи длиной 55–100 см и весом до 500–700 г с ребром жесткости на клинке с коротким хвостовиком с отверстием для заклепки на конце и с двумя отверстиями для заклепок на плечиках (Тип А) в Эгейском регионе стали функционировать лишь незадолго до 1800 г. до н.э. (Sandars, 1961, p. 17; Molloy, 2010, p. 404–408; Molloy, 2012, p. 121, 125).

Дворец царя государства Мари (в долинах Евфрата и Хабура) Зимри-Лима (1775–1761 гг. до н.э.) украшен фреской с изображением дарования ему знаков власти богиней, которая держит в левой руке серповидный меч; такого же типа меч нарисован еще на одной фреске из этого дворца в комнате 132 (Sasson, 1969, p. 29; Schmandt-Besserat, 2007, p. 55, 57–59). Серповидный меч изображен на двух цилиндрических печатях слуг Зимри-Лима – Муканнишума и Ана-Син-таклаку (Sasson, 1969, p. 29–30). На печати Муканнишума его держит в правой руке стоящая на двух поверженных врагах крылатая фигура, а перед ней восходящий на грудь из четырех тел воин серповидным мечом в правой руке поражает еще одного стоящего перед ним врага, которого держит за руку левой рукой (Ornan, 2007, p. 68–69; Ornan, 2013, p. 582). На гематитовой печати Ана-Син-таклаку (АО21988, Лувр: http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=24862; <https://www.photo.rmn.fr/archive/13-529609-2C6NU0DEZMFT.html>; <https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NU0JT2X3Y>; <https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NU0JT2QM0>) бородатый мужчина держит серповидный меч в правой руке, а у его ног лежит поверженный враг (Ornan, 2007, p. 68–69).

В Лувре хранится цилиндрическая гематитовая печать из дворца в Мари начала II тыс. до н.э. (АО18360-18361) со сценой поклонения, на которой одна из фигур держит в опущенной левой руке серповидный меч (http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=24860; http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=24861; <https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NU0JT2D0M>). На еще одной датированной XVIII в. до н.э. цилиндрической печати из гематита из Сирии, хранящейся в Лувре (АО6178) изображена фигура с серповидным мечом в опущенной левой руке (http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=16690; <https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NU0D56UMQ>).

В Британском музее хранится датированная ок. 1800 г. до н.э. цилиндрическая печать из черного гематита из Сирии или Сиппара (муз. ном. 86267) с изображением богини войны с трезубцем в правой руке и серповидным мечом в опущенной левой руке (https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=33041001&objectId=368813&partId=1).

На печати девятого года правления аморитского царя Первой династии Вавилона Самсу-Илуны (1749–1712 гг. до н.э.) изображен мужчина с положенным им на плечо серповидным мечом в правой руке (Ornan, 2001, p. 8–9).

Концом XVIII в. до н.э. датируется серповидный (арфовидный) меч из сплава меди (91,85%) с оловом (8,15%) из Телль эль Даб'а (Аварис, дельта Нила) с ребром жесткости, заостренным книзу концом в месте нижнего изгиба клинка и завернутым в завиток (волюту) верхним концом клинка и хвостовиком с тремя отверстиями для заклепок; сохранились также остатки костяной ручки; заострена только выступающая вперед поверхность клинка (Forstner-Müller, 2002, p. 175; Forstner-Müller, 2008, p. 207; Gernez, 2007b, p. 423, 429, 604 et 608; Forstner-Müller, 2010, s. 50–51, 181 und 411–412). И. Форстнер-Мюллер сообщает о типологически почти идентичном серповидному мечу из Телль эль Даб'а клинке, но с хорошо сохранившейся деревянной ручкой, из Египетского музея в Мюнхене: он также имеет ребро жесткости, несколько заостренный книзу клинок в месте его нижнего изгиба и завернутый в завиток (волюту) верхний конец (Forstner-Müller, 2008, p. 208).

Мечи трех типов были выявлены и на юге Средней Азии в ареале Бактрийско-Маргианской археологической культуры (далее БМАК) (2300–1700 гг. до н.э.).

В датированном концом III – началом II тыс. до н.э. могильнике на берегу большого южного бассейна Северного Гонура (Туркменистан) в цисте (погребение №3130) были найдены

«два так называемых «гарпуна». Один – размером 49 см с серебряной рукояткой, а второй – с острым концом и длиной 65 см... «Гарпуны» этого типа были известны пока только в Египте, Библие и Сиро-Палестине, а также в Эламе и Бактрии. Теперь они выявлены и в Маргиане. Оба «гарпуна» из погребения 3130 были тщательно завернуты в ткань, о чем сви-

Рис. 37. Два типа арфовидных мечей Бактрии-Маргианы из двух погребений Гонур-депе (датировка Gernez, 2007б, р. 423: 2100–1800 до н.э.): верхний – из погр. 3280, два нижних – из погр. 3130.

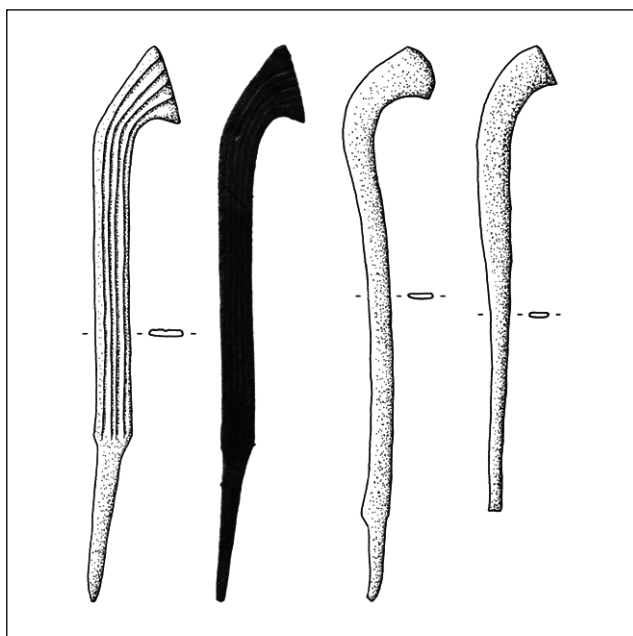

Рис. 38. Серповидные клинки Бактрии-Маргианы по А. Массафра. Лувр. (Бактрия периода Намазга VI (датировка А. Массафра: 2250–1800 до н.э.). По: Massafra, 2012, р. 122–124, 171

детельствуют отпечатки ее, сохранившиеся благодаря окислам меди... Хотя назначение подобных «гарпунов» с точностью неизвестно, уже были отмечены подобные предметы в руках царей и богов на изображениях месопотамской глиптики» (Дубова, 2004, с. 260–261; см. также: Бакри, 2012, с. 270). По классификации и определению Г. Герне такие «гарпуны» на самом деле являются специфической для Бактрии–Маргианы разновидностью распространенного на древнем Ближнем Востоке серповидного (у него арфовидного) меча; он упоминает о находке трех экземпляров на Гонур-депе в могилах 3130 и 3280 (два округлой на конце формы с частично сохранившимися ручками и третий – угловой и заостренный на конце – украшен продольными бороздками на клинке) и датирует их 2100–1800 до н.э. (Gernez, 2007а, р. 130; Gernez, 2007б, р. 423, 425, 429) (рис. 37). Абу Аль Хассан Махмуд и Е.В. Антонова также считают «гарпуны» из погребения 3130 мечами (Махмуд, 2011, с. 24; Антонова, 2016, с. 197).

А. Массафра сообщает о трех серповидных мечах из Бактрии периода Намазга IV (2250–1800 до н.э.) (рис. 38). Первый меч длиной 50,2 см (Лувр, инв. ном. АО26438, фото см.: http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=17016&langue=fr) отлит из меди с примесями олова (2,2%), мышьяка (2,2%) и свинца (1,1%), имеет расширяющееся кверху, особенно после изгиба, лезвие с оттянутым вниз острым выступом на верхнем конце, украшенное четырьмя бороздками по всей длине, несимметричные, покатые плечики и длинный, сужающийся к концу хвостовик (Müller, 1987. S. 112–114). Второй меч длиной 50 см (Лувр) из мышьяковистой меди имеет узкий, сильно изогнутый вверху клинок без ребра жесткости, одно покатое плечико с противоположной от изгиба стороны и длинный, сужающийся к концу хвостовик. Третий меч длиной 42 см (Лувр) из мышьяковистой меди с частично утраченным хвостовиком имеет простой, расширяющийся от хвостовика к плавному изгибу клинок без ребра жесткости, плечики вообще отсутствуют. (Massafra, 2012, р. 122–124, 171)

Н.А. Дубова указывает (личное сообщение), что гонурские «гарпуны» не заострены, что заставляет видеть в них не мечи, а скипетры – знаки власти. В то же время она отмечает, что некоторые отечественные специалисты сопоставляют их с древнеегипетскими хопешами – серповидными мечами (Антонова, 2013, с. 56). Следует отметить, что помещавшиеся в гробницы клинки могли быть символическими или изготовленными специально для погребения и поэтому не заострялись.

В Северном Афганистане в Бактрии был найден обоюдоострый меч длиной 52 см с плечиками и с хвостовиком с короткими наметающимися антенновидными «отростками» на конце. Этот меч по типу относится к мечам культуры медных кладов и охряной керамики и может быть датирован ок. 2000 до н.э. или позже (Parpola, 2015, p. 80) (рис. 39).

Какие же выводы позволяет сделать изложенный выше материал?

РВ и АВШ и присутствие ведийских индоариев в северо-западной части Южной Азии не может датироваться позднее 2000 до н.э., так как с этого времени по всей области от долины Инда до долины Ганги распространяются бронзовые и медные мечи, не упоминаемые обеими Самхитами. Соответственно подтверждается датировка АВШ эпохой Зрелой Хараппы (между 2600 и 2000 гг. до н.э.), а более архаичной РВ – эпохой Ранней Хараппы (до 2600 г. до н.э.).

Далее, следующие регионы должны быть исключены из списка гипотетических прародин индоариев до 2000 по н.э. по причине наличия в них медных или бронзовых мечей: Северо-Западный Кавказ, бассейн Кубани – в 3500–3300 до н.э.; (Юго-)Восточная Анатолия – в 3400–2900 до н.э.; Палестина–Израиль / Ханаан – в 3200–2750 и 2400–2000 до н.э.; Центральная Анатолия – в 2750–2250 до н.э.; Элам – в 2500–2000 до н.э.; Киклады –

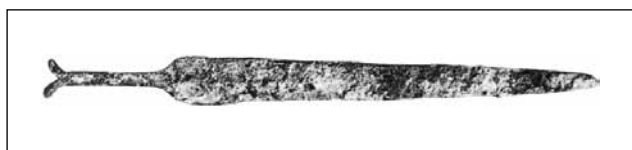

Рис. 39. Клинок из Бактрии, Северный Афганистан (ок. 2000 до н.э.). По: Parpola, 2015, p. 80

в 2500–2100 до н.э.; Месопотамия, Шумер – в 2400–2000 до н.э.; Месопотамия, Аккад – в 2350–2200 до н.э.; Северная Анатолия – в 2300–2000 до н.э.; Бактрия–Маргиана (с оговорками, см. далее) – в 2300–2000 до н.э.; Закавказье – в 2200–2000 до н.э.

Что касается Бактрии–Маргианы, то вопрос о том, являются ли (все) описанные выше предметы, условно именуемые «гарпунами», мечами или нет, следует считать открытым. Если дальнейшие исследования подтвердят, что (все) они представляют собой, как полагает ряд специалистов, разновидности мечей, то появится еще одно (Семененко, 2018в, с. 232) доказательство невозможности выведения индоариев с этой территории (или через нее).

Если же окажется, что это все-таки какие-то знаки особого статуса или власти, то это поставит под вопрос выведение (части) носителей БМАК из Анатолии–Сирии через Закавказье, на чем настаивал В.И. Сарияниди (Сарияниди, 2012, с. 11–20). Потому что мы увидели, что обоюдоострые мечи были распространены в Анатолии уже с конца IV тыс. до н.э. и на протяжении III тыс. до н.э. Во второй половине III тыс. до н.э. они зафиксированы в том или ином виде в Анатолии, Сирии, Ханаане, Месопотамии, Закавказье. Уходя (по В.И. Сарияниди) из этого насыщенного обоюдоострыми мечами региона в Бактрию–Маргиану, воины–мигранты не могли не принести с собой один из главных элементов вооружения и воинского культа бронзового века со своей прародины, изобретенный там более чем за тысячу лет до этого. Ни обоюдоострых мечей, ни рапир на территории БМАК (пока) не найдено.

Можно упомянуть еще одну возможность, к которой склоняемся лично мы: миграции из Анатолии–Сирии в Бактрию–Маргиану не было, но существовали активные торговые и культурные взаимосвязи, в результате которых носителями БМАК была разработана своя разновидность ритуально-статусного ударно-рубящего оружия – и похожая на ближневосточные серповидные мечи типа хопеша, и в то же время заметно отличающаяся от них.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е.В. Бактрийско-Маргианский археологический комплекс в контексте взаимодействий сообществ Передней Азии // КСИА. Вып. 230. 2013. С. 51–62.
- Антонова Е.В. К интерпретации погребений баранов в БМАК // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сариниди / Ред. Н.А. Дубова (гл. ред.), Е.В. Антонова, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сагаев, А.А. Тишкин. М.: Старый сад, 2016. С. 191–203.
- Атхарваведа. Избранное / Пер., комм. и вступит. статья Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1976. 406 с.
- Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 1. Кн. I–VII. М.: Восточная литература, 2005. 572 с.
- Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 2. Кн. VIII–XII. М.: Восточная литература, 2007. 293 с.
- Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 3. Кн. XIII–XIX. М.: Восточная литература, 2010. 230 с.
- Бакри Абу А.-Х. Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даб'а и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 267–271.
- Бонгард-Левин Г. М. Индоарии. Ранние этапы истории // Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. СПб.: Алетейя, 2001. С. 129–142.
- Бонгард-Левин Г.М. К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации // Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия: История и культура. М.: Наука, 2008. С. 62–78.
- Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э.: каталог выставки / под ред. Ю.Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. 871 с.
- Джапаридзе О.М. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 75–92.
- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сариниди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.
- Елизаренкова Т.Я. Древнейший памятник индийской культуры // Ригведа. Избранные гимны. М.: Наука, 1972. С. 3–89.
- Елизаренкова Т.Я. Комментарий // Атхарваведа. Избранное / Пер., комм. и вступит. статья Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1976. С. 333–398.
- Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989а. С. 544–757.
- Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989б. С. 426–543.
- Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы V–VIII / Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999а. С. 526–731.
- Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999б. С. 354–550.
- Елизаренкова Т.Я. Комментарий // Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 2. Кн. VIII–XII. М.: Восточная литература, 2007. С. 206–280.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. С. 487–525.
- Кушнарева К.Х. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 93–105.
- Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Новые данные к проблеме датировки памятников «цветущей поры» триалетской культуры // Caucasus: Essays on the archaeology of the Neolithic-Bronze Age. Tbilisi: The Center for archaeological studies of the Georgian Academy of sciences. 2001. № 6. С. 101–116.
- Массон В.М. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 60–84.
- Махмуд Абу Аль Хассан. Аварис и Гонур // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. 12-14 декабря 2011 г. / Ред. А.С. Балахванцев, Г.Ю. Колганова. М.: ИВ РАН, 2011. С. 21–25.
- Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
- Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. 767 с.
- Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1999а. 743 с.
- Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой. Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999б. 559 с.

- Рысин М.Б. Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа финала среднего бронзового века // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII. СПб.: ИИМК РАН, «Арт-Экспресс», 2014. С. 170–218.
- Рысин М.Б. Обзор новых публикаций по проблемам хронологии и связей триалетской культуры Южного Кавказа // Археологические вести. Вып. 21. 2015. С. 374–393.
- Сарианиди В. И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 11–28.
- Семененко А.А. О культе Ригведы и Махабхараты в связи с их датировкой // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж: издательство «Истоки», 2015. С. 216–222.
- Семененко А.А. О прародине индоиранцев (ариев) // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж: «ИСТОКИ», 2016. С. 339–343.
- Семененко А.А. Ригведийская река Сарасвати и археология Южной Азии // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. социально-гуманитарные науки. Вып. №1 (11). 2017а. С. 73–83.
- Семененко А.А. О датировке Ригведы и Атхарваведы // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. социально-гуманитарные науки. Вып. № 2(12). 2017б. С. 81–91.
- Семененко А.А. О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. / Ред. Н.А. Дубова (отв. ред.), Е.В. Антонова, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. Москва: Старый сад, 2018а. С. 202–220.
- Семененко А. А. О крепостях в Ригведе и Атхарваведе Шаунаки и (Пре)Хараппе и датировке Самхит // Проблемы гуманитарных и социальных наук. № 2(15). 2018б. С. 85–95.
- Семененко А. А. О «нестандартных» ригведийских «колесницах» (ратхах) // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. / Ред. Н.А. Дубова (отв. ред.), Е.В. Антонова, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. Москва: Старый сад, 2018в. С. 221–239.
- Abramišvili M. Transcaucasian rapiers and the problem of their origin // *Lux Orientis: Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann zum 65. Geburtstag.* Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2001. P. 1–8.
- Abramishvili M. In search of the origins of metallurgy. An overview of South Caucasian evidence // *Von Majkop bis Trialeti: Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. v. Chr. Beiträge des Internationalen Symposiums in Berlin vom 1.–3. Juni 2006.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2010. P. 167–178.
- Agrawal D. P. The Copper hoards problem: a technological angle // *Asian Perspectives / University of Hawai'i Press.* XII. 1969. P. 113–119.
- Ahmed J. Technology and culture change (northern black polished ware culture in the Middle Ganga plain). *International E-Publication*, 2015. 346 p.
- Akgül H.Ç. Looking to the West: the Late Chalcolithic red-black ware of the Upper Euphrates region // *Origni XXXIV: Preistoria e protostoria delle civiltà antiche.* 2012. P. 97–109.
- Al-Jafri N.H. Geography of proto-historic cultures in India. Thesis submitted in supplication for the award of the degree of doctor of philosophy in history. Aligarh: Aligarh Muslim University, 1998. 228 p.
- Al Jafri N.H. Proto-historic culture of India: Revisiting ochre coloured pottery culture // *Journal Global Values.* Vol. VIII. No. 2. Article No. 11. 2017. P. 81–87.
- Allchin F.R. A South Indian copper sword and its significance // *South Asian archaeology 1975: papers from the third International conference of the Association for the promotion of South Asian archaeology in Western Europe, held in Paris / Ed. J.E. van Lohuizen-De Leeuw.* Leiden: E.J. Brill, 1979. P. 106–118.
- Ansari S. The Ochre coloured pottery culture: a consideration of the evidence. Dissertation submitted for the award of the degree of master of philosophy in history. Aligarh: Aligarh Muslim University, 2009. 182 p.
- Arcan B. Early Bronze Age daggers in Central Anatolia. A Master's thesis. Ankara: İhsan Doğramacı Bilkent University, 2012. 120 p.
- Atharva-Veda Samhitā. Śaunaka Recension. On the basis of the editions Gli inni dell' Atharvaveda (Saunaka) / translit. a cura di Ch. Orlandi, Pisa 1991; Atharva Veda Sanhita; Eds. R. Roth, W.D. Whitney. Berlin, 1856
[<http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/av/avs/avs.htm>]
- Barthomeuf D. La place de l'Anatolie dans les débuts de la métallurgie du cuivre et du bronze (du VIIe au IIIe millénaire av. J.-C.) // *Studia Aegeo-Anatolica. Mélanges préparés sous la direction d'Olivier Pelon.* Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2004. P. 149–186.
- Berger D. Bronzezeitliche Färbetechniken an Metallobjekten nördlich der Alpen. Eine archäometallurgische Studie zur prähistorischen Anwendung von Tauschierung und Patinierung anhand von Artefakten und Experimenten // *Forschungsberichte des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle.* Bd. 2 / Ed. H. Meller. Halle an der Saale, 2012. 334 s.
- Berger D., Schwab R., Wunderlich Ch.-H. Technologische Untersuchungen zu bronzezeitlichen Metallziertechniken nördlich der Alpen vor dem Hintergrund des Hortfundes von Nebra // *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle.* Bd. 5/1: Der Griff nach den Sternen. Internationales Symposium in Halle (Saale). 16–21 Februar 2005. 2010. S. 751–777.

- Branigan K. A Transitional phase in Minoan metallurgy // *The Annual of the British School at Athens*. Vol. 63. 1968. P. 185–203.
- Bryant E. F. The quest for the origins of Vedic culture: the Indo-Aryan migration debate. NY: Oxford University Press, 2004. 416 p.
- Chakrabarti D.K. India beyond the Indus Civilisation // *The Cambridge World Prehistory*. Vol. 1: Africa, South and Southeast Asia and the Pacific / Eds. C. Renfrew, P. Bahn. NY: Cambridge University Press, 2014. P. 433–446.
- Cork E. Rethinking the Indus myths: A comparative re-evaluation of the Indus Civilisation as an alternative paradigm in the organisation and structure of early complex societies. Vol. 1, 2: Text. Ph.D Thesis, submitted to the Department of archaeology, Durham University. 2006. 299 p.
- Deva K. Problem of the ochre coloured pottery // *Potteries in ancient India* / Ed. B.P. Sinha. Patna: Patna University, 1969. P. 75–82.
- Di Nocera G.M. Metals and metallurgy. Their place in the Arslantepe society between the end of the 4th and beginning 3rd Millennium BC // *Economic centralization in formative states. The Archaeological reconstruction of the economic system in 4th Millennium Arslantepe* / Ed. M. Frangipane. Roma: Sapienza Università di Roma, 2010. P. 255–274.
- Di Nocera G.M., Palmieri A.M. The metal objects from the “royal” tomb at Arslantepe (Malatya – Turkey) and the metalwork development in the Early Bronze Age // *Landscapes: territories, frontiers and horizons in the Ancient Near East: papers presented to the XLIV Rencontre assyriologique internationale, Venezia, 7–11 July 1997* / Eds. L. Milano, S. de Martino, F. M. Fales, G.B. Lanfranchi. Vol. III. Landscape in ideology, religion, literature and art history. Padova: Sargon, 1999. P. 179–190.
- Dönmez Ş. Early Bronze Age metallurgy in Amasya Province, North–Central Anatolia // *Problems of Early Metal Age archaeology of Caucasus and Anatolia. Proceedings of international conference. November 19–23, 2014, Georgia* / Eds. G. Narimanishvili, M. Kvachadze, M. Puturidze, N. Shanshashvili. Tbilisi: Shota Rustaveli National Science Foundation; Georgian National Museum, 2014. P. 182–197.
- Encyclopedia of Indo-European culture / Eds. J.P. Mallory, D.Q. Adams. L.; Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 829 p.
- Forstner-Müller I. Tombs and burial customs at Tell el-Dabca in Area A/II at the end of the MBIIA Period (Stratum F) // *The Middle Bronze Age in the Levant. Proceedings of an International Middle Bronze Age conference on MBIIA ceramic material in Vienna 24th–26th of January 2001* / Ed. M. Bietak. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. P. 163–184.
- Forstner-Müller I. A New scimitar from Tell El-Dab’a // *Archaeology and history in Lebanon*. Is. 26–27. Studies in Honor of Jean-Paul Thalmann / Eds. Doumet-Serhal, H. Charaf. Autumn 2007 / Spring 2008. P. 207–211.
- Forstner-Müller I. Tell el-Dab’a 16: Die Gräber des Areals A/II von Tell el-Dab’a. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften // *Untersuchungen der Zweigstelle Kairo des Österreichischen Archäologischen Instituts*. Bd. 28. Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 44. Wien, 2010. 437 s.
- Frangipane M. The Late Chalcolithic IEB I sequence at Arslantepe. Chronological and cultural remarks from a frontier site // *Chronologies des pays du Caucase et de l’Euphrate aux IVe-IIIe millénaires. Actes du Colloque d’Istanbul, 16-19 décembre 1998*. Istanbul: Institut Français d’Études Anatoliennes-Georges Dumézil, 2000. P. 439–471.
- Frangipane M. After collapse: continuity and disruption in the settlement by Kura-Araxes-linked pastoral groups at Arslantepe-Malatya (Turkey). New data // *Paléorient*. Vol. 40, No 2. The Kura-Araxes culture from the Caucasus to Iran, Anatolia and the Levant: between unity and diversity. CNRS Éditions, 2014. P. 169–182.
- Frangipane M. The Role of metal procurement in the wide interregional connections of Arslantepe during the late 4th – early 3rd Millennia BC // *Overturning certainties in Near Eastern archaeology. A Festschrift in honor of K. Aslihan Yener* / Eds. Ç. Maner, M.T. Horowitz, A.S. Gilbert. Leiden–Boston: Koninklijke Brill NV, 2017a. P. 186–210.
- Frangipane M. The Role of metallurgy in different types of early hierarchical society in Mesopotamia and Eastern Anatolia // *Appropriating innovations: entangled knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE* / Eds. Ph.W. Stockhammer, J. Maran. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books, 2017b. P. 171–183.
- Frangipane M., Andersson S.E., Laurito R., Möller-Wiering S., Nosch M.-L., Rast-Eicher A., Wisti L.A. Arslantepe, Malatya (Turkey): Textiles, tools and imprints of fabrics from the 4th to the 2nd Millennium BCE // *Paléorient*. 2009. Vol. 35. No 1. P. 5–29.
- Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T. New Symbols of a new power in a «royal» tomb from 3 000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paléorient*. 2001. Vol. 27, No 2. P. 105–139.
- Garge T. Role of environment in shaping early farming communities in the Chautang basin // *Heritage: Journal of multidisciplinary studies in archaeology*. 2. Thiruvananthapuram: University of Kerala, 2014. P. 184–197.
- Gaur R.C. The Ochre-coloured pottery from Atranjikhera and its significance // *Potteries in Ancient India* / Ed. B.P. Sinha. Patna: Patna University, 1969. P. 95–101.
- Gaur R.C. The Ochre coloured pottery: A Reassessment of the evidence // *South Asian archaeology 1973: papers from the second International conference of the Association for the promotion of South Asian Archaeology in Western Europe, held in the University of Amsterdam* / Eds. J.E. van Lohuizen-De Leeuw, J.M.M. Ubaghs. Leiden: E. J. Brill, 1974. P. 53–62.
- Geldner K.F. Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Erster Teil. Erster bis Vierter Liederkreis // *The Harvard Oriental Studies*. Vol. 33. Cambridge, Massachusetts; L.; Leipzig: Harvard University Press–Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press–Otto Harrassowitz, 1951a. 490 s.
- Geldner K.F. Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Zweiter Teil. Fünfter bis Achter Liederkreis // *The Harvard Oriental Studies*. Vol. 34. Cambridge, Massachusetts; L. Leipzig: Harvard University Press–Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press–Otto Harrassowitz, 1951b. 435 s.
- Geldner K.F. Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Dritter Teil. Neunter bis Zehnter Liederkreis // *The Harvard Oriental Studies*. Vol. 35. Cambridge, Massachusetts; L.; Leipzig: Harvard University Press–Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press–Otto Harrassowitz, 1951c. 404 s.

- Gernez G. Des armes et des hommes. La question des modèles de diffusion des armes au Proche-Orient à l'âge du Bronze // *Mobilités, immobilismes. L'emprunt et son refus* / Ed. P. Rouillard. Paris: De Boccard, 2007a. P. 119–134.
- Gernez G. L'armement en métal au Proche et Moyen-Orient: des origines à 1750 av. J.-C. Thèse de doctorat d'archéologie présentée et soutenue publiquement le 5 décembre 2007. Vol. I: Texte. Paris: Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne, 2007b. 734 p.
- Gernez G. The exchange of products and concepts between the Near East and the Mediterranean: the example of weapons during the Early and Middle Bronze Ages // *Intercultural contacts in the ancient Mediterranean. Proceedings of the International conference at the Netherlands-Flemish institute in Cairo, 25th to 29th October 2008* / Eds. K. Duistermaat, I. Reguluski, G. Jennes, L. Weiss. Leuven; Paris; Walpole, MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2011. P. 327–341.
- Ghosh A. An Encyclopaedia of Indian archaeology. Vol. I. Subjects. Leiden; NY; København; Köln: E.J. Brill, 1990. 511 p.
- Gonda J. The Indra hymns of the Rigveda. Leiden; NY; København; Köln: E. J. Brill, 1989. 226 p.
- Hauptmann A., Schmitt-Strecker S., Begemann F., Palmieri A. Chemical composition and lead isotopy of metal objects from the «royal» tomb and other related finds at Arslantepe, Eastern Anatolia // *Paléorient*. 2002. Vol. 28, No 2. P. 43–69.
- Hauptmann A., Schmitt-Strecker S., Begemann F. Bronze Age Kfar Monash. Palestine – A chemical and lead isotope study into the provenance of its copper // *Paléorient*. 2011. Vol. 37, No 2. P. 65–78.
- Hestrin R., Tadmor M. A Hoard of tools and weapons from Kfar Monash // *Israel Exploration Journal*. Vol. 13. No. 4. 1963. P. 265–288.
- Hopkins E.W. The Puñjāb and the Rig-Veda // *Journal of the American Oriental Society*. 1898. 19th vol. 2nd half. P. 19–28.
- Hopkins E.W. The Rig Veda // Hopkins E. W. *India old and new*. – NY–L.: Charles Scribner's Sons–Edward Arnold, 1901. P. 23–35.
- Jaroš K. Sichem: Eine archäologische und religionsgeschichtliche Studie mit besonderer Berücksichtigung von Jos 24. Göttingen: Universitätsverlag Freiburg Schweiz Vandenhoeck and Ruprecht, 1976. 280 s.
- Keith A.B. The religion and philosophy of the Veda and Upanishads. The first half, chapters 1–19, page 1 to page 312 / Harvard Oriental Series edited with the cooperations of various scholars by C.R. Lanman. Vol. XXXI. Cambridge, Massachusetts; L.: Harvard University Press–Humphrey Milford; Oxford University Press, 1925. 312 p.
- Kopetzky K. Egyptian Burial costumes in the Royal tombs I–III of Byblos // *Baal. Bulletin d'archéologie et d'architecture libanaises. Hors-Série X*. 2015. P. 393–411.
- Kumar K. The Ochre coloured pottery or the Rāmāyana Age culture // *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*. 72/73. No. 1/4. 1991. P. 379–393.
- Kumar V. Archaeological gazetteer of Aligarh and Hathras districts with special reference to OCP and other proto-historic cultures of Indo-Gangetic plains // *Indian Journal of Archaeology*. Vol. 2, No. 4. Lucknow: National Trust for Promotion of Knowledge, 2017. P. 54–394.
- Lal B.B. The Ochre-coloured Pottery // *Potteries in Ancient India* / Ed. B.P. Sinha. Patna: Patna University, 1969. P. 83–94.
- Lamberg-Karlovsky C. C. Archeology and Metallurgical Technology in Prehistoric Afghanistan, India, and Pakistan // *American Anthropologist. New Series*. Vol. 69. No. 2. Apr., 1967. P. 145–162.
- Lassen Ch. Indische Alterthumskunde. Erster Band. Geographie, Ethnographie und aelteste Geschichte. Zweite verbesserte und sehr vermehrte Auflage. Leipzig: Verlag von L. A. Kittler, 1867. 1034+XLXI s.
- Macdonell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects. Vol. I. L.: John Murray, 1912a. 544 p.
- Macdonell A.A., Keith A.B. Vedic Index of Names and Subjects. Vol. II. L.: John Murray, 1912b. 592 p.
- Mackay E.J.H. Further excavations at Mohenjo-Daro. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-Daro carried out by the Government of India between the years 1927 and 1931. Vol. II: Plates I–CXLVI. Delhi: Government of India Press, Delhi, 1937. CXLVI pl.
- Mackay E.J.H. Further excavations at Mohenjo-Daro. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-Daro carried out by the Government of India between the years 1927 and 1931. Vol. I: Text. Delhi: Government of India Press, Delhi, 1938. 718 p.
- Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford: Oxford University Press Inc., 2006. 731 p.
- Massafra A. Le harpai nel Vicino Oriente antico. Cronologia e distribuzione // *Rome «La Sapienza» Studies on the Archaeology of Palestine and Transjordan*. Eds. L. Nigro, I. Brancoli Verger, M.S. 9. Rome: «La Sapienza» Expedition to Palestine & Jordan Sezione di Orientalistica, Dipartimento di Scienze dell' Antichità, 2012. 207 p.
- Massafra A. A group of metal weapons from Tell el-'Ajjul in the Hunterian Museum, University of Glasgow // *Vicino Oriente*. XVII. 2013. P. 115–133.
- McIntosh J. The ancient Indus valley: new perspectives. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2008. 441 p.
- Molloy B. Swords and Swordsmanship in the Aegean Bronze Age // *American Journal of Archaeology*. Vol. 114, No. 3. July 2010. P. 403–428.
- Molloy B.P.C. Martial Minoans? War as social process, practice and event in Bronze Age Crete // *The Annual of the British School at Athens*. Vol. 107. 2012. P. 87–142.
- Montet P. L'Art phénicien au XVIIIe siècle avant J.-C. d'après les récentes trouvailles de Byblos // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. T. 27, Fasc. 1. 1924. P. 1–30.

- Montet P. Byblos et l'Égypte Quatre Campagnes de Fouilles à Gebeil 1921-1922-1923-1924. Texte. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1928. 317 p.
- Montet P. Byblos et l'Égypte Quatre Campagnes de Fouilles à Gebeil 1921-1922-1923-1924. Atlas. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1929. CLXVII pl.
- Mosher M.S. The Architecture of Mohenjo-Daro as Evidence for the Organization of Indus Civilization Urban Neighbourhoods. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Toronto: University of Toronto, 2017. 379 p.
- Müller H.W. Der Waffenfund von Baläta-Sichem und die Sichelschwerter mit den chemisch-physikalischen Metallanalysen zum Waffenfund von Hermann Kühn, Deutsches Museum, München und mit Zeichnungen von Fritz Gehrke Vorgetragen in der Sitzung vom 4. März 1966 und vom 25. Oktober 1985 // Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Abhandlungen. Neue Folge, Hf. 97. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1987. 195 s.
- Müller F.M. Biographies of words and the home of the Aryas. New impression. L.; NY; Bombay; Calcutta: Longmans, Green, and Co., 1912. XXVII+278 p.
- Muscarella O.W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. NY: The Metropolitan Museum of Art, 1988. 501 p.
- Nair D.K. The Ochre Coloured Pottery: Reconsidering Issues And Problems // Proceedings of the Indian History Congress. Vol. 73. 2012. P. 1161–1171.
- Nigro L. The Eighteenth Century BC Princes of Byblos and Ebla and the Chronology of the Middle Bronze Age // BAAL: Bulletin d'Archéologie et d'Architecture Libanaïses. Hors-Série VI (Interconnections in the Eastern Mediterranean: Lebanon in the Bronze and Iron Ages: Proceedings of the International Symposium Beirut 2008) / Ed. Doumet-Serhal C. Beyrouth, 2009. P. 159–175.
- Nouvelles Fouilles de Tello par le Commandant Gaston Cros publiées avec le concours de: Léon Heuzey et François Thureau-Dangin. Paris: Ernest Leroux, Editeur, 1910. 327 p.
- Ornan, Tallay. The Bull and its two masters: moon and storm deities in relation to the bull in Ancient Near Eastern art // Israel Exploration Journal. Vol. 51. No. 1. 2001. P. 1–26.
- Ornan T. Who is holding the lead rope? The relief of the broken obelisk // Iraq. Vol. 69. 2007. P. 59–72.
- Ornan T. A silent message: Godlike kings in Mesopotamian art // Critical approaches to Ancient Near Eastern Art / Eds. B. Brown, M.H. Feldman. Berlin: Walter de Gruyter, 2013. P. 569–595.
- Palmieri A. Excavations at Arslantepe (Malatya) // Anatolian Studies. Vol. 31. December 1981. P. 101–119.
- Palmieri A.M., Hauptmann A., Hess K. Les objets en métal du tombeau monumental d'Arslantepe de 3000 av. J.-C. (Malatya, Turquie) // Revue d'Archéométrie. No 22. 1998. P. 39–43.
- Palumbi G. The Arslantepe royal tomb and the “manipulation” of the kurgan ideology in Eastern Anatolia at the beginning of the Third Millennium // Ancestral Landscape. Burial mounds in the Copper and Bronze Ages (Central and Eastern Europe–Balkans–Adriatic–Aegean, 4th–2nd Mill. B.C.). Proceedings of the International conference held in Udine, May 15th–18th 2008. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2012. P. 47–59.
- Parpola A. The Roots of Hinduism: The early Aryans and the Indus Civilisation. Oxford–NY: Oxford University Press, 2015. 432 p.
- Parrot A. Tello. Vingt campagnes de Fouilles (1877–1933). Paris: Éditions Albin Michel, 1948. 368 p.
- Prabhakar V.N. Possible convergence of historic literature and archaeology: Examples of Harappan burial practices and customs // Heritage: Journal of multidisciplinary studies in archaeology. 2. Thiruvananthapuram: University of Kerala, 2014. P. 152–183.
- Renfrew C. Cycladic metallurgy and the Aegean Early Bronze Age // American Journal of archaeology. Vol. 71, No. 1. Jan., 1967. P. 1–20.
- Rigveda. Metrically restored Text / Eds. K. Thomson, J. Slocum <http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/>.
- Rig-Veda. Übersetzt und mit Kritischen und Erläuternden Anmerkungen versehen von Hermann Grassmann. In Zwei Theilen. Erster Theil. Die Familien-Bücher des Rig-Veda (Zweites bis Ahtes Buch). Leipzig: F. A. Brockhaus, 1876. 589 s.
- Rig-Veda. Übersetzt und mit Kritischen und Erläuternden Anmerkungen versehen von Hermann Grassmann. In Zwei Theilen. Zweiter Theil. Sammelbücher des Rig-Veda (Erstes, Neuntes, Zehntes Buch). Leipzig: F. A. Brockhaus, 1877. 523 s.
- Rova E. Potere dei simboli o simboli di potere? La spada lunga tra Vicino Oriente ed Egeo nel II millennio a.C. Corso di Laurea Magistrale in Scienze dell'antichità: letterature, storia e archeologia. Tesi di Laurea. Venezia: Università Ca' Foscari. Anno Accademico 2014/2015. 303 p.
- Sandars N.K. The First Aegean swords and their ancestry // American Journal of Archaeology. Vol. 65, No. 1. Jan., 1961. P. 17–29.
- Sasson J.M. The Military establishments at Mari. Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1969. 101 p.
- Schiestl, Robert. The Coffin from Tomb I at Byblos // International Journal for Egyptian archaeology and related disciplines / Ed. M. Bietak. XVII. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2007. P. 265–271.
- Schmandt-Besserat D. When writing met art: from symbol to story. Austin: University of Texas Press, 2007. 133 p.
- Schrader O. Prehistoric antiquities of the Aryan peoples: A Manual of comparative philology and the earliest culture. Being the 'Schprachvergleichung und Urgeschichte' / transl. F.B. Jevons. L.: Charles Griffin and Company, 1890. 486 p.
- Selover S.L. Excavating War: the archaeology of conflict in Early Chalcolithic to Early Bronze III Central and Southeastern Anatolia. A dissertation submitted to the Faculty of the Division of the Humanities in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Chicago. Chicago, Illinois: The University of Chicago, June 2015. 678 p.

- Semenenko A.A. Arable farming of Vedic Indo-Aryans according to Atharvaveda Shaunakiya and Samhitas' Dating // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной заочной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2016 г.). Воронеж: Воронежский ГАУ, 2016. С. 362–366.
- Shalev S. Redating the 'Philistine Sword' at the British Museum: A case study in typology and technology // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 7, No. 3. November 1988. Oxford: Basil Blackwell. P. 303–311.
- Sharma D.V., Nauriyal K.C., Prabhakar V.N. Excavations at Sanauli 2005-06: A Harappan necropolis in the upper Ganga-Yamuna Doab // Puratattva. 36. 2006. P. 166–179.
- Singh K. Indian protohistoric weapons and implements: a study (with special reference to Haryana and Punjab). A Thesis submitted to Kurukshetra University, Kurukshetra in partial fulfillment of the requirement of the degree of Doctor of Philosophy in Ancient Indian history, culture and archaeology. Kurukshetra: Kurukshetra University, 2015. XVI+362 p.
- Singh S.D. Ancient Indian warfare: with special reference to the Vedic period. Leiden: E. J. Brill, 1965. 203 p.
- Smith V.A. The Copper Age and prehistoric Bronze implements of India // Indian Antiquary. Vol. XXXIV. 1905. P. 229–244.
- Sontakke P.V., Sontakke V.G. Coexistence of culture and civilization: a study in terms of Indus valley civilization and Chalcolithic Cultures of Ganga Plain // Heritage: Journal of Multidisciplinary Studies in Archaeology. 1. Thiruvananthapuram: University of Kerala, 2013. P. 458–465.
- Stronach, D. B. The Development and diffusion of metal types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies. Vol. 7. 1957. P. 89–125.
- Subramanian T.S. Royal burial in Sanauli // Frontline. India's National Magazine. September 28, 2018 // <https://frontline.thehindu.com/arts-and-culture/heritage/article24923229.ece>.
- Talma M. An Experimental diachronic exploration of Patination methodology of dark patinated (arsenical) copper alloys on case studies from the Eastern Mediterranean Bronze Age and Early Iron Age // Experimental Archaeology. Is. 2018. N1 // <https://exarc.net/ark:/88735/10337>.
- The Rigveda. The earliest religious poetry of India / Transl. S.W. Jamison, J.P. Brereton. Oxford;–NY: Oxford University Press, 2014. 1693 p.
- The Royal city of Susa: Ancient Near Eastern treasures in the Louvre / Eds. P.O. Harper, J. Aruz, F. Tallon. NY: The Metropolitan Museum of Art, 1992. 315 p.
- Thomas E. The rivers of the Vedas, and the way the Aryans entered India // Journal of the Royal Asiatic Society. New Series. Vol. XV. 1882. P. 357–386.
- Vedic Hymns translated by F.M. Müller. Part I. Hymns to Maruts, Rudra, Vāyu, and Vāta // The Sacred Books of the East / translated by various oriental scholars and edited by F.M. Müller. Vol. XXXII. Oxford: at the Clarendon Press, 1891. 556 p.
- Viroilleaud Ch. Découverte a Byblos d'un hypogée de la douzième dynastie égyptienne // Syria. Vol. 3, Fasc. 4. 1922. P. 273–290.
- Vogel C. Icon of propaganda and lethal weapon: further remarks on the Late Bronze Age sickle sword // Warfare and society in the Ancient Eastern Mediterranean. Papers arising from a colloquium held at the University of Liverpool, 13th June 2008 / Eds. S. O'Brien, D. Boatright. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 71–87.
- Wheeler M. Early India and Pakistan to Ashoka. NY: Frederick A. Praeger, 1959. 190 p.
- Wheeler M. Civilizations of the Indus valley and beyond. L.: Thames and Hudson, 1966. 144 p.
- Wheeler M. The Indus Civilization. Supplementary volume to the Cambridge History of India. 3rd edition. Cambridge: University Press, 1968. 144 p.+XXXIV pl.
- Wilson H.H. Preface // The Vishṇu Purāṇa: a system of Hindu mythology and tradition, translated from the original Sanskrit by H. H. Wilson. Vol. I. L.: Trübner and Co., 1864. P. I–CXVII.
- Yalçin Ü., Yalçin H. Gönül. Evidence for early use of tin at Tülintepe in Eastern Anatolia // Tüba-ar. Türkiye bilimler akademisi arkeoloji dergisi. Turkish academy of sciences Journal of archaeology. 12. 2009. P. 123–142.
- Yalçin Ü., Yalçin H.G. Könige, Priester oder Handwerker? Neues über die frühbronzezeitlichen Fürstengräber von Alacahöyük // Anatolian Metal VIII. Eliten–Handwerk–Prestigeüter. [Montanhistorische Zeitschrift. Der Anschnitt. Beiheft 39 = Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum Bochum, Nr. 226]. Bochum: In Kommission bei VML Verlag Marie Leidorf GmbH, Rahden/Westf., 2018. S. 91–122.
- Yule P. Metalwork of the Bronze Age in India. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1985. 129 p.+108 pl.
- Yule P. The Copper hoards of the Indian subcontinent preliminaries for an interpretation // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 36. 1989. P. 193–260.
- Yule P. The Copper hoards of Northern India // Expedition Magazine. Vol. 39, Issue 1. 1997. P. 22–32.
- Zimmermann Th., Necdet D., Önder T.K. Ein neues Schwert vom Typus, Arslantepe' — frühmetallzeitliche Waffentechnologie zwischen Repräsentation und Ritual // Prähistorische Zeitschrift. Bd. 86. May 2011. S. 1–7.
- בסב, לאכימ, Sebbane M. The Kfar Monash hoard – A re-evaluation / שנומ רפכמ ןומטמה – תשדוהמ הניחב // Eretz-Israel: archaeological, historical and geographical studies / לארשי-יזראל / זכ, היתוקיטעו יזראל תעידיב מירקהמ: לארשי-יזראל. Israel exploration society. 2003. P. 169–184.

О туркменском коневождении

Т.Н. Рябова

Из истории Ахалтекинской породы

В статье дается краткое описание основных характеристик, истории появления, разведения ахалтекинской породы лошадей и ее современное состояние.

T.N. Ryabova

From the history of the Akhal-Teke breed

The article provides a brief description of the main features, the history of the appearance, breeding of the Akhal-Teke horse breed and its current state.

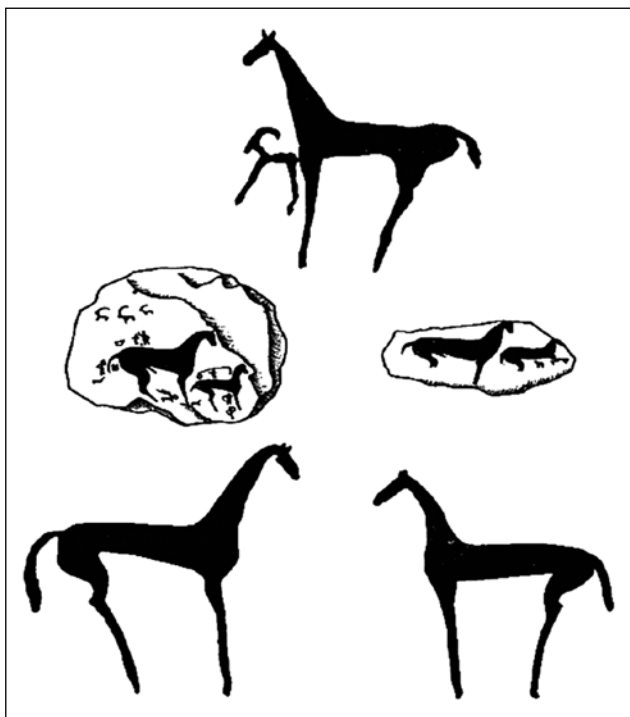
DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-259-271

Едва ли найдется в мире другая конская порода, отношение к которой со стороны специалистов, спортсменов, и любителей было бы столь неоднозначно — от безграничного обожания и восторга до откровенной ненависти. Второе скорее от незнания истории и особенностей этой породы и от нежелания и неумения понять встретившегося на их пути конкретного ахалтекинца. Ахалтекинская лошадь настолько необычна, что ее невозможно перепутать с представителями других пород. Вот её портрет. Гордый взгляд огненных оригинального разреза глаз, сухая голова с узкой удлинённой лицевой частью, высоко поставленные длинные как листья камыша подвижные уши, затылок широкий и длинный, шея длинная высокопоставленная, мощный широкий круп с низко спускающейся на голень мускулатурой, прочные сухие ноги с крепкими копытами, характерный пристав хвоста с голой репицей, оброслость (грива, хвост и щетки) очень незначительная, грива редкая, но шелковистая. У них почти нет чёлки и редкое разнообразие мастей с характерным золотистым и серебристым блеском. «По блеску — вода, по цвету — огонь» — сказал о них когда-то Фирдоуси.

«...Змеи, гепарда и орла единый сплав» — это необычайное сравнение не зря родилось у человека, влюбленного в ахалтекинцев, конника, руководителя клуба «Аргамак» Ирины Хиенкиной. Рядом с другими лошадьми ахалтекинец выглядит существом с другой планеты. Своими формами рослый и узкотелый ахалтекинец напоминает самого быстрого зверя — гепарда. Змею он напоминает своей гибкостью, плавностью движений, необыкновенно высоким поставом длинной лентистой шеи, а величественным гордым видом, мощным летящим галопом ахалтекинец похож на орла. Особый разрез глаз напоминает взгляд хищной птицы.

Как и в любой породе, среди текинцев существуют внутривидовые типы. Есть они и в этой породе: кроме характерного типа, описанного здесь, существует и довольно широко распространен тип массивный. Такими были, например, Абсент и его отец Араб.

За долгие века жизни рядом с человеком эта лошадь приобрела необычайно развитый интеллект, она не терпит грубости, пренебрежения и унижения, но за человека, которого она любит, она пойдет в огонь и в воду, погибнет, если это будет необходимо. Текинцы необычайно талант-

Наскальные изображения лошадей на Араванской скале, расположенной на горе Айырмач-Тоо, в 27 км от города Ош (Кыргызстан).

ливы, легко поддаются всевозможным видам дрессировки. Несмотря на внешнюю экзотичность и кажущуюся нежность, они обладают большой выносливостью и неприхотливостью, быстро восстанавливают силы после тяжелых нагрузок и легко адаптируются в разнообразных климатических условиях.

Крито-микенская ваза с изображением воинов и колесницы из Тиринфа (древний город в Аргониде, на полуострове Пелопоннес, XIII в. до н.э.) (по: Виппер, 1972. Рис. 50)

История появления этой лошади на земле уходит своими корнями в далекое прошлое, возраст её насчитывает не одну тысячу лет, и определить её истоки сложно. Изображения подобных лошадей во множестве встречаются на скалах в горах на границе Киргизии и Ферганы, на территории древней страны Давань (V-IV вв. до н.э. – III-IV (V) вв. н.э.), в Южном Казахстане (Массон, 1948; Заднепровский, 1962), на греческих вазах и египетских фресках (Yoyotte, 1968).

Костные останки большого количества лошадей были найдены на Алтае (Пазырык, Укок) (Витт, 1952; Васильев,

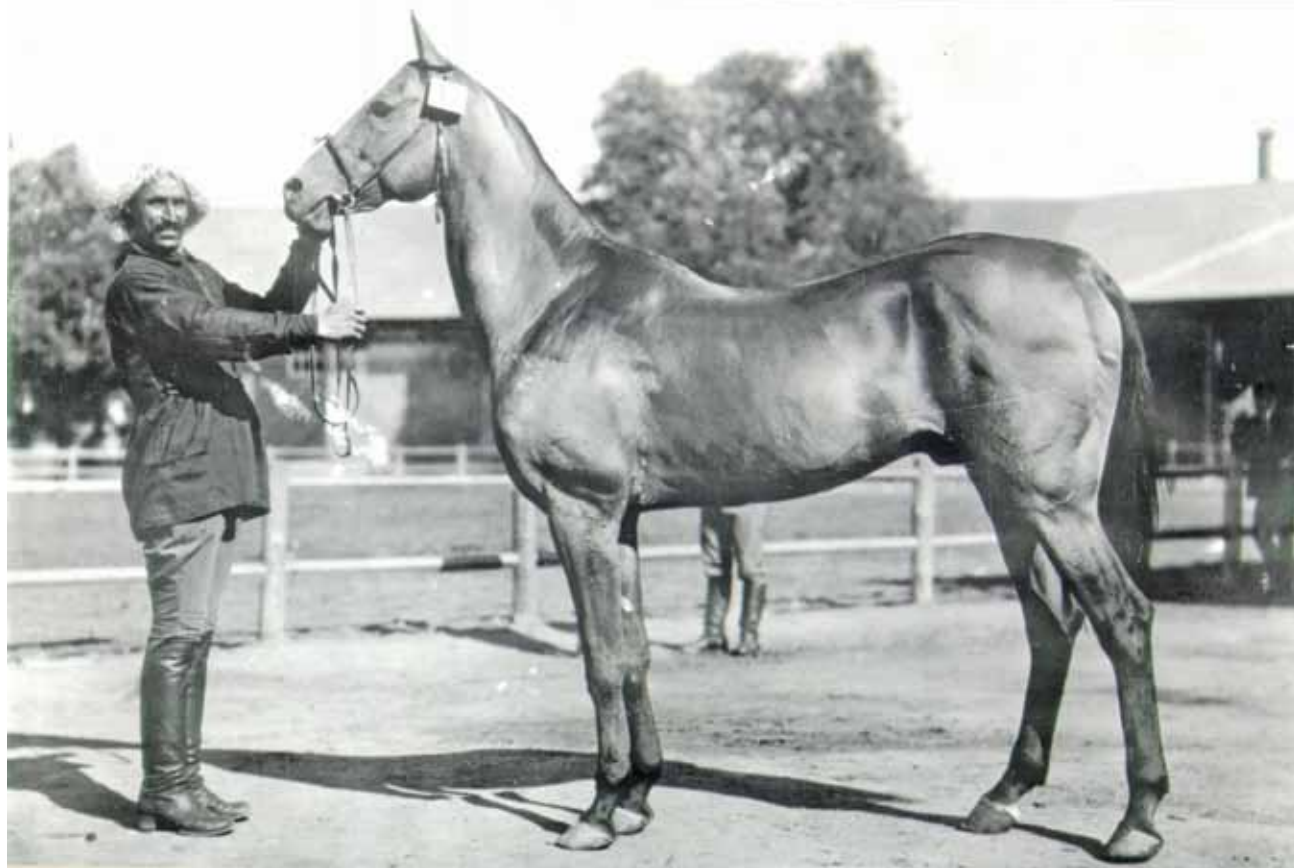

Воины с конями. Фреска из Микен (по: Виппер, 1972. Рис. 58).

2000), на Южном Урале, в Казахстане (ботайская, синташтинская культуры (Косинцев, 2002); могильник Берель — (Самашев и др., 2000). В.О. Витт считает пазырыкских лошадей наиболее близкими по росту, пропорциям к современной ахалтекинской породе (Витт, 1952. С. 184-187). Предположить, что эта лошадь произошла от каких-то диких форм — весьма проблематично, уж очень они несхожи. Говорить, что это лошадь песков, тоже неправомерно, так как она превосходно чувствует себя и в горах. Древние легенды повествуют о том, что «небесные лошади» когда-то спускались с гор и уже от них и местных кобылиц рождались необыкновенные жеребята.

Сейчас иппологи считают ахалтекинца первой чистокровной породой мира, но путь к этому признанию был долгим и нелегким. В 1884 г., рассматривая прибывших в Париж из Мерва туркменских лошадей, известный французский ипполог Е. Гайо назвал их «новой чистокровной породой». Но не все его коллеги были того же

мнения, многие считали её производной от арабской и даже монгольской лошади. Наибольшая роль в признании этой породы чистокровной принадлежит прежде всего российским учёным. Ещё в конце XIX в. профессор Э.В. Фирсов в своем монументальном труде «Туркестан и туркестанские породы лошадей» (1895) аргументированно заявлял что источником чистой крови в породах лошадей была в истории массагетская лошадь из предгорий Тибета, а не производная от неё арабская. Ему же принадлежит и другая мысль о том, что пески с севера и горы с юга оберегали аргамака от смешения с другими лошадьми. «Как не благодарить пески и пустыни хоть за это!» А вот как он описывает атаку кавалерии во времена татаро-монгольского нашествия. «Всадники сидели на рослых и ловких аргамаках текинской породы, движения их были быстры, увертливы, неожиданная атака — ужасна как по стремительности натиска, так и по своей стройности. Перед такой кавалерией монголы были беззащитны».

Жеребец Меле Куш. 1909 г.

В.Э. Фирсову вторил А.А. Браунер: «Ахалтекинская лошадь более самобытная и более древнего происхождения, чем арабская, от которой её неправильно производят... Это самостоятельно развившийся тип скаковой лошади» (1916). Но мнение этих учёных прошло незамеченным, и текинца продолжали считать лошадью полукровной. И только фундаментальные работы профессора В.О. Витта, изложенные в сборнике «Конские породы Средней Азии» (1937 г.), положили конец предубеждениям о роли и значимости ахалтекинской породы для мирового коннозаводства. «В ахалтекинской лошади мы имеем современного представителя древнейшей в мире культурной верховой породы, которая на всём протяжении своей эволюции неизменно доказывала и продолжает доказывать свои исключительные достоинства и как боевого коня, и как ценное племенное живот-

ное... ахалтекинская порода представляет собой не только местную, не только общесоюзную, но и мировую ценность для селекционно-племенной работы в коневодстве. Это последние капли того источника *чистой крови*, который создал всё верховое коннозаводство мира» (Витт, 1937). Это мнение поддержали в своих работах крупные иппологи П.Н. Кулешов (1931), В.О. Липпинг (1936), Н.А. Юрасов (1939), М.И. Белоногов (1957) и др. Все новые археологические данные подтверждают древность этой породы (Кузьмина 1977; Ковалевская, 1977; Пилипко, 2007 и др.).

Современная история этой уникальной породы начинается с момента присоединения Туркестана к России, когда российские военные имели возможность убедиться в великолепных боевых качествах этой удивительной лошади. Хотя и до этого те немногочисленные путешественники, ко-

Жеребец Полотли на ВДНХ

торые проникали в предгорья Копетдага, с восхищением отмечали необыкновенные качества лошадей, которыми владели племена, населявшие эту область.

Ранее эту лошадь именовали и массагетской, и парфянской, и нисейской, и персидской, и турецкой, и небесной лошастью, и аргамаком. Свое название ахалтекинская порода получила сравнительно недавно по названию оазиса Ахал, простирающегося узкой полосой между хребтами Копетдага и песками Каракумов от древнего Мерва до седого Каспия, и населенного туркменским племенем «теке», в руках которого и сохранилась эта уникальная лошадь, некогда обитавшая на обширных равнинах древней Бактрии и Согда. По этим местам «протекал» древний торговый путь, названный Шелковым. Отчасти по этому пути, а также посредством военных походов и в качестве военных трофеев и дорогих подношений эта лошадь распространилась далеко за пределы своего коренного обитания, обрела славу непревзойденного боевого коня и оказала огромное влияние на образование многочисленных конских пород.

Но Шелковый путь иссяк, торговые пути в азиатские и африканские страны стали проходить водными маршрутами через Каспийское, Азовское, Черное и Средиземное моря, а территория Ахалского оазиса, окруженного горами и песками, оказалась труднодоступной для торговцев и путешественников. Таким образом, горы да пески и сохранили в чистоте уникальный генофонд древней лошади, а за пределами этого труднодоступного региона «текинцы» ассимилировались местными лошадьми и дали начало таким породам, как арабская, берберийская, карабахская, карабаирская, локайская, а затем и английская чистокровная, а также западно-европейские породы лошадей, как траккененская, ганноверская, ольденбургская. Изучив историко-археологические, зоотехнические и литературные источники, российские и советские иппологи подтвердили выводы учёных прошлого, что ахалтекинская порода является са-

мостоятельно развившимся типом древней скаковой лошади, первой чистокровной породой мира. По росту, силе, резвости и своеобразной величавой красоте с ней на протяжении многих веков не могла выдержать сравнение ни одна другая порода. Эти кони издавна были известны и на Руси под именем аргамаков и очень ценились. Обладание аргамаком было мечтой любого вельможи, аргамак был самым желанным улучшателем в конных заводах. При участии крови этих лошадей выводились донская, стрелецкая, орловские верховая и рысистая породы.

Наместник «белого царя» в Туркестане генерал А.Н. Куропаткин (1848 — 1925) не понаслышке был знаком с текинской лошастью, ему пришлось столкнуться с ней на деле при завоевании текинской твердыни — крепости Геок Тепе, столицы Ахала. Поэтому он придавал большое значение сохранению и развитию этой породы, значительно численно сократившейся за период войн, междоусобиц и интервенций. По его инициативе и на его средства была создана Закаспийская заводская конюшня, призванная улучшить состояние коневодства в этом регионе. Для работы в этой конюшне генерал пригласил знатоков конского дела из России во главе с Григорием Мазаном. Деятельность этой конюшни неопределима. Сюда были собраны лучшие жеребцы того времени, которые широко использовались в случке с кобылами местного населения. Воспитанники этой конюшни представляли породу на конских выставках в Киеве, Пятигорске, Москве и Париже и произвели там фурор. Было введено в практику поощрение коневладельцев за хорошее выращивание молодняка, наладились регулярные ипподромные испытания.

Появление ахалтекинских лошадей на конских выставках в Ташкенте (1909 г.), Пятигорске (1912 г.) и в Киеве (1913 г.), где они получили высшие награды, как бы заново открыло эту породу знатокам и любителям конского дела. В прессе появились восторженные отзывы. На базе Закаспийской конюшни был организован рассадник

впоследствии ставший Ашхабадским конным заводом.

Огромный урон ахалтекинскому коневодству нанесла Первая мировая война. Начавшаяся в 1914 году мобилизация лошадей в армию грозила полным исчезновением породы, а во время иностранной интервенции «под шумок» было вывезено немало племенных лошадей англичанами в Индию, бывшую тогда британской колонией, для улучшения конского поголовья. В результате чего в Индии образовалась местная порода «мервари». Лишь в 1916 г. постановлением правительства Российской империи поставка ахалтекинских лошадей в армию была запрещена. Этот документ сыграл неопределимую роль в деле сохранения породы.

После революции 1917 г. началась ожесточенная борьба победивших Советов и Британии за Туркестанский регион, и в этот период ахалтекинская порода понесла ощутимые потери. Значительная часть племенного поголовья уходила «за кордон» вместе с богатыми владельцами — баями и ханами, а также с англичанами, продолжавшими увозить этих лошадей в Индию.

Борьба эта закончилась в 1924 г. с образованием СССР. С установлением советской власти в Туркменистане, кроме Ашхабадского конного завода, были созданы колхозные племенные фермы, а за пределами Туркмении организованы: ахалтекинское отделение в Хреновском конзаводе Воронежской области, Орский

Современные ахалтекинцы. Жеребец Пиастр. Фото Ю. Кузнецовой.

и Михайловский конные заводы в Оренбургской области, Троицкий конзавод в Челябинской области, Джамбулский конзавод в Казахстане. В Ташкенте открылась зональная опытная станция, подчинявшаяся созданному в тот период Всесоюзному институту коневодства. Эта станция была призвана осуществлять селекционно-племенную работу со среднеазиатскими породами лошадей.

В 1927-1928 гг. комиссией Наркомзема было проведено обследование конских ресурсов вновь приобретенного региона. В Туркменистане работала зоотехническая бригада в составе К.И. Горелова, Г.С. Нелова и А.М. Богушевского. Эта комиссия тщательно обследовала все уголки Туркменистана, были переписаны лошади ахалтекинской и йомудской пород. Кропотливая работа длилась почти год и, невзирая на все трудности, была успешно завершена. Итоги были подведены в книге К.И. Горелова (1927), где он отмечает, что судя по результатам исследования, ахалтекинская порода сохранилась, несмотря на войны и революцию, гораздо лучше многих других пород лошадей бывшей Российской империи.

Это дало возможность заложить основы планомерной племенной работы с породой, позволило на основе полученных данных издать первые тома Государственных племенных книг (далее — ГПК) конских пород Средней Азии. III том в этом блоке был посвящен ахалтекинской и йомудской породам.

В прошлом порода не раз оказывалась под угрозой исчезновения, её спасали лишь самоотверженные усилия отдельных специалистов и коневодов, да её замечательные качества и поистине фантастическая жизнеспособность. Институт коневодства (ВНИИК) с момента своего создания (1930 г.) возглавил селекционно-племенную работу с ахалтекинской породой. Первый селекционный план составила Е.Н. Ершова, ведущий сотрудник Ташкентской опытной станции ВНИИК. Он был утвержден в 1938 г. в Ташкенте на XIII пленуме сек-

ции животноводства ВАСХНИЛ. Тогда же были доложены результаты вводного прилития крови английской породы в ахалтекинскую, продолжавшегося 33 года. Этот опыт был не одобрен, и сессия отдельным пунктом резолюции совещания запретила дальнейшее использование этого прилития, а полученные помеси были выделены в отдельный раздел III-го тома племенной книги.

После первого обследования последовали и другие экспедиции, в которых проверялись и уточнялись сведения, полученные в первой экспедиции. Очередной IV том ГПК вышел в 1952 г.

В 1955 г. Ташкентская зональная опытная станция официально была закрыта, последний отчет о её работе датируется 1958 г. Работавший там М.И. Белоногов перебрался в Ашхабад, и работа по совершенствованию ахалтекинской породы продолжалась под его руководством. В 1960-е годы наступил «мрачный» период гонений на коневодство, тогда ахалтекинцы в очередной раз оказались на грани исчезновения. Была упразднена кавалерия, военные конные заводы утратили свой охранной статус. После смерти М.И. Белоногова работа с породой была запущена, учет не велся, началась явная и тайная метизация. Казалось тысячелетняя история породы вот-вот закончится её исчезновением. Ряд заводов, в том числе и Джамбулский, были ликвидированы, тысячные табуны племенных лошадей отправились на бойню. Однако простые коневоды и честные специалисты пытались спасти племенных лошадей иной раз ценой свободы, а подчас и жизни. Не стали исключением и текинцы. Так, все племенные лошади Джамбулского конного завода были отправлены на мясокомбинат, но по дороге этот табун «завернул» в Луговской зерносовхоз Вениамин Вениаминович Иванов, бывший директором этого хозяйства. В том табуне был и молодняк, среди которого шел будущий чемпион Римской Олимпиады Абсент. Поголовье Эссентукского чистокровного конного завода спас

Аврам Захарович Саламов. Оно дало начало современному Кабардинскому конному заводу

Общественность забила тревогу, поднялась волна возмущения в прессе и Главконупр МСХ СССР вынуждено было принять какие-то меры. Они были приняты и с 1 января 1973 г. ВНИИ коневодства снова вменили в обязанность кураторство над этой породой. Вызвал меня к себе бывший тогда директором института коневодства Ю.Н. Барминцев и предложил взяться за эту породу. С этого момента и начинается новейшая история древнейшей породы.

На новое обследование ресурсов породы ушло два года. Выяснилось, что текинцев на земле остались крохи. На учет было взято чуть больше четырехсот кобыл и 89 жеребцов, да и среди них надо было проводить «чистку». В это время в Институте коневодства была создана лаборатория иммуногенетики, призванная подтверждать происхождение лошадей по показателям крови. С её помощью и начали эту работу.

В 1975 г. удалось выпустить очередной V том ГПК, который готовил еще М.И. Белоногов, вышедший через 23 года после IV-го. Все тома племенных книг подготовлены российскими специалистами. Надо сказать, что все вышедшие ГПК не имели раздела, содержащего сведения о племенном использовании кобыл, записанных в предыдущие тома ГПК, поэтому для восполнения этого пробела в VI томе были проработаны архивы Ашхабадской Госплемстанции, Ашхабадского СХИ, Марыйской Госконюшни, Луговского конного завода, конзавода «Комсомол» и ВНИИ коневодства. VII том ГПК был подготовлен уже по образцу книг чистокровной верховой породы, т.е. содержал регистр жеребцов-про-

изводителей с сеткой родословных до 4-го ряда и приплод под ними, а также разделы о племенном использовании не только кобыл, но и жеребцов, записанных в предыдущие тома ГПК.

В породе сейчас культивируется 20 линий, но все они не равнозначны как качественно, так и количественно. Такое многообразие линий в малочисленной породе вполне оправдано, это позволяет расширить генофонд, варьировать различные сочетания. В процессе совершенствования породы одни линии сходят со сцены, давая жизнь новым образованиям, другие линии мощно развиваются, в их недрах зарождаются новые перспективные.

С того времени была проделана колоссальная работа: введено тестирование всего поголовья по показателям крови для подтверждения происхождения, а теперь начато поголовное тестирование по микросателлитной ДНК, составлено 6 томов (всего 9) ГПК лошадей чистокровной ахалтекинской породы, выпущено 4 тома Справочника помесей, 30 выпусков Регистра молодняка. Разработано 4 селекционных десятилетних программы, создано и апробировано 12 заводских линий. Разработана технология содержания и выращивания лошадей, методика оценки жеребцов-производителей по качеству потомства, оценка качества движений и прыжка ахалтекинской лошади, оценка типа и экстерьера по 10-балльной шкале, учтенной в инструкции по бонитировке¹, шкалы развития молодняка с поправкой на возраст.

ГПК является генеральным Студбуком, куда заносятся племенные лошади с подтвержденным происхождением, рожденные во всем мире. С IX тома, по настоянию директора института Ю.Н. Барминцева, в название породы наконец-то включено слово «чистокровная».

1 Бонитировка в зоотехнике — это индивидуальная оценка животных, которая устанавливает продуктивные и племенные качества животных путем оценки их по комплексу признаков, осуществляет комплексную оценку сельскохозяйственных животных по происхождению, экстерьеру, продуктивности, воспроизводительной способности и качеству потомства.

Г.К. Жуков на Параде Победы 1945 г. в Москве на жеребце Арабе.

Резвость была немаловажным качеством боевого коня, она селекционировалась в породе веками. Есть доказательства, что и в Европу методы подготовки скаковых лошадей проникли из Средней Азии. И по сей день основным видом испытаний лошадей этой породы являются гладкие скачки на ипподромах.

Двадцатый век предъявил к ахалтекинцу новые требования: верховая лошадь сегодня — это прежде всего лошадь для спорта. И здесь древнейшая порода оказалась на высоте. Она обладает всеми качествами, необходимыми спортивной лошади: резвость, выносливость, высокая техника прыжка, мягкие, настильные движения на всех аллюрах, удобства для всадника, быстрая обучаемость, быстрое восстановление всех функций организма после напряженной работы. Эти качества текинца важны в селекции как при чистокровном разведении, так и для получения пользовательной спортивной лошади при скрещивании с другими породами.

Все любители лошадей знают вороного Абсента, семикратного чемпиона страны по выездке, первого советского олимпийского чемпиона в Риме и призера двух последующих олимпиад. Дети Абсента не посрамили великого отца: Абакан, Аргумент, Домбай

и др. входили в состав сборной страны по выездке. Отец Абсента серый Араб (Казбек) после труднейшего пробега Ашхабад-Москва в 1935 г. остался в Москве и 12 лет выступал практически во всех дисциплинах классического конного спорта, установив рекорд прочности и стабильности. В 16 лет — по всем меркам солидный возраст для коня — он стал чемпионом страны в крупнейших конкурсах «Кубок СССР» и «Высший класс». В соревнованиях на мощность прыжка Араб преодолел высоту 2 м 12 см. Другой ахалтекинец, некрупный соловый Полигон пять раз из года в год заставлял поднимать рекордную планку в высотных прыжках, остановившись на 2 м 25 см. В прыжках в длину (раньше были такие соревнования) ахалтекинский Перепел «улетел» на 8 м 78 см. Еще В.П. Колосовский писал, что в период набегов (аламанов) или в боевых действиях ахалтекинцы под всадником и с грузом легко преодолевали дувалы (глиняные заборы) и широкие канавы и арыки (Колосовский, 1910). Среди современных конкурных лошадей известны такие, как Ковум, Карамашал, Пикет, Бархан, а Ман (в 18 лет стал победителем Кубка стран Азиатского региона) и Арслан возглавляли в 2001-2002 годах список лучших конкурных лошадей Чемпионата Мира стран Азиатского региона и единственные из «советских» лошадей входили в четырехсотку лучших конкурных лошадей мира. В троеборье известны такие имена текинцев и помесей, как Пропеллер, Максут, Бугар, Галамбия, Хамаз, Алигарх и др. Сегодня набирает темпы новый вид испытаний — конные пробеги, где ахалтекинцы уже заявляют о себе, как конкуренты признанным в этой дисциплине арабским и англо-арабским лошадям.

Управление породой. Ахалтекинцы — первые в коротком ряду чистокровных пород, впереди арабской и английской. Как изменилась с 1973 по 2017 гг. эта древняя порода и количественно и качественно, показано в табл. 1.

Таблица 1.

Динамика характеристик лошадей производящего состава чистокровной ахалтекинской породы за 45-летний период

Год	Пол	Чистокровных голов	Оценка (балл)		промеры (см)			
			Типа	Экстерьера	Высота в холке	Косая длина	Обхват груди	Обхват пясти
1973	жеребцы	80	7.23	7.31	158.3	161.2	177.1	19.40
	кобылы	393	6.65	6.96	157.6	160.1	176.4	18.8
2017*	жеребцы	680	7.76	8,13	160,2	163,4	180,1	19.30
	кобылы	1890	7.72	8,04	158.8	161,3	181,4	18.85

* – по этому году данные приведены без Туркменистана. После распада СССР это государство обособилось в сфере разведения этой породы, и в селекцентре ВНИИК сведения о ней не поступают.

Нетрудно заметить, что к настоящему времени порода перешагнула определенный научной порог риска – 1000 голов, и все же угроза ее исчезновения не снята с повестки дня. Она распространена по всему миру малыми образованиями, что, безусловно, усложняет её управление. Племенное ядро породы в настоящее время насчитывает около 400 жеребцов и 1500 маток (без Туркменистана). Лошади заметно улучшились как в плане типичности, так и по экстерьеру. Промерные показатели незначительно, но возросли. Это объясняется тем, что за истекшие десятилетия ставилась задача, прежде всего, увеличить поголовье чистокровных особей и сохранить характерный тип породы. Селекция ведется по комплексу признаков. Селекционеры в процессе совершенствования породы следят за распространением в ней ряда экстерьерных недостатков и пороков. Чрезмерная кадыковатость и растянутость при слабой пояснице не являются её достоинствами, и специалисты в процессе отбора и подбора стремятся сократить встречаемость этих недостатков, но из-за малочисленности породы это быстро искоренить невозможно.

На сегодняшний день порода шагнула далеко за пределы своего коренного обитания – Средней Азии, и имеет своих представителей практически на всех континентах земного шара. Разве что нет их в Антарктиде. И интерес к ней растет.

Основной вид испытаний лошадей, в том числе и ахалтекинской породы – гладкие скачки на ипподромах. Наиболее регулярно и стабильно испытываются лошади в Туркменистане. На территории СНГ с момента распада Союза скаковые испытания проводились весьма нерегулярно и неполноценно. С 2010 года этот процесс принял более регулярные формы. Лошади успешно скачут на Пятигорском и Краснодарском ипподромах, но не все племенные хозяйства приводят лошадей на испытания. Надо отметить, что изменения, сделанные в последних правилах испытаний (сокращение дистанций некоторых традиционных призов и отсутствие дистанционных скачек в старшем возрасте) ведет к утрате резвостной выносливости лошадей. Это мы пытаемся поправить введением на скаковом митинге скачек на сверхкороткие (500 м) и длинные (6000 м) дистанции. Но этого мало.

Практика проведения выставок-выводок на ипподромах началась в 1980 г. на Ашхабадском ипподроме. С тех пор они начали проводиться на тех ипподромах, где скакали ахалтекинцы: Баку, Алматы, Тбилиси, Чимкент, Краснодар, Пятигорск. Попутно совершенствовалось положение о проведении этого мероприятия. Далее эти выводки или как их стали называть «чемпионаты» стали проходить не только на

ипподромах в Ташкенте, Москве, Санкт-Петербурге, а также на территории европейских государств. Для повышения интереса к ахалтекинцу, как к спортивной лошади, были организованы так называемые «спортивные» митинги. В отличие от скаковых митингов, проводимых на ипподромах, на спортивных проходят соревнования по классическим видам конного спорта (конкур, выездка, двоеборье, дистанционные пробеги, оценка качества движений). По примеру Московского начали организовывать и проводить подобные митинги и в Европе. На всех митингах гвоздем праздника являются выставки-выводки, на которых определяются зональные, региональные, республиканские и международные чемпионы и призеры породы среди разных поло-возрастных групп. Эти митинги сыграли

огромную роль в популяризации породы и способствуют распространению её в мире.

В настоящее время Чемпионаты с проведением выставок-выводок и разнообразной спортивной программой проводятся в самых разных регионах и на разном уровне. Региональные: «Северная Звезда» (Санкт-Петербург), республиканские: «Звезда Востока» (Азербайджан), «Абсент» (Казахстан), «Звезда Туркестана» (Узбекистан), Открытый Чемпионат России (Пятигорск); межрегиональные: Открытый Чемпионат Средней Азии «Жемчужина Востока», Чемпионат Европы (Германия), «Теке-Мания» (Люксембург), Открытый Чемпионат Чехии «Золотая корона Богемии», Открытый Чемпионат Венгрии, Открытый Чемпионат Франции и Чемпионат Мира (Москва).

Современные ахалтекинцы. Жеребец Гараюсуп. Фото Ю. Кузнецовой.

С 1978 г. регулярно издается аналитическая «Справка о состоянии породы», с 1979 — регистры молодняка, с 1989 г. — каталог жеребцов-производителей С 1999 г. выходит ежегодный альманах «Ахал-Теке информ» (гл. ред. Ю. Кузнецова). Несмотря на тяжелые экономические условия после распада СССР были не только налажены, но и расширены испытания лошадей как по скаковому, так и по спортивным качествам, что значительно повысило интерес к породе во всем мире.

Отсутствие проверки происхождения современными методами при полной деградации племенного учета ведет к потере породы с её качествами и особенностями, выделяющими её среди других пород. На сегодняшний день вся порода сосредоточена в частных руках, управление породой при таком положении весьма затруднено. Дороговизна содержания и испытаний с ничтожным призовым фондом не позволяет испытывать лошадей в полном объеме. При одинаковой стоимости содержания на ипподромах лошадей разных пород призовые суммы для импортированных «англичан» в разы больше, что не может благоприятствовать подъему отечественного коннозаводства. Разрушенная сеть конноспортивных организаций и отсутствие квалифицированных кадров для подготовки лошадей в классические виды конного спорта также лишают возможности успешно подготовить лошадей к выступлениям.

Надеюсь, что все, кто прочитал эту статью, поняли, что это за порода и какая ответственность лежит на специалистах, работающих с ней, в современных условиях. Почему специалистов сейчас волнует сохранение уникальной породы? Это не значит, что её представителей отведут на мясо, как это практиковалось ранее. Можно уничтожить её и другим способом, например начать «улучшать» ее при помощи прилития крови английской чистокровной породы и включить этих помесей в чистокровное разведение. Но это будут уже другие лошади с другими качествами. Имевшие ранее место подобные попытки не увенчались успехом. Но нет никаких гарантий, что будущие «специалисты» на государственном уровне не захотят повторить этот опыт.

Без помощи государства эти проблемы не решаются. Порода нуждается в отдельном дотировании, чтобы владельцы были заинтересованы разведением лошадей этой породы. Если передать контроль над породами в регионы — это значит убить вообще всё коннозаводство окончательно. Как уже отмечалось, роль ахалтекинской породы в масштабе мирового коннозаводства, когда с её участием были созданы многие выдающиеся породы, велика. Трудно переоценить то значение, которое эта порода имеет для коневодства России. Поддержка ахалтекинца — это не менее значимая цель, чем, например, высокие спортивные достижения российских спортсменов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоногов М.И. Ахалтекинская порода лошадей, ее морфологические особенности и пути улучшения. Автореф. диссертации доктора биол. наук. М., 1957. 31 с.
- Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86. Кн. 1. 184 с.
- Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени // Феномен алтайских мумий / отв. ред. А.П. Дервянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 2000. С. 237-242.
- Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. М.: Наука, 1972. 419 с.
- Витт В.О. Роль туркменской и арабской лошади в истории коневодства и коннозаводства Западной Европы и России с XVI по XIX в. // Конские породы Средней Азии / Ред. В.О. Витт. М.: ВАСХНИЛ, 1937. С. 33-51.
- Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. №16. С. 163–205.
- Гайо Е. Новая порода чистокровных лошадей, Коневодство. 1884. № 7. С. 67-71
- Горелов К.И. Ахалтекинское коневодство Туркменской ССР. Ашхабад: НКВ, 1927. 31 с.
- Заднепровский Ю.А. Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымачтау (Фергана) // СЭ. 1962. № 5. С. 125-128
- Климук, А.С. О Закаспийской заводской конюшне // Ахалтеке-информ. 2009. С. 211.
- Климук, А.С. К 100-летию одного решения // Ахалтеке-информ. 2016. С. 89-90.
- Ковалевская В.Б. Конь и всадник (Пути и судьбы), М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 150 с.
- Колосовский В.П. Лошади Туркестана. Ташкент: Издательство Туркестанского общества поощрения коннозаводства, 1910. 151 с.
- Конские породы Средней Азии / Ред. В.О. Витт. М.: ВАСХНИЛ, 1937. 256 с.
- Косинцев П.А. Лошади Ботая и Синташты: сравнительная морфологическая характеристика // Этнические взаимодействия на Южном Урале / ред. Таиров, А.Д., Любчанский, И.Э., Новикова, И.В. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2002. С. 48–50.
- Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура) / под ред. Б.Г. Гафурова, Б.А. Литвинского. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 28–52.
- Кулешов П.Н. Коневодство М.: Сельхозгиз, 1931. 334 с.
- Кулешов П.Н. Рабочая лошадь: История породы. Выбор и содержание. М.: URSS. 2021 (стереотипное изд. 1912). 150 с.
- Липпинг В.О. Ахалтекинская лошадь // Коневодство. 1936. № 2. С. 34-37.
- Массон М.Е. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане // Труды института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР. Вып. 2. Фрунзе, 1948. С. 129-135.
- Пилипко В.Н. Парфянские кони и археология // Ахалтеке-информ. 2007. С. 167-168.
- Пирогова М.А. Что можно найти в гробнице Тутанхамона // Антифоменковская мозаика / ред. И. А. Насстенко. М.: Русская панорама, 2001. С. 49-60
- Рябова Т.Н. Кто в ответе за сохранение древнейшей конской породы? // Современные достижения и актуальные проблемы в коневодстве. Дивово: Участок печати ВНИИК, 2019. С. 228-235.
- Рябова Т.Н. Селекционная программа племенной работы с чистокровной ахалтекинской породой лошадей на 2012 — 2021 гг. Москва: Издательство ФГБНУ ВНИИК, 2020. 137 с.
- Самашев З.С., Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Берельские курганы Казахского Алтая // Казахская культура: исследования и поиски. Сборник научных статей. Алматы, 2000. С. 66-91.
- Фирсов В.Э. Туркестан и туркестанские породы лошадей // Журнал коннозаводства. Т. 4. СПб., 1895. С. 57-61.
- Юрасов Н.А. Коневодство. 2 изд. М.: Сельхозгиз, 1939. 320 с.
- Yoyotte J. Les tresors des pharaons. Geneva: Skira, 1968.

Список сокращений

Abbreviations

АРТ — Археологические работы в Таджикистане, Душанбе

АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии, Новосибирск

ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина; с 30 января 1992 г. — Российская академия сельскохозяйственных наук (РАСХН); а с октября 2013 г. — Отделение сельскохозяйственных наук Российской академии наук (РАН)

ВДИ — Вестник древней истории, Москва

ВИ — Вопросы истории, Москва

ВКА — Вестник антропологии, Москва

ВНИИК — Всероссийский научно-исследовательский институт коневодства

ГИМ — Государственный исторический музей

ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы

Главконупр МСХ — Главное управление коневодства Министерства сельского хозяйства СССР

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири - Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы Международной конференции. К 100-летию отечественной академической археологии. СПб.: ИИМК РАН, 2019.

ЗВОРАО — Записки Восточного отдела Русского Археологического общества

ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН

ИА — Институт археологии РАН (ранее — АН СССР)

ИВ — Институт востоковедения РАН (Ранее — АН СССР)

ИГУ — Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова

ИДВ — Институт Дальнего Востока РАН, Москва

- ИАЭ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск
- ИИМК — Институт истории культур РАН, Санкт-Петербург
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН (ранее — АН СССР)
- КЦ — Культурные ценности
- Наркомзем — Народный комиссариат земледелия СССР
- РА — Российская археология, Москва
- РАЕ — Российский археологический ежегодник, Санкт-Петербург
- СА — Советская археология, Москва
- СбМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии, Санкт-Петербург
- СПГХПА — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица
- ТрМАЭ — Труды Маргианской археологической экспедиции, Москва
- ТрТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, Москва-Ленинград
- ТрЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад
- ЭО — Этнографическое обозрение, Москва

Об авторах

Артемьев Владимир Иванович — архитектор, в 1993 г. создал и руководит Научно-Проектным Бюро «Янгиобод»; имеет большой опыт научно-проектной и консультационной работы по реставрации памятников истории и культуры Центральной Азии. Многократно принимал участие в работах Маргианской археологической экспедиции. Ташкент, Узбекистан.

Бендесу-Сармиенто Хулио — доктор археологии; с 2013 по 2018 год был заместителем директора и директором Французской археологической миссии в Афганистане (La Délégation archéologique française en Afghanistan — DAFA); руководитель Французской археологической миссии в Туркменистане (MAFTUR), Член Французского национального центра научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique — CNRS). Париж, Франция.

Бисциони Рафаэль — доктор археологии, старший научный сотрудник Национального исследовательского совета (Consiglio Nazionale delle Ricerche — CNR). Работал в Иране в Шахр-Сохте, над урартскими крепостями в Армении. Рим, Италия.

Бобомуллов Саидмурод — д.и.н., директор Национального Музея древностей Института археологии, этнографии и антропологии Национальной академии наук Таджикистана. Душанбе, Таджикистан.

Вахдати Али Акбар — доктор археологии, заместитель директора Филиала Организации культурного наследия и туризма Ирана в северном Хорасане; Исторический комплекс-музей Мофакам; кандидат наук по протоисторической археологии в Университете Париж 1, Франция; Боджнурд, Иран.

Виноградова Наталья Матвеевна — к.и.н. ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Москва, Россия

Вртанесян Гарегин Суменович — к.т.н. научный консультант Центра изучения религий, Российского Государственного Гуманитарного института. Москва, Россия.

Грушин Сергей Петрович — д.и.н., профессор каф. археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Барнаул, Россия.

Гутков Александр Иванович — археолог, специалист по технологии изготовления керамики. г. Магнитогорск, Челябинская обл, Россия.

Дубова Надежда Анатольевна — д.и.н. главный научный сотрудник, руководитель Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Руководитель Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции. Москва, Россия

- Кордоба Зоило Хоакин Мария — до 2020 г. профессор кафедры истории древнего Востока в Автономном университете Мадрида (Universidad Autónoma de Madrid — UAM); основатель и содиректор Высшего центра исследований Ближнего Востока и Древнего Египта при этом университете. Мадрид, Испания
- Курбанов Шароф Файзуллоевич — к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана; соруководитель Пенджикентской археологической экспедиции. г. Пенджикент, Таджикистан
- Куфтерин Владимир Владимирович — к.б.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Макля РАН. Москва, Россия.
- Мамедов Мухаммед Аннаевич — д. арх., профессор Академии художеств АН Туркменистана; соруководитель Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции. Ашхабад, Туркменистан.
- Палагута Илья Владимирович — д.и.н. доцент, зав. кафедрой искусствоведения Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия.
- Сатаев Роберт Мидхатович — к.б.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Макля РАН. Уфа, Россия.
- Семененко Александр Андреевич — к.и.н., учитель, МБОУ гимназия №2. Воронеж, Россия.
- Фрибус Алексей Викторович — к.и.н., старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, Россия.
- Рябова Татьяна Николаевна — к.б.н., доцент, старший научный сотрудник Всероссийского НИИ Коневодства, член Племенной комиссии Ассоциации ахалтекинского коннозаводства России (ААКР), Москва, Россия.
- Чёрная Мария Петровна — д.и.н., профессор, директор Научно-образовательного центра «Институт археологии, этнографии и физической антропологии» Национального исследовательского Томского государственного университета. Томск, Россия.
- Чиндина Людмила Александровна — д.и.н., заслуженный профессор Национального исследовательского Томского государственного университета. Томск, Россия

Научное издание

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 8

Исследования Гонур-депе в 2015–2019 годах

Редакционная коллегия

*Вадим Андреевич Алёшкин, Елена Вадимовна Антонова,
Надежда Анатольевна Дубова (главный редактор),
Руслан Гельдыевич Мурадов, Роберт Мидхатович Сатаев,
Алексей Алексеевич Тишкин, Алексей Викторович Фрибус*

Рецензенты

*Николай Николаевич Серегин, доктор исторических наук
Ирина Аркадьевна Аржанцева, кандидат исторических наук*

Москва 2021

Утверждено к печати Учеными советами Института этнологии и антропологии РАН и Института истории материальной культуры РАН.

Топографические работы, карты, схемы – В.И. Артемьев, А.В. Фрибус, С.П. Грушин, Р.М. Сатаев
Фотографии (кроме авторов статей) – В.И. Артемьев, М. Беглиев, Н.А. Дубова, Ю. Кузнецова

На второй странице обложки помещена схема расположения основных памятников Ближневосточного региона и сопредельных территорий; на третьей – схема расположения раскопов Гонур-депе.

On the second page of the cover is placed layout of the main archaeological sites of the Middle East region and adjacent areas, on the third – layout of the excavation areas of Gonur Depe.

ISBN 978-5-89930-165-0

DOI 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428

**СВОДНАЯ КАРТА
памятника эпохи бронзы
ГОНУР-ДЕПЕ
в Туркменистане
(2300-1500 до н.э.)**

Сводная электронная версия 2012-2018 гг.

По материалам В.И.Саркисиди, К.Шадурдыева, Г.Давтяна,
В.Артемиева, А.Урмановой, М.Бочаровой и М.Гремляча

Разработал архитектор Вл.Артемиев

Горизонтальным показан рельеф до начала раскопок (топосъемка
1980-х гг.) совмещенный с космоснимком GOOGLE -2014

0 20 60 100m

СЕВЕРНЫЙ ГОНУР

NECROPOLIS

ЮЖНЫЙ ГОНУР
(TEMENOS)

ГОНУР 20 в 1.38км к югу от
Кремля

P G20-2

P G20-1

0 25 50m

ГОНУР 21 в 2.75км к югу от
Кремля

P G21

0 25 50m

